

**БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
СОВЕТ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ ФМО**

**Международное общественное объединение
по научно-исследовательским
и информационно-образовательным программам «Развитие»**

**Общественное объединение
«Центр изучения внешней политики и безопасности»**

Общественное объединение по Европейским исследованиям

Общественное объединение «Общество международного права»

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

**Материалы IX научно-практической конференции
молодых ученых факультета международных отношений БГУ**

Минск, 1 февраля 2019 г.

**МИНСК
БГУ
2019**

УДК 327(06)
ББК 66.4я431
М43

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук *В. Г. Шадурский* (отв. ред.);
кандидат исторических наук *В. Р. Боровой*;
кандидат юридических наук *Е. А. Дейкало*;
кандидат филологических наук *И. Н. Ивашкевич*;
кандидат экономических наук *О. Ф. Малашенко*;
доктор исторических наук *В. А. Острога*;
доктор исторических наук *В. В. Фрольцов*

Рецензент

заведующий кафедрой политологии
Белорусского государственного экономического университета
кандидат политических наук *Н. Ю. Веремеев*

Международные отношения: история, теория, практика : материалы IX науч.-практ. конф. молодых ученых фак. междунар. отношений БГУ, Минск, 1 февр. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Г. Шадурский (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2019. – 285 с.
ISBN 978-985-566-883-2.

Представлены материалы* по актуальным проблемам развития международных отношений, вопросам внешней политики и дипломатии Республики Беларусь, тенденциям в развитии международного права, мировой экономики и международных экономических отношений, таможенного дела, межкультурной коммуникации.

УДК 327(06)
ББК 66.4я431

* Печатаются в авторской редакции.

ISBN 978-985-566-883-2

© БГУ, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ, ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ И КОНСУЛЬСКОЙ ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

<i>Демьянович Ю.Э.</i> Постюгославская хорватско-сербская дилемма самостоятельности	7
<i>Дехтяренко А.Я.</i> Особенности взаимодействия Республики Беларусь и Совета Европы (1992–2018 гг.)	11
<i>Краснопрошин Д.В.</i> Кооперация России и Беларуси в рамках Союзного государства как ключ к усилению позиций на рынках Магриба	15
<i>Павловская Е.А.</i> Формирование позитивного имиджа международного спор- тивного мероприятия на примере «Чемпионата мира по хоккею с шайбой 2014 года»	19
<i>Пашковская Е.О.</i> Сравнительная характеристика ведущих агитационных кампаний референдума о членстве Великобритании в Европейском Союзе ...	22
<i>Стаськевич Л.</i> Польско-белорусские отношения в 1991–2018 гг.	26
<i>Циватый В.Г.</i> Международная политика и интеграционная дипломатия Республики Беларусь на постсоветском пространстве XXI века: институциональный дискурс	29

СЕКЦИЯ 2

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

<i>Будник Я.В.</i> Институт поправок в праве Евразийского экономического союза	35
<i>Жалдыбин А.В.</i> Суверенитет в киберпространстве: anest?	39
<i>Полудеткина М.В., Кузнецова И.С.</i> Правовое регулирование свободы предоставления услуг в рамках ЕС и ЕАЭС	44
<i>Старовойтова А.Н.</i> К вопросу о понятии оружия и его типов в современ- ной доктрине международного права	49
<i>Фёдорова В.Л.</i> Обязательства государств по криминализации пыток	53

СЕКЦИЯ 3 МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

<i>Анцух Н.С.</i> Может ли иностранец быть донором органов: запретить нельзя разрешить	59
<i>Горбат А.Г.</i> Развитие правового регулирования трансграничной несостоятельности в Европейском Союзе	63
<i>Петухов И.И.</i> Концептуальные подходы в области правового регулирования иностранных инвестиций в Евразийском экономическом союзе в контексте формирования общего инвестиционного пространства	68
<i>Сакович И. А.</i> Нетрадиционные виды брака в праве иностранных государств	71
<i>Стрельчик Т.С.</i> Проблемы согласованности международных и национальных источников правового регулирования иностранных инвестиций	74

СЕКЦИЯ 4 СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Андрощук С.В.</i> Двустороннее сотрудничество Республики Беларусь и Украины в 2018 году: ключевые направления и анализ результатов	78
<i>Борисенко-Клепач Н.М.</i> Анализ развития туризма в странах ЕС	82
<i>Глушакова А.Я., Борисенко-Клепач Н.М.</i> Анализ предложения инклюзивных туристических услуг в гостиничном секторе (на примере г. Минска) ...	87
<i>Горбат О.В.</i> Этапы эволюции стратегического менеджмента и предпосылки появления архетипов инновационных стратегий	93
<i>Гэн Шуай.</i> Реформы системы регулирования финансового рынка стран (мировой опыт)	100
<i>Казарина Н.В.</i> К вопросу построения индекса международного научно-технического сотрудничества	103
<i>Киселевич А.И.</i> Управление процессом коммерциализации инноваций	108
<i>Лабкова И.Г.</i> Особенности функционирования системы здравоохранения Республики Беларусь	112
<i>Ли Цзин.</i> Внешнеторговая стратегия КНР на современном этапе	117
<i>Палагина А.Ж.</i> Оценка человеческого потенциала	119
<i>Перова Н.С.</i> Экономическое сотрудничество республики Казахстан и Республики Беларусь в рамках ЕЭАС	124
<i>Пташиц О.Г.</i> Внешнеторговое сотрудничество между МЕРКОСУР и Китаем	130
<i>Пионко Е.С.</i> Промышленный туризм для Беларуси: проблемы и перспективы	134
<i>Рацкевич Д.Н., Давыденко Л. Н.</i> Социально-экономические условия реализации программ по интерпретации культурного наследия в Республике Беларусь	139

<i>Соркін С.У.</i> Аналіз фактараў і ўмоў канкурэнцыі ў малочнай прамысловасці Рэспублікі Беларусь	144
<i>Сунь Чжичян.</i> Тенденции развития внутреннего туризма в КНР	149
<i>Чигирь Н. И., Давыденко Л. Н.</i> Республика Беларусь и Австрия на мировом туристском рынке	153
<i>Ши Чжичао.</i> Внешняя торговля Китая: современное состояние и пути решения проблем	157
<i>Шкут А. П.</i> Пути решения проблем развития институтов коллективных инвестиций в Беларуси с учетом евразийских тенденций	160
<i>Яо Цзяхуэй.</i> Взаимосвязь ПИИ и развития внешней торговли в Китае	164

СЕКЦИЯ 5

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА

<i>Альшевская В.С.</i> «Белтаможсервис» как один из основных операторов таможенных услуг	167
<i>Горбацевич А.Г.</i> Сравнение института обжалования в различных государственных органах	171
<i>Гришин И.В.</i> Методологические аспекты интеллектуальной собственности .	176
<i>Зайцева В. Д., Тарарышкина Л.И.</i> Направления унификации законодательства о таможенных правонарушениях в государствах-членах ЕАЭС	180
<i>Кейно Н.М.</i> Евразийский экономический союз: сложности на пути развития	185
<i>Кокало К. С.</i> Перспективы формирования зоны свободной торговли в рамках межрегионального взаимодействия ЕС и ЕАЭС	189
<i>Ляхоўскі У.В., Летуноўская М.А.</i> Сучасныя арганізацыйна-прававыя механізмы рэгулявання міжнародных аўтамабільных перавозак у рамках Еўрапейскага Саюза	193
<i>Прокапович Т.А.</i> Институт уполномоченного экономического оператора в Республике Беларусь как фактор безопасной торговли между ЕС, ЕАЭС и КНР	200
<i>Шаринов М.С.</i> Страны центральной Азии в противодействии наркотрафику ...	205
<i>Шиманская А.В.</i> Роль таможенной сферы в процессе реализации цифровых инициатив ЕАЭС	208
<i>Болточко П. И., Ширинская Д. А.</i> Исторические аспекты становления и развития суда ЕАЭС	212
<i>Ястреб Т. А.</i> Общий рынок транспортных услуг ЕАЭС: проблемы и перспективы формирования	218

СЕКЦИЯ 6
СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ЛИНГВИСТИКЕ, ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ, МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ И МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

<i>Вологина О.В.</i> Температурная, вибрационная и гравитационная сферы-источники синестетических переносов в вербальных интерпретациях произведений музыки и живописи (на материале русского и английского языков)	223
<i>Залесский Д.А., Макаревич И.И.</i> Особенности и проблемы специализированного перевода юридических терминов	226
<i>Игнатович А.И.</i> Особенности перевода специализированных текстов по взаимодействию отраслей международного публичного права: права прав человека и международного экологического права	230
<i>Казанкова Е.А.</i> Семиотический аспект исследования коммуникации в художественном тексте	234
<i>Мартынова А.И.</i> Семантика термина киберпреступность	239
<i>Ситник И.А.</i> Теоретическое языкознание и практика преподавания русского языка как иностранного	242
<i>Соловьёва С.В., Бурак В.В.</i> К проблеме поиска оптимальных стратегий управления организационными конфликтами	245
<i>Солодовникова Т.В.</i> Из истории становления дискурса рекламы как сложного социально-коммуникативного феномена	249
<i>Макаревич Т.И., Стрельчик Т.С.</i> Особенности перевода терминов специализированной области правового регулирования иностранных инвестиций: прагматический аспект	253
<i>Праконіна В. У.</i> Лексіка-семантычныя групы беларускай эканамічнай тэрміналогіі	257
<i>Shmygaliova N.M.</i> Semantic approach in translating international credit-lending terminology	263

Секция 7
ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ

<i>Гладких Р.В., Овчинникова А.Н.</i> Лексическая реализация прецедентного образа природы в турецких пословицах	267
<i>Аскари А.С., Кадина В.Л.</i> Миф о борьбе тиштрии и апаоши в контексте теории «основного мифа»	272
<i>Климович В. В.</i> Термин 混 hùn в ранних даосских текстах	277
<i>Черникович А.И., Дубовик Е.Л.</i> Глаголы движения в практике преподавания турецкого и русского языков как иностранных	281

СЕКЦИЯ 1

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ, ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ И КОНСУЛЬСКОЙ ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

ПОСТЮГОСЛАВСКАЯ ХОРВАТСКО-СЕРБСКАЯ ДИЛЕММА САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Ю.Э. Демьянович

Белорусский государственный университет

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, yuliya-dzemy@rambler.ru

Рассматривается конфликтная ситуация в Социалистической Республике Хорватия при распаде СФРЮ, когда одна часть населения (хорваты) выступила за создание самостоятельного независимого хорватского государства, а вторая (сербы) – за сохранение республики в составе Югославии. Объектом исследования является процесс распада социалистической Югославии, предметом – противостояние хорватского и сербского населения Хорватии. Цель исследования – на основе оценки действий сторон установить, почему устремления хорватской части населения получили масштабную поддержку международного сообщества. Актуальность и практическая ценность исследования в том, что конфликт между сербами и хорватами помогает сформировать современный взгляд на иные неурегулированные межэтнические конфликты.

Ключевые слова: Социалистическая Республика Хорватия; конституция Хорватии; хорватское демократическое содружество; хорватско-сербский конфликт; сербская автономная область Краина; хорватский референдум; республика Сербская Краина.

CROATIAN AND SERBIAN INDEPENDENCY DILEMMA

Yu. Dzemyanovich

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article discusses the conflict situation in the Socialist Republic of Croatia that appeared because of the disintegration of Yugoslavia. The problem was that one part of the Croatian population (Croats) supported the creation of an independent Croatian state, and the second (Serbs) supported the preservation of the republic as part of Yugoslavia. The object of the research of this article is the disintegration of Yugoslavia. The subject is the conflict of creation and Serbian population of Croatia. The purpose of the study is to find out why the aspirations of the Croatian part of the population received large-scale support from the international community. The value and relevance of the work lies in the fact that this article, considering the ethnic conflict between the Serbs and Croats, forms the modern view at other existing ethnic conflicts.

Key words: Socialist Republic of Croatia; Constitution of Croatia; Croatian democratic commonwealth; Croatian serbian Conflict; Serbian Autonomous Region Kraina; referendum; Republic Serbian Kraina.

Сербы сожительствовали с хорватами в рамках единого государства на протяжении веков. Неудивительно, что на момент проведения переписи 1991 г. сербское меньшинство Социалистической Республики Хорватия составляло более 12 % всего населения. Данная этническая группа достаточно компактно проживала на 32 % республики. Более того, на значительной части ее территории сербы не являлись этническим меньшинством: в 11 общинах Хорватии они пре-

валировали, еще в 26 общинах составляли от 10 до 49 % жителей [1, с. 127; 3, с. 166]. При этом, в югославской Хорватии, как и во всей СФРЮ, сербы считались государствообразующим народом. В Конституции СФРЮ и конституциях республик-субъектов они имели статус равноправного (титульного) народа [6]. Данный статус помогал поддерживать отношения равноправия и добрососедства между хорватами и сербами.

Дезинтеграционные процессы в Югославии стали весьма болезненными для хорватских сербов, опасавшихся, что обретение Хорватией независимости приведет к ущемлению их прав. Опасения подтверждались с приходом к власти хорватских националистических сил в 1990 г. Их наиболее ярким представителем стала партия Хорватское демократическое содружество (ХДС), получившая на весенних выборах 2/3 мест во всех трех палатах парламента [4, с. 261–262]. Она довольно легко набрала квалифицированное большинство в парламенте, поскольку выражала популярную у хорватов идею создания независимого государства [9, р. 10].

Итогом для хорватских сербов стала утрата политических средств влияния на проводимые ХДС решения, ограничивающие правосубъектность своих оппонентов. Ситуация вызывала серьезные опасения сербских политических сил, которые с каждым последующим шагом ХДС лишь возрастали.

Началось все с пересмотра устоявшихся исторических оценок. ХДС стремилось создать национальное государство. Для идеологического обоснования данного шага новым властям Хорватии потребовалось найти историческую преемственность. Примером выбрали Независимое государство Хорватия периода Второй мировой войны. Выбор был понятен, поскольку Независимое государство Хорватия, несмотря на статус международной марионетки, все же объединяло хорватское население, охватывая большую часть Хорватии. Но тогдашние власти проводили политику геноцида, жертвами которой стали сотни тысяч сербов [2, с. 443–482].

Пересмотр официальной истории Хорватии привел к возрождению движения усташей (хорватского националистического движения времен Второй мировой войны), что заставило сербов по-настоящему сомневаться в собственной безопасности в границах независимой Хорватии [8]. Среди них усилилась идея сохранения единой Югославии, однако она наталкивалась на жесткое противодействие хорватских властей [1, с. 137; 9, р. 10]. В ответ сербы для защиты своих интересов стали объединяться в содружества. Первое среди них – Содружество шести общин Лики и Северной Далмации – было создано 27 июня 1990 г. [1, с. 137–139]

Подобная консолидация не была безосновательной, поскольку уже 28 июня 1990 г. парламенту Хорватии был представлен первый официальный проект новой Конституции, в котором содержались явно антисербские поправки:

- государственным языком Хорватии становился только хорватский;
- в государственную символику включались элементы символики усташей;
- снималась необходимость квалифицированного большинства при голосовании в Саборе по вопросам отношений между различными национальностями Хорватии [9, р. 12].

В очередной раз подрывались устои мирного сожительства двух балканских народов. Сербское национальное движение становится на путь создания своей автономии в составе Хорватии. Съезд сербских национальных сил 25 июля 1990 г. создает специальные органы (Сербские вече и Сабор) для управления будущей автономией и принимает декларацию об автономии хорватских сербов на

основе права народа на самоопределение [1, с. 141]. В подтверждение своих действий Сербское вече решает провести референдум о создании автономии сербов в Хорватии.

Власти посчитали референдум покушением на территориальную целостность Хорватии и сделали все возможное, чтобы помешать сербскому волеизъявлению, однако в полной мере им это не удалось. Референдум состоялся 19 августа. Сербам удалось его провести в 28 общинах полностью и в 23 общинах частично. Абсолютное большинство проголосовавших ответили согласием на создание сербской автономии [1, с. 142]. По результатам референдума – 21 декабря 1990 г. провозглашается Сербская автономная область Краина, а 22 декабря принимается ее Устав [1, с. 142].

Реакция хорватов на это событие оказалась практически незамедлительной. Уже 22 декабря они провозгласили Конституцию нового государства. В новой редакции Основного закона Хорватия определялась как национальное государство хорватского народа и государство представителей иных народов и меньшинств, являющихся его гражданами. Сербское население получало статус не равноправного народа Хорватии, а национального меньшинства [1, с.143; 3, с. 167, 7; 8]. Конституционно закреплялась территориальная целостность страны. По мнению властей, снизив статус сербов до уровня национального меньшинства, они лишали данную этническую группу юридического права на самоопределение, предотвращая ее вероятный выход из состава Хорватии.

Принятие Конституции вызвало эскалацию межэтнической напряженности. Своими действиями хорваты создавали конфликт. Но по сути они просто не видели иного способа обеспечить целостность и независимость Хорватии, поскольку хорватские сербы настойчиво заявляли, что видят себя в Югославской Хорватии, а не в Хорватии. Сохранив равный статус обоих народов, хорватские власти создавали юридическую возможность вмешательства Сербии во внутренние дела Хорватии. Независимость хорватского государства потенциально оказывалась под угрозой.

В свою очередь, хорватские сербы не чувствовали себя в безопасности без привязки к Белграду. Конституция окончательно хоронила надежды на этническое равноправие. И если вначале в сербском национальном движении было влиятельным умеренное течение, настроенное на компромисс и строительство государства независимо от Белграда, то по мере роста хорватских националистических настроений и влияния последователей усташей умеренное течение вытеснялось более радикальным. Оно ориентировалось на поддержку Сербии. Оба народа оказались заложниками дилеммы этнической самостоятельности и даже выживаемости. Никто не хотел уступать, и дальнейший расклад сил стал очевиден как курс на конфронтацию [8].

19 мая 1991 г. проходит референдум об отделении Хорватии от Югославии. За суверенное государство проголосовали более 91 % граждан. Данная цифра оказалась столь высокой постольку, поскольку сербы, локализованные в Сербской автономной области Краина, в референдуме не участвовали. Тем не менее, несмотря на определенную сомнительность результата, хорватские власти приняли его и продолжили курс на отделение. В дальнейшем результаты референдума признал ряд международных институтов, что означало поддержку мировым со-

обществом суверенитета Хорватии. Вскоре после принятия Конституции, 15 января 1992 г., Хорватия была признана независимым государством [4, с. 263].

Лишенные возможности участия в референдуме, хорватские сербы не согласились с его результатами. Это привело к объявлению 19 декабря 1991 г. независимой Республики Сербская Краина [5, с. 225]. В целом под ее юрисдикцию попадал 61 % процент сербов, проживающих в Хорватии [8]. Самопровозглашенное государство, несмотря на все старания, международной поддержки и международного признания не получило.

Итак, в процессе распада социалистической Югославии хорватские националистические силы абсолютно законно пришли к власти и получили квалифицированное большинство в новосозданном парламенте Хорватии. Введенные нормы законодательства позволяли ХДС понизить статус хорватских сербов. Иное дело, что статус национального меньшинства ущемлял права сербов, лишая их ряда культурно-политических свобод. Но прежде всего он упразднял право сербов на самоопределение.

Общественное мнение сербов оценило действия новых хорватских властей как несправедливые и антигуманные. Но правила и пути нормотворческого процесса указывали на их законность. Более того, хорваты на основании нового законодательства квалифицировали сербов, борющихся за автономию, преступниками и сепаратистами. Тем самым обосновывалось право ущемлять их гражданско-политические права и исключать участие в определении дальнейшей судьбы Хорватии. В целом законодательные решения на длительную перспективу выстраивали барьер для добрососедства и равноправия двух народов, предопределяя нестабильность на постюгославском пространстве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гуськова, Е.Ю. История югославянского кризиса (1990–2000) / Е.Ю. Гуськова. – М.: Русское право: Русский национальный фонд, 2001. – 720 с.
2. Гуськова, Е. Ю. Национальная политика в странах формирующегося советского блока / Е.Ю. Гуськова. – М.: Наука, 2004 – С. 443-482.
3. Мартынов, М.Ю. Балканский кризис: народы и политика / М.Ю. Мартынов. – М.: Старый сад, 1998. – 466 с.
4. Павлюков, Г.В. Обострение сербско-хорватских отношений и начало национальной гомогенизации сербов в Хорватии: конец 1980-х – начало 1990-х гг. / Г.В. Павлюков // Известия Уральского федерального университета. – 2015. – № 2. – С. 258–274.
5. Руднева, И.В. План «Загреб-4»: упущенный шанс мирного урегулирования / И.В. Руднева // Славянский мир в третьем тысячелетии. – 2016. – № 11. – С. 225–236.
6. Constitution of Socialist Federal Republic of Yugoslavia [Electronic resource] / Dopisna delavska univerza. – Ljubljana: Dopisna delavska univerza, 1974 – Mode of access: <http://www.worldstatesmen.org/Yugoslavia-Constitution1974.pdf>. Date of access: 18.12.2018.
7. Croatia - Old Constitution (1990) [Electronic resource] // International Constitutional Law. – Mode of access: http://www.servat.unibe.ch/icl/hr01000_.html. – Date of access: 18.12.2018.
8. Marko-Stöckl, E. The Making of Ethnic Insecurity: A Case Study of the Krajina Serbs [Electronic resource] / E. Marko-Stöckl // European Training and Research Centre for Human Rights and Democracy. – Mode of access: http://www.etc-graz.at/typo3/fileadmin/user_upload/ETC-Hauptseite/human_security/hs-perspectives/pdffiles/issue2/Marko.pdf. – Date of access: 18.12.2018.
9. Radan, P. RepublikaSrpskaKraina and the right of peoples to self-determination / P. Radan // Istorija 20. Veka. – 2018. – №1. – P. 9–34.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И СОВЕТА ЕВРОПЫ (1992–2018 гг.)

А.Я. Дехтяренко

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, dekhtyarenko@yandex.ru*

В статье рассматривается хронология взаимодействия Беларуси и крупнейшей региональной организации Европы. В частности, в работе анализируются конкретные внутриполитические события и их влияние на состояние отношений сторон. В публикации также производится разделение всего периода сотрудничества сторон на закономерную хронологическую спираль «подъемов» и «спадов» в отношениях. Кроме того, в работе анализируются наиболее важные препятствия на пути вступления Беларуси в Совет, а также приводятся основные достижения в различных сферах. Практическая новизна статьи заключается в предоставленных перспективах дальнейшего развития сотрудничества.

Ключевые слова: Республика Беларусь; Совет Европы; Парламентская Ассамблея; программное взаимодействие; смертная казнь; статус «специально приглашенного».

KEY MOMENTS IN COOPERATION OF BELARUS AND THE COUNCIL OF EUROPE (1992–2018)

A. Dekhtiarenko

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article “Belarus and the Council of Europe: in Search of Cooperation” considers the full timeline of interaction between the country and the organization. In particular, it examines concrete political events and their correlation to the future changes in the parties’ relations, dividing the whole period of their cooperation into a chronological “spiral” of upsurges and downgrades. Moreover, the paper analyzes the most crucial obstacles on the way to Belarus’ accession to the Council, as well as the main common achievements in different spheres. The practical novelty of the article lies in the given prospects for the future cooperation development.

Key words: Republic of Belarus; Council of Europe; Parliamentary Assembly; death penalty; "Specific Guest" status.

После обретения независимости в 1991 г. началась новая глава в отношениях Республики Беларусь с европейскими организациями, заинтересованными в расширении своего влияния в восточном направлении, в том числе с такой европейской организацией в сфере гуманитарного и культурного сотрудничества как Совет Европы [3]. Тем не менее, более четверти века спустя Беларусь все еще единственное государство, не являющееся членом этой крупной и авторитетной организации.

Динамика отношений между Республикой Беларусь и Советом Европы развивалась по спиралевидному сценарию. Отправной точкой взаимодействия между Республикой Беларусь и Советом Европы можно считать начало 1993 г., а именно, год присоединения государства к Европейской культурной конвенции [5].

Первый период взаимодействия характеризовался высокой интенсивностью сотрудничества, принятием первой программы действий и разработкой планов по дальнейшему развитию связей в различных сферах. В марте 1993 г. белорусское государство подало официальную заявку на вступление в Совет Европы, что было

положительно воспринято европейскими государствами. Более того, Республика Беларусь получила уникальный статус «специально приглашенного».

Тем не менее, в 1995 г. процесс вступления значительно затормозился: из-за провала парламентских выборов в Беларуси Совет Европы отказался от дальнейшего рассмотрения заявки страны и разработанной программы сотрудничества [1].

Политические отношения между Республикой Беларусь и Советом Европы в 1995–1997 гг. находились в критическом состоянии [2]. После проведения в стране референдума о внесении поправок в Конституцию в 1996 г., не признанного Парламентской Ассамблеей, Бюро Совета Европы приостановило статус статуса «специально приглашенного» для белорусского парламента. Вплоть до начала 2008 г. отношения между Минском и Страсбургом оставались напряженными.

Даже незначительное улучшение отношений между Республикой Беларусь и европейскими государствами было настолько заметным и стремительным, что получило название «белорусско-европейской оттепели». В 2009 г. на базе Белорусского государственного университета был открыт Информационный пункт Совета Европы, в 2010 г. в Национальном собрании была создана рабочая группа по изучению проблематики смертной казни как инструмента наказания.

Кроме того, было принято решение о возвращении парламенту Беларуси статуса «специально приглашенного» в Парламентской Ассамблее. Во многом такое «потепление» было обусловлено активизацией белорусской многовекторной политики [7]. Однако вскоре белорусско-европейская «спираль» начала новый оборот.

В 2010–2014 гг. все достижения взаимодействия предыдущих лет начали последовательно разрушаться. Совет Европы был недоволен многочисленными вынесенными в данный период смертными приговорами, а также не одобрил процесс проведения очередных президентских выборов (декабрь 2010 г.), не признав впоследствии их результатов. Более того, в критической резолюции ПАСЕ, вынесенной после выборов и разгона манифестации, прошедшей в Минске, Совет Европы вновь объявил о приостановлении контактов с Республикой Беларусь на высоком уровне.

Конец очередному периоду «похолодания» в отношениях Беларуси и Совета Европы положил 2014 г., выделившийся, в первую очередь, повышением роли Беларуси в разрешении международных споров. Европейские государства позитивно оценили посредническую роль Минска в украинском кризисе, а также поддержали взвешенную позицию Беларуси в этом вопросе. Сотрудничество между Беларусью и Советом Европы опять начало набирать обороты.

За период с 2014 по 2018 гг. проводились многочисленные совместные мероприятия, конференции и круглые столы по различным вопросам, стороны обменивались визитами, в ходе которых подчеркивалась взаимная заинтересованность в развитии сотрудничества. В данный период Беларусь стремилась показать себя партнером, настроенным, как минимум, на скорое возвращение статуса «специально приглашенного», а в лучшем случае, на скорое вступление в организацию. Заметным положительным моментом можно назвать принятие ПАСЕ нового Плана действий по Беларуси в 2016 г. [7].

Среди внутривнутриполитических событий, повлиявших на ход отношений Республики Беларусь с Советом Европы, в первую очередь, необходимо отметить президентские и парламентские выборы в Беларуси, являющиеся своеобразным

маркером в отношениях сторон, намечающим вектор направления взаимодействия на последующем этапе. Такая закономерность стала прослеживаться с самого начала контактов государства с организацией, и стала одним из основных факторов, определяющих политику организации в отношении Беларуси.

Одним из повторяющихся сюжетов, непосредственно влияющих на развитие отношений Беларуси и Совета Европы, является вопрос отмены смертной казни в государстве. Неслучайным является резонанс со стороны европейских организаций, и в первую очередь – ПАСЕ, вызываемый каждым из выносимых в Беларуси смертных приговоров, учитывая постоянную работу специального докладчика ПАСЕ по Беларуси и других органов, занимающихся мониторингом изменений в области демократизации в стране [6].

Несмотря на то, что на протяжении многих лет условие введения в государстве моратория на смертную казнь является фактически единственным для продолжения полного политического диалога с государством и выведения его на кардинально новый уровень, Беларусь считает себя не готовой предпринять этот шаг.

Важным моментом в отношении отмены смертной казни является личная поддержка ее сохранения главой белорусского государства, который в своих выступлениях последовательно ссылается на референдум 1996 г., когда 86% белорусов высказались «за» [6]. Тем не менее, с течением лет главный аргумент белорусского правительства в пользу сохранения смертной казни теряет свою актуальность. Согласно неофициальным опросам, проведенным в начале 2010-х гг., результаты референдума-96 все менее отражают реальное настроение общества.

Следует отметить, что после снятия санкций ЕС против Беларуси в феврале 2016 г. некоторые недавние заявления главы белорусского государства указывают на потенциал в изменении позиции властей по этому вопросу. В 2018 г. белорусской стороной было сделано неофициальное заявление о возможном проведении второго референдума в ближайшем будущем [8].

На сегодняшний день, однако, проблема остается неразрешенной: ПАСЕ регулярно обращается к Беларуси с требованием отмены смертной казни посредством вынесения критических резолюций, в которых она осуждает каждый смертный приговор в Беларуси [6].

Тем не менее, было бы несправедливым называть существование смертной казни в Беларуси единственной проблемой в ее отношениях с Советом Европы. Даже в случае введения моратория или отмены смертной казни, все вопросы, которые имеет ПАСЕ к Республике Беларусь, не будут решены без непосредственного активного вовлечения обеих сторон.

В заключение следует сказать, что процесс развития отношений между Беларусью и Советом Европы идет медленно и без особого энтузиазма с обеих сторон. В настоящий момент сближение ПАСЕ с Беларусью следует общей тенденции нормализации белорусско-европейских отношений. Создается впечатление, что и организация, и государство ищут идеальный момент для того, чтобы предпринять реальные шаги на пути к вступлению, требующему достижения взаимовыгодных «торговых» условий. Однако на данном этапе ни для одной из сторон не является приоритетным стремительное выведение отношений на новый уровень.

На «шкале» преимуществ членства в Совете Европы для Беларуси наиболее явным из них является улучшение международного имиджа [4]. Однако в

свете событий последних лет можно отметить, что Беларусь нашла альтернативные способы получения политического уважения – такие, как проведение международных форумов и конференций и вовлечение в разрешение международных конфликтов.

Кроме того, Беларусь получила бы новую платформу для продвижения взглядов правительства среди европейских парламентариев, что могло бы быть использовано в целях потенциального решения экономических проблем страны.

С другой стороны, в случае членства Беларусь должна будет внести существенные изменения в свой политический режим и взять на себя определенные «неудобные» обязательства. Кроме того, потенциальное членство и статус «специально приглашенного» не подразумевают никаких экономических преимуществ, традиционно являющихся одним из главных приоритетов во внешней политике Беларуси.

Совет Европы, в свою очередь, пошел на существенные уступки, чтобы увидеть Беларусь в списке своих партнеров и, возможно, членов. Однако, судя по скорости процесса сближения и периодическим периодам приостановления сотрудничества на высоком уровне, трудно поверить, что вступление Беларуси является приоритетом для организации. На данный момент у Совета Европы нет реальных стимулов, заставляющих организацию настойчиво продвигать белорусскую линию дипломатии, закрывая глаза на все внутренние проблемы страны.

В случае успешного варианта развития событий у Беларуси есть все шансы стать членом Совета Европы. Однако для этого, в первую очередь, необходима сильная политическая воля, обусловленная политической или экономической необходимостью. Остается только надеяться, что в какой-то момент этот длительный период переговоров по поиску компромисса будет завершён принятием конкретных решений, влекущих за собой реальные изменения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеева, Т. В. Взаимодействие Республики Беларусь с ведущими европейскими организациями в 1990-х гг. / Т.В. Алексеева, А.И. Гордейчик, Е. А. Достанко // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2000. – № 2. – С. 55–61.
2. Дрозд, Н. Совет Европы и Беларусь: проблемы и перспективы / Н. Дрозд // Белорусская думка. – 1996. – № 10. – С. 167–176.
3. Павловский, В. Д. Восточная политика Совета Европы в конце 1980-х-1990-х гг. / В. Д. Павловский // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2002. № 3. – С. 74-80.
4. Пенязь, Е.А. Беларусь и Совет Европы: Проблемы и перспективы сотрудничества / Электронная библиотека БГЭУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/5922/2/Parhomchik_M_V_Pravo_Belarusi_2010_S_183-184_ocr.pdf. – Дата доступа: 05.04.2017.
5. Справочно о сотрудничестве Республики Беларусь и международных организаций. // Сайт министерства иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mfa.gov.by/multilateral/organization/list/a025a26a6670b494.html>. – Дата доступа: 05.04.2017.
6. Ширинский, О. Смертная казнь как препятствие для вступления в Совет Европы / О. Ширинский // Вестник Академии МВД Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pac.by/dfiles/001346_931518_shirinski4.pdf. – Дата доступа: 05.03.2017.
7. Sahm, A. Belarus at the Crossroads? Prospects for Co-operation with the EU, Council of Europe, and OSCE [Electronic resource]. – Mode of access: <https://ifsh.de/file-CORE/documents/yearbook/english/09/Sahm-en.pdf>. – Date of access: 31.11.2018.

8. The situation in Belarus – report of the Committee on Political Affairs and Democracy, PACE // Parliamentary Assembly of the Council of Europe [Electronic resource]. – Mode of access: <http://website-pace.net/documents/18848/3421624/20170428-Belarus-EN.pdf/4a1274d0-dd20-4c9c-99d4-f4cab04298f1>. – Date of access: 01.12.2018.

КООПЕРАЦИЯ РОССИИ И БЕЛАРУСИ В РАМКАХ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА КАК КЛЮЧ К УСИЛЕНИЮ ПОЗИЦИЙ НА РЫНКАХ МАГРИБА

Д.В. Краснопрошин

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, vtx26@live.ru*

В работе исследуются возможности Союзного государства России и Беларуси для усиления экономического, политического и социально-культурного взаимодействия со странами Магриба, значение которых на мировой арене постоянно растет. В данной статье, в силу ее ограниченного объема, были исследованы возможности сотрудничества лишь с Ливией и Алжиром, так как предпосылки и фундамент сотрудничества с ними был заложен еще во времена СССР. В работе были выявлены и обоснованы возможные способы кооперации для получения конкурентных преимуществ в Арабском Магрибе. Практическая реализация этих возможностей позитивно отразится на экономике РФ и Беларуси и усилит их роль на мировой арене.

Ключевые слова: Ливия; Арабский Магриб; «Арабская весна»; Северная Африка; Алжир; Союзное государство; Россия; Беларусь; экономическое сотрудничество.

COOPERATION WITHIN THE FRAMEWORK OF THE UNION STATE OF RUSSIA AND BELARUS AS THE KEY TO STRENGTHENING THEIR POSITIONS IN THE MAGHREB MARKETS

D. Krasnoproshin

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

In this article the author studied the opportunities of cooperation between Belarus and Russia within the framework of the Union State to expand their economic, political and socio-cultural interaction with the Maghreb countries whose importance on the world stage is constantly growing. In this article due to its limited size the author studied the opportunities of cooperation only with Libya and Algeria since the prerequisites and the base of cooperation with them was laid back in Soviet times. The main result of the work was the identification of some possible ways for cooperation within the framework of the Union State to gain competitive advantages in Maghreb. Practical realization of these opportunities will affect positively both the Russian Federation and Belarus economies and strengthen their role on the world stage.

Key words: Libya; Arab Maghreb; ‘Arab spring’; North Africa; Algeria; The Union State of Russia and Belarus; Russia; Belarus; economic cooperation.

Союзное государство – это союз РФ и Беларуси с поэтапно организуемым единым политическим, экономическим, военным, таможенным, гуманитарным и культурным пространством, созданный 8 декабря 1999 г. в результате подписания соответствующего договора.

Рассмотрим интеграционные возможности данного союзного объединения для получения экономических преференций России и Беларуси при их взаимодействии со странами Магриба.

Анализируя современное состояние мировой экономики можно отметить, что экономика Запада отличается высокотехнологичным производством и низ-

кой себестоимостью товаров и услуг. Это делает западные страны, практически, монополистами на своих внутренних рынках и снижает конкурентоспособность менее развитых экономически стран, к коим относятся Россия и Беларусь.

С другой стороны, вместе с численностью населения стремительно растут экономики стран Азии и Африки, т.е. увеличивается их потребительский рынок. Это делает данные регионы привлекательными для России и Беларуси, которые ищут новые рынки сбыта и стремятся максимально диверсифицировать свои экономики. К тому же, Арабский Магриб имеет важное географическое положение и большие запасы полезных ископаемых. К сожалению, объем работы не позволяет охватить все страны региона, поэтому в данной работе ограничимся рассмотрением Ливией и Алжиром, сотрудничество с которыми было заложено еще при существовании СССР.

В частности, между Ливией и РФ имеются соглашения в области разработки и добычи углеводородов, использования атомной энергии. А уже в начале двухтысячных годов были подписаны договора на поставку зерна, машин и оборудования [10]. Поэтому используя влияние России в данном регионе, Республика Беларусь также может получить возможности дополнить экспорта своими зерновыми культурами и сельскохозяйственной техники. Тем более, что «МТЗ» широко представлен на российском рынке.

Особое внимание следует уделить военно-техническому сотрудничеству. Во времена правления Каддафи были подписаны контракты на поставку в Ливию российского вооружения и комплектующих на сумму 3 миллиарда долларов США [10].

Россия, как было упомянуто выше, развивает сотрудничество по сельскому хозяйству и торговле промышленным сырьем (10 % российского экспорта в Ливию, в основном это металлы и химическая продукция) [7].

Еще одним важным в регионе партнером России в данном регионе является Алжир. В 2001 г. между ними было подписано соглашение о стратегическом партнерстве. На сегодняшний день Россия является крупнейшим поставщиком вооружения для Алжира. Суммарный торговый оборот между странами в период с 2007 г. по 2017 г. вырос с 700 миллионов до 4 миллиардов долларов США [11].

Россия также стремится закрепить свои позиции в сфере разведки и добычи углеводородов. В частности, «Газпром» выиграл тендер на разведку месторождений нефти и газа и имеет свою долю в алжирских нефтегазовых компаниях [11].

Перспективным направлением в Алжире также может стать атомная энергетика. Известно, что Алжир планирует строительство атомной электростанции. В случае победы РФ в тендере и одобрения строительства алжирской атомной электростанции со стороны МАГАТЭ, у россиян появляется возможность реализовать ранее подписанное с Алжиром соглашение о развитии сотрудничества в сфере мирного использования ядерной энергии [9].

С другой стороны ключевыми партнерами Беларуси в арабском мире являются ОАЭ, Египет, Катар и Судан. Имеются хорошие контакты с Сирией, Ливией, Алжиром и Марокко.

До начала «Арабской весны» наблюдалась позитивная динамика в развитии отношений между Беларусью и Ливией. В частности, был создан совместный белорусско-ливийский банк. В стадии проработки находилось около 10 двусторонних нормативных соглашений, охватывающих проекты по сотрудничеству в об-

ласти сельского хозяйства и животноводства, в сфере воздушного сообщения и борьбы с преступностью, в области высшего образования и культуры [1].

После событий 2011 г. раскрылись некоторые подробности сотрудничества Беларуси и Ливии в военно-технической сфере. Так в Ливии работали военные эксперты из Беларуси, возможно занимавшиеся специальной подготовкой ливийских военнослужащих [8].

Еще одним важным партнером для Беларуси может стать Алжир. На сегодняшний день сотрудничество между странами развивается, в основном, в области торговли, а также сфере образования (в Беларуси было подготовлено более 400 алжирских специалистов по программам средне-специального и высшего образования) [6]. Основу белорусского экспорта в АНДР составляет сельскохозяйственная и грузовая техника, азотные удобрения, шины и металлопрокатная продукция. В тоже время из Алжира в основном закупаются фрукты и овощи, а также фосфаты [6]. В апреле 2018 г. во время встречи министра промышленности Беларуси со своим алжирским коллегой обсуждалась возможность создания в Алжире предприятий по производству белорусской грузовой, пассажирской, сельскохозяйственной и дорожно-строительной техники [4].

После краткого обзора отношений между РФ и Беларусью со странами Магриба можно выделить общие и в тоже время значимые для Союзного государства России и Беларуси точки совпадения интересов для совместного сотрудничества: военно-техническая сфера, сельское хозяйство и атомная энергетика.

Российское оружие и техника являются главным конкурентом для производителей из западных стран. Естественно, и в случае попытки Беларуси закрепить на оружейных рынках Магриба за Россией сохранится ее главенствующая роль основного партнера. Следует упомянуть о договоре между Беларусью и Россией «О развитии военно-технического сотрудничества» от 10 декабря 2009 г. Сотрудничество в рамках этого договора «позволило существенно повысить оперативность поставок современных образцов вооружений, военной и специальной техники в интересах вооруженных сил двух государств и выстроить эффективные кооперационные цепочки между предприятиями оборонного сектора экономики Беларуси и оборонно-промышленного комплекса России» [5].

Отметим, что Республика Беларусь также занимается производством вооружения и техники, в том числе и для арабских стран, например, ОАЭ, с учетом климатических условий страны-заказчика, комплектующих и запчастей к отдельным видам вооружения, в том числе российского производства [3].

Беларусь могла бы дополнить присутствие России в странах Магриба, например, обслуживанием техники и вооружения, а также в сфере обучения местных специалистов эффективному использованию имеющейся у них техники советского, российского и белорусского образца.

Среди возможных точек совместного сотрудничества можно выделить сельское хозяйство. Между РФ и Беларусью сформировался достаточно прочный фундамент взаимодействия в этой сфере. Можно эффективно использовать этот фундамент для усиления своих позиций в Магрибе. Так, в 2009 г. начались поставки белорусского сухого молока в Алжир [2]. Беларусь могла бы лоббировать свои интересы через российское правительство, имеющее в Алжире хорошие деловые и политические контакты. Аналогичную схему можно применять и

для продвижения сельскохозяйственной техники и иной белорусской продукции, торговля которой не противоречит интересам обеих стран в регионе.

Еще одной важной сферой является атомная энергетика. Здесь возможно следующее взаимодействие: строительство и обслуживание АЭС Российской Федерацией и снабжение государств-заказчиков российских АЭС белорусскими приборами радиационной безопасности («Атомтех» и «Полимастер»). Перед использованием приборов можно проводить платные курсы подготовки. Таким образом, Союзное государство покрывает все основные аспекты сферы атомной энергетике и имеет шансы стать мировым лидером в этом перспективном и прибыльном направлении.

Подводя итоги данного рассмотрения можно констатировать, что Союзное государство России и Беларуси при надлежащем использовании своего потенциала имеет хорошие возможности расширить свое взаимное влияние в странах Магриба. Ключевым моментом для этого является желание российского и белорусского правительства достичь эффективного взаимодействия в продвижении на рынках Магриба. Необходимо осознать, что это сотрудничество послужит интересам обеих стран, заметно укрепит двусторонние отношения, позитивно отразится на экономике и усилит роль и влияние РФ и Беларуси на мировой арене.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Александр Лукашенко встретился с руководителем Великой ливийской революции Муаммаром Каддафи [Электронный ресурс] / Официальный Интернет-портал президента Республики Беларусь. – 2008. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/aleksandr-lukashenko-vstretilsja-s-rukovoditelem-velikoj-livij-skij-revoljutsii-muammarom-kaddafi-2873. – Дата доступа: 05.01.2019.
2. Беларусь будет экспортировать сухое молоко в Алжир [Электронный ресурс] / Новостной портал TUT.by. – 2009. – Режим доступа: <https://news.tut.by/economics/134625.html?crnd=38396>. – Дата доступа: 11.01.2019.
3. Беларусь заключила с Эмиратами новый «контракт века» [Электронный ресурс] / Новостной портал Naviny.by. – 2016. – Режим доступа: <https://naviny.by/article/20161113/1479024832-belarus-zaklyuchila-s-emiratami-novyy-kontrakt-veka>. – Дата доступа: 11.01.2019.
4. Беларусь и Алжир намерены создать совместные производства самосвалов и лифтов [Электронный ресурс] / Портал информационной поддержки экспорта. – 2018. – Режим доступа: <https://export.by/news/belarus-i-alzhir-namereni-sozdat-sovmestnie-proizvodstva-samosvalov-i-liftov>. – Дата доступа: 07.01.2019.
5. Беларусь и Россия определили приоритетные направления сотрудничества в военно-технической сфере [Электронный ресурс] / Белорусское телеграфное агентство. – 2018. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/belarus-i-rossija-opredelili-prioritetnye-napravlenija-sotrudnichestva-v-voenno-tehnicheskoy-sfere-305955-2018>. – Дата доступа: 10.01.2019.
6. Беларусь-Алжир [Электронный ресурс] / Официальный сайт Посольства Республики Беларусь в Арабской Республике Египет. – Режим доступа: http://egypt.mfa.gov.by/ru/blg_algeria. – Дата доступа: 06.01.2019.
7. Даля Ганим Язбек, Кузнецов В. Момент России в Арабском Магрибе [Электронный ресурс]: статья / Даля Ганим Язбек, Кузнецов В. // Исследовательский центр «Институт Карнеги». – 2018. – Режим доступа: <http://carnegie-mec.org/diwan/76603>. – Дата доступа: 04.01.2019.
8. Кадыров раскрывает подробности освобождения задержанного в Ливии белорусского военного эксперта [Электронный ресурс] / Ливийское новостное агентство Al-wasat. – 2018. – Режим доступа: <http://alwasat.ly/news/libya/157683>. – Дата доступа: 06.01.2019.

9. Носков А.Ю. О ядерной энергетике Алжира [Электронный ресурс]: / Носков А.Ю. // Институт Ближнего Востока. – 2015. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=24965>. – Дата доступа: 03.01.2019.

10. Российско-ливийские отношения [Электронный ресурс] / Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/ru/maps/ly/?currentpage=main-country>. – 2019. – Дата доступа: 02.01.2019.

11. Россия прокладывает себе путь в Северную Африку [Электронный ресурс] / Washington Institute.– 2017. – Режим доступа: <https://www.washingtoninstitute.org/ar/policy-analysis/view/russia-makes-inroads-in-north-africa>. –Дата доступа: 02.01.2019.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗИТИВНОГО ИМИДЖА МЕЖДУНАРОДНОГО СПОРТИВНОГО МЕРОПРИЯТИЯ НА ПРИМЕРЕ «ЧЕМПИОНАТА МИРА ПО ХОККЕЮ С ШАЙБОЙ 2014 ГОДА»

Е.А. Павловская

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, elizpvlp@yandex.by*

В статье обсуждается формирование благоприятного и позитивного имиджа страны, за счет проведения спортивных событий международного уровня. За счет таких мероприятий государство может создать свой бренд и имидж, что будет способствовать привлечению инвесторов и туристов. Пример успеха Республики Беларусь в проведении такого события является «Чемпионат мира по хоккею с шайбой 2014 года», за счет успешной организации. В статье приводятся статистические данные, которые были собраны «Международной Федерацией по хоккею с шайбой» и отражены в отчете, а также статистическими компаниями Республики Беларусь. Важность данного исследования, отражается в понимании долгосрочной перспективы страны, которая формируется благодаря событиям международного масштаба.

Ключевые слова: формирование позитивного имиджа; хоккей; чемпионат мира по хоккею с шайбой; бренд стран; спорт; международные спортивные события; долгосрочные перспективы.

FORMATION OF POSITIVE IMAGE OF THE INTERNATIONAL SPORT EVENT ON THE EXAMPLE OF «THE WORLD ICE HOCKEY CHAMPIONSHIP 2014»

E. Pavlovskaya

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

In the article the formation of a favorable and positive image of the country is discussed, through the holding of international sports events. Thanks to such events the state can create its own brand and image, what will help the country to attract investors and tourists. An example of the success of the Republic of Belarus in carrying out such events is the «World Ice Hockey Championship of 2014», which has passed with flying colors. The article presents statistical data collected by the International Ice Hockey Federation, which are reflected in the report, as well as the statistical data collected by statistical companies of the Republic of Belarus. The importance of this study is reflected in the understanding of the long-term perspective of a country, which is shaped by international events.

Key words: positive image formation; hockey; world hockey championship; country brand; sport; international sporting events; long-term perspectives.

Актуальность данной темы связана с тем, что в настоящее время, спортивная индустрия стала неотъемлемой частью создания позитивного имиджа, для достижения которого используются множество методов и средств продвижения

в различных сферах. Второй причиной является экономический кризис, который вынуждает страны искать дополнительные источники дохода. Цель создания бренда – привлечение туристов, зарубежных студентов, иностранных инвесторов, специалистов в различных областях и т.д. Бренд также помогает создать рейтинги привлекательности городов, определить их недостатки и преимущества, но создание рейтингов еще и способствует созданию стереотипов, которые не всегда объективно отражают действительность [5, р. 21–25].

Созданию бренда способствуют различные факторы: политические, культурные, территориальные, демографические, экономические, особенности города или страны, географические, социальные и другие [4].

Первым в оборот понятие имидж ввел американский экономист К. Боулдинг в своей работе «The Image» в 1956 г. Он считает, что имидж – это определённый поведенческий стереотип, основанный не на действительных фактах, а на престиже, мнениях, иллюзиях, которые люди создают о самих себе, на мифологическом представлении о прошлом, на воображаемом представлении о будущем, и который способен влиять как на поступки отдельных личностей или групп, так и на поведение целых наций. Он также проследил роль, которую имидж играет в международных отношениях, как существующий национальный имидж влияет на особенности национальной политики [6]. Международные спортивные события помогают создать положительный имидж страны, установить контакты между странами и развивать экономические, культурные и политические связи, а мега-события мирового масштаба, как чемпионат мира по хоккею с шайбой 2014 года, привлекают огромное количество иностранных средств массовой информации международных организаций. При выборе города, в котором будет проводиться событие международного масштаба, учитывается широкий ряд факторов: географическое расположение, транспортное обеспечение, жильё, безопасность, наличие мест проведения (арен, стадионов и др.), культурная программа и др.

Анализ чемпионата мира по хоккею с шайбой 2014 года, проходящего в Минске, показал, что имидж Республики Беларусь во время чемпионата зависел не только от того, что Республика Беларусь представит публике и каким образом, но и от восприятия посыла Республики Беларусь иностранными средствами массовой информации, а также от способа и стиля передачи информации своим гражданам. Телетрансляции велись в 120 стран мира: Россия, Австрия, Бразилия, Норвегия, Польша, Германия, Франция, Чехия, Дания, Канада, Болгария, Латвия, Казахстан, Словакия, Венгрия, Финляндия, Дания, Словения, Швеция, Швейцария, Украина, Великобритания, США и т.д. Республику Беларусь посетило 80 000 человек из 46 стран мира. «Чемпионат мира по хоккею с шайбой 2014 года» второй по посещаемости (640 044 болельщиков) после первенства в 2015 году в Чехии (в Праге и Остраве) [2]. Для проживания гостей и участников спортивного мероприятия было построено 14 новых гостиниц (всего 43 гостиницы). Были построены и введены в эксплуатацию многофункциональные и культурные спортивные комплексы «Чижовка-Арена» и «Минск-Арена». Выгодное географическое положение Республики Беларусь также является притягательным фактором как для проведения таких мега-событий, так и для туристов, съезжающихся со

всего мира. Крупное международное мероприятие оставляет принимающему региону значительное наследие, к которому относятся как материальные объекты в виде спортивных объектов и транспортной инфраструктуры, так и нематериальные преимущества в виде улучшения имиджа страны, здоровья населения, сложившейся культуры волонтерской деятельности и института болельщиков [3]. Подобные мероприятия, в том числе способствуют укреплению отношений между странами. В результате перед нашей страной открылись серьезные перспективы для развития спортивной составляющей имиджа [1]. Чемпионат мира по хоккею с шайбой 2021 года пройдет в Республике Беларусь и Латвии, что еще раз свидетельствует об успехе проведения мега-события в Республике Беларусь.

В долгосрочной перспективе Республика Беларусь будет получать имиджевые и экономические выгоды от данного проекта. Уровень проведения Чемпионата мира по хоккею с шайбой позволил внести весомый вклад в имидж Республики Беларусь, который, в свою очередь, выступает весомым конкурентным преимуществом для страны, способствует увеличению доходов страны, является ценным активом экономики страны. Посетители Чемпионата мира по хоккею с шайбой 2014 года за время визита в Республику Беларусь успели сформировать мнение о стране, которое потом будет широко распространено среди своего окружения.

Таким образом, одно из перспективных направлений улучшения имиджа Республики Беларусь является поднятие спортивных мероприятий на конкурентоспособный уровень, учитывая предпосылки, сложившиеся в результате последних успехов нашей страны в организации спортивных событий мирового масштаба.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Международная Федерация по хоккею с шайбой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.iihf.com/IIHFMvc/media/Downloads/Annual%20Report/2014AnnualReport.pdf>. – Дата доступа: 05.01.2019.
2. Министерство спорта и туризма Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mst.by/ru/actual-ru/view/belarus-i-latvija-primut-chempionat-mira-po-hokkeju-2021-goda-12340-2017/>. – Дата доступа : 09.01.2019.
3. О готовности столицы к проведению чемпионата мира с шайбой 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minsk.gov.by/ru/actual/view/209/2013/inf_material_2013_12_hockey.doc. – Дата доступа : 09.01.2019.
4. Прокудина Е., Набиуллина М. Роль международных спортивных мероприятий в формировании имиджа территории на примере города Казани/ Прокудина Е., Набиуллина М. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-mezhdunarodnyh-sportivnyh-meropriyatij-v-formirovanii-imidzha-territorii-na-primere-goroda-kazani>. – Дата доступа : 09.01.2019.
5. Desbordes M, Richelieu A. Global Sport Marketing // Contemporary Issues and Practice – London: Routledge, – 2012. – 194 p.
- 6 True Jacqui Globalization and Identity [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lull.cat/IMAGES_175/transfer01-foc01.pdf – Дата доступа: 06.01.2019.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЕДУЩИХ АГИТАЦИОННЫХ КАМПАНИЙ РЕФЕРЕНДУМА О ЧЛЕНСТВЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Е.О. Пашковская

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, empty.pages@yandex.ru*

В статье сравниваются официальные агитационные кампании – «Британия сильнее в Европе» и «Голосуй за выход», проводимые в рамках подготовки к референдуму 2016 года о членстве Великобритании в Европейском союзе. Рассматриваются основные положения кампаний, их участники, финансирование, сторонники, анализируются сильные и слабые стороны каждой агитационной кампании. Автор приходит к выводу, что при очевидном преимуществе в плане ресурсов у кампании «Британия сильнее в Европе», «Голосуй за выход» одержала победу благодаря большей консолидации участников и сосредоточенности на нескольких, наиболее актуальных для избирателей, проблемах в отношениях с ЕС. Агитационная кампания «Британия сильнее в Европе» была более разобщенной и акцентировала внимание на негативных последствиях выхода страны из ЕС, занимая тем самым оборонительную позицию по обсуждаемому вопросу.

Ключевые слова: Великобритания; брексит; референдум 2016 года; «Голосуй за выход»; «Британия сильнее в Европе».

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LEADING ORGANISING CAMPAIGNS OF THE REFERENDUM ON THE GREAT BRITAIN MEMBERSHIP IN THE EUROPEAN UNION

A. Pashkouskaya

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article compares the official campaigns - "Britain Stronger in Europe" and "Vote Leave", conducted in preparation for the 2016 referendum on UK membership in the European Union. The main provisions of the campaigns, their participants, funding, and supporters are compared, the strengths and weaknesses of each campaign are highlighted. The author comes to the conclusion that with an obvious advantage in terms of resources, the campaign "Britain Stronger in Europe", "Vote Leave" won thanks to greater consolidation of participants and focus on several of the most relevant problems for voters in relations with the EU. The campaign "Britain Stronger in Europe" was more divided and focused on the negative consequences of the country's withdrawal from the EU, thereby occupying a defensive position on the issue under discussion.

Key words: Great Britain; brexit; 2016 referendum; «Vote Leave»; «Britain stronger in Europe».

По отношению к членству Великобритании в ЕС в британском обществе выделилось две большие группы: одни выступали за сохранение членства страны в объединении, другие – за выход государства из состава союза. Сформировавшиеся блоки сторонников и противников членства Великобритании в ЕС не являлись однородными и не имели единой платформы. Одни из них были партийными, другие смешанными, третьи консолидировали людей одних профессий либо интересов.

Избирательная комиссия признала официальными кампании «Британия сильнее в Европе» и «Голосуй за выход». Придание кампаниям официального статуса означало, что они получили доступ к льготам в течение регулируемого «периода референдума» (15 апреля – 23 июня 2016 г.). Льготы включали повышенный лимит расходов в размере 7 млн ф. ст., разовое бесплатное распространение ин-

формации среди избирателей, использование определенных общественных помещений, трансляции кампании референдума и грант в размере до 600 тыс. ф. ст. [4].

«Британия сильнее в Европе» – межпартийная группа, единственная организация, подавшая заявку в Избирательную комиссию на получение статуса официальной кампании от сторонников членства Великобритании в ЕС. Она пользовалась поддержкой всего политического спектра, включая ключевые фигуры из Консервативной партии, Лейбористской партии и бывшего лидера Партии зеленых.

В качестве основных аргументов за сохранение страны в составе ЕС выступали преимущества членства в союзе. В качестве таковых можно выделить рабочие места, низкие цены на товары, защита прав работников, инвестиции, экономические выгоды, а также возможность оказывать большее влияние на мировую политику. Противники группы называли кампанию «Проект страх», поскольку в риторике кампании отчётливо виделся посыл о том, что выход Великобритании из ЕС станет для страны шагом в неизвестность и негативно отразится на её экономике. Так, говоря о работе, подчеркивалось, что при выходе страны из ЕС британцы могут потерять до 950 тыс. рабочих мест. Освещая тему экономики, кампания делала акцент на том, что в случае выхода из ЕС страну ждет период нестабильности длительностью от 2 до 10 лет (период проведения переговоров) и девальвация национальной валюты. В целом, аргументы кампании сводились к тому, что, не смотря на значительные выплаты Великобритании в бюджет ЕС, выгоды от членства в союзе перевешивают затраты. Также следует отметить, что на все приведенные группой факты присутствуют ссылки на официальные ресурсы, такие как отчеты Министерства финансов или исследования Лондонской школы экономики – что выгодно отличало ее от кампании «Голосуй за выход», пользовавшейся в том числе и неподтвержденными данными [2; 7].

За членство Великобритании в ЕС выступали молодёжь, люди с высшим образованием, люди с высоким доходом. Примечательно, что в регионах, где более 30% жителей составляли приезжие, также голосовали за то, чтобы остаться в союзе [5]. Исключением стала Шотландия, где голосовали против выхода из ЕС вне зависимости от уровня образования и уровня доходов [10].

Невозможно точно сказать, какая именно доля лиц моложе 25 лет проголосовала на референдуме 2016 года. Тем не менее, 73 % сторонников членства в ЕС представляется разумной оценкой, основанной на результатах ряда проведенных опросов [6].

Зарегистрированные участники референдума в ЕС должны были заполнить декларации о расходах, если они потратили на свою кампанию более 10 000 фунтов стерлингов. В общей сложности 123 участника кампании сообщили, что потратили 32,6 млн ф. ст. на проведение кампаний. Из них 19,3 млн ф. ст. пришлось на кампании в поддержку членства в ЕС, и 13,3 млн ф. ст. на кампании сторонников Брексита [3].

На официальную кампанию – «Британия сильнее в Европе» было потрачено 6,679 ф.ст. Среди политических партий основными донорами кампаний были лейбористы и либеральные демократы. Далее идут Шотландская национальная партия, Партия зелёных и партия Уэльса. Среди групп – Conservatives In, Virgin Management Limited и прочие мелкие участники в совокупности [3].

Из крупных политических партий официальными сторонниками членства Великобритании в ЕС, соответственно, были Лейбористская партия и Либеральные демократы. Консерваторы оставались официально нейтральной партией, хотя Д. Кэмерон призывал проголосовать за членство в союзе.

Сильными сторонами официальной кампании в пользу членства Великобритании в ЕС были: сохранение статус-кво; поддержка кампании официальными лицами; использование ресурсов консервативной партии до наступления периода «паранджи»; большой доступ к ресурсам государства [8].

В качестве слабых сторон можно выделить отсутствие единства в лейбористской и либерал-демократической партиях по вопросу членства Великобритании в ЕС. Часть этих партий основало свои кампании или поддержало имеющиеся, выступая за выход Великобритании из ЕС. Особенно примечательно, что это сделали члены либерал-демократической партии, традиционной сторонницы евроинтеграции.

Кампания «Голосуй за выход» выступала под лозунгом «Вернуть контроль». Этим подразумевался как контроль над иммиграцией из ЕС, так и возвращение полномочий, ранее переданных союзу.

Основные аргументы в пользу выхода страны из ЕС сводились к прекращению выплат Великобритании в бюджет ЕС, – деньги, которые можно было бы потратить на социальную сферу, в частности, систему здравоохранения. В сфере экономики выход из союза виделся как получение свободы во внешней торговле. Заключение торговых сделок с США, Японией, Индией, а также такими организациями, как АСЕАН и МЕРКОСУР связывалось с экономической выгодой и увеличением количества рабочих мест в Великобритании. Контроль над границами – т.е. иммиграцией – был ещё одним доводом в пользу выхода [11]. Наиболее часто и эмоционально агитационной кампанией освещалась проблема иммиграции.

Вопреки распространённому мнению, что основными сторонниками выхода Великобритании из ЕС был рабочий класс и люди с низким уровнем образования, согласно результатам исследования было выявлено, что сторонниками выхода из ЕС выступали больше представители среднего класса и идентифицировавшие себя как люди, которые не относили себя ни к одному из классов. В ходе исследования не было выявлено корреляции рабочего класса со склонностью голосования за выход. Что касается уровня образования, идея выхода из ЕС была популярна не среди людей с низкой квалификацией, но скорее среди людей со средним уровнем образования, особенно когда они считали свое социально-экономическое положение ухудшающимся [1].

Финансирование кампании составило 6,674 млн ф.ст. – примерно столько же, сколько и кампании «Британия сильнее в ЕС» [3]. Позже выяснилось, что кампания превысила лимит расходов, который составлял 7 млн ф.ст. [9, p.21].

Кампания в поддержку выхода Великобритании из ЕС располагала меньшим количеством ресурсов, чем «Британия сильнее в Европе». Это выражалось в сумме расходов на кампанию (не смотря на то, что на официальные кампании было затрачено практически равное количество средств, в целом лидировала кампания, выступавшая за евроинтеграцию, за счет других групп поддержки). Доступ к административному ресурсу так же был неравен. В то время как кампанию «Британия сильнее в Европе» поддерживали ведущие политические партии, а также премьер-министр, в чьем расположении было больше ресурсов по

распространению информации, их противники представляли собой разрозненную массу представителей различных политических направлений, тем не менее, более консолидированных идей, чем их соперники. Партия независимости Соединённого Королевства – идеологический лидер движения за выход из ЕС, решила проводить отдельную кампанию, которая не была признана официальной.

У сторонников евроинтеграции был опыт проведения различного рода кампаний (например, предвыборных или в поддержку Шотландии в составе Соединённого Королевства), а также специалисты в данной области, представители же «Голосуй за выход» строили свою кампанию с нуля. Тем не менее, она была лучше проработана, что сыграло не последнюю роль в исходе референдума.

Ещё одной важной деталью были основные аргументы в поддержку кампаний. Так, «Британия сильнее в Европе» давала больше аргументов в поддержку своей точки зрения, но они были слабее подкреплены как фактами, так и в публичных выступлениях её представителей. В то же время стоит отдать должное тому, что в отличие от кампании «Голосуй за выход» она всегда давала ссылки на используемые источники и не вводила избирателей в заблуждение, как это было с вопросом еженедельных выплат Великобритании в бюджет ЕС [7, p.65]. Кампания стремилась разумно и аргументировано донести свою точку зрения до избирателей, без чрезмерной эмоциональной составляющей. Впрочем, стоит признать её оборонительный характер в отношении с оппонентами, а также то, что акцентируя внимание на негативных последствиях выхода страны из ЕС, она отрицательно воздействовала на избирателей, отталкивая их. Кампания стала широко известна под названием «Проект страх».

«Голосуй за выход» строили свою кампанию на двух аспектах: контроль над иммиграцией и прекращение огромных, с их точки зрения, выплат в бюджет ЕС – деньги, которые можно потратить на социальную сферу. Сторонники кампании считали, что затраты Великобритании на ЕС превосходят преимущества членства в союзе. Концентрация лишь на двух аспектах, – наиболее актуальных для избирателей, – сделала кампанию более четкой и понятной.

Таким образом, несмотря на все преимущества кампании «Британия сильнее в ЕС» ей не удалось одержать победу над оппонентами ввиду отсутствия единства среди участников, отсутствия сильных и понятных контраргументов по вопросу иммиграции и преимуществ членства в ЕС. «Голосуй за выход» же сумела воздействовать на публику в правильном ключе и, не смотря на то, что кампания не располагала столь обширными, по сравнению с кампанией сторонников евроинтеграции, ресурсами, смогла обеспечить себя поддержкой избирателей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Antonucci, L., Horvath, L. Brexit was not the voice of the working class nor of the uneducated – it was of the squeezed middle / London School for Economics and Political Science [Electronic resource]. – Mode of access: <http://blogs.lse.ac.uk/politicsandpolicy/brexit-and-the-squeezed-middle/>. – Date of access: 10.01.2019.

2. Britain Stronger in Europe – Get the Facts / Official Page of the Referendum Campaigning group [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.strongerin.co.uk/get_the_facts. – Date of access: 11.01.2019.

3. Campaign Spending at the EU referendum / The Electoral Commission [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.electoralcommission.org.uk/find-information-by-subject/> по

litical-parties-campaigning-and-donations/campaign-spending-and-donations-at-referendums/ campaign-spending-at-the-eu-referendum. – Date of access: 11.01.2019.

4. Designation of lead campaigners for the EU referendum / The Electoral Commission [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.electoralcommission.org.uk/find-information-by-subject/elections-and-referendums/past-elections-and-referendums/eu-referendum/designation-of-lead-campaigners-for-the-eu-referendum>. – Date of access: 11.01.2019.

5. How did different demographic groups vote in the EU referendum? / The New Statesman [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.newstatesman.com/politics/staggers/2016/06/how-did-different-demographic-groups-vote-eu-referendum>. – Date of access: 11.01.2019.

6. How did young people vote in the Brexit referendum? [Electronic resource]. – Mode of access: <https://fullfact.org/europe/how-did-young-people-vote-brexit-referendum/>. – Date of access: 11.01.2019.

7. Hughes, K. Neither tackling lies nor making the case: the Remain side / EU Referendum Analysis 2016: Media, Voters and the Campaign [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.referendumanalysis.eu>. – Date of access: 10.01.2019.

8. Mullen, A. Leave versus Remain: the digital battle / A. Mullen // EU Referendum Analysis 2016: Media, Voters and the Campaign [Electronic resource]. – Mode of access: http://bit.ly/EUReferendumAnalysis2016_Jackson-Thorsen-and-Wring_v1. – Date of access: 12.01.2019.

9. Report of an investigation in respect of Vote Leave Limited, Mr. Darren Grimes, BeLeave, Veterans for Britain Concerning campaign funding and spending for the 2016 referendum on the UK's membership of the EU / The Electoral Commission [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.electoralcommission.org.uk/__data/assets/pdf_file/0019/244900/Report-of-an-investigation-in-respect-of-Vote-Leave-Limited-Mr-Darren-Grimes-BeLeave-and-Veterans-for-Britain.pdf. – Date of access: 09.01.2019.

10. The areas and demographics where the Brexit vote was won / The Guardian [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/news/datablog/2016/jun/24/the-areas-and-demographics-where-the-brexit-vote-was-won>. – Date of access: 11.01.2019.

11. Vote Leave – Briefing Room / Official Vote Leave Campaign website [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.voteleavetakecontrol.org/briefing.html>. – Date of access: 11.01.2019.

ПОЛЬСКО-БЕЛОРУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1991-2018 гг.

Л. Стаськевич

*Университет им. Адама Мицкевича в Познани
Венявского 1, 61-712, Познань, Польша, staskiewicz@gmail.com*

Тема статьи касается отношений Беларуси и Польши в 1991-2018 гг. В тексте указан период двухдорожья в польской восточной политике, этап потепления отношений (1991-1992) и критики со стороны Польши во время заключения военного и экономического соглашения между Беларусью и Россией (июль 1992 г.). Кроме того в статье представлен период так называемой политки критического диалога (1996-2004) и аспекты, которые влияли на двухсторонние отношения позже, например, ситуация вокруг Союза Поляков в Беларуси, крымские события и конфликт в Донбассе, а также инициатива становления в Польше военной базы США. В статье были использованы информационные ресурсы, посвященные исследуемой проблеме. Методология исследования основана на принципах историзма, объективности и системности. Результаты работы были достигнуты с помощью научных и специально-исторических методов исследования – историко-сравнительного и историко-типологического.

Ключевые слова: история международных отношений; внешняя политика; польско-белорусские отношения.

POLISH-BELARUSIAN RELATIONS IN 1991-2018

Ł. Staśkiewicz

Adam Mickiewicz University in Poznań, Wieniawskiego 1, 61-712 Poznań, Poland

The subject of the article refers to relations between Belarus and Poland over the years 1991-2018. The text presents a two-track period in Polish Eastern policy, the stage of warming (1991-1992) and criticism from Poland after the conclusion of the military and economic agreement between Belarus and Russia (June 1992). Moreover, the article shows the period of the so-called critical dialogue policy (1996-2004) and describes the aspects that influenced later bilateral relations, e.g. the situation around the Union of Poles in Belarus, the Crimean events and conflict in Donbas, as well as the initiative to create the US military base in Poland. In the article was used materials source of information on the researched topic. The research methodology is based on the principle of historical objectivity and systemically. The results of this work were achieved by using scientific and special historical methods of examination - comparative method and historical-typological method.

Key words: history of international relations; foreign policy; polish-belarusian relations.

Первый этап в современных отношениях Беларуси и Польши это так называемая «двухколейность» [1, с. 200]. Создателем этой политики был министр иностранных дел Польши Кшиштоф Скубишевский. Польша в эти время поддерживала отношения с центральными властями СССР, но при этом начала инициировать отношения с отдельными советскими республиками. Это в какой-то степени помогло в будущем установить отношения с независимыми и суверенными странами, в том числе с Беларусью.

Стоит подчеркнуть, существовали также недостатки этой политики. Например, общая политика в отношении республик. Польша не принимала во внимание различий, вытекающих из национального сознания, истории или проблем этих обществ. Это было видно в отношениях Польши с Беларусью в 1990 г., когда в Минск поехал Кшиштоф Скубишевский, чтобы там подписать совместную декларацию о добрососедстве, взаимопонимании и сотрудничестве. Раньше такая была подписана с Россией и Украиной. Текст этих деклараций был почти одинаковый. Тогда Беларусь отказалась подписывать эту декларацию. Белорусские власти в это время обращали внимание на статус Белосточчины. Но в следующем году Беларусь подписала данную декларацию без каких-либо изменений в тексте [3, с. 70–72].

С 1991 по 1992 гг. отношения между Польшей и Беларусью сильно сблизились. Дипломатические отношения между этими странами были установлены 2 марта 1992 г. Беларусь была заинтересована в тесном экономическом сотрудничестве. Возможно, даже сильнее чем Польша. С белорусской стороны были предложения, например: аренда порта в Гданьском заливе, строительство широкой железной дороги с белорусской границы до Гданьска, открытие совместного коммерческого банка [7, с. 40–41], покупка польского угля для белорусского энергетического сектора, открытие новых пограничных переходов. Но Беларусь тогда не являлась для польской политики приоритетным партнёром. Но стоит подчеркнуть, что Польша в это время вошла в число трёх основных экономических партнеров Беларуси.

Отношения между Польшей и Беларусью начали ухудшаться с июля 1992 г. Тогда Беларусь заключила военное и экономическое соглашение с Россией. Польша отреагировала очень негативно. Премьер-министр Польши сказала, что это «чрезмерная зависимость Беларуси от России». Беларусь обвинила

Польшу во вмешательстве в ее внутренние дела. Кроме того Беларусь восприняла польские стремления стать членом НАТО как угрозу и дестабилизирующий фактор. Это встретило отрицательную реакцию в Минске. Польские усилия по вступлению в НАТО расходились с белорусской политикой. Символом ухудшения отношений был отказ польской стороны от участия в празднике Дня независимости, который происходил в белорусском посольстве в Варшаве. Потом белорусская сторона отказалась от участия в празднике польской независимости в посольстве Польши в Минске. Действия Польши противоречили политике нейтралитета Беларуси в то время [6, с. 8–9].

После президентских выборов в Беларуси и во время ускорения белорусско-российской интеграции Польша начала делать попытки для улучшения отношений. До ноября 1996 г. состоялось много визитов польских политиков в Беларусь. Например, визит министра национальной обороны Петра Колодзейчика (январь 1994 г.), польской делегации во главе с председателем Сейма Юзефом Олексием (июль 1994 г.), визит министра иностранных дел Польши Анджея Олеховского (октябрь 1994 г.), визит премьер-министра Польши Вальдемара Павляка (январь 1995 г.), визит президента Польши Александра Квасьневского (март 1996) и другие [4, с. 256–260]. Стоит отметить, что в 1995 г. в Польше был президент Беларуси Александр Лукашенко. Это был его последний визит в Польшу.

После референдума в Беларуси в 1996 г. политика Польши в отношении Беларуси изменилась. Можно её назвать политикой критического диалога [4, с. 263]. С того времени окончились встречи на высоком уровне. Польша выступала против санкций но одновременно критиковала изменения в Беларуси. По мнению Польши, из-за санкций Беларусь могла бы ещё сильнее стать зависимой от России.

В 2004–2008 гг. польско-белорусские отношения ещё больше ухудшились. Польша присоединялась к санкциям против Беларуси. В этих годах министры иностранных дел Польши и Беларуси вообще не встречались. Отношения были заморожены.

В 2008 г. отношения изменились. Опять начались визиты на высоком уровне, появились совместные планы экономического сотрудничества. В это время возникла инициатива Восточного партнерства, и даже инициатива Малого приграничного движения. В это время были первые встречи на высоком уровне с 2004 г. Это закончилось в 2010 г., когда Союз Поляков в Беларуси (который не признан польскими властями) взял Польский дом в Ивенце, которым руководили сторонники Анжелики Борис. Тогда польский посол в Беларуси уехал в Польшу [2, с. 177], польский президент и премьер критиковали это решение. Опять отношения ухудшились.

Очень важным для отношений Польши и Беларуси стали крымские события и конфликт в Донбассе. Это сильно повлияло на отношения Беларуси с Россией и Западом в целом. После этих событий Беларусь немного изменила свою политику. Кроме того, благодаря переговорам в Минске в связи с этим конфликтом, Беларусь улучшила имидж на Западе. В последнее время политические отношения между Польшей и Беларусью немного сближались. Стоит отметить визит министра иностранных дел Польши Витольда Ващиковского (март 2016 г.), визит заместителя премьер-министра Польши Матеуша Моравецкого (октябрь 2016 г.) и визит спикера Сената Станислава Карчевского (январь–февраль

2017 г.). Этот последний визит очень символический, в связи с тем, что Польша официально не признает парламент Беларуси.

Недавно появился ещё один важный аспект, который может повлиять на отношения между Польшей и Беларусью, а также Беларусью и Россией: это Форт Трамп. Если это база появится в Польше, Россия будет сильнее давить на белорусские власти, чтобы в Беларуси появились российские военные базы. Это, безусловно, может отрицательно влиять на польско-белорусские отношения.

Похоже, что польская восточная политика в отношении Беларуси пока не принесла ощутимых политических выгод. Однако в перспективе последних лет наблюдается значительный рост торговли. Стоимость белорусского экспорта в Польшу в 2017 г. составила 1,8 миллиарда долларов (рост на 33,1 % по сравнению с 2016 г.), а импорт – 1,33 миллиарда долларов (рост на 12,9 % по сравнению с 2016 г.). Польша занимает шестое место среди крупнейших торговых партнеров Беларуси. За тот же период наблюдался заметный рост торговли между Беларусью и Европейским союзом. В 2017 г. его стоимость составила 14,5 млрд. долларов США (рост на 30%). Эти статистические данные ясно показывают, что, несмотря на безуспешные попытки улучшить политические отношения, активизируется экономическое сотрудничество.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Снапкоўскі, У. Е. Шлях скрозь стагоддзе: беларуска-польскія адносіны 1918–2017 гг. / У. Е. Снапкоўскі. – Мінск : БДУ, 2017. – 287 с.
2. Тихомиров, А. В. Внешняя политика Республики Беларусь в 1991–2011 гг. / А. В. Тихомиров. – Минск : Право и экономика, 2014. – 278 с.
3. Czachor, R., Polityka zagraniczna Republiki Białoruś w latach 1991-2011 / R. Czachor. – Polkowice : Wydawnictwo Dolnośląskiej Wyższej Szkoły Przedsiębiorczości i Techniki w Polkowicach, 2011. – 351 s.
4. Fedorowicz, K., Polityka Polski wobec Rosji, Ukrainy i Białorusi w latach 1989-2010 / K. Fedorowicz. – Poznań : Wydawnictwo Naukowe UAM, 2011. – 342 s.
5. Forsal.pl [Electronic resource]. – Mode of access: <https://forsal.pl/artykuly/1107224-bialorus-obroty-handlowe-z-ue-wzrosly-w-2017-r-o-30-proc.html>. – Date of access: 01.02.2019.
6. Mironowicz, E., Polityka zagraniczna Białorusi 1990-2010 / E. Mironowicz. – Białystok : Wydawnictwo Uniwersyteckie TransHumana, 2011. – 261 s.
7. Staśkiewicz, Ł. Ameryka Łacińska w polityce zagranicznej Republiki Białoruś / Ł. Staśkiewicz. – Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2016. – 189 s.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА И ИНТЕГРАЦИОННАЯ ДИПЛОМАТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ XXI ВЕКА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС

В.Г. Циватый

*Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко,
ул. Владимирская, 60, 010336 Киев, Украина, tsivatyi@gmail.com*

В статье анализируются двусторонние дипломатические отношения Республика Беларусь в условиях полицентричного мироустройства, а также характеризуются проблемы общественно-политической, институциональной и внешнеполитической модернизации Беларуси в рамках интеграционного объединения СНГ.

Ключевые слова: внешняя политика; дипломатия; институционализация; модель дипломатии; Республика Беларусь.

INTERNATIONAL POLITICS AND INTEGRATION DIPLOMACY OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE POST-SOVIET SPACE OF THE TWENTY-FIRST CENTURY: INSTITUTIONAL DISCOURSE

V. Tsivatyi

Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine

The article analyzes the bilateral diplomatic relations between the Republic of Belarus in the context of a polycentric world order, as well as the problems of socio-political, institutional and foreign policy modernization of Belarus within the framework of the CIS integration association.

Key words: foreign policy; diplomacy; institutionalization; a model of diplomacy; Republic of Belarus.

Глобальные политические процессы и глобальная дипломатия XXI века – это тренд современного глобализированного мира [7, с. 67-69].

Вопрос развития и становления государств постсоветского пространства в XXI веке требует своего изучения и обобщения приобретённого опыта. В большинстве постсоветских государств демократизация предшествовала очень сложным и драматическим процессам рационально-бюрократической модернизации государства и национальной консолидации. Перспективным направлением решения многочисленных противоречий и парадоксов может быть применение теории исторического институционализма, которая акцентирует внимание на повременной последовательности трансформаций и регионально-институциональных последствиях соответствующего расхождения социально-политических траекторий развития.

В этом направлении объединяющим институциональным вектором в мировой политике является экономическая дипломатия. Экономическая дипломатия – это один из приоритетных инструментов внешнеполитической и дипломатической деятельности Республики Беларусь в полицентричном мире XXI века [3, с. 63–75; 12].

Следует отметить, что в течение последних двадцати лет у Республики Беларусь был ряд проблемных вопросов с соседями, связанных прежде всего с тем, что они автоматически примеряли особенности своей дипломатии и внешней политики на Республику Беларусь, необоснованно полагая, что у Минска приоритеты внешней политики и дипломатии ничем не отличаются от приоритетов Киева, Москвы, Берлина, Лондона, Парижа, Варшавы или Вашингтона.

В результате очень часто действия по защите Беларусью интересов своей экономики трактуются совершенно неверно во внешнеполитическом и дипломатическом плане: как проявление каких-то амбиций на региональное лидерство, стремление поменять партнёров на новых или желание бросить кому-либо вызов, не считаясь с последствиями. А именно правильное понимание особенностей внешней политики и дипломатии Беларуси, её дипломатического инструментария, может позволить любому государству мира выстроить с ней ровные, толерантные, сбалансированные и спокойные политико-дипломатические отношения [5, с. 20–22; 14, р. 196–209].

Современная дипломатия, в условиях глобального пространства, активно использует приобретённый в течение многих веков исторический опыт: как инструментарий, методы и формы дипломатии, так и принципы внешней политики. На современном этапе главной задачей для внешнеполитических служб мира является обеспечение устойчивого экономического развития и внутривнутриполитической стабильности своих государств в дипломатических системах и институциональных, региональных и глобализационных координатах современного мира [6, с. 269–280].

За годы независимости в Республике Беларусь создан крепкий фундамент социального государства. Объективно страна вплотную приблизилась к качественному уровню социального развития среднеевропейских стран. Стандарты жизни жителей страны неуклонно растут. Процессы инновационного и постиндустриального развития способствуют общественно-политической модернизации страны, созданию основ гражданского общества [5, с. 21; 10].

Важную роль в укреплении и развитии партнёрства Республики Беларусь и Украины традиционно играют встречи на высоком уровне и переговоры. Украина и Республика Беларусь имеют все необходимые условия для перехода на качественно новый этап межгосударственного сотрудничества – партнёрства, с перспективой на переход – в стратегическое партнёрство, и участие Беларуси в мировой политике и международном сотрудничестве в качестве регионального актора-лидера [11, с. 259–263].

Двустороннее сотрудничество между Украиной и Беларусью продолжается уже 28 лет. За это время оно имело свои периоды потепления и охлаждения. Сегодня же, как никогда раньше, отношения между государствами требуют особого внимания и стратегического планирования. От этого зависит безопасность каждого из них. Поэтому обеспечение национальной безопасности и определяет главный приоритет внешней политики как Украины, так и Беларуси на данном этапе отношений [1].

Современная дипломатия Республики Беларусь пребывает на службе суверенной Беларуси. Модель дипломатии Республики Беларусь подчёркивает жизненность и динамичность многовекторной внешней политики и дипломатии Беларуси. Безусловно, в числе приоритетов – укрепление стратегического партнёрства на пространстве СНГ [2; 3, с. 63–75]. Современная модель дипломатии Республики Беларусь заслуживает высокой оценки и неизбежно требует её дальнейшего изучения в исторической ретроспективе и перспективе. Опыт дипломатии Беларуси представляет интерес для других государств [4, с. 89–96].

Современная обновлённая дипломатическая служба Республики Беларусь имеет большой институциональный потенциал и играет важную, а иногда и решающую роль в управлении внешнеполитическими процессами в регионе, способствует улучшению эффективности координации внешнеполитической и политико-дипломатической деятельности. В то же время, новые подходы во внешнеполитической деятельности являются проявлением тенденции к формированию новой модели дипломатии, модели дипломатической работы и дипломатических практик Республики Беларусь, которые можно назвать интеграционной дипломатией.

Интеграционная дипломатия проявляется в трех признаках: сочетании классического переговорного типа отношений между государствами во взаимо-

действию с негосударственными акторами; сочетании в рамках единой стратегии политических и практических сфер внешней политики, которые ранее развивались в отдельных форматах; сочетании деятельности национальных государств и интеграционных институтов. То есть интегрированная дипломатия означает движение к синтезу различных субъектов и объектов внешней политики в рамках целостной политической стратегии и, таким образом, направлена на преодоление растущей за последнее десятилетие (и не только на постсоветском пространстве) фрагментации внешней политики и дипломатии.

Вместе с тем, полноценное институциональное и интеграционное оформление этой модели еще впереди. Большинство аспектов эффективной деятельности модели дипломатии Республики Беларусь требуют надлежащей оптимизации и упрочения в условиях полицентричного мира и полицентричных дипломатических систем.

2019 год должен стать периодом переосмысления и определённой переоценки работы внешнеполитического ведомства Республики Беларусь, по результатам чего станет возможно принятие решений относительно путей повышения эффективности и совершенствования организации дипломатической системы Республики Беларусь и усовершенствование институциональной структуры МИД Республики Беларусь [8, с. 26–29; 9, с. 9–14].

Сейчас ключевыми словами в белорусских официальных внешнеполитических заявлениях являются «многовекторность» и «сбалансированность», дополненные артикулированным намерением выровнять отношения с Западом, что в последнее время всячески подчеркивается. Для Республики Беларусь, год прошедший и год – 2019 – наступивший, в контексте международной политики и международной обстановки характеризуются повышенной нестабильностью, сочетанием центробежных и центростремительных тенденций, экономическими и институциональными дисбалансами, неготовностью мировых игроков-акторов поступаться собственными национальными интересами в пользу общего блага в полицентричном мире XXI века.

Выраженной международно-политической тенденцией современных геополитических реалий стала разбалансировка системы сдержек и противовесов между соперничающими государствами и группами государств, «расползание» региональных конфликтов, вовлечение в них новых участников, неэффективность политико-дипломатической деятельности и функциональности многих международных институций. Очевидный кризис доверия в европейском регионе, в широком евразийском пространстве и в глобальном масштабе показал, что спрос на конструктивный диалог и выработку компромиссов по-прежнему превышает предложение [7, с. 67–69; 8, с. 26–29; 9, с. 26–36; 13].

В этих непростых условиях Республика Беларусь в 2017-2019 годах подтвердила и наглядно продемонстрировала устойчивость к неблагоприятным внешним факторам и способность к активному противодействию и смягчению их воздействия, а также адекватное реагирование на новые вызовы и угрозы национальной безопасности страны.

Как и ранее, в последние два года, усилия белорусской дипломатии были направлены на проведение сбалансированной многовекторной внешней полити-

ки. В условиях недоверия между Россией и Западом Республика Беларусь, с одной стороны, сохранила приверженность стратегическому партнерству с Российской Федерацией, первоочередную ориентацию на интеграцию в рамках Евразийского экономического союза, традиционное взаимодействие с членами Организации Договора о коллективной безопасности, Содружества Независимых Государств. С другой стороны, Республика Беларусь продолжила выстраивать конструктивные прагматичные отношения с Европейским Союзом, Соединенными Штатами Америки и другими западными державами.

Новое наполнение получил стратегический китайский вектор белорусской внешней политики. Беларусь одной из первых в мире подключилась к реализации концепции «Экономического пояса Шелкового пути» по ряду перспективных направлений. А в целях диверсификации внешнеполитических связей продолжилось формирование новых геополитических опор в регионах «дальней дуги» – Азии, Ближнего Востока, Африки, Латинской Америки.

Беларусь смогла занять собственную нишу в современном внешнеполитическом и внешнеэкономическом контексте, продемонстрировав способность быть самостоятельным региональным игроком-актором, генерирующим конструктивные подходы к разрешению актуальных проблем современности. Белорусская сторона в 2017–2019 годах продолжает демонстрировать и практически реализовать усилия по оказанию содействия урегулированию кризиса в сопредельной Украине.

В 2016 году исполнилось 25 лет с момента установления дипломатических отношений между Республикой Беларусь и Украиной. 27 декабря 1991 года начался новый этап в истории взаимодействия двух независимых государств – Украины и Республики Беларусь. Отношения обеих стран обозначены искренней дружбой и стремлением к взаимовыгодному политико-дипломатическому сотрудничеству. Бесспорно, за 27 лет сформирован значительный потенциал для вывода двустороннего сотрудничества на уровень стратегического партнерства, прежде всего в экономической сфере. Украина и Республика Беларусь остаются принципиально важными экономическими партнерами. 27-летний опыт взаимодействия убедительно доказал отсутствие у сторон враждебных намерений и настроенность на конструктивные и прагматичные отношения, которые должны способствовать конструктивному сотрудничеству и благополучия двух дружественных стран и народов.

В Республике Беларусь, по нашему мнению, в среднесрочной перспективе продолжатся более интенсивные институциональные процессы частичного обновления политической элиты.

В полицентричном мире XXI века Республике Беларусь, прежде всего, необходимо искать свои локации в геополитическом пространстве, при этом акцентировать внимание на сбалансированной внешней политике и приоритетах своих национальных интересов. Одним из возможных направлений геополитического поиска для Беларуси, станет такая международная региональная институция, как ГУАМ. Эта организация имеет большой нереализованный международно-политический и культурно-образовательный потенциал. А акцентирование именно на экономической платформе вполне возможно заинтересует Республи-

ку Беларусь в этой международной организации, которая позволит ей расширить политико-дипломатические горизонты и определить свою локацию в региональной системе координат и системе координат полицентричного мироустройства.

Модель дипломатии Республики Беларусь заслуживает дальнейших научных исследований в контексте её инновационных, экономических и интеграционных подходов дипломатических практик в условиях полицентричного мироустройства XXI века.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бетлій О., Прейгерман Є.* Аудит зовнішньої політики: Україна – Білорусь: Дискусійна записка. К., 2016. 55 с.
2. *Дегтерев Д. А., Курьлев К. П.* Внешняя политика стран СНГ. Москва, Аспект Пресс, 2017. 650 с.
3. *Дегтерев Д., Василюк И., Баум В.* Параметры многовекторности внешней политики стран СНГ: прикладной анализ // *Мировая экономика и международные отношения.* 2018. № 1. Т. 62. С. 63–75.
4. *Косов О., Юрчак Д.* Роль і місце Республіки Білорусь у процесі врегулювання кризи на сході України // *Вісник Львівського університету. Серія «Міжнародні відносини».* Львів, 2017. Випуск 41. С. 89–96.
5. *Толстов С.В.* Українсько-білоруський діалог: пошук нових можливостей // *Зовнішні справи.* 2016. № 12. С. 20–22.
6. *Циватый В. Г.* Институционально-исторические традиции политико-дипломатических систем и дипломатии: социологический аспект // *Социология дипломатии: Гипотеза, структура и тематические исследования: Монография / Милан Язбец, Вячеслав Циватый и др.* Киев: Дипломатическая академия Украины при МИД Украины, 2015. С. 269–280.
7. *Циватый В.Г.* Глобальная дипломатия и страны СНГ в условиях полицентричного мира XXI в.: интеграционное и внешнеполитическое измерения // *Беларусь в современном мире: материалы XV Междунар. науч. конф. Минск, 2016.* С. 67–69.
8. *Циватый В. Г., Громико О. А.* Поліцентричність сучасного світоустрою: мегатренд XXI століття: (інституційний контекст) // *Зовнішні справи.* 2014. № 8. С. 26–29.
9. *Шадурский В. Г.* Влияние украинского кризиса на баланс сил в геополитическом квадрате (США, ЕС, Россия, Китай) // *Труды факультета международных отношений: науч. сборник.* Вып. 6. Минск, 2015. С. 9–14.
10. *Юрчак Д. В.* Беларусь – Украина: 20 лет межгосударственных отношений. Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2015. 294 с.
11. *Юрчак Д. В.* Минск как потенциальная площадка для урегулирования украинского конфликта // *Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 г. – начало XXI в.): материалы II Междунар. научно-практической конф. (Витебск, 23– 24 апреля 2015 г. / Витебский гос. ун-т).* Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2015. С. 259–263.
12. *Chekalenko L. D.* Foreign Policy of Ukraine: monograph / Based on the scientific concept of Professor Lyudmyla D. Chekalenko / Scientific editor Rector of the Diplomatic Academy of Ukraine under the Ministry of Foreign Affairs of Ukraine V. G. Tsivatyi. Kyiv: «LAT&K», 2016. 294 p.
13. *International Relations / Edited by Stephen McGlinchey.* Bristol, England, 2017. Part I: DIPLOMACY. P. 26–36.
14. *Tsivatyi V. G.* National Security as a Component of Global Security: Lessons from Ukraine’s Crises // *Eastern Europe Regional Studies.* 2017. № 2 (4). P. 196–209.

СЕКЦИЯ 2

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

ИНСТИТУТ ПОПРАВОК В ПРАВЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Я.В. Будник

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, uabudnik@tut.by*

В настоящее время внесение поправок в международные договоры, заключаемые в рамках Евразийского экономического союза, — это актуальное направление деятельности Союза и его государств-членов. Начиная с момента подписания Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, государства-члены и органы Союза регулярно обращаются к вопросам внесения поправок в международные договоры ЕАЭС. В процессе осуществления деятельности по внесению поправок в договорную базу Союза возникают проблемы юридического характера. В настоящей статье с позиций права исследуются механизмы, содержащиеся в Договоре о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и иных договорах Союза, обобщается практика их применения и возникающие проблемы, предлагаются решения, в том числе посредством совершенствования договорно-правовой базы сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза. Результаты исследования могут быть использованы в работе государственных органов и организаций государств-членов, включая Республику Беларусь, а также органов Союза.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; право Евразийского экономического союза; международные договоры Евразийского экономического союза; поправки.

INSTITUTE OF AMENDMENTS IN THE LAW OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Ya.V. Budnik

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

At the present time, making amendments to international treaties concluded within the framework of the Eurasian Economic Union is a current area of activity for the Union and its member states. Starting from the moment of signing the Treaty on the Eurasian Economic Union of 29 May 2014, the member states and bodies of the Union regularly address the issues of amending the international treaties of the EAEU. Within the framework of the activity on amending the Union's treaty base, legal problems arise. In present article from the legal point of view the mechanisms that are in the Treaty on the Eurasian Economic Union of 29 May 2014, and other international treaties of the Union are studied, the practice of their application and the problems that arise are summarized, the solutions are proposed, including through the improvement of the legal framework of cooperation within the Eurasian Economic Union. The research results can be used in the work of state bodies and organizations of member states, including the Republic of Belarus, as well as bodies of the Union.

Key words: Eurasian Economic Union; law of the Eurasian Economic Union; international treaties of the Eurasian Economic Union; amendments.

Евразийский экономический союз — активно действующая региональная организация, членом которой является Республика Беларусь.

В статье 115 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее — Договор от 29 мая 2014 года) содержится лаконичная формулировка о внесении в него поправок, которая устанавливает три правила:

в Договор могут быть внесены изменения и дополнения;
они оформляются отдельными протоколами;
поправки являются неотъемлемой частью Договора.

Данные правила с некоторыми уточнениями применяются и в других договорах в рамках ЕАЭС (Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года, Соглашение о единых принципах и правилах обращения лекарственных средств в рамках Евразийского экономического союза от 23 декабря 2014 года, Соглашение о единых принципах и правилах обращения медицинских изделий (изделий медицинского назначения и медицинской техники) в рамках Евразийского экономического союза от 23 декабря 2014 года).

В рамках ЕАЭС существуют также примеры использования еще более лаконичных формулировок договоров о внесении в них поправок, например, в Протоколе о некоторых вопросах ввоза и обращения товаров на таможенной территории Евразийского экономического союза от 16 октября 2015 года, Договоре о координации действий по защите прав на объекты интеллектуальной собственности от 8 сентября 2015 года.

В целом, приведенные примеры указывают на формальное отношение к изложению в международных договорах ЕАЭС положений о внесении в них поправок и свидетельствуют об отказе устанавливать для конкретного договора собственную процедуру внесения поправок с учетом специфики его объекта и целей. По нашему мнению, такой подход не соответствует интересам Республики Беларусь и иных государств-членов ЕАЭС, поскольку не позволяет в полной мере использовать институт поправок в интересах государств.

За относительно непродолжительный период времени, прошедший с даты подписания Договора от 29 мая 2014 года, в него трижды вносились поправки.

Сначала, поправки вносились в связи с присоединением Республики Армения. В Договор от 29 мая 2014 года и в иные международные договоры, вносились поправки согласно Протоколу о внесении изменений в Договор от 29 мая 2014 года и международные договоры, заключенные в рамках формирования договорно-правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства, в связи с присоединением Республики Армения (приложение № 2 к Договору о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года от 10 октября 2014 года).

Впоследствии, в связи с присоединением к Союзу Кыргызской Республики Договор о присоединении Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года от 23 декабря 2014 года в статье 1 установил, что в Договор от 29 мая 2014 года и в отдельные международные договоры, указанные в приложении к Договору от 23 декабря 2014 года, поправки вносятся в соответствии с отдельным протоколом. Это Протокол о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и отдельные международные договоры, входящие в право ЕАЭС, в связи с присоединением Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года от 8 мая 2015 года. Поправки были внесены согласно приложению к Протоколу, которое является его неотъемлемой частью.

15 марта 2018 года был подписан Протокол о внесении изменения в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, которым пункт 2 статьи 10 Договора дополняется словами «либо главы правительств государств-членов, если в соответствии с законодательством своего государства они наделены полномочиями принимать решения по вопросам, входящим в компетенцию Высшего совета». Данная поправка отражает переход Республики Армения к парламентской форме правления, сокращение полномочий Президента Армении и расширение функций Премьер-министра по итогам конституционной реформы 2015 года и направлена на то, что гарантировать право Премьер-министра Армении входить в состав Высшего Евразийского экономического совета.

Протокол от 15 марта 2018 года в отличие от первых двух протоколов о внесении поправок в Договор от 29 мая 2014 года был разработан и принят в рамках деятельности сводной рабочей группы по совершенствованию положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее — СРГ), созданной распоряжением Коллегии ЕЭК от 2 августа 2016 года № 112. В ее состав включены представители государств-членов и ЕЭК.

Если ранее вопросами внесения поправок Договор от 29 мая 2014 года занимались, главным образом, компетентные органы государств, то в настоящее время основная нагрузка по подготовке и внесению поправок в Договор от 29 мая 2014 года лежит на СРГ.

Согласно пункту 3 Регламента работы сводной рабочей группы по совершенствованию положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, утвержденного членом Коллегии (Министром) по интеграции и макроэкономике 26 октября 2016 года, основными задачами рабочей группы являются обобщение и рассмотрение всех предложений, касающихся изменений в Договор от 29 мая 2014 года, выработка предложений по совершенствованию Договора и подготовка проектов соответствующих протоколов.

По состоянию на 24 декабря 2018 года состоялось девять заседаний СРГ. В ходе заседания 25 августа 2016 года был подготовлен перечень первоочередных изменений в Договор, а также было принято решение о формировании трех блоков поправок:

Блок № 1 — поправки, находящиеся в высокой степени готовности. К этому Блоку относятся 4 проекта протоколов: один касается изменений в связи с принятием Таможенного кодекса ЕАЭС, два — поправок в Договор от 29 мая 2014 года в части энергетики и четвертый проект — это проект Протокола о внесении изменений в Договор о Союзе в части установления применения принципа исчерпания исключительного права на товарный знак, товарный знак ЕАЭС;

Блок № 2 — технические поправки;

Блок № 3 — поправки, требующие дополнительного обсуждения.

Следует обратить внимание на алгоритм работы СРГ. Он состоит из трех частей.

Первый этап деятельности СРГ — это инициирование предложения о внесении поправок. Главными инициаторами внесения поправок выступают государства-члены и ЕЭК. Данный подход не исключает возможность для резидентов ЕАЭС предлагать государствам-членам и ЕЭК выступить с инициативой о внесении поправок, но с позиций права ЕАЭС юридически полномочными инициаторами являются только государства и ЕЭК.

ЕЭК вовлечена в процесс внесения поправок с начальной стадии, даже если она не является непосредственным инициатором, поскольку именно ЕЭК информирует о поступившем предложении о внесении поправок одного государства-члена иные государства-члены ЕАЭС.

Важным источником информации о положениях права Союза, которые требуется совершенствовать посредством внесения поправок, следует признать акты Суда ЕАЭС, который разрешая споры и предоставляя консультативные заключения о разъяснении правовых актов, выявляет вопросы, требующие своего нормативного правового разрешения в договорах ЕАЭС.

На втором этапе происходит экспертное обсуждение предложения о внесении поправок в Договор с участием отраслевых специалистов, профильных консультативных комитетов, экспертной подгруппы СРГ, в результате которого реализация предложения о внесении поправки либо признается нецелесообразной, либо дополнительно прорабатывается, либо предложение оформляется в соответствующий проект Протокола. За период с августа 2016 года по март 2018 года состоялось более сотни отраслевых совещаний, в рамках которых рассмотрено более 300 поправок в Договор от 29 мая 2014 года.

На третьем этапе в отношении проекта Протокола осуществляются согласования как внутри государств-членов, так и в ЕЭК. После одобрения проекта протокола Советом ЕЭК проводятся внутригосударственные процедуры в соответствии с национальным законодательством государств-членов, а также подписание протокола, его ратификация и вступление в силу.

Обобщая анализ положений протоколов о внесении поправок в Договор от 29 мая 2014 года, следует отметить, что обращение государств-членов ЕАЭС к институту поправок до настоящего времени было вызвано, прежде всего, расширением субъектного состава Союза. Применение института поправок позволило также привести право ЕАЭС в соответствие с новыми реалиями функционирования интеграционного объединения и изменениями конституционных порядков государств-членов. Такие цели следует полагать верными.

Вместе с тем, не всегда цели применения института поправок в рамках евразийских интеграционных процессов являлись надлежащими. Так, например, при принятии Договора о Таможенном кодексе Таможенного союза от 27 ноября 2009 года Решение Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества № 17 предусматривало формирование Специальной рабочей группы уполномоченных представителей Сторон и поручение ей подготовить проект Протокола о внесении изменений и дополнений в Договор.

Таким образом, уже при подписании международного договора государства признавали необходимость внесения в него поправок и принимали меры по осуществлению этой работы до вступления договора в силу. Такой подход к заключению международных договоров, в целом, и к применению института поправок, в частности, представляется неправильным. По нашему мнению, международные договоры должны подписываться только в случае их полной готовности. Если же при подписании договора государства одновременно соглашаются о внесении в него поправок, то это свидетельствует о неготовности договора и неправильном понимании института поправок.

Возвращаясь к поправкам в рамках договоров о ЕАЭС, можно заметить, что в протоколах о поправках не всегда используются единые подходы. Если

при внесении поправок при присоединении Республики Армения протокол о внесении поправок являлся приложением к договору о присоединении, то в случае присоединения Кыргызской Республики такой протокол подписывался отдельно, но оговаривалось, что он является неотъемлемой частью договора о присоединении.

Обращаем также внимание, что в рамках ЕАЭС получила распространение техника оформления поправок в виде приложений к соответствующим протоколам. Практическая целесообразность использования данной техники заключается в том, что основная часть соглашения «не перегружается» массивом положений о внесении поправок, она удобна для восприятия, что имеет большое значение для правоприменителя, а также при осуществлении внутригосударственных процедур в отношении такого соглашения о поправках.

При наличии большого количества вносимых поправок их изложение в виде приложения к соглашению о поправках следует признать обоснованным и полезным.

Полагаем возможным рекомендовать дальнейшее распространение данной практики, в межгосударственных образованиях, членом которых является Республика Беларусь (СНГ и ОДКБ), а также информирование о ней государственных органов и организаций Республики Беларусь, которые вовлечены в процесс заключения международных договоров.

СУВЕРЕНИТЕТ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ: AN EST?

А.В. Жалдыбин

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, alexey.zhaldybin@gmail.com*

В статье рассматривается актуальная в современное время проблема содержания принципа суверенитета в киберпространстве. Отмечается, что из широкого спектра международно-правовых проблем, присущих кибербезопасности, указанный принцип закономерно пользуется большим вниманием в силу особой чувствительности вопроса — в зависимости от квалификации инцидента в качестве (не) нарушающего суверенитет государство (не) имеет право применять ответные меры. Целью статьи является установление на основе анализа доктринальных источников, международно-правовых документов, а также практики государств основных теорий к применимости принципа суверенитета к киберпространству. Объектом исследования является суверенитет. Предметом исследования является принцип суверенитета в контексте киберпространства. В ходе исследования сделан вывод о существовании государственного суверенитета в киберпространстве, рассмотрены кибератаки, которые могут быть квалифицированы в качестве нарушения суверенитета государства, определено проблемное поле, связанное с дальнейшим развитием регулирования вопроса.

Ключевые слова: суверенитет; государство; кибератака; кибербезопасность; критическая инфраструктура; Таллинское руководство.

SOVEREIGNTY IN CYBER SPACE: AN EST?

A.V. Zhaldybin

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article assesses a presently topical issue of the contents of sovereignty principle in cyber space with respect to constantly growing number of occurring cyberattacks. It is observed that within

the framework of the whole spectrum of international legal problems related to cyber security, the principle naturally attracts a lot of attention due to its particular sensitivity— depending on qualification of an incident as (non-) violating sovereignty a state may (not) have the right to act in response. The purpose of the article is to determine relevant approaches towards applicability of sovereignty principle basing of a variety of doctrinal sources, international legal documents as well as state practice. The object of the study is sovereignty. The subject of the study is the content of the principle of sovereignty is cyberspace. In the course of the study it was determined that the principle of state sovereignty is applicable to cyber space as well as elaborated on the issues of cyberattacks that may be qualified as violating state's sovereignty and challenges with respect to forthcoming development of the problem.

Key words: sovereignty; state; cyberattack; cyber security; critical infrastructure; Tallinn manual.

Современная картина мира такова, что едва ли каждый месяц в информационную повестку дня попадают громкие новости об очередном инциденте в киберпространстве: их спектр варьируется, начиная с заражений тысяч компьютеров вирусами-вымогателями (Wanna Cry, Petya и др.) [1] и заканчивая атаками на критическую инфраструктуру государства [2]. Если ранее каждый такой случай сопровождался широким общественным резонансом, то в настоящее время все чаще реакция на такие события весьма сдержана и сводится к активизации деятельности компетентных служб по выявлению и борьбе последствиями данных инцидентов. Вследствие учащающейся динамики их совершения в литературе проблемы кибербезопасности относят к разряду наиболее очевидных вызовов для человечества в XXI веке и ставят на одну ступень, например, с глобальным потеплением [3].

В процесс выработки оптимальных решений для предотвращения киберинцидентов, а также определения механизма их противодействию широко вовлечено академическое сообщество. Наиболее выдающимся академическим трудом международного коллектива авторов принято считать Таллинское руководство по международному праву, применимому к кибервойне 2017 г. [4] (актуальная версия 2.0.) (далее – Таллинское руководство), которое помимо регулирования широкого круга международно-правовых вопросов, связанных с применением кибератак в межгосударственных отношениях, также определяет наиболее важные концепты применительно к киберпространству. Оба данных направления находятся в тесной взаимосвязи, в связи с чем, прежде чем ответить на один из наиболее существенных вопросов права кибербезопасности: «Нарушается ли суверенитет государства в случае совершения в отношении него кибератаки?», – необходимо определить, можно ли вообще говорить о распространении государственного суверенитета на киберпространство. Данный вопрос сложно назвать новым [5, с. 678], однако по сегодняшний день он не потерял своей актуальности.

В настоящее время в литературе встречается концепция, в соответствии с которой суверенитета в киберпространстве не существует. Исследователями отмечается противоречие между принципом суверенитета и самим «духом» интернета, который основывается на идее неограниченного доступа, в то время как государственная машинерия слишком громоздка, географически и технологически ограничена для регулирования киберпространства [6, с. 179; 7, с. 830]. Вторая линия аргументации данной позиции основывается на утверждении, что киберпространство является общим достоянием человечества (*res communis omnium*) по аналогии с открытым морем, международным воздушным простран-

ством, открытым космосом, а потому не подлежит присвоению каким-либо государством [8, с. 1645].

Вместе с тем более обоснованным, чем вышеуказанный, представляется другой подход, согласно которому государственный суверенитет все же распространяется на киберпространство. Логично утверждение что оно *per se* подразумевает существование соответствующей физической киберинфраструктуры, которая располагается на государственной территории, в отношении которой, бесспорно, распространяется государственная юрисдикция. Кроме того, государства обладают юрисдикцией в отношении осуществляемых на его территории мероприятий в киберпространстве, а также ведут борьбу с киберпреступлениями и др. [9].

В связи с этим рациональным видится подход, воспринятый в Галлинском руководстве, в соответствии с которым при определении суверенитета учитываются три компонента киберпространства: физический (компьютеры, кабели, роутеры, серверы и т.д.), логический (приложения, данные, протоколы, которые непосредственно обеспечивают обмен информацией) и социальный (физические лица и организации, вовлеченные в процессы), в отношении каждого из которых государства реализуют суверенные полномочия [4, с. 20].

Допуская применимость принципа суверенитета к киберпространству в литературе обращается внимание на неидентичность подходов к пониманию содержания суверенитета в разных средах (сухопутное, морское, воздушное, космическое и киберпространство) [11].

Так, например, в случае с космическим пространством согласно статье 2 Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г. «космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела, не подлежат национальному присвоению ни путем провозглашения на них суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами» [12].

Согласно статье 1 Чикагской конвенции о Международной гражданской авиации 1944 г. «Договаривающиеся государства признают, что каждое государство обладает полным и исключительным суверенитетом над воздушным пространством над своей территорией» [13], а несогласованный пролет через воздушное пространство государства является серьезным нарушением международного права [14, с. 54].

В свою очередь в соответствии со статьей 2 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. «суверенитет прибрежного государства распространяется за пределы его сухопутной территории и внутренних вод [...] на примыкающий морской пояс, называемый территориальным морем. [...] Суверенитет над территориальным морем осуществляется *с соблюдением* настоящей Конвенции и других норм международного права» [15]. При этом исходя из принципа свободы навигации Конвенцией прямо предусмотрено право мирного прохода, предполагающее возможность морских судов иностранных государств пересекать территориальное море государства (при соблюдении определенных требований) (статья 17) [15].

Из вышеприведенных примеров видно, что объем суверенитета варьируется в зависимости от особенностей конкретного пространства. Американские исследователи проблематики суверенитета Г. Корн и Р. Тэйлор также отмечают, что принцип суверенитета, бесспорно, является универсальным по своему характеру, однако его содержание зависит от особенностей правового режима кон-

кретной среды [16]. Видится, что данный подход является рациональным, при этом, по нашему мнению, если особенности киберпространства с технической точки зрения международному сообществу уже известны (оно является творением человечества), то отсутствие универсального подхода к пониманию правового режима киберпространства оставляет вопрос содержания принципа суверенитета в киберпространстве без осязаемых перспектив разрешения. В том числе наиболее значимая правовая проблема в данном контексте – квалификация нарушения суверенитета в киберпространстве.

По мнению экспертной группы по подготовке Таллиннского руководства совершенная кибератака будет являться нарушением суверенитета государства в случае, если будет причинен осязаемый физический ущерб (имуществу, гражданам, инфраструктуре и т. д.); выведены из строя элементы киберинфраструктуры; направлена на нарушение (захват) государственных функций [4, с. 20–21]. По нашему мнению, квалификация таких ситуаций не вызывает сомнения в силу очевидности серьезности последствий.

Однако более значимым вызовом на современном этапе является ситуация, в которой субъекты международного права предпринимают попытки использования неопределенностей в правовом регулировании киберпространства. Так, американский юрист Э. Дженсен отмечает, что государства начинают толковать принцип суверенитета в киберпространстве в таком ключе, чтобы при осуществлении кибератак воздействовать на киберинфраструктуру другого государства в объеме, *не оказывающем* негативного воздействия на осуществление последним функций государственного управления [17, с. 741], т.е. в пограничной ситуации, когда есть сложности с квалификацией. Аналогичным образом эксперты, готовившие Таллиннское руководство, оказались не в состоянии ответить на вопрос, будет ли являться нарушением суверенитета ситуация, в которой в результате кибератаки не наносится ни один из вышеуказанных видов ущерба [4, с. 21].

Существенной проблемой в данном отношении является отсутствие достаточного объема международной практики. По мнению главного редактора Таллиннского руководства М. Шмитта наиболее вероятно, что в течение следующих пяти лет изменится понимание содержания именно принципа суверенитета в киберпространстве [18]. Аналогичным образом, советник по правовым вопросам Государственного секретариата США Б. Эган отмечает, что государства сталкиваются с ситуацией правового вакуума в отсутствие конкретной практики. Для изменения сложившейся ситуации государствам необходимо явно и публично высказаться по вопросу применения норм международного права к киберпространству [19, с. 180].

Кроме того, полагается, что данный вопрос следует рассматривать в контексте общей проблемы применения норм международного права к киберпространству, поскольку с принципом суверенитета взаимосвязаны принципы невмешательства, неприменения силы и др. Каждый из них содержит ряд конкретных вопросов, до настоящего момента обсуждаемых лишь в теоретической плоскости. Совершенная в 2007 году кибератака в отношении Эстонии вызвала первую волну обсуждения указанной проблематики, вмешательство в президентские выборы в США в 2016 году — вторую.

Таким образом, можно говорить о дихотомичном характере рассматриваемой проблематики: с одной стороны, совершение кибератак оказывают негатив-

ное влияние на систему международной безопасности, вследствие чего закономерной является работа по их предотвращению, в том числе посредством установления правил поведения в киберпространстве. Однако, с другой стороны, само правовое регулирование может развиваться только базирясь на субстантивной государственной практике, а в рассматриваемом случае — практике совершения кибератак одним государством в отношении другого, повлекших серьезные последствия. Например, если в ответ на кибератаку на объект критической инфраструктуры (атомную электростанцию и др.) государство ответит кинетической атакой в порядке реализации права на самооборону. Данная ситуация станет тем необходимым мощным импульсом к развитию правового регулирования кибербезопасности, которое поспособствует поиску ответов на имеющиеся вопросы. Вместе с тем полагаем, что одного инцидента будет недостаточно для развития регулирования, как, например, в случае с запуском первого искусственного спутника Земли 4 октября 1957 года в контексте космического права. Доступ к космическому пространству в силу технологических, финансовых и других аспектов фактически имеет лишь небольшое количество государств, а формирование практики в этой отрасли сопряжено с большим расходом ресурсов. В свою очередь киберпространство покрывает абсолютно все без исключения страны в независимости от уровня их развития. Очевидно, что осуществление разрушительных кибератак *ipso facto* предполагает наличие развитой технологической базы, однако доступ к данной среде не предполагает значительных ограничений. Это дает основание полагать, что достаточно большой круг субъектов теоретически сможет внести вклад в развитие необходимой практики: больший, чем круг государств, форсирующих формирование практики в других сферах международного права, связанных с научно-техническим прогрессом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Cyber-attack: Europol says it was unprecedented in scale [Electronic resource]: BBC. – Mode of access: <https://www.bbc.com/news/world-europe-39907965>. – Date of access: 15.01.2019.
2. Smith, R. Russian Hackers Reach U.S. Utility Control Rooms, Homeland Security Officials Say [Electronic resource] / R.Smith // Wall Street Journal. – Mode of access: <https://www.wsj.com/articles/russian-hackers-reach-u-s-utility-control-rooms-homeland-security-officials-say-1532388110?redirect=amp>. – Date of access: 15.01.2019.
3. Feledy, B. Cyber security and Sovereignty Two levels of digital autonomy [Electronic resource] / BotondFeledy // Think Vishegrad. – Mode of access: <http://europeum.org/data/articles/8-feledy>. – Date of access: 15.01.2019.
4. Tallinn Manual on the International Law Applicable to Cyber Warfare / M.N. Schmitt [and others] M.N. Schmitt ed. – 2nd ed. – Cambridge University Press, 2017. – 598 p.
5. Wu, T.S. Cyberspace Sovereignty? – the Internet and the International System / T.S.Wu // Harvard Journal of Law&Technology. – 1997. – Vol.10 (3). – P. 647–666.
6. Boyle, J. Foucault in cyberspace: surveillance, sovereignty and hardwired censors/ J. Boyle // University of Cincinnati law review. – 1997. – Vol.66. – P.177–206.
7. Lotrionte, C. State sovereignty and self-defense in cyberspace: a normative framework for balancing legal rights / C.Lotrionte // Emory international law review. – 2012. – Vol. 26. – P. 825–919.
8. Shmitt, N., Vihul, L. Respect for Sovereignty in Cyberspace / N.Schmitt, L.Vihul // Texas law review. – 2017. –Vol. 95. – P. 1640–1671.
9. Cyberspace Policy Report to Congress Pursuant to the National Authorization Act for fiscal year 2011 [Electronic resource]: U.S. Department of Defense. – Mode of access: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB424/docs/Cyber-059>. – Date of access: 15.01.2019.

10. Island of Palmas case (Netherlands vs. USA), Arbitral Award / Permanent Court of Arbitration, 4 April 1928 [Electronic resource]. – Mode of access: http://legal.un.org/riaa/cases/vol_II/829-871.pdf. – Date of access: 15.01.2019.
11. Assessment of international legal issues in information operations [Electronic resource]: U.S. Department of Defense. – Mode of access: <http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/dod-io-legal/dod-io-legal>. – Date of access: 15.01.2019.
12. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела [Электронный ресурс]: прин. резолюцией 2222 (XXI) Генер. Ассамблеи, 19 декабря 1966 г. // Организаций Объединенных Наций. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml. – Дата доступа: 15.01.2019.
13. Конвенция о международной гражданской авиации [Электронный ресурс]: [заключена в г. Чикаго 07.12.1944 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
14. Engvers, A. The Principle of Sovereignty in the Air. To what extent can it be upheld against aerial intruders? / A.Engvers. – Lund: Lund University Press, 2001. – 59 p.
15. Конвенция ООН по морскому праву [Электронный ресурс]: [заключена в г. Монтего Бей 10.12.1982 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
16. Corn, G. Tallinn Manual 2.0 – Advancing the Conversation [Electronic resource] / G. Corn // Just security. – Mode of access: <https://www.justsecurity.org/37812/tallinn-manual-2-0-advancing-conversation>. – Date of access: 15.01.2019.
17. Jensen, E.T. The Tallinn Manual 2.0: Highlights and Insights / E.T.Jensen // Georgetown Journal of International law. – 2017. – Vol. 48. – P. 735–778.
18. Schmitt, M. N. Remarks at the Atlantic Council Meeting: “Tallinn Manual 2.0 on the International law Applicable to cyber operations” [Electronic resource] / M.N.Schmitt // Atlantic Council. – Mode of access: <https://www.atlanticcouncil.org/events/webcasts/international-law-and-cyber-operations-launch-of-the-tallinn-manual-2-0>. – Date of access: 15.01.2018.
19. Egan, B. J. International law and stability in cyberspace / B.J. Egan // Berkeley Journal of International Law. — 2017. — Vol. 35. — P. 169—180.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СВОБОДЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ УСЛУГ В РАМКАХ ЕС И ЕАЭС

М.В. Полудеткина¹⁾, И.С. Кузнецова²⁾

¹⁾*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, poludetkinamv@gmail.com*

²⁾*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, kuznetsova.i.s@mail.ru*

В Европейском Союзе (ЕС) на данный момент, как и в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) действует свобода предоставления услуг. Актуальность данной статьи обоснована высокой значимостью рынка услуг в интеграционных объединениях, а также тем, что процесс либерализации предоставления услуг является одним из самых неравномерных. В статье представлен сравнительный анализ правового регулирования свободы предоставления услуг в ЕС и ЕАЭС, на основании которого выявлены сходства и различия в подходах к правовому регулированию данной свободы.

Ключевые слова: услуга; свобода предоставления услуг; ЕС; ЕАЭС.

LEGAL REGULATION OF THE FREEDOM OF THE PROVISION OF SERVICES UNDER EU AND EAEU

M. Poludetkina^a, I. Kuznetsova^b

^a*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

^b*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

Corresponding author: I. Kuznetsova (kuznetsova.i.s@mail.ru)

Nowadays in the European Union (EU), as in the Eurasian Economic Union (EAEU), freedom to provide services exists. The relevance of this article is justified by the high importance of the services market in integration associations, as well as by the fact that the process of liberalization of the provision of services is one of the most uneven. The article presents a comparative analysis of the legal regulation of the freedom to provide services in the EU and the EAEU, on the basis of which the similarities and differences in the approaches to the legal regulation of this freedom are revealed.

Key words: services; freedom of services; EU; EAEU.

По данным Всемирной торговой организации (ВТО) на 1 октября 2018 г. зарегистрировано 288 региональных торговых соглашений, устанавливающих ту или иную степень экономической интеграции — зон свободной торговли, таможенных союзов, иных форм интеграции. Одну из ключевых причин заключения таких соглашений играет мировая торговля услугами, являющаяся важной частью мировой экономики и играющая центральную роль для многих государств-участников таких соглашений. Так, например, в 2016 г. на международную торговлю услугами ЕС пришелся 31 % от общей стоимости торговли товарами и услугами [1].

В настоящее время неотъемлемой частью таких соглашений являются положения о свободе движения услуг. Свобода передвижения услуг является основной наряду со свободами передвижения товаров, капиталов и лиц как в ЕС, так и в ЕАЭС.

В ЕС данная свобода существовала еще с учреждения Европейского экономического сообщества (ЕЭС). В Договоре об учреждении ЕЭС 1957 г. был установлен запрет вводить новые ограничения на свободу предоставления услуг, которая уже фактически существует к моменту вступления в силу вышеуказанного договора, если в нем не предусмотрено иное. Данное правило являлось общим и действовало в отношении всех свобод. Однако в Договоре об учреждении ЕЭС 1957 г. положения о свободе предоставления услуг играли второстепенную роль и не были урегулированы [2, с. 95].

На настоящий момент можно сказать, что регулирование данной свободы в учредительных документах ЕС не претерпело больших изменений. Так, в соответствии со ст. 57 Договора о функционировании ЕС 1957 г. (ДФЕС) [3] «услугами» признаются те предоставляемые услуги, которые обычно оказываются за вознаграждение, в той мере, в какой они не подпадают под действие положений о свободном передвижении товаров, капиталов и лиц. В вышеназванной статье также указаны сферы деятельности, которые включают в себя услуги, как например, деятельность торгового и промышленного характера, ремесленная деятельность и деятельность свободных профессий. Таким образом, основополагающим критерием, отличающим услуги от других сфер деятельности, является возмездный характер их оказания.

Из вышесказанного можно констатировать тесную взаимосвязь между свободой предоставления услуг и свободами передвижения товаров, лиц и капиталов. Вместе с тем каждая из свобод имеет свое специфическое содержание.

Существенный вклад в последующее толкование понятия услуги, разграничение свободы предоставления услуг от других свобод внутреннего рынка внесла практика Суда ЕС (в частности, в таких решениях, как C-55/94 Gebhard v. Consiglio dell'Ordine degli Avvocati e Procuratori di Milano, (1995); C-191/97 Deliege v. Ligue Francophone de Judo and Disciplines Associees ASBL; Ligue Belge de Judo ASBL and others (2000) и др.).

Таким образом, под услугами в праве ЕС следует понимать деятельность промышленного или торгового характера, ремесленную деятельность и деятельность свободных профессий, а также деятельность, не подпадающую под действие положений ДФЕС, регулирующих свободы движения товаров, лиц и капиталов. Такая деятельность должна осуществляться за вознаграждение, носить трансграничный и временный характер.

Идея четырех свобод на пространстве Содружества Независимых Государств, включая свободу движения услуг, получила свое нормативное закрепление еще в Договоре о создании Экономического союза 1993 г. Чуть позже, в Договоре о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве (ЕЭП), заключенном в 1999 г., формированию общего рынка услуг был посвящен отдельный раздел главы IV, регламентировавший вопросы создания ЕЭП. В Соглашении о формировании Единого экономического пространства 2003 г. в качестве одной из главных задач было определено создание условий для свободного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а чуть позже в 2010 г. было подписано Соглашение о торговле услугами и инвестициях в государствах — участниках Единого экономического пространства [4, с. 12—13].

В Договоре о Евразийском экономическом союзе 2014 г. (Договор о ЕАЭС) общим вопросам, связанным с торговлей услугами, посвящен раздел XV «Торговля услугами, учреждение, деятельность и осуществление инвестиций» [5].

Раздел XV Договора о ЕАЭС дополнен Протоколом о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций (Протокол), являющимся приложением № 16 к Договору о ЕАЭС и определяющим правовые основы вышеуказанных видов деятельности в государствах-членах ЕАЭС.

Стоит заметить, что определение термина «услуги» в Договоре о ЕАЭС не дано. В соответствии с п. 7 части II Протокола сектора услуг определяются и классифицируются на основе Международного классификатора основных продуктов, утвержденного Статистической комиссией Секретариата Организации Объединенных Наций. На основании Договора о ЕАЭС Решением Высшего Евразийского экономического совета от 2014 г. № 110 утверждены списки секторов услуг, в которых функционирует единый рынок услуг с 2015 г. [6]. При этом стоит заметить, что государства-члены ЕАЭС проводили собственную политику по присоединению к ВТО, как результат, секторальный охват по обязательствам, их глубина разнятся в зависимости от государства-члена, что создает трудности на пути формирования единого рынка услуг.

Вместе с тем следует отметить, что в Протоколе дано определение «торговли услугами» под которой понимается поставка услуг, включающая в себя производство, распределение, маркетинг, продажу и доставку услуг и осуществляемая следующими способами: с территории одного государства-члена на территорию любого другого государства-члена; на территории одного государства-члена лицом этого государства-члена получателю услуг другого государства-

члена; поставщиком услуг одного государства-члена путем учреждения на территории другого государства-члена; поставщиком услуг одного государства-члена путем присутствия физических лиц этого государства-члена на территории другого государства-члена (п. 22 части II).

На основании анализа Протокола можно сделать вывод, что под услугой понимается все то, что не является товаром.

Таким образом, в праве ЕС раскрыто содержание понятия услуги, что, в первую очередь, объясняется необходимостью разграничения сферы действия положений, касающихся свободы движения услуг и других основных свобод, в то время как в рамках ЕАЭС пошли по пути описания способов поставки услуг.

Ключевым положением в содержании свободы предоставления услуг является запрет ограничения свободного предоставления услуг внутри ЕС гражданами государств-членов, учредившими собственное дело в ином государстве-члене чем то, где находится получатель услуги. В отношении свободы предоставления услуг действует общий запрет дискриминации, как и в отношении других свобод. Свобода предоставления услуг реализуется с следующих случаев: передвижение лица на территорию другого государства с целью оказания услуг; передвижение лица на территорию другого государства с целью получения услуг; передвижение услуг без сопутствующего передвижения лиц.

Правовой механизм регулирования свободы предоставления услуг в ЕАЭС заключается в фундаментальных основах построения общего рынка услуг, таких, например, как предоставление национального режима либо режима наибольшего благоприятствования услугам, поставщикам и получателям услуг государств-членов ЕАЭС, обеспечение транспарентности, административного сотрудничества, сохранение сторонами определенных ограничений в отношении тех или иных услуг и видов деятельности.

В соответствии с п. 1 ст. 66 Договора о ЕАЭС государства-члены не будут вводить новые дискриминационные меры в отношении торговли услугами, учреждения и деятельности лиц других государств-членов по сравнению с режимом, действующим на дату вступления в силу Договора о ЕАЭС. В целях обеспечения свободы торговли услугами государства-члены будут проводить поэтапную либерализацию условий взаимной торговли услугами, руководствуясь принципами оптимизации внутреннего регулирования, пропорциональности, взаимной выгоды, последовательности, экономической целесообразности.

Несмотря на запрет ограничений для свободы предоставления услуг как в ЕС, так и в ЕАЭС, существуют случаи, когда такие ограничения могут быть оправданы.

В соответствии со ст. 58 ДФЕС транспортные, банковские и страховые услуги исключаются из сферы действия положений относительно свободы предоставления услуг. Данную статью дополняет Директива 2006/123/ЕС, которая устанавливает дополнительный перечень услуг, которые исключаются из сферы действия положений относительно свободы предоставления услуг [7]. Более того, не все услуги либерализованы. В соответствии со ст. 59 ДФЕС в целях либерализации конкретных услуг Европейский парламент и Совет, постановляя в соответствии с обычной законодательной процедурой и после консультации с Экономическим и социальным комитетом, принимают меры посредством директив. В соответствии со ст. 62 ДФЕС действуют и ряд других ограничений: поло-

жения о свободе предоставления услуг не применяются к деятельности, сопряженной в данных государствах с участием, даже эпизодическим, в осуществлении публичной власти; государства-члены могут ограничить свободу предоставления услуг по соображениям общественного порядка, общественной безопасности и общественного здоровья.

В соответствии со п. 2 ст. 65 положения раздела XV Договора о ЕАЭС не применяются: к государственным (муниципальным) закупкам; к поставляемым услугам и осуществляемой деятельности во исполнение функций государственной власти. Регламентированы иными разделами Договора о ЕАЭС и финансовые услуги, услуги естественных монополий, услуги в сфере энергетики и транспорта. В соответствии с п. 4 ст. 65 особенности правоотношений, возникающих в связи с торговлей услугами электросвязи, определяются в соответствии с Порядком торговли услугами электросвязи (приложение № 1 к Протоколу).

Договором о ЕАЭС предусмотрен ряд случаев, когда государства-члены могут вводить ограничительные меры для своего рынка услуг. Изъятия и ограничения предусмотрены национальными перечнями, которые утверждены Решением Высшего Евразийского экономического совета от 2014 г. № 112 [8].

Таким образом, законодательство ЕС и ЕАЭС в сфере свободы предоставления услуг основываются на едином фундаменте — создании общего рынка, и таким образом, действует на основе похожих принципов, таких как взаимность, недискриминация и др. Как в ЕС, так и в ЕАЭС существуют ряд ограничений свободы предоставления услуг. И если в целом в ЕС достигнут достаточно высокий уровень либерализации услуг, то в ЕАЭС можно отметить определенные трудности на пути формирования единого рынка услуг в силу возможности введения государствами-членами ограничительных мер для своего рынка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мировая торговля услугами: статистика 2016 г. // Европейский Союз [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/World_trade_in_services. – Дата доступа: 15.01.2019.
2. Постникова, Е.В. Эволюция правового регулирования свободы предоставления услуг в Европейском Союзе / Е.В. Постникова // Интеграционное право и наднациональные объединения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=22327. – Дата доступа: 15.01.2019.
3. Consolidated Version of the Treaty on the functioning of the European Union // Official EN Journal of the European Union [Electronic resource]. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012E/TXT>. – Date of access: 10.01.2019.
4. Лепешков, Ю.А. Эволюция правового регулирования свободы движения услуг: от общего рынка к Евразийскому экономическому союзу / Ю.А. Лепешков // Журн. междунар. права и междунар. отношений – 2016 – № 3-4 (78–79). – С. 10–16.
5. Договор о Евразийском Экономическом Союзе // Евразийский Экономический Союз [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/. – Дата доступа: 15.01.2019.
6. Об утверждении перечня секторов (подсекторов) услуг, в которых функционирует единый рынок услуг в рамках Евразийского экономического союза: решение Высш. Евраз. экон. совета от 23 дек. 2014 г. № 110 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nostroy.ru/department/folder_normativ/edinoe-prostranstvo/docs/reshenie_vysshego_evrazes_ot_23_12_2014_110.pdf. – Дата доступа: 15.01.2019.
7. Directive 2006/123/EC of the European Parliament and of the Council of 12 December 2006 on services in the internal market // Official Journal L 376/36, 27.12.2006 [Электронный ре-

сурс]. – Режим доступа: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri= CELEX: 32006L0123&from=EN](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32006L0123&from=EN). – Дата доступа: 15.01.2019.

8. Об утверждении индивидуальных национальных перечней ограничений, изъятий, дополнительных требований и условий в рамках Евразийского экономического союза для Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации : решение Высш. Евраз. экон. совета от 23 дек. 2014 г. № 112 [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_ 127744/ 92d3e3d030 94ed76da5c15fa72b687f1cebd5931/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_127744/92d3e3d03094ed76da5c15fa72b687f1cebd5931/). – Дата доступа: 16.01.2019.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ОРУЖИЯ И ЕГО ТИПОВ В СОВРЕМЕННОЙ ДОКТРИНЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

А.Н. Старовойтова

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, alinastaravoitava@gmail.com*

В статье анализируются доктринальные подходы к понятию оружия в современном международном праве и его современной классификации. Отмечается, что в условиях современного технического прогресса современной доктрине международного права существует проблема определения критериев оружия и вооружений, а также принципов их разграничения и классификации с целью создания эффективных методов правового регулирования их использования и торговли теми или иными типами оружия. Целью статьи является установление на основе анализа доктринальных источников актуальных подходов к понятию оружия и его классификации. Объектом исследования является оружие как категория в международном праве. Предметом исследования является понятие и классификация оружия в доктрине международного права. В ходе исследования сделан вывод об отсутствии чётко сформулированных критериев и понятий оружия, соответствующих современным реалиям технического прогресса и связанного с ним появления киберпространства.

Ключевые слова: оружие; вооружение; оружие массового поражения; кибероружие; автономные системы вооружений; товары и технологии двойного назначения.

TOWARDS A CONCEPT OF WEAPONS AND ITS TYPES IN THE MODERN DOCTRINE OF INTERNATIONAL LAW

A.N. Staravoitava

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article analyzes doctrinal approaches to the concept of weapons in modern international law and its modern classification. It is observed that in a changing technological environment, there is the problem of determining the criteria for weapons in the modern doctrine of international law, as well as the principles of their differentiation and classification in order to create effective methods of legal regulation of their use and trade in certain types of weapons. The purpose of the article is identifying approaches to the concept of weapons and its classification basing of a variety of doctrinal sources. The object of the study is the weapon as a category of international law. The subject of the study is a concept and classification of weapons in the doctrine of international law. In the course of the study it was determined that there are no clearly defined criteria and concepts of weapons, corresponding to the modern realities of technical progress and the associated emergence of cyberspace.

Key words: arms; weapons; weapons of mass destruction, cyber weapons; autonomous weapons systems; dual-use goods and technologies.

В доктрине международного права общепризнанного понятия оружия как такого не существует; данный вопрос является сферой исследования доктрины национального уголовного права. Белорусский учёный-криминалист А.Е. Гучок

определяет оружие как «устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живых и иных целей (людей, животных, техники, зданий, сооружений и т.п.), а также подачи сигналов» [1]. Ещё один белорусский криминалист А.М. Браусов разграничивает понятия оружия и вооружения, под которым он понимает «боевое оружие и иная продукция военного назначения: боевая техника (боевые танки, боевые бронированные машины, артиллерия, боевые самолёты и т. п.), средства связи, радиолокационное оборудование, средства прицеливания, навигационные приборы и тому подобное» [2]. В то же время А.М. Браусов не даёт отдельного определения для боевого оружия, однако исходя из данного выше определения вооружения следует, что автор различает боевую технику и боевое оружие.

Наиболее удачной, по нашему мнению, является дефиниция В.М. Шумилова, так как она заостряет внимание на целевых характеристиках, а не на форме и происхождении объекта: «оружие – общее название устройств, предметов и средств, конструктивно предназначенных для убийства людей и животных и/или выведения из строя техники и сооружений сторон, вольно либо невольно участвующих в конфликте с применением оружия» [3, с. 221]. И Шумилов, и Гучок выделяют в своих определениях основной признак оружия — конструктивное предназначение наносить ущерб.

В сфере международного права внимание учёных обращено на так называемые «обычные виды вооружений», «конвенционные вооружения» (англ. – *conventional weapons or conventional arms*) или же просто «обычное оружие» и оружие массового поражения.

Под обычным оружием, по мнению доктора российского ученого Д.О. Рогозина понимают «традиционные средства поражения, обладающие ограниченным боевым воздействием на объекты поражения» (9.8.1.) [4]. Обычно оружие, а также конвенционное или обычное оружие как в доктрине, так и в международно-правовых документах определяется через перечисление конкретных его видов.

По мнению Акронимического института по разоруженческой дипломатии, с 1995 года занимающегося пропагандой эффективных подходов к международной безопасности, разоружению и контролю над вооружениями¹, обычные вооружения варьируются от танков, военных кораблей, истребителей и беспилотных летательных аппаратов с дистанционным управлением до «стрелкового оружия и легких вооружений», признанной ООН категории, которая охватывает пулеметы, винтовки, ручные пушки [5].

Некоторые учёные, например, Д.О. Рогозин [4], полагают, что к обычному оружию относится фактически всё оружие, не являющееся оружием массового поражения и оружием, запрещённым международными договорами. Однако, на наш взгляд, такой подход к пониманию обычного оружия является слишком широким, так как фактически к обычному оружию причисляется и средства, используемые, например, при кибератаках, которые в своё время отличаются от

¹Взаимодействуя с правительствами и гражданским обществом, Акроним обеспечивает отчетность, анализ по целому ряду вопросов, имеющих отношение к миру и безопасности, уделяя особого внимания договорам и многосторонним инициативам. Источник: <http://www.acronym.org.uk/old/archive/index.htm>

конвенционного оружия своей природой и принципами воздействия на поражающие объекты. Основная проблема состоит в определении именно обычного оружия. Оружие же массового поражения легко определить, так как оно характеризуется многосторонним поражающим действием на объект применения. К нему традиционно относят химическое, биологическое и ядерное оружие.

Для современного международного права также актуальна проблема товаров и технологий двойного назначения. Под технологиями двойного назначения «понимают технологии и научно-техническую информацию, которые используются в гражданских целях, но могут быть применены для производства вооружения и военной техники» [6]. Главным вопросом в этой среде является возможность отнесения таких товаров и технологий к оружию как таковому. По нашему мнению, товары и технологии двойного назначения должны сохранять за собой свой особенный статус и не приравниваться к обычным видам оружия, однако такие товары и технологии должны приравниваться к оружию по критерию функционального характера, то есть при наличии предусматриваемой способности нанесения ущерба в военных целях. Данное явление не является абсолютно новым для человечества, так как на протяжении истории человечества гражданские объекты и изобретения, например, оптические технологии, нередко использовались для нанесения ущерба. В.Н. Рассадин и А. Санчес-Андрес отмечают: «Условия развития производства продукции гражданского назначения на оборонных предприятиях предусматривали возможность быстрой переналадки производственных линий для изготовления продукции военного назначения. Этим обуславливались технологии, применяемые в гражданском производстве, как и свойства готовой продукции. Типичный пример – производство машин для сельского хозяйства. Оно создавалось с таким расчетом, чтобы его можно было быстро перестроить на военные нужды, т. е. сельскохозяйственная техника должна была иметь узлы с характеристиками, сходными с военными» [7, с. 35–36].

Ещё одной категорией оружия, представляющей интерес для международного права, является так называемое автономное оружие, способное самостоятельно без вмешательства со стороны человека разыскивать, выявлять и поражать цели [8, с.349]. Проблема автономных систем вооружения сегодня является популярной темой для исследования в западной доктрине: данной теме посвящены работы С. Крепс и М. Зенко [9], М. Ваксмана и К. Андерсон [10], М. Сассоли [11] и других. Специальный докладчик по правам человека К. Хейнс в своём докладе отметил, что автономное оружие может ослабить роль и верховенство международного права и подорвать международная система безопасности; его появление требует от государств и международных организация новых шагов [12, п.30]. К. Хейнс полагает, что «автономный» следует отличать от «автоматического» или «автоматизированного». Автоматические системы, как бытовые приборы, работают внутри предсказуемой среды. Автономные системы могут функционировать в открытой среде и динамично изменяющихся обстоятельствах. Как таковые их действия (как у людей) могут в конечном счете быть непредсказуемыми, особенно в таких хаотичных ситуациях, как вооруженный конфликт, особенно когда они взаимодействуют с другими автономными системами. [12, п. 42]

Оружие также можно классифицировать на кинетическое и некинетическое. Белорусский учёный Е.Н. Пушенко даёт следующее определение: «Кинетическое

оружие – оружие, воздействующее на цель посредством твердого тела (например, стрела, пуля, снаряд), используемого в качестве поражающего элемента» [13].

В современном мире одной из самых актуальных тем является практика совершения кибератак, возможность ведения кибервойн, а также вопрос безопасности киберпространства. В связи с этим большую важность приобретает вопрос кибероружия и его применения. В настоящее время термин «кибероружие» распространен в средствах массовой информации, нередко появляется в официальных заявлениях государственных должностных лиц. Тем не менее официального и общепризнанного понятия кибероружия на сегодняшний момент нет. В доктрине международного права есть некоторые исследования по данному вопросу. Так, по мнению специалиста по кибербезопасности Московского государственного института международных отношений (МГИМО) В.В. Каберника, под кибероружием «в настоящее время понимаются самые разнообразные технические и программные средства, чаще всего направленные на эксплуатацию уязвимостей в системах передачи и обработки информации или программотехнических системах» [14]. Также он отмечает, что кибероружие не обязательно воздействует только на компьютерные системы – оно также может иметь своей целью поражения любую систему «с обратной связью. Необходимым условием при этом является управляемость объекта воздействия, предсказуемость его реакций» [14].

Вопрос классификации оружия в доктрине международного права и её эволюции является актуальным и интерес для междисциплинарных исследований, так как, учитывая технических прогресс и влияние информационных разработок на жизнь человечества, нельзя не учесть и увеличение разнообразия средств и способов, которые могут быть использованы в вооруженном конфликте или в целях самообороны. На сегодняшний день ни в доктрине международного права, ни в международно-правовых документах не выработаны критерии и общие характеристики оружия и обычного/конвенционного оружия или вооружений, (а также основания их различия), на основании которых было бы возможно эволюционное толкования понятия, а также расширение этого понятия и отнесения к данному типу оружия новых видов, изобретаемых или которые могут быть изобретены в недалёком будущем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белорусская юридическая энциклопедия : в 4 т. / БГУ, Юридический фак. ; [редкол.: С. А. Балашенко и др.]. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2009. – Т. 2. – С. 513–514.
2. Белорусская юридическая энциклопедия : в 4 т. / БГУ, Юридический фак. ; [редкол.: С. А. Балашенко и др.]. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. – Т. 1. – С. 244.
3. Шумилов, В. М. Международное право / В. М. Шумилов. – М. : Проспект, 2007. – 486 с.
4. Рогозин, Д. Война и мир в терминах и определениях : Военно-политический словарь / Д. Рогозин. – М. : Порог, 2004. – 334 с.
5. Conventional weapons [Electronic resource] //The Acronym Institute for Disarmament Diplomacy – Mode of access: <http://www.acronym.org.uk/old/directory/proliferation-challenges/conventional-weapons>. – Date of access: 23.03.2018.
6. Ковтун А. Л., Поклонский Д. Л. Анализ значимости технологий двойного назначения в современном рассмотрении проблем биологической безопасности (рус.) // Молекулярная медицина : журнал. – 2012. – № 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://molmed.rusvrach.ru/archive/molecmed-2012-05-03.pdf>. — Дата доступа: 23.02.2018.
7. Рассадин В. Н., Сначес-Андерс А. Технологии двойного назначения в оборонной промышленности и перспективы их использования (рус.) // Проблемы прогнозирования. – 2001. – № 6. – С. 35–42.

8. Дакашев, М. Ж. Сложности в области применения автономных систем вооружений / М. Ж. Дакашев // Молодой ученый. – 2016. – № 15. – С. 349–350.
9. Sarah Kreps. The next drone wars [Electronic resource] / Sarah Kreps, Micah Zenko. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2014-02-12/next-drone-wars>. – Date of access: 24.02.2018.
10. Matthew Waxman. Law and ethics for autonomous weapon systems: Why a ban won't work and how the laws of war can [Electronic resource] / Matthew Waxman, Kenneth Anderson. – Mode of access: www.cfr.org/drones/law-ethics-autonomous-weapon-systems-why-ban-wont-work-laws-war-can/p30445. – Date of access: 24.02.2018.
11. Sassoli, Marco. Autonomous Weapons and International Humanitarian Law: Advantages, Open Technical Questions and Legal Issues to be Clarified [Electronic resource] / Marco Sassoli // International Law Studies. – 2014. – Vol. 90. – Mode of access: <https://archive-ouverte.unige.ch/unige:37976>. – Date of access: 4.05.2018.
12. Report of the Special Rapporteur on extrajudicial, summary or arbitrary executions, Christof Heyns [Electronic resource] : A/HRC/23/47. – Mode of access: http://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/RegularSession/Session23/A.HRC.23.47_EN.pdf. – Date of access: 24.02.2018.
13. Пушенко, Е. Н. Принципы стрельбы из орудий будущего. Развитие и модернизация артиллерийского вооружения и боевого применения на основе современных требований : межвузовский научно-практический семинар (26 октября 2016 г., Минск) : сб. тезисов докладов / Е. Н. Пушенко ; М-во обороны РБ, БГУ, Военный фак. ; [редкол.: А. Ф. Рудник (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2016. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/163895?mode=full>. – Дата доступа: 20.04.2018.
14. Каберник, В. В. Проблемы классификации кибероружия / В. В. Каберник // Вестник МГИМО Университета. – 2013. – Вып. № 2 (29). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-klassifikatsii-kiberoruzhiya>. – Дата доступа: 10.03.2018.

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ ПО КРИМИНАЛИЗАЦИИ ПЫТОК

В.Л. Фёдорова

Белорусский государственный университет

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, gomellawyer@gmail.com

Несмотря на существующие нормы в области прав человека и международного гуманитарного права, которые запрещают применение пыток при любых обстоятельствах, пытки практикуются более чем в половине стран мира. Несоответствие абсолютного запрета пыток и их повсеместного распространения свидетельствует о том, что государства не всегда принимают надлежащие эффективные меры, одной из которых является установление уголовной ответственности за пытки в национальном законодательстве. Цель исследования — определить подходы международных судебных органов и Комитета против пыток к обязательству криминализовать пытки, разработать рекомендации по совершенствованию законодательства. Автор приходит к выводу, что обязательство установить ответственность и наказание за пытки является неотъемлемой частью эффективной системы запрета пыток и вносит предложение по изменению законодательства Республики Беларусь, способствующее предупреждению пыток и направленное на выполнение государством своих обязательств по Конвенции против пыток, а также рекомендаций Комитета против пыток и Комитета по правам человека.

Ключевые слова: обязательства государств; запрет пыток; преступление; криминализация; уголовная ответственность.

THE OBLIGATIONS OF STATES TO CRIMINALIZE TORTURE

V.L. Fedorova

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

Despite existing human rights and international humanitarian law, which prohibits the use of torture in all circumstances, torture is practiced in more than half of the countries in the world. The discrepancy between the absolute prohibition of torture and its widespread distribution indicates that states do not always take appropriate effective measures, one of which is to establish criminal responsibility for torture in national legislation. The purpose of the study is to determine the approaches of the international judicial bodies and the Committee against Torture to the obligation of states to criminalize torture, to develop recommendations for the improvement of legislation. The author concludes that the obligation to establish responsibility and punishment for torture is an integral part of an effective system for prohibiting torture and makes a proposal to amend the legislation of the Republic of Belarus, helping to prevent torture and aimed at fulfilling its obligations under the Convention against Torture, as well as the recommendations of the Committee against Torture and the Human Rights Committee.

Key words: obligations of states; torture prohibition; crime; criminalization; criminal liability.

Эффективная система запрета, предупреждения и расследования пыток является необходимым условием соблюдения прав человека. По состоянию на 16 января 2019 года 163 государства ратифицировали Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 года (далее – Конвенция против пыток), что свидетельствует о международном консенсусе в вопросе ликвидации пыток и жестокого обращения.

Статья 4 Конвенции против пыток создает для государств-участников обязательство обеспечить, чтобы все акты пыток рассматривались в соответствии с его уголовным законодательством. Государство должно установить соответствующие наказания за такие преступления с учетом их тяжкого характера [3].

Комитет против пыток в Замечаниях общего порядка обосновывал необходимость криминализации пыток, в первую очередь, их отличием от обычного посягательства или других преступлений. Криминализация пыток будет способствовать привлечению внимания преступников, жертв и общественности на особую тяжесть преступления, состоящего в применении пыток, подчеркивать необходимость надлежащего наказания, соответствующего тяжести совершенного преступления, усиливать сдерживающее воздействие самого запрещения, расширять возможности ответственных должностных лиц отслеживать конкретные преступления в форме применения пыток и наделять общественность средствами и правами осуществлять наблюдение и оспаривать как действия, так и бездействие государства, которые представляют собой нарушение Конвенции [2].

Практика международных судебных органов в отношении криминализации пыток на национальном уровне единообразна. Так, в решении по делу «Вопросы, касающиеся обязательства осуществлять судебное преследование или выдавать (Бельгия против Сенегала)» 2012 года Международный суд ООН указывал, что обязательство государства криминализовать пытки должно выполняться государством и носит превентивный и сдерживающий характер [14].

В деле «Прокурор против Фурунджия» 1998 года Международный трибунал по бывшей Югославии отмечал, что обычно несоблюдение международного обязательства по принятию соответствующего законодательства имеет только потенциальный эффект, в то время как в отношении запрета пыток тре-

бование о том, чтобы государства оперативно принимали национальные меры по имплементации, является неотъемлемой частью международного обязательства по запрещению этой практики [13].

Европейский суд по правам человека в решении по делу «Cestaro v. Italy» 2015 года установил, что уголовное законодательство Италии, применяемое в рассматриваемом деле, оказалось неадекватным с точки зрения требования наказания за акты пыток и лишенным какого-либо сдерживающего эффекта, способного предотвратить в будущем аналогичные нарушения статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года (далее — ЕКПЧ). Европейский суд по правам человека напомнил, что позитивные обязательства государства по статье 3 ЕКПЧ и статьи 4 Конвенции против пыток могут включать в себя требование создать соответствующую правовую основу, в частности, путем введения эффективных положений уголовного права [9].

Таким образом, обязательство по криминализации, включая установление ответственности и наказания за пытки, является неотъемлемой частью эффективной системы запрета пыток, поскольку отсутствие ответственности за нарушение делает запрет пыток иллюзорным.

В Заключительных замечаниях по итогам рассмотрения IV периодического доклада Беларуси Комитет против пыток рекомендовал государству незамедлительно ввести в УК Республики Беларусь нормы, определяющие пытку и квалифицирующие ее в качестве уголовного преступления, в полном соответствии со статьями 1 и 4 Конвенции против пыток [1].

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 5 января 2015 года «О внесении дополнений и изменений в УК Республики Беларусь, УПК, УИК, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» статья 128 УК Республики Беларусь дополнена примечанием, в котором дается определение понятию «пытка» [6]. Таким образом, в настоящее время в УК Республики Беларусь существует две статьи, упоминающие пытки: статья 128 «Преступления против безопасности человечества» и часть 3 статьи 394 «Принуждение к даче показаний». Особенностью преступления, предусмотренного статьей 128 УК Республики Беларусь, является совершение посягательств на многих лиц. По мнению заслуженного юриста Республики Беларусь А.В. Баркова, это посягательство на трех и более лиц либо систематическое совершение трех и более посягательств на отдельных лиц [5, с. 300]. Часть 3 статьи 394 УК Республики Беларусь крайне ограничивает перечень субъектов преступления: лица, производящие дознание, предварительное следствие или осуществляющие правосудие [5, с. 904]. Таким образом, указанные выше статьи не охватывают всего спектра актов пыток и целей их применения.

Аналогичное мнение высказал и Комитет против пыток в Заключительных замечаниях по итогам рассмотрения V периодического доклада, отметив, что УК Республики Беларусь не определяет пытки как отдельное преступление, а другие статьи УК Республики Беларусь, указанные государством, не включают в себя все акты пыток и цели для которых они применяются, как это предусмотрено в статье 1 Конвенции против пыток [10].

Стоит отметить, что Республика Беларусь не единственное государство, не квалифицировавшее пытку как отдельное преступление в национальном законо-

дательстве. Так, американский ученый Д. О'Доннелл отмечал, что уголовные кодексы лишь девяти западноевропейских стран содержат статьи, криминализирующие пытки. Анализируя законодательство стран Восточной Европы и Центральной Азии, ученый отмечает, что среди 23 стран, в уголовных кодексах которых есть статья, касающаяся пыток как отдельного преступления, зачастую отсутствует один или несколько ключевых элементов пыток, как это определено в Конвенции против пыток, в большинстве случаев установленное законом определение пытки носит фрагментарный характер, имеет пробелы или является слишком широким [12, с. 112–125].

Примером надлежащей криминализации пыток и жестокого обращения, полностью соответствующей требованиям Конвенции против пыток, служит УК Молдовы, статья 1661 которого предусматривает ответственность как за умышленное причинение боли либо физического или психического страдания, представляющее собой бесчеловечное или унижающее достоинство обращение публичным лицом или лицом, фактически исполняющим функции публичного учреждения, либо любым иным лицом, выступающим в официальном качестве, или с ведома или молчаливого согласия указанных лиц, так и за пытки, то есть любое умышленное действие по причинению какому-либо лицу сильной боли либо физического или психического страдания с целью получения от него или от третьего лица сведений или признаний, наказания его за действие, совершенное им или третьим лицом или в совершении которого оно подозревается, запугивания или принуждения его или третьего лица либо по любой другой причине, основанной на дискриминации любого характера, если такая боль или страдание причиняются публичным лицом или лицом, фактически исполняющим функции публичного учреждения, либо любым иным лицом, выступающим в официальном качестве, или с ведома или молчаливого согласия указанных лиц [8].

Важно отметить, что отсутствие должной криминализации пыток влечет не только нарушение обязательства устанавливать наказание за пытки в соответствии со статьей 4 Конвенции против пыток, но и не позволяет отслеживать количество конкретных преступлений в форме применения пыток. Так, по информации, содержащейся в пятом периодическом докладе Республики Беларусь в Комитет против пыток, в 2011 году — первом полугодии 2015 года дела о преступлениях, предусмотренных статьями 128 и 394 УК Республики Беларусь, судами не рассматривались. Тем не менее, в этом же докладе указано, что в период с января 2012 года по 2015 год в подразделения Следственного комитета поступило 614 заявлений о неправомерных действиях должностных лиц органов внутренних дел и иных государственных правоохранительных органов, подпадающих под определение «пытка» и «жестокое обращение» Конвенции против пыток [7].

Очевидно, что лица, совершившие преступления, подпадающие под определение «пытка» Конвенции против пыток, привлекаются к уголовной ответственности по другим статьям Уголовного кодекса. Так, во время диалога белорусской делегации с Комитетом по правам человека в ходе рассмотрения V периодического доклада представитель Национального центра законодательства и правовых исследований Дмитрий Шилин отмечал, что помимо статей 128 и 394, в зависимости от обстоятельств, от объекта преступления предусмотрена также возможность иной квалификации, например, превышение власти или служебных

полномочий, истязание, причинение телесных повреждений различной степени тяжести [11].

Как отмечалось выше, Комитет против пыток подчеркивал отличие пыток от обычного посягательства или других преступлений, поэтому подход, изложенный белорусской делегацией в Комитете по правам человека, не соответствует широкому признанию особой тяжести преступления пыток. Такой подход не позволяет государству преследовать в судебном порядке нарушения фундаментальной свободы от пыток, оценивать серьезность нарушений, налагать адекватные наказания и использовать их превентивный эффект.

В связи с изложенным, видится целесообразным внести изменения в Уголовный кодекс Республики Беларусь, определив отдельный состав преступления «пытки» в соответствии со статьей 1 Конвенции против пыток

По мнению российского исследователя О.С. Логуновой, главными признаками пытки, на основе которых ее можно будет отграничивать от других преступлений, являются специальный субъект и цели [4, с. 139]. Соглашаясь с этой позицией, считаем, что с учетом наличия в действующем УК части 3 статьи 394 «Принуждение к даче показаний», целесообразно внести в главу 34 «Преступления против правосудия» изменения, дополнив ее статьей 394-1, предусматривающую уголовную ответственность за пытки, а также исключить из статьи 394 часть 3 (квалифицирующий признак «принуждение к даче показаний соединенное с применением пытки»).

Такие изменения в законодательстве будут направлены на выполнение Республикой Беларусь своих обязательств по Конвенции против пыток, рекомендаций Комитета против пыток и Комитета по правам человека, продемонстрирует нацеленность на сотрудничество с договорными органами. Криминализация пыток будет служить предупреждением о том, что любое лицо, совершающее такие акты или причастное к применению пыток, будет нести ответственность перед законом и подвергаться наказанию соразмерно тяжести совершенного преступления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Заключительные замечания Комитета против пыток [Электронный ресурс]: приняты на 1053-м заседании Комитета против пыток в 2011 году // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CAT%2fC%2fBLR%2fCO%2f4&Lang=en. – Дата доступа: 26.12.2018.

2. Замечание общего порядка № 2 – Имплементация статьи 2 государствами-участниками [Электронный ресурс]: приняты Комитетом по против пыток 24 января 2008 г. // Управление Верховного комиссара по правам человека. – Режим доступа: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CAT%2fC%2fGC%2f2&Lang=ru. – Дата доступа: 26.12.2018.

3. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания [Электронный ресурс]: принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1984 года // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml. – Дата доступа: 26.03.2018.

4. Логунова О.С. Вопросы квалификации истязания с применением пытки / О.С. Логунова // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2008. № 1. – С. 138–140.

5. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.

6. О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: Закон Республики Беларусь от 5 января 2015 года № 241-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

7. Пятый периодический доклад Республики Беларусь [Электронный ресурс]: представлен в Комитет против пыток в соответствии с пунктом 1 статьи 19 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания // Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. — Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G16/003/93/PDF/G1600393.pdf?OpenElement>. — Дата доступа: 22.05.2018.

8. Уголовный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс]: *RegistruLdeStatalActelorJuridicealRepubliciiMoldova*. — Режим доступа: <http://lex.justice.md/ru/331268/>. — Дата доступа: 22.03.2018.

9. *Case of Cestaro v. Italy* [Electronic recourse]: Judgment of the European Court of Human Rights, 7 April 2015 // HUDOC. — Mode of access: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-153901_ — Date of access: 26.03.2018.

10. Concluding observations on the fifth periodic report of Belarus [Electronic recourse]: adopted by the Committee against Torture at its 1642nd and 1645th meetings on 10 and 14 May 2018 // Office of the High Commissioner for Human Rights. — Mode of access: http://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CAT/Shared%20Documents/BLR/CAT_C_BLR_CO_5_31239_E.pdf. — Date of access: 26.03.2018.

11. Consideration of Belarus [Electronic recourse]: 3530th Meeting 124th Session of Human Rights Committee // UN Web TV. - Mode of access: <http://webtv.un.org/search/consideration-of-belarus-3530th-meeting-124th-session-of-human-rights-committee/5846446439001/?term=belarus&sort=date&page=3>. — Date of access: 26.12.2018.

12. O'Donnell, D. The Obligation to Establish Sentences for Torture That Are Commensurate with the Gravity of the Offense / Daniel O'Donnell // 22 *Buff. Hum. Rts. L. Rev.* 95 (2016).

13. *Prosecutor v. Anto Furundzija* [Electronic recourse]: Judgement of International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, 10 December 1998 // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. — Mode of access: http://www.icty.org/x/cases/furundzija/tjug/en/_ — Date of access: 26.12.2018.

14. Questions relating to the obligation to prosecute or extradite (*Belgium v. Senegal*) [Electronic recourse]: Judgment of International Court of Justice, 20 July 2012 // The International Court of Justice. — Mode of access: <http://www.icj-cij.org/files/case-related/144/144-20120720-JUD-01-00-EN.pdf>. — Date of access: 26.12.2018.

СЕКЦИЯ 3

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

МОЖЕТ ЛИ ИНОСТРАНЕЦ БЫТЬ ДОНОРОМ ОРГАНОВ: ЗАПРЕТИТЬ НЕЛЬЗЯ РАЗРЕШИТЬ

Н.С. Анцух

*ОДО Издательство «Четыре четверти»,
Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, natallia.antsukh@mail.ru*

В статье рассмотрены вопросы правового регулирования органного донорства применительно к иностранцам. Предложено внести с учетом международного опыта изменения в понятийно-категориальный аппарат, содержащийся в отечественном законодательстве, в сфере трансплантации. Проанализированы нормы белорусского права на предмет (не)возможности иностранцам быть донорами органов на территории Республики Беларусь. Сформулированы предложения по совершенствованию белорусского законодательства в области трансплантации органов.

Ключевые слова: трансплантация; правовое регулирование органного донорства; международный опыт правового регулирования; права человека на правомерное медицинское вмешательство; донорство иностранных граждан.

CAN A FOREIGNER BE A DONOR OF ORGANS: TO BE OR NOT TO BE

N.S. Antsukh

*Publishing House "Four Quarters", Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

The article deals with the legal regulation of organ donation in relation to foreigners. Taking into consideration international experience it was proposed to make changes to the conceptual and categorical apparatus contained in the domestic legislation in the field of transplantation. Analyzed the norms of the Belarusian law on the subject of the possibility of foreigners to be organ donors in the territory of the Republic of Belarus. Formulated proposals for the improvement of the Belarusian legislation in the field of organ transplantation.

Key words: transplantation; legal regulation of organ donation; international experience of legal regulation; human rights to legitimate medical intervention; donation of foreigners.

В настоящее время термин «трансплантация» не нашел отражения в международных документах обязательного характера, но получил толкование в пояснительных докладах к Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине от 4 апреля 1997 года и Дополнительному протоколу к Конвенции о правах человека и биомедицине относительно трансплантации органов и тканей человека от 24 января 2002 года [1; 2]. В Законе Республики Беларусь от 4 марта 1997 года № 28-3 «О трансплантации органов и тканей человека» [3] (далее – Закон о трансплантации) термин «трансплантация» трактуется исключительно с медицинской точки зрения. Учитывая стандарты Совета Европы в области биоэтики, а также целесообразность комплексного определения «трансплантация», отражающего социально-гуманитарный (с акцентом на обеспечение

прав человека) и медицинский аспекты, предлагаем возможным закрепить в Законе о трансплантации следующее понятие «трансплантация – замещение у реципиента путем проведения медицинского вмешательства отсутствующих или поврежденных органов и (или) тканей человека, не способных выполнять свои жизненно важные функции, органами и (или) тканями человека, полученными в результате забора органов, в случае невозможности иными методами оказания медицинской помощи сохранить или значительно облегчить жизнь пациента, либо восстановить его здоровье».

Одним из важнейших инструментов обеспечения прав человека на правомерное медицинское вмешательство является получение информированного добровольного согласия на забор и пересадку органов и тканей. Данный постулат на международном уровне закреплен в Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине от 4 апреля 1997 года [4] (далее – Конвенция о правах человека и биомедицине) и Дополнительном протоколе к Конвенции о правах человека и биомедицине относительно трансплантации органов и тканей человека от 24 января 2002 года [5]. Анализ норм белорусского права позволил сделать вывод о соответствии национального законодательства данному стандарту в рамках Совета Европы. При этом на уровне отечественного законодательства отсутствует закрепление данного термина. Считаем возможным дополнить статью 1 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХП «О здравоохранении» [6] (далее – Закон о здравоохранении) понятием «добровольное информированное согласие – явно выраженное согласие, данное добровольно совершеннолетним пациентом, который должным образом уведомлен о целях и характере медицинского вмешательства (клинического испытания), а также его возможных последствиях и связанном с ним риске». Предложено заменить в статьях нормативных правовых актов в сфере здравоохранения, содержащих фразу «письменное согласие» пациента на медицинское вмешательство или лица на клиническое испытание, на словосочетание «добровольное информированное письменное согласие», что позволит обеспечить защиту права человека на свободное волеизъявление. Предлагаемое для нормативного закрепления понятие состоит из трех составляющих, которые показывают комплексный подход, направленный на определение сущности самого термина с учетом обеспечения прав человека. «Добровольное» означает самостоятельное, независимо принятое пациентом решение (без внешнего воздействия: угроз, манипуляций, ссылки на авторитетное мнение и т.д.), «информированное» – получение от врача в доступно изложенной форме информации о предстоящем медицинском вмешательстве, возможных последствиях и связанных с ним рисках пациентом (с учетом его возраста, уровня образования, способности адекватно воспринимать и оценивать информацию и т.д.), «согласие» – явно выраженное волеизъявление пациента на медицинское вмешательство, которое в предусмотренных законодательством случаях должно быть облечено в письменную форму.

Презумпция согласия на забор органов и тканей человека, закрепленная в Республике Беларусь, положительно влияет на развитие трансплантологии, благодаря чему лица, нуждающиеся в пересадке органа или ткани, получают возможность в наивысшей степени реализовать право на жизнь и здоровье. Однако

в этой связи необходимо должное внимание уделять правам иностранцев (не)быть донорами органов.

В статье 5 Закона о здравоохранении предусмотрено, что и иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие в Республике Беларусь, имеют право на доступное медицинское обслуживание наравне с гражданами Республики Беларусь, если иное не определено законодательными актами Республики Беларусь и международными договорами Республики Беларусь. Что же касается иностранных граждан и лиц без гражданства, временно пребывающих или временно проживающих в Республике Беларусь, то они имеют право на доступное медицинское обслуживание за счет собственных средств, средств юридических лиц и иных источников, не запрещенных законодательством Республики Беларусь, если иное не установлено законодательными актами Республики Беларусь и международными договорами Республики Беларусь. На сегодняшний день в Беларуси имеют место случаи пересадки органов иностранным гражданам. В данной ситуации оплачивается услуга по пересадке органа или ткани, сам орган предоставляется лицу на безвозмездной основе. Это выступает подтверждением реализации принципа запрета на извлечение финансовой выгоды, что является развитием принципа уважения человеческого достоинства.

Однако одним из ключевых вопросов является следующий: могут ли иностранцы быть донорами органов на территории Республики Беларусь. При ответе следует учитывать, что в Законе о трансплантации доноры подразделяются на живых и умерших. Полагаем, иностранцы могут быть живыми донорами за исключением случаев, предусмотренных статьей 7 Закона о трансплантации. Особое внимание необходимо уделить соблюдению прав иностранных граждан, апатридов и бипатридов на отказ от донорства. Во-первых, в национальном праве иностранных государств существует две, одобренные Всемирной организацией здравоохранения, презумпции выражения согласия донором: согласия и несогласия. Во-вторых, как отмечается в пункте 1 Замечания общего порядка № 27 [7] свобода передвижения является одним из неотъемлемых условий для обеспечения свободного развития личности. Данная свобода порождает ситуации, когда может возникнуть вопрос о (не)возможности изъятия органа у умершего донора на территории иностранного государства.

В Республике Беларусь, как уже отмечалось, имеет место презумпция согласия на забор органа у умершего донора по процедуре, установленной Законом о трансплантации и иными нормативными правовыми актами. Однако в статье 10¹ Закона о трансплантации предусматривается право граждан на выражение несогласия на забор органов для трансплантации после смерти. Сведения об отказе вносятся в Единый регистр трансплантации в течение шести часов после подачи соответствующего заявления.

Гражданский кодекс Республики Беларусь [8] в статье 1103 регламентирует личный закон физического лица, который среди прочего применяется для определения права, регулирующего право- и дееспособность физических лиц. Личным законом физического лица согласно белорусскому праву считается право страны, гражданство (подданство) которой это лицо имеет. При наличии у лица гражданства (подданства) двух или более государств личным законом считается право страны, с которой лицо наиболее тесно связано. Если лицо наряду с гражданством Республики Беларусь имеет гражданство (подданство) двух или более ино-

странных государств, его личным законом считается право Республики Беларусь. Личным законом лица без гражданства считается право страны, в которой это лицо постоянно проживает. Исходя из этого, личный закон иностранных граждан, бипатридов и апатридов, находящихся на территории Беларуси, регулируется иностранным правом, нормы которого следует учитывать при решении вопроса о возможности или невозможности изъятия органа у умершего донора.

Таким образом, в нашей стране следует констатировать невозможность посмертного изъятия органов для последующей их трансплантации у иностранных граждан, апатридов и бипатридов по ряду причин. Во-первых, в праве государства, которое регулирует личный закон данных лиц может иметь место презумпция несогласия. Во-вторых, забор органов затруднен из-за невозможности осуществить проверку в регистре отказов от трансплантации, а также по регистрам туберкулеза, ВИЧ и онкологических заболеваний в случае, если в указанном выше государстве закреплена презумпция согласия. Однако полагаем, что из данного правила следует сделать исключение для иностранных граждан, апатридов и бипатридов, которые имеют разрешение на постоянное проживание в Республике Беларусь, закрепив в Законе о трансплантации соответствующую норму. С целью обеспечения прав человека для данных лиц наиболее целесообразным видится предоставление возможности о регистрации своего волеизъявления в Едином регистре трансплантации исключительно в виде согласий на посмертный забор органов и тканей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Additional Protocol to the Convention on Human Rights and Biomedicine concerning Transplantation of Organs and Tissues of Human Origin [Electronic resource] : [Done at Strasbourg, 24.01.2002] // Council of Europe [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/0900001680081562>. – Date of access : 15.01.2019.
2. Additional Protocol to the Convention on Human Rights and Biomedicine concerning Transplantation of Organs and Tissues of Human Origin : [Explanatory Report] // Council of Europe [Electronic resource]. – Mode of access : <http://conventions.coe.int/Treaty/EN/Reports/Html/186.htm>. – Date of access : 15.01.2019.
3. О трансплантации органов и тканей человека: Закон Респ. Беларусь, 4 март. 1997 г., № 28-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.01.2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
4. Convention for the Protection of Human Rights and Dignity of the Human Being with regard to the Application of Biology and Medicine: Convention on Human Rights and Biomedicine [Electronic resource] : [Done at Oviedo, 04.04.1997] // Council of Europe. – Mode of access : <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007cf98>. – Date of access : 15.01.2019.
5. Additional Protocol to the Convention on Human Rights and Biomedicine concerning Transplantation of Organs and Tissues of Human Origin [Electronic resource] : [Done at Strasbourg, 24.01.2002] // Council of Europe [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/0900001680081562>. – Date of access : 15.01.2019.
6. О здравоохранении : Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435-XII : в ред. Закона Респ. Беларусь от 21.10.2016 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
7. Замечание общего порядка № 27 / Международные договоры по правам человека [Электронный ресурс] / Подборка замечаний общего порядка и общих рекомендаций, принятых договорными органами по правам человека. – Т. 1. – Режим доступа: https://www2.ohchr.org/english/bodies/icm-mc/docs/8th/HRI.GEN.1.Rev9_ru.pdf. – Дата доступа: 01.09.2019.

8. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 декабря 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобрен Советом Республики 19 ноября 1998 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСГРАНИЧНОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

А.Г. Горбат

Белорусский государственный университет

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, nastassia.gorbat@gmail.com

В настоящей статье рассматривается опыт правового регулирования отношений, связанных с трансграничной несостоятельностью, в ЕС. Автором анализируются причины ряда неудачных попыток создания наднационального законодательства в указанной сфере, а также роль Суда ЕС в формировании концепции центра основных интересов должника. Раскрываются особенности соответствующих актов, в том числе содержащихся в них понятий. Цель исследования заключается в формировании выводов, способствующих разрешению аутентичных вопросов в рамках Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: гармонизация; трансграничная несостоятельность; трансграничное банкротство; Европейский союз.

THE EVOLUTION OF CROSS-BORDER INSOLVENCY REGULATION IN THE EUROPEAN UNION

N. Horbat

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

In the present article the evolution of cross-border insolvency legal regulation in the process of European Union formation is analyzed. The author regards the factors that lead to the several unsuccessful efforts to regulate cross-border insolvency. The specific nature of consequent legal relations is their exceptional importance for the state's economic development. Insolvency regime creates the investment climate of the state and directly affects the volume of investments to its economy. The present study seeks to make conclusions that would favour development of Belarussian domestic law. The value of the research results increases as the process of integration within Eurasian Economic Union evolves. The outcomes of the study can be utilized in order to improve the national regulation, as well as supranational.

Key words: harmonization; cross-border insolvency; cross-border bankruptcy; European Union.

Поиск оптимальных международно-правовых подходов к трансграничной несостоятельности сводится к решению двух основных задач: правилам определения государства, суд которого будет обладать исключительной компетенцией, и применимого права, которое не всегда будет *lex fori concursus*. [10]

Исторически национально-правовые нормы европейских государств о несостоятельности имели существенные различия. Первые попытки разрешения вопросов, связанных с трансграничной несостоятельностью, были предприняты 800 лет назад. В 1204 г. между Вероной и Трентом был заключен первый межгосударственный договор в этой сфере, который регламентировал порядок передачи имущества иностранного должника. До 1950-х гг. между отдельными европейскими государствами было заключено множество двусторонних международных договоров по трансграничной несостоятельности [12; с. 26]. Принято

считать, что толчком для развития универсального правового регулирования трансграничной несостоятельности стало дело Herstatt о банкротстве крупнейшего банка в Западной Германии. Судья по делу, которое проводилось одновременно и в ФРГ, и в США, отметил, что уже в том состоянии, в каком находилась международная торговля в 1974 году, в абсолютном большинстве было бы лучше, если бы правоотношения между должником и кредиторами рассматривались в рамках одного производства и в одном месте. В таком случае распределение имущества должника происходило бы на справедливой основе [11; с. 33].

Отметим, что работа над первым проектом Конвенции о трансграничной несостоятельности (далее – Проект 1970 г.) в рамках Европейского экономического сообщества (ЕЭС) началась задолго до дела Herstatt - в 1960 г. На тот момент у разработчиков была возможность выбора модели трансграничного банкротства из двух вариантов: территориализма и универсализма [10]. Принцип территориализма предполагает, что в каждом из государств, где имеются активы должника, открываются независимые производства. При этом государства, как правило, не признают иностранные решения по делам о несостоятельности [12; с. 30]. Универсализм являет собой противоположный подход к регулированию трансграничного банкротства. При универсализме осуществляется единое, «централизованное» производство в одном государстве без возможности открытия вторичных и параллельных производств. Таким образом, все активы и пассивы должника собираются в рамках одного производства, как и требования кредиторов. Данный принцип требует от государства автоматического признания решений иностранных судов, касающихся трансграничной несостоятельности [12; с. 35]. При разработке Проекта 1970 г. предпочтение было отдано модели универсализма (ст.4 Проекта 1970 г.) [7]. Более того, проект предполагал унификацию материально-правовых норм ЕЭС о трансграничной несостоятельности. В целом это представлялось еще более радикальным, чем чистый универсализм, что породило критику Проекта 1970 г. и привело к тому, что он не был одобрен государствами-членами ЕЭС. Отклонение документа было обусловлено также сохранением существенных различий между национальными законодательствами. Проект 1970 г. не поддержали государства, которые присоединились к ЕЭС в период с 1960 по 1970 гг. (Великобритания, Ирландия, Дания) [9].

Проект 1970 г. был пересмотрен в 1980 г., в связи с разработкой Конвенции о трансграничном банкротстве 1980 г. (Проект 1980 г.). Новеллой нового документа стала возможность ликвидатора напрямую осуществлять свои полномочия не только в государстве, в котором он назначен, но и в других государствах-участниках (ст. ст.29, 33 Проекта 1980 г.) [5]. Однако Проект 1980 г., как и Проект 1970 г., не был принят государствами в силу своей «амбициозности» [9].

В 1989 г. Совет Европы начал разработку Европейской конвенции о некоторых международных аспектах банкротства (далее – Стамбульская конвенция). Эта конвенция разнообразила модели трансграничного банкротства и оказала влияние на последующее законодательство ЕС о несостоятельности. В этом акте центральным понятием в отношении юрисдикции судов стала концепция центра основной деятельности (далее – ЦОИ) (ст.4 Стамбульской конвенции) вместо «административного центра должника» по Проекту 1970 г. Конвенция предполагала возможность открытия вторичных производств в отношении должника в юрисдикциях, где он осуществляет постоянную деятельность («establishment»)

(ст.17 Стамбульской конвенции) [6]. Но Европейское сообщество, за исключением 7 государств (на данный момент), отказалось подписывать конвенцию, так как, во-первых, государства, подписывающие ее, могли сделать оговорку о неприменении Главы 2 (полномочия управляющего) и Главы 3 (положения о вторичном банкротстве). Таким образом, гармонизация и какое-либо единообразие в сфере трансграничного банкротства попадали под угрозу. Многие европейские специалисты в области несостоятельности критиковали конвенцию теперь уже за недостаточную «амбициозность» [10]. К тому же, на момент открытия Стамбульской конвенции к подписанию (1990 г.) законодательства многих государств о несостоятельности динамично реформировались, сообщество было в ожидании Проекта Конвенции ЕС о трансграничной несостоятельности (далее – Проект Конвенции о несостоятельности 1995 г.) [9].

Подход, использованный в Проекте Конвенции о несостоятельности 1995 г., был средним между проектами конвенций о трансграничном банкротстве ЕЭС (1970 и 1980 гг.) и Стамбульской конвенцией. Особенностью было включение в него не только ликвидационного процесса, но и возможности реорганизации должника (п.1 ст.1 Проекта Конвенции о несостоятельности) [3]. Этот документ устанавливал запрет на оговорку о неприменении каких-либо положений конвенции (ст.46) и компетенцию Европейского суда толковать ее положения, что способствовало ее единообразному применению (ст. 44) [3]. Проект Конвенции о несостоятельности 1995 г. предусматривал автоматическое признание во всех государствах-участниках открытия производства по делу о несостоятельности, когда оно открывалось в одном из них (ст.16), и единые коллизионные нормы (ст.4) [3]. И тем не менее, данная конвенция не вступила в силу вследствие отказа Великобритании ее подписать [8].

В 2002 году вступил в силу Регламент ЕС о несостоятельности № 1346/2000 (далее – Регламент 1346/2000) [4]. По содержанию он почти совпал с Проектом Конвенции о несостоятельности 1995 г. Несмотря на долгие годы работы над вопросами трансграничной несостоятельности регламент не решил все вопросы. Центральной проблемой стала концепция ЦОИ, определявшая место открытия основного производства по делу о несостоятельности должника (п.13 Преамбулы Регламента 1346/2000) [4]. Регламент 1346/2000 не давал однозначного его определения. В связи с этим Суду ЕС пришлось неоднократно давать толкование по этому вопросу.

Одним из наиболее известных прецедентов является дело Eurofood (Case C-341/04). Компания Eurofood, зарегистрированная в Ирландии, была дочерней компанией ParmalatSpA. В 2004 г. материнская компания обанкротилась, и в Италии было открыто производство по делу о ее несостоятельности. В отношении Eurofood в Ирландии, по месту регистрации, было начато ликвидационное производство. Немногим позже итальянский суд открыл основное производство по делу о несостоятельности Eurofood, полагая, что ЦОИ компании в Италии, так как там принимаются все важные решения в отношении дочернего предприятия. Для разрешения данной коллизии Суду ЕС был направлен вопрос: ЦОИ является место нахождения лиц, контролирующих должника, либо место осуществления деятельности предприятия, очевидное третьим лицам. Отвечая на этот вопрос, Суд ЕС отметил, что оба вышеупомянутых фактора должны быть проанализированы. В случае, когда они указывают на разные государства, суд, рассматривающий дело, должен опре-

делить, который из данных факторов имеет большую значимость. Суд ЕС также прибег к определению ЦОИ, данному в п.13 Преамбулы Регламента 1346/2000: это место, где должник осуществляет управление своими делами на регулярной основе, и этот факт является очевидным для третьих лиц [2].

В отношении ЦОИ физического лица, в деле *Susanne Staubitz-Schreiber* (Case C-01/04) Суд ЕС сделал вывод о том, что, даже если в период производства по делу о несостоятельности лицо меняет ЦОИ, для целей применения Регламента 1436/2000 оно остается неизменным. В противном случае лица, в отношении которых осуществляются процедуры несостоятельности, могли бы пользоваться преимуществами некоторых юрисдикций, известными как явление *forum shopping* [1].

Ограниченность сферы Регламента 1346/2000 и сохранение направленности на ликвидационное производство обусловили необходимость его пересмотра. В 2017 г. вступил в силу пересмотренный Регламент ЕС 2015/848 о трансграничной несостоятельности (далее – Регламент 2015/848), заменивший Регламент 1346/2000 [8]. Прежде всего, Регламент 2015/848 установил направленность на реорганизацию должника (п.10 Преамбулы Регламента ЕС 2015/848). Вторичное производство отныне не ограничивается ликвидационным характером, но может быть также направлено на реабилитацию должника (ст.47). Для удовлетворения требований иностранных кредиторов временный управляющий может без открытия вторичного производства удовлетворять их требования в рамках основного (ст. 53). Он может также требовать приостановить вторичное производство до 3 месяцев, если того требуют интересы кредиторов (ст.46). Одним из важных дополнений, внесенных Регламентом 2015/848 в регулирование трансграничной несостоятельности, стало детальное уточнение концепции ЦОИ в п.31 Преамбулы Регламента 2015/848, и оно близко к тому, что было выведено Судом ЕС в деле *Eurofood*. Это место, где осуществляется административное управление должником и которое очевидно для третьих лиц, но при этом имеет продолжительность не менее трех месяцев до открытия производства по делу о несостоятельности. Тот же срок необходим и для определения места осуществления постоянной деятельности («*establishment*») для целей открытия вторичного производства (п.10 ст.2 Регламента 2015/848). Регламент 2015/848 также урегулировал вопросы несостоятельности групп компаний. Временный управляющий любой из компаний группы может обратиться в суд с целью координации производств в отношении всей группы или некоторых компаний (ст.58 Регламента 2015/848).

С июня 2019 г. информация о должниках, в отношении которых заявлено об их несостоятельности, будет отражаться в едином для государств ЕС регистре, объединяющем сведения из всех национальных регистров ЕС (ст. 25 Регламента 2015/848). Также будет разработана единая форма для заявления кредитором требований.

Таким образом, Регламент 2015/848 заполнил ряд пробелов Регламента 1346/2000, которые порождали проблемы при осуществлении процедур, связанных с несостоятельностью, в ЕС. Новый регламент получил всеобщее одобрение, пока его недостатки не очевидны.

В контексте актуальных событий – планируемого выхода Великобритании из ЕС – неизбежно встает вопрос о том, каким образом Великобритания и государства-члены ЕС будут сотрудничать по вопросам трансграничной несостоятельности. Известно, что Великобритания сыграла большую роль в принятии

Регламента 2015/848. Однако даже если Великобритания и ЕС подпишут договор, устанавливающий порядок, аналогичный тому, что закреплен в Регламенте 2015/848, Суд ЕС уже не будет обладать компетенцией толкования такого договора. В любом случае новый для ЕС опыт, заключающийся в выходе из него государства-члена, станет новым витком в развитии правового регулирования трансграничной несостоятельности [9].

Таким образом, пример формирования законодательства ЕС в сфере трансграничной несостоятельности свидетельствует о следующем:

1. Всесторонняя интеграция государств невозможна без гармонизации норм о трансграничной несостоятельности.

2. Создание единых, унифицированных, норм, касающихся трансграничной несостоятельности, требует устранения принципиальных или сколь-нибудь существенных различий между национально-правовыми нормами.

3. Гармонизация норм о трансграничной несостоятельности возможна лишь в случае согласования общей глобальной стратегии в указанной сфере. Например, Регламент ЕС 2015/848 имеет направленность на развитие экономики государств-членов путем реабилитации должников, которые потерпели неудачу.

4. Опыт ЕС в сфере трансграничной несостоятельности отражает важность точности понятий, в особенности таких, как ЦОИ и место осуществления постоянной деятельности. С одной стороны, понятие ЦОИ должно быть достаточно гибким, чтобы учитывать обстоятельства конкретного дела. С другой стороны, оно должно пресекать перемещение должником активов и выбор наиболее благоприятной юрисдикции для получения соответствующего правового статуса в ущерб интересам должников.

5. Для упрощения и ускорения процедур, связанных с трансграничной несостоятельностью, декларативных гарантий прав кредиторов на информацию недостаточно. Необходимо применение таких технических средств, как объединенные базы данных государств, содержащие информацию о несостоятельных должниках.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Case C-01/04 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://curia.europa.eu/juris/showPdf.jsf?jsessionid=9ea7d2dc30db5fd6741832784b56aebfdf8636f09830.e34KaxiLc3qMb40Rch0SaxuKaNr0?docid=64087&pageIndex=0&doclang=EN&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=3518014>. – Date of access: 18.01.2019.

2. Case C-341/04 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://curia.europa.eu/juris/showPdf.jsf?text=&docid=56604&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=9296800>. – Date of access: 18.01.2019.

3. Convention on insolvency proceedings [Electronic resource]. – Mode of access: <http://aei.pitt.edu/2840/1/2840.pdf>. – Date of access: 19.01.2019.

4. Council Regulation (EC) No 1346/2000 of 29 May 2000 on insolvency proceedings [Electronic resource]. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2000:160:0001:0018:en:PDF>. – Date of access: 18.01.2019.

5. Draft Convention on bankruptcy, winding-up, arrangements, compositions and similar proceedings [Electronic resource]. – Mode of access: <http://aei.pitt.edu/5480/1/5480.pdf>. – Date of access: 16.01.2019.

6. European Convention on Certain International Aspects of Bankruptcy [Electronic resource]. – Mode of access: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=090000168007b3d0>. – Date of access: 18.01.2019.

7. Preliminary Draft of a Convention on Bankruptcy, Winding-up, Arrangements, Compositions and similar proceedings [Electronic resource]. – Mode of access: <http://aei.pitt.edu/5612/1/5612.pdf>. – Date of access: 16.01.2019.

8. Regulation (EU) 2015/848 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2015 on insolvency proceedings (recast) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32015R0848&from=en>. – Date of access: 18.01.2019.

9. The UK and EU Cross-Border Insolvency Recognition: From Empire to Europe to “Going It Alone” [Electronic resource]. – Mode of access: <https://ir.lawnet.fordham.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.com/&httpsredir=1&article=2677&context=ilj>. – Date of access: 18.01.2019.

10. Toward an International Bankruptcy Policy in Europe: Four Decades in Search of a Treaty [Electronic resource]. – Mode of access: <https://digitalcommons.law.ggu.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.com/&httpsredir=1&article=1043&context=annlsurvey>. – Date of access: 18.01.2019.

11. Рягузов, А.А. Правовое регулирование трансграничной несостоятельности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А.А. Рягузов. – М., 2008. – 229 л.

12. Собина, Л.Ю. Признание иностранных банкротств в международном частном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Л.Ю. Собина. – М., 2010. – 238 л.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ В ОБЛАСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕГО ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

И.И. Петухов

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ipetuhov@mail.ru*

Формирование международного правового регулирования иностранных инвестиций на постсоветском пространстве прошло значительный путь который представляет собой основной интерес для исследования данной сферы общественных отношений. Одними из основных подходов к регулированию иностранных инвестиций в рамках международной интеграции выступают «конкуренция» и «унификация» правового регулирования. Евразийский экономический союз выступает основой сближения законодательств, входящих в него государств-членов, что является основной предпосылкой для создания единого инвестиционного пространства, особенности правового регулирования которого и рассматриваются в настоящей публикации.

Ключевые слова: Международная региональная интеграция; иностранные инвестиции; инвестиционная деятельность; Евразийский экономический союз; международное инвестиционное право; инвестиционное пространство.

CONCEPTUAL APPROACHES IN THE FIELD OF LEGAL REGULATION OF FOREIGN INVESTMENTS IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF COMMON INVESTMENT SPACE

I.I. Petuhov

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The formation of the international legal regulation of foreign investment in the post-Soviet space has come a significant way, which is represents primary interest for the research of this sphere of public relations. One of the main approaches to the regulation of foreign investment in the framework of international integration is "competition" and "unification" of legal regulation. The Eurasian

Economic Union is the basis for bringing together the legislations of its member states, which is the main prerequisite for creating a single investment space, the specifics of which are discussed in this publication.

Key words: international regional integration; foreign investment; investment activities; Eurasian Economic Union; international investment law; investment space.

Одним из основных направлений развития международной региональной интеграции выступает усиление межгосударственного инвестиционного взаимодействия, что диктуется как мировыми процессами глобализации, протекающими на всех уровнях общественных и политических отношений, так и задачами, стоящими перед международными организациями региональной интеграции. Заключением Договора о Евразийском экономическом союзе (далее – Союз, ЕАЭС) Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация, к которому в последующем присоединились Республика Казахстан и Республика Армения создали Союз, являющейся международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью.

Основной целью ЕАЭС является обеспечение свобод движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных Договором о ЕАЭС и международными договорами в рамках Союза. Одной из основных предпосылок формирования единого финансового рынка и рынка капиталов и услуг является необходимость создания единого инвестиционного пространства, обеспечения единой правовой регламентации иностранных инвестиций и инвестиционной деятельности как частных лиц, так и самих государств-членов ЕАЭС.

Следует отметить, что на региональном уровне на постсоветском пространстве уже были разработаны документы, непосредственно направленные на унификацию правового регулирования инвестиционной деятельности и иностранных инвестиций. К ним можно отнести Рекомендательный законодательный акт «Об общих принципах правового регулирования иностранных инвестиций в государствах-участниках Межпарламентской Ассамблеи» принятый Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств» в 1993 году, а также Модельного закона «Об инновационно-инвестиционной инфраструктуре» 1997 года. Стоит также обратить внимание, на Соглашение о сотрудничестве в области инвестиционной деятельности от 24 декабря 1993 г (далее – Ашхабадское соглашение), и Конвенции СНГ о защите прав инвестора 1997 года, из состава участников, которых вышла Российская Федерация, что создало неоднозначную ситуацию в вопросах имплементации положений данных международных соглашений. Особое место среди региональных соглашений занимало Соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций в государствах – членах Евразийского экономического сообщества, принятое в 2008 году, поскольку оно стало основной в разработке положений Договора о ЕАЭС.

Рассматриваемые документы имели преимущественно рекомендательный характер и не были обязательны для имплементации в национальные законодательства государств-участников данных соглашений, а также не содержали положений о создании института межгосударственного контроля за выполнением государствами принятых на себя обязательств [1, с.109–111]. Несмотря на попытку обеспечить гармонизацию правового регулирования инвестиционной дея-

тельности на постсоветском пространстве, большинство положений указанных соглашений не нашли своего отражения в национальном законодательстве стран-участниц, а принятые ими национальные законы об иностранных инвестициях, значительно отличаются друг от друга.

В настоящее время, в рамках Договора о ЕАЭС определены основные положения об инвестиционной деятельности, включая Приложение № 16 «О торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций», призванные обеспечить унификацию национального законодательства государств-членов. Договор о ЕАЭС отразил четко сформулированные международно-правовые обязательства государств в отношении осуществления инвестиций. Введен полноценный режим защиты иностранных инвестиций, предусматривающий: предоставление справедливого и равного режима (п. 68), национального режима (п. 69) и режима наибольшего благоприятствования (пп. 70-71), репатриацию доходов (п. 75), возмещения ущерба (пп.78-79), быструю и адекватную компенсацию при экспроприации (пп.79-81), суброгацию прав инвестора государству-члену (пп.82-83). Инвестору предоставлено право выбора судебного органа, разрешающего споры согласно п. 85. Отсюда можно сделать вывод, что в области инвестиционной деятельности региональная интеграция направлена на формирование наиболее благоприятных условий для осуществления взаимного инвестирования государствами-членами и закрепления единообразных подходов к инвестициям из третьих стран.

Тем не менее, Договор о ЕАЭС закрепил право государств-членов ограничивать деятельность инвесторов других государств-членов, в том числе вводить изъятия из национального режима. Следует также отметить, что Договором о ЕАЭС в области инвестиций не предусмотрены определенные правовые механизмы реализации указанных положений, а также у органов ЕАЭС отсутствуют действенные контрольные полномочия в отношении рассматриваемых положений, таких, которые существуют в праве Европейского союза. Указанное имеет непосредственное значение при создании единого инвестиционного пространства, поскольку может привести к возникновению определённых препятствий.

Правовое регулирование иностранных инвестиций имеет сложную структуру. Так, в теории международного частного права существует концепция двухуровневой регламентации правоотношений иностранных инвестиций, исходя из которой иностранные инвестиции требуют национально-правового и международно-правового регулирования [2, с. 52-53]. Следовательно, реализация концепции общепринятых в рамках Договора о ЕАЭС инвестиционных норм требует близких и аналогичных, однотипных правовых норм в национальном инвестиционном законодательстве. Такое взаимодействие, в свою очередь, способствует сближению и унификации внутри государственных инвестиционных норм.

Союз как более высокая степень региональной интеграции по сравнению со всеми предшествующими по времени региональными образованиями означает наличие определенной общности предпосылок формирования системы права ЕАЭС. На сегодняшний день инвестиционное законодательство государств-членов ЕАЭС в значительной степени отличается друг от друга, несмотря на общее участие в многосторонних международных соглашениях и международных организациях, а также общее историческое прошлое. Специфика законодательства всех государств-членов ЕАЭС в рамках регламентации иностранных инвестиций является

наличие специального законодательства, в том числе в рамках отдельных видов экономической и инвестиционной деятельности, которое в последние годы все больше приобретает индивидуальные особенности. Полагаем, что дальнейшая деятельность органов ЕАЭС и государств-членов ЕАЭС позволит обеспечить максимальную конгруэнтность национального и регионального правового регулирования инвестиционной деятельности и иностранных инвестиций, путем гармонизации и унификации отдельных правовых норм.

Комплексный, региональный и национальный характер правового регулирования иностранных инвестиций в рамках Союза позволяет говорить о создании инвестиционного права ЕАЭС на основе подхода «унификации». Наднациональное правовое регулирование в силу международного договора становится частью системы национального законодательства государств-членов ЕАЭС, что в свою очередь выступает правовым стандартом для внутригосударственного инвестиционного законодательства, не изымая из него существующих положений.

В заключении отметим, что Евразийский экономический союз представляет собой более тесную региональную интеграцию в области иностранных инвестиций, в отличие от предыдущих формирований, что отражается в положениях, закрепленных в Договоре о ЕАЭС. Создание единого инвестиционного пространства обеспечивается путем формирования инвестиционного права ЕАЭС, которое действует как на региональном (наднациональном уровне), так и на уровне национального законодательства государств-членов ЕАЭС, которое находится в процессе взаимной адаптации и гармонизации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бабкина, Е.В.* Некоторые проблемы правового регулирования иностранных инвестиций в рамках Содружества Независимых Государств / Е. В. Бабкина // Беларусь в современном мире: материалы VIII Междунар. науч. конф., посвящ. 88-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 30 окт. 2009 г.; редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. – Минск: Тесей, 2009. – С. 109–111;
2. *Богатырев А.Г.* Инвестиционное право // Москва : Рос. право, 1992, – С. 272.

НЕТРАДИЦИОННЫЕ ВИДЫ БРАКА В ПРАВЕ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ

И. А. Сакович

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, igor-sakovich@mail.ru*

В статье анализируется правовое регулирование некоторых нетрадиционных видов брака: посмертный и временный. Рассмотрен вопрос о (не)возможности признания таких браков на территории Республики Беларусь.

Ключевые слова: нетрадиционные виды брака; посмертный брак; временный брак.

NON-TRADITIONAL TYPES OF MARRIAGE IN THE LAW OF FOREIGN COUNTRIES

I.A. Sakovich

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article analyzes the legal regulation of some non-traditional types of marriage: posthumous and temporary. The question of the (in) possibility of recognizing such marriages on the territory of the Republic of Belarus was considered.

Key words: non-traditional types of marriage; posthumous marriage; temporary marriage.

В настоящее время в праве иностранных государств можно выделить так называемые нетрадиционные виды брака, которые, несмотря на свою экстраординарность, не являются архаизмами. В качестве примеров обратимся к правовому регулированию посмертных и временных браков.

Институт посмертного брака представляет собой феномен, получивший распространение в ряде государств мира: Южной Корее [12, с. 87], Китае [11, с. 163], ЮАР [13], США [5]. Однако детальное правовое регулирование данный институт получил во Франции.

Возможность заключения посмертного брака предусмотрена статьей 171 Гражданского кодекса Франции (далее – ГК Франции) [2]. Специфика процедуры заключения посмертного брака состоит в том, что один из супругов фактически не присутствует во время заключения брака, поскольку его уже нет в живых. Это порождает в доктрине дискуссию относительно наличия взаимного согласия при оформлении такого брака [6].

Для того, чтобы инициировать заключение посмертного брака, заинтересованное лицо обращается в компетентные органы (такowymi являются Президент Республики и судебные органы), с целью защиты и реализации воли умершего лица, выраженной до его смерти. На данный момент посмертный брак не может быть санкционирован Президентом Французской Республики без предварительного заключения Канцелярии и указания соответствующего районного суда (*tribunal de grande instance*) по месту жительства заявителя.

Наличие серьёзных оснований, оправдывающих использование конструкции посмертного брака, а также решение вопроса относительно существования у пары действительного намерения создать семью в каждом конкретном случае является предметом рассмотрения и контроля Президента Республики. В качестве оснований, как правило, рассматривается наличие у пары ребёнка или беременность невесты; большая (более 20 лет) продолжительность совместного проживания лиц в квазибрачных отношениях. Подтверждением намерения лиц создать семью может служить подача заявления на заключение брака, встреча с нотариусом с целью заключения брачного договора, публичное объявление о намерении вступить в брак, аренда помещения для празднования свадебного торжества, свидетельства родственников и т. д. [7].

Суды наделены контрольной функцией, а одной из основных из задач является недопущение искажения воли умершего лица. Суды уполномочены рассматривать отказы Президента санкционировать посмертный брак, а также пересматривать решения Президента о разрешении посмертного брака в случае на-

личия сомнений в объективности и формальной обоснованности принятого решения [4, с. 4].

При заключении посмертного брака датой наступления правовых последствий в соответствии со статьёй 171 ГК Франции считается день, предшествующий дню смерти супруга.

Заключение посмертного брака влечет определенные правовые последствия. Устанавливается презумпция отцовства умершего супруга. Сохраняются налоговые льготы. Посмертный брак порождает ряд последствий имущественного характера, что отражено в судебной практике: переживший супруг имеет право на компенсацию морального и материально ущерба (включая периодические выплаты детям умершего) в случае если его партнёр погиб в результате смертельного инцидента на работе [8]; право на получение пенсии по причине потери кормильца [9], право на получение пособия по вдовству [10]. Интересен тот факт, что статья 171 ГК Франции исключает права наследования пережившего супруга по закону, а также наличие режима общей совместной собственности супругов.

Полагаем, что при заключении посмертного брака имеет место субъективная оценка фактов, имеющих юридическое значение, что препятствует выработке единой юридической практики по данному вопросу.

Институт временного брака имеет место в ряде мусульманских стран. Основной его особенностью является то, что мужчина может взять себе супругу на определенный, установленный по договоренности период времени, что закрепляется в брачном договоре, где должны быть закреплены следующие условия: период временного брака (например, статья 1076 Гражданского кодекса Ирана (далее – ГК Ирана) [1]); передача приданого жене после окончания срока брачного договора (например, ст. 1077 ГК Ирана). Отметим, что если второе условие не оговаривается, договор считается недействительным, а если не оговорено первое – договор приобретает силу постоянного брачного договора. Расторжение временного брака законодательством не предусмотрено, определяющим фактором является окончание срока брачного договора. Согласно статье 1077 ГК Ирана правовыми последствиями временного брака являются права наследования и установление происхождения детей, что никоим образом не отличается от последствий, которые имеют место вследствие заключения обычного брака.

Таким образом, можно сделать вывод, что рассмотренные нетрадиционные виды брака являются неотъемлемой частью семейного права ряда зарубежных государств. Вместе с тем, признание данных видов брака на территории Республики Беларусь видится невозможным, что прямо вытекает из содержания части 1 статьи 237 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) [3]: применение в Республике Беларусь законодательства о браке и семье иностранных государств или признание основанных на нем актов гражданского состояния не может иметь места, если такое применение или признание противоречило бы законодательству Республики Беларусь. В частности, заключение посмертного брака не соответствует части 2 статьи 213 КоБС, закрепляющей, что при регистрации заключения брака обязательно должны присутствовать лица, вступающие в брак, в то время как сущность временного брака противоречит концепту статьи 12 КоБС.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гражданский кодекс Исламской Республики Иран [Электронный ресурс]: 23.05.1928 г. // Интернет-портал Всемирной организации интеллектуальной собственности. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/ir/ir009en.pdf>. – Дата доступа: 18.01.2019.
2. Гражданский кодекс Франции [Электронный ресурс]: 05.03.1803 г.: в ред. Закона от 03.01.2018 // Национальный правовой Интернет-портал Франции. – Режим доступа: <https://www.legifrance.gouv.fr>. – Дата доступа: 15.01.2019.
3. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс]: принят Палатой представителей 3 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 12.12.2013 г. // ЭТАЛОН Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2019.
4. Aurelie Rouot Le mariage posthume dépasse-t-il la volonté du mort? [Electronic resource]. – l'Université de Strasbourg, 2011. – Mode of access: http://cdpf.unistra.fr/fileadmin/upload/CDPF/Colloques/colloque_la_mort_une_fin_2011/Le_mariage_post_hume_depasse.pdf – Date of access: 05.05.2018.
5. Bartosik, M. Posthumous Wedding for Beloved and Disabled Bride [Electronic resource] / M. Bartosik // 11 Nbs Chicago. Official web-site. – Mode of access: <https://www.nbcchicago.com/news/local/Annie-hopkins-will-have-a-posthumous-wedding-62339402.html>. – Date of access: 10.03.2018.
6. Coquema, J. M., Barthelet, C. Les formes de mariage dénuées de toute communauté de vie, unions atypiques / J. M. Coquema, C. Barthelet // Dr. famille. – 2010. – № 5.
7. Corpart, I. Mariage à titre posthume : une prérogative présidentielle dépassée ? / I. Corpart // JCP. – 2004. – № 12.
8. Cour de cassation de France, Chambre civile 2, 8 janvier 2009, Pourvoi № 07-15390 [Electronic resource] // Portail internet juridique national de la France. Mode of access: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichJuriJudi.do?oldAction=rechJuriJudi&idTexte=JURITEXT000020065481&fastReqId=212817735&fastPos=3>. – Date of access: 10.01.2019.
9. Cour de cassation de France, Chambre civile 1, 22 mai 2007, Pourvoi № 05-18.582 [Electronic resource] // Portail internet juridique national de la France. Mode of access: https://www.legifrance.gouv.fr/affichJuriJudi.do?idTexte=JURITEXT00001783_0328. – Date of access: 10.01.2019.
10. Cour de Cassation de France, Chambre sociale, du 15 février 2001, Pourvoi № 99-17.199 // Portail internet juridique national de la France. Mode of access: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichJuriJudi.do?idTexte=JURITEXT000007041742>. – Date of access: 10.01.2019.
11. Freedman, M. Family and Kinship in Chinese Society / M. Freedman. – CA: Stanford: Stanford university Press. – 1970. – 287 p.
12. Lewis, J. R. Controversial New Religions / J. R. Lewis. – UK: Oxford University Press. – 2005. – 483 p.
13. Posthumous wedding for man and girl he killed [Electronic resource] // The telegraph. Official web-site. – Mode of access: https://www.telegraph.co.uk/news/world_news/africaandindianocean/southafrica/1470433/Posthumous-wedding-for-man-and-girl-he-killed.html. – Date of access: 11.03.2018.

THE ISSUES OF CONSISTENCY BETWEEN THE INTERNATIONAL AND NATIONAL SOURCES OF FOREIGN INVESTMENT LEGAL REGULATION

T.S. Strelchik

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The paper considers investment laws are basic sources of both national and foreign investment regulation in many countries [3, p. 2]. According to UNCTAD, they are currently in force in around 109 states [1, p. 106], including the Republic of Belarus. At the same time they are not the sole tool

for foreign investment legal regulation. With them a whole range of international investment agreements are in force that also regulate foreign investment. Because of the ever-growing array of foreign investment regulatory legal framework, both national and international, the risk of inconsistencies between them increases, which, in turn, leads to inconsistent law enforcement. That is why this article discusses the basic similarities and differences between the national and international sources of foreign investment legal regulation, their interaction and the possible ways to minimize the inconsistencies between them.

Key words: foreign investment; investment law; international investment agreement; law on investment.

ПРОБЛЕМЫ СОГЛАСОВАННОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

Т.С. Стрельчик

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, t.strelchik@mail.ru*

Законы об инвестициях являются основным источником правового регулирования как национальных, так и иностранных инвестиций во многих государствах. По данным ЮНКТАД, к настоящему моменту они действуют приблизительно в 109 государствах, включая Республику Беларусь. В то же время они не являются единственными источниками правового регулирования иностранных инвестиций. Вместе с ними в каждом государстве действует целый ряд международных соглашений, которые также регулируют иностранные инвестиции. Из-за постоянного расширения правовой базы регулирования иностранных инвестиций, как международной, так и национальной, увеличивается риск появления противоречий в нормативных положениях, которые, в свою очередь, приводят к разнящейся практике правоприменения. Поэтому в данной статье проанализированы основные сходства и различия международных и национальных источников правового регулирования иностранных инвестиций, их взаимодействие и возможные пути минимизации противоречий между ними.

Ключевые слова: иностранные инвестиции; инвестиционное право; международное инвестиционное соглашение; закон об инвестициях.

Although international investment agreements and national investment laws share the objective of legal regulation, which is investment, there are also differences between them.

First of all they differ in their lawmaking procedures and the subjects that create them. International sources of foreign investment regulation are comprised of bilateral investment treaties and other international treaties with provisions on investment. As any sources of international law, they are developed by the subjects of international law and on the international level. National sources of investment law include a broad range on legislative acts which include investment provisions. Apart from the investment law itself, provisions on investment legal regulation are also contained in other legislative acts dedicated to other spheres of legal regulation, such as taxation, trade, business, etc. They are developed in accordance with the particular legislative procedure of a certain state [1, p. 105-106; 2, p. 110; 3, p. 2].

The national and international sources of investment regulation also differ in the aspect of activities of which investors they regulate. International investment agreements only act between the subjects from the states which concluded this agreement. National sources of investment law regulate the activities of both national and foreign subjects, irrespective of their nationality [1, p. 105].

The 2 types of acts regulate an approximately identical scope of aspects and have similar structure: the preamble, the definitions of the terms used in the document, provisions on the access of investment to the host state, their treatment, promotion and dispute resolution. Both international and national sources of law stipulate the rights and obligations of investors. The difference between international and national sources of investment law is the degree of these stipulations' refinement. While international agreements in the sphere of investment normally stipulate the general provisions, national legislation refines them and stipulates the specific measures of these treaty commitments' implementation at the national level [2, p. 110].

Together international and national sources of investment law form the legislative framework of cross-border investment legal regulation. However, with this interaction several problems may arise:

- the lawmakers of national and international legislative acts may interact not enough, which may lead to incoherent legal regulation of certain aspects of investment;
- the provisions on fair and equitable treatment may vary in national and international acts in the degree of their refinement: one legislative act may give a broader definition of it than the other;
- different approaches to investor-state dispute settlement, which may lead to parallel litigations in several fora [1, p. 107].

As a possible way out of this situation may be the following of the recommendations offered by UNCTAD in its "World Investment Report" of 2018 for the strengthening of cooperation between the national and international tools of investment legal regulation [1, p. 108-111].

The first recommendation is to strengthen the cooperation between the national and international lawmakers. Moreover, in the process of the national lawmaking of the norms regulating investment should participate not only the ones who develop investment laws themselves, but also the lawmakers of legislative acts related to investment. To achieve this, the specialists of UNCTAD offer to establish a specialized organ with the responsibilities for the coordination of the activities of various national organs which develop international and national sources on investment regulation [1, p. 108-109].

Another recommendation of UNCTAD, which calls for the obviating of any possible differences between the national and international sources of law, is to stipulate explicitly correlation of these 2 types of sources of law. Only 16 laws on investment stipulate explicitly that international investment agreements have the superiority before the sources of national law. About the same amount of laws stipulate, in a less clear form, that the norms of national law should not contradict the norms of international agreements [3]. On the other hand, 60 percent of international investment agreements stipulate that investing should be carried out in accordance with the norms of the host state [1, p. 109-110].

The last UNCTAD recommendation offers to implement such correlation between the national and international sources of investment legal regulation where they would adopt the approaches to legal regulation of certain aspects of investing from one another. The UNCTAD reports point out that in the development of international investment agreements the experience of national lawmakers may be taken into consideration in stipulation of such legislative provisions as investment facilitation, the obligations of investors, as well as provisions on dispute settlement. In turn, such provi-

sions as fair and equitable treatment, as well as capital transfer, are normally better stipulated in the international sources of law, therefore the national legislators may adopt this experience [1, p. 110-111].

To conclude, it is possible to say that international and national sources of law form the legal framework of investment regulation. Both have similarities and differences. To avoid the possible contradictions between them and to create a comprehensive and coherent legal framework of investment regulation international and national legislators should closely interact with each other in the development process of these acts, as well as stipulate explicitly the superiority of one type of acts over the other.

REFERENCE

1. Investment and New Industrial Policies [Electronic Resource] // World Investment Report 2018, UNCTAD. – Mode of access: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2018_en.pdf. – Date of access: 01.12.2018.

2. Investment and the Digital Economy [Electronic Resource] // World Investment Report 2017, UNCTAD. – Mode of access: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2017_en.pdf. – Date of access: 01.12.2018.

3. Investment Laws: A Widespread Tool for the Promotion and Regulation of Foreign Investment [Electronic Resource] // Investment Policy Monitor Special Issue, November 2016, UNCTAD. – Mode of access: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/webdiaepcb2016d5_en.pdf – Date of access: 01.12.2018.

4. Макаревич, Т. И. Лингвистическое обеспечение онтологии предметных областей «Международного права», «Международных отношений», «Государственного управления», «Управления информационными ресурсами» / Т. И. Макаревич // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам : материалы XI Международ. науч. конф., посвящ. 96-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 25 окт. 2017 г., Минск, 25 кастр. 2017 г. / БГУ, ФМО; редкол. : В. Г. Шадурский (пред.) [и др.]. — Минск : Изд. центр БГУ, 2017. — С. 224-225. [<http://elib.bsu.by/handle/123456789/188503>]

СЕКЦИЯ 4

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

ДВУСТОРОННЕЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И УКРАИНЫ В 2018 ГОДУ: КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ

С.В. Андрощук

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, susanna.androshchuk@gmail.com*

В статье рассматриваются результаты двустороннего сотрудничества Республики Беларусь и Украины. В статье также приведены основные показатели двустороннего сотрудничества стран за 2018 год, а также показан объем прямых инвестиций Украины в Республику Беларусь и, наоборот. Автором обращается внимание и на негативные факторы, которые имели место в рамках сотрудничества Республики Беларусь и Украины в прошедшем году. В заключение автором сделаны выводы о возможных ключевых областях сотрудничества Республики Беларусь и Украины в 2019 году, а также обоснованы предпосылки для усиления сотрудничества.

Ключевые слова: двустороннее сотрудничество; импорт; товарооборот; Республика Беларусь; Украина; экспорт.

BILATERAL COOPERATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND UKRAINE IN 2018: KEY AREAS AND ANALYSIS OF THE RESULTS

S.V. Andrashchuk

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article presents the results of bilateral cooperation of the Republic of Belarus and Ukraine. Relations with Ukraine, as the second largest neighbor, have enjoyed special value for the Republic of Belarus throughout the history of independent Belarus. The article also indicates the main indicators of the volume of investments of Ukraine in the Republic of Belarus and vice versa. The authors draw attention to the negative factors that are present in the framework of cooperation between the Republic of Belarus and Ukraine in the past year. In conclusion, the author made conclusions about the open cooperation between the Republic of Belarus and Ukraine in 2019.

Key words: bilateral cooperation; import; commodity circulation; Republic of Belarus; Ukraine; export.

Сегодня Украина занимает важное место в товарообороте и экспорте среди всех стран – торговых партнеров Республики Беларусь. В свою очередь Беларусь – четвертая среди внешнеторговых партнеров Украины. Расширяются белорусско-украинские контакты в самых различных направлениях – фармацевтической сфере, железнодорожном транспорте, космической отрасли, топливной энергетике, набирает обороты сотрудничество в научной и инновационной сферах. По данным Госкомстата, Украины среди торговых партнеров Украины Республика Беларусь по итогам 9 месяцев 2018 заняла 2 место среди стран СНГ и 4 место среди стран мира (РФ, Китай, Германия).

Основные экспортные позиции Беларуси – нефтепродукты, минеральные и азотные удобрения, грузовые автомобили, седельные тягачи, автобусы, а также

части к ним, шины, холодильники, химическая продукция и другие товары. Также с 2010 года Беларусь поставляет в Украину технику, в том числе на условиях долгосрочного лизинга. Республика Беларусь заинтересована в наращивании объемов совместного производства тракторов, комбайнов для украинских полей.

Еще один перспективный вопрос – участие белорусских предприятий в обновлении парка коммунальной и пассажирской техники в Украине, а также в модернизации ее дорожной инфраструктуры.

Порядка 90 % всего импорта из Украины в Беларусь приходится на промежуточные и инвестиционные товары: металлы и металлопродукция, вагоны и части подвижного состава, плиты древесностружечные, лекарственные средства и многое другое.

Давние исторические корни имеет сотрудничество по взаимным поставкам сельскохозяйственной продукции. Беларусь традиционно закупает в Украине значительные объемы зерновых, кукурузы, масла подсолнечного, жмыхов. Со своей стороны из Беларуси в Украину поставляется молочная продукция, такая как масло сливочное, молоко сухое и сгущенное, сыры и другие виды продовольствия. Южные соседи также экспортируют в Беларусь соевые бобы, маргарин, компоненты производства растительных масел и металлургическую продукцию [1].

Договоренностями на высшем уровне определены стратегические направления двустороннего сотрудничества на среднесрочную перспективу: взаимодействие в энергетической сфере; совместная работа в области производственной и научно-технической кооперации; эффективное использование транзитного потенциала государств; углубление военно-технического сотрудничества. Эти направления и рассматриваются в качестве приоритетных.

У белорусской стороны поддерживаются деловые контакты с основными министерствами и ведомствами Украины. В 2018 году на межотраслевом уровне проведен ряд заседаний белорусско-украинских рабочих групп: в области образования; науки; туризма; охраны окружающей среды; промышленности; речного транспорта; сельского хозяйства; по вопросам автомобильных перевозок.

В 2018 году в Украине эффективно продвигались белорусские программы экспортного кредитования на основании Указа Президента Республики Беларусь от 2009 г. № 466.

Под патронажем Киевской городской государственной администрации в апреле 2018 г. в Киеве проведена многоотраслевая выставка белорусских производителей «Made in Belarus». В мероприятии приняли участие 53 ведущих белорусских предприятия, в том числе ОАО «МАЗ», ОАО «Белаз» – управляющая компания холдинга «БЕЛАЗ-ХОЛДИНГ», ОАО «АМКОДОР» – управляющая компания холдинга, ОАО «БАТЭ» – управляющая компания холдинга «Автокомпоненты», ОАО «МТЗ», ОАО «Гомсельмаш», ОАО «Могилевлифтмаш», ОАО «Белкоммунмаш», ОАО «Гомельский завод литья и нормалей», ОАО «БМЗ – управляющая компания холдинга «Белорусская металлургическая компания», ОАО «ГродноАзот», ОАО «Нафтан», ОАО «Могилевхимволокно», ОАО «Гомельский химический завод», ОАО «Мозырский НПЗ», ОАО «Белшина», Оршанский льнокомбинат, «Конте Спа», Щучинский маслосырзавод, ОАО «Минский завод виноградных вин» и др. [4].

За январь-сентябрь 2018 общий товарооборот с Республикой Беларусь составил 3951,2 млн долл. США и по сравнению с аналогичным периодом 2017 увеличился на 578,6 млн. долл. США или на 17,2 % [3].

При этом экспорт украинских товаров и услуг достиг 1042,7 млн долл. США, увеличившись по сравнению с 9 месяцами 2017 года на 150.6 млн долл. США или 16,8% [3].

Импорт товаров и услуг из Республики Беларусь в Украину составил 2908.5 млн долл. США и увеличился по сравнению с 9 месяцами 2017 года на 428 млн. долл США или 17,3% [3].

Сальдо двусторонней торговли для Украины за 9 месяцев 2018 сложилось отрицательным в размере 1865.9 млн долл. США [3].

За январь-ноябрь 2018 г. товарооборот с Украиной составил 5,06 млрд долларов, в том числе белорусский экспорт – 3,79 млрд долларов. По поручению двух президентов белорусской стороной разработана и реализуется дорожная карта по достижению в 2019 году товарооборота с Украиной в объеме не менее 8 млрд долларов.

Республика Беларусь по состоянию на 1 октября 2018 инвестировала в экономику Украины 33,5 млн долл. США (по состоянию на 1 января 2018 инвестировалось 33,6 млн долл. США) [4].

Объем же украинских инвестиций в экономику Республики Беларусь по состоянию на 1 октября 2018 года составил 4.2 млн долл. США (по состоянию на 1 января 2018 года инвестировалось 4,3 млн долл. США) [4].

Среди негативных моментов стоит отметить, что в «интересах национальных производителей» Украина с 1 сентября ограничила поставки серной кислоты и олеума из Беларуси. Украина традиционно приобретала эти продукты на трех крупнейших химических предприятиях Беларуси — Гомельском химическом заводе, Новополоцком «Нафтане» и «ГродноАзоте» [5].

В Министерстве экономического развития и торговли Украины решение обосновали антидемпинговым расследованием, которое одобрила Межведомственная комиссия по вопросам международной торговли Украины.

Квоты на белорусскую продукцию будут действовать три года. До 31 августа 2019 года Беларусь сможет поставить в Украину 30,769 тысячи тонн продукции, с 1 сентября 2019-го до 31 августа 2020-го — 32,307 тысячи тонн. А с 1 сентября 2020-го до 31 августа 2021-го — 33,923 тысячи тонн.

Также Украина одновременно ввела квоты для аналогичной продукции из России и ряда других стран, за исключением стран Африки, Азии и СНГ. Украинские власти считают, что эти меры позволят украинским предприятиям увеличить объемы производства, а также диверсифицировать поставки.

Межведомственная комиссия по международной торговле продлила и антидемпинговое расследование в отношении импорта в Украину электрических ламп накаливания общего назначения происхождением из Беларуси на 3 месяца - до 15 месяцев. Расследование было возбуждено в отношении ламп накаливания электрических общего назначения мощностью не более 200 Вт и напряжением более 100 В, происхождением из Беларуси [6].

В рамках выполнения договоренностей на высшем уровне 25-26 октября 2018 года в Гомеле состоялся первый Форум регионов Беларуси и Украины.

В мероприятии приняли участие свыше 800 делегатов из двух стран. Украинскую сторону представляли 15 региональных делегаций.

Состоялась выставка продукции предприятий и организаций регионов Республики Беларусь и Украины и ярмарка продукции и изделий декоративно-прикладного искусства. Украину представили более 50 предприятий из 15 регионов. Торгово-промышленными палатами двух стран проведены 7-е заседание Белорусско-Украинского Консультативного совета делового сотрудничества и деловые переговоры между представителями украинских и белорусских компаний в формате В2В. Также состоялись различные профильные конференции, заседания рабочих групп, тематические секции.

В заключение стоит отметить, что диалог между Минском и Киевом в последние годы основан на взаимоуважении, понимании обоюдной выгоды интенсивного наращивания двустороннего сотрудничества с учетом нашего геополитического положения.

В рамках двустороннего сотрудничества между Республикой Беларусь и Украиной регулярно проводятся двусторонние и многосторонние консультации по отдельным направлениям: развитие договорно-правовой базы двустороннего сотрудничества, взаимодействие в международных организациях, расширение трансграничного сотрудничества, экология.

Работа на уровне органов государственного управления дополняется регулярными контактами по линии торгово-промышленных палат.

Будущее сотрудничества Республики Беларусь и Украины определяется уже сегодня: страны последовательно продвигаются как в наращивании объемов взаимной торговли, так и в расширении гуманитарных связей, региональных контактов. На сегодняшний день существуют серьезные перспективы в наращивании сотрудничества в области сельскохозяйственного машиностроения, транспорта, фармацевтики, энергетики, ряду других направлений работы. Украина рассматривает торгово-экономическое сотрудничество с Беларусью как приоритетное. Для Украины Беларусь является стратегическим торговым партнером – пятым в мире. В этом году товарооборот достиг 4,6 млрд. долларов США. Однако страны поставили целью в 2019 году увеличить данный показатель вдвое.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Беларусь-Украина: горизонты сотрудничествапрепятствиями [Электронный ресурс] // Издательский дом "Внешняя торговля". – Режим доступа: <http://beltrade.by/object/98/>. – Дата доступа: 19.01.2019.

2. Беларусь-Украина. Торговый бег с препятствиями [Электронный ресурс] // Портал новостей www.Lb.ua. – Режим доступа: https://lb.ua/economics/2018/08/02/404196_belarus_ukraina_torgoviy_beg.html. – Дата доступа: 19.08.2018.

3. О состоянии торгово-экономического сотрудничества Украинс с Республикой Беларусь за 9 месяцев 2018 [Электронный ресурс] // Посольство Украины в Республике Беларусь. – Режим доступа: <https://belarus.mfa.gov.ua/ru/ukraine-by/trade#>. – Дата доступа: 14.01.2019.

4. Торгово-экономические отношения Республики Беларусь и Украины [Электронный ресурс] // Посольство Республики Беларусь в Украине. – Режим доступа: http://ukraine.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/trade_economic/. – Дата доступа: 15.01.2019.

5. Украина ввела ограничения на поставки продукции с трех химзаводов Беларуси [Электронный ресурс] // Издательский дом "Белорусы и рынок". – Режим доступа:

<http://www.belmarket.by/ukraina-vvela-ogranicheniya-na-postavki-produkcii-s-treh-himzavodov-belarusi>. – Дата доступа: 19.01.2019.

б. Украина продлила антидемпинговое расследование импорта ламп из Беларуси [Электронный ресурс] // Издательский дом "Белорусы и рынок". – Режим доступа: <http://www.belmarket.by/ukraina-prodlila-antidempingovoe-rassledovanie-importa-lamp-iz-belarusi>. – Дата доступа: 19.01.2019.

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В СТРАНАХ ЕС

Н.М. Борисенко-Клепач

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, barysenka@bsu.by*

Настоящая статья посвящена анализу развития туризма в странах ЕС. В статье рассматриваются ключевые показатели развития туризма, такие как международные туристические прибытия, доля ЕС на международном туристическом рынке, поступления от туризма, приводится структура туристического сектора ЕС, а также вклад туризма в ВВП и занятость. Автором анализируется структура путешествий резидентов ЕС, а также структура их расходов на путешествия. Затрагиваются вопросы основных приоритетных направлений развития туристического рынка Европейского союза.

Ключевые слова: международный туристический рынок; Европейский союз; туристический сектор; туристические потоки; международные прибытия; туристическая дестинация; расходы на туризм.

ANALYSIS OF TOURISM DEVELOPMENT IN THE EU COUNTRIES

N.M. Barysenka-Klepach

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article dwells upon analysis of tourism development in the EU countries. The author observes key tourism development indicators such as international tourism arrivals, EU share in international tourism market, tourism receipts, considers the structure of EU tourism sector as well as tourism contribution to GDP and employment. The travel structure of the EU residents and the structure of their tourism expenses is observed. In addition, the author mentions the priorities of the European Union tourism market development.

Key words: international tourism market; European Union; tourism sector; tourism flows; international arrivals; tourist destination; tourism expenses.

Туризм является одной из значимых отраслей экономики Европейского союза, генерирующих доход и создающих новые рабочие места. Согласно данным Европейской Комиссии за 2015 г., туризм является третьим по важности социально-экономическим видом деятельности в ЕС после торговли и строительства [4]. Туристический сектор охватывает более 2 млн предприятий, большинство из которых – малые и средние предприятия, на которых занято более 12 млн человек. Структура туристического сектора ЕС отражена на рисунке 1. Более половины бизнесов (65,1%) приходится на сферу общественного питания, на втором месте транспортные услуги, связанные с туристической активностью (15,8%), на третьем – услуги проживания (12,4%). На международный туризм приходится 6% общего экспорта ЕС и 22% экспорта услуг. Туризм является четвертой экспортной категорией в ЕС после химической промышленности, автомобильных товаров и продуктов питания. Положительное сальдо торгового баланса в категории «туризм» в 2016 г. составило 27 млрд евро (см. рисунок 1). [2]

Рис.1. Структура туристического сектора ЕС
Составлено автором на основе [2]

В течение последних 10 лет (с 2007 по 2017 гг.) прямой вклад туризма в ВВП Европейского союза колебался в пределах 3,4-3,8 %. Согласно прогнозам Всемирного совета по туризму и путешествиям к 2027 г. данный показатель достигнет значения 4,1 %, при этом общий вклад туризма в ВВП Евросоюза в 2016 г. составил 10,2 % ВВП. Ожидается, что к 2027 г. общий вклад туризма в ВВП ЕС возрастет до 11,2 %. [5]

При анализе структуры прямого вклада туризма в ВВП Евросоюза необходимо отметить, что в 2016 г. расходы на внутренний туризм составили 69 %, в то время как на расходы иностранных туристов пришелся 31 %. До 2027 г. ожидается рост расходов на внутренний туризм на 1,5% в год, а расходов иностранных туристов на 3,4 %. В результате расходы на внутренний туризм к 2027 г., по прогнозам, составят 995,5 млрд евро, а расходы иностранных туристов – 555,3 млрд евро. [5]

Рост прогнозируется и в отношении числа занятых в туризме. В период с 2007 по 2017 гг. прямая занятость в туристическом секторе Европейского союза колебалась в диапазоне 4,5-5,1%, при этом ожидается, что в 2027 г. данный показатель достигнет 5,8%, а общая занятость вырастет с 11,6% (2016 г.) до 11,8% (2027 г.) [5]

Европейский союз является одной из крупнейших дестинаций, привлекающих туристические потоки. Пять из 10 стран, принимающих наибольшее количество туристов в мире, расположены в пределах ЕС, а именно Франция, Испания, Италия, Германия и Великобритания [2]. На рисунке 2 отражена динамика международных прибытий в ЕС в период с 2000 по 2030 гг. Из графика видно, что количество прибытий неуклонно возрастает и к 2030 году, по прогнозам, достигнет 562 миллионов. В случае достижения данного значения прирост международных прибытий за указанный период составит более 60 % (см. рисунок 2).

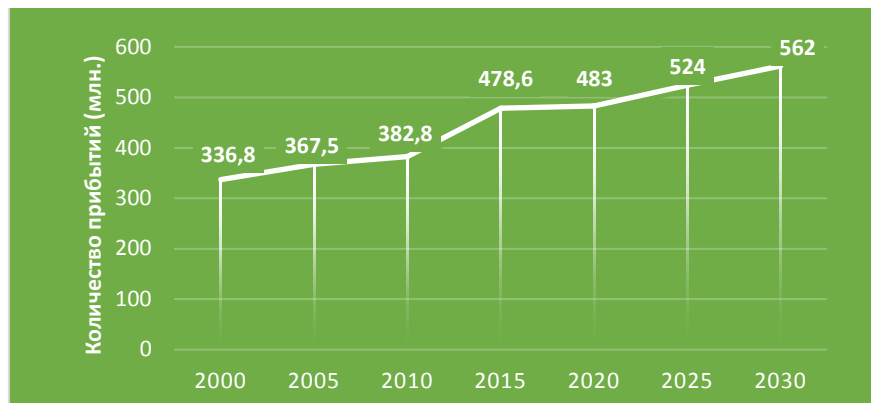

Рис. 2. Динамика международных прибытий в ЕС
Составлено автором на основе [1]

Несмотря на ожидаемый рост количества международных прибытий в ЕС, прогнозируется постепенное снижение доли Европейского союза на рынке международного туризма, что вызвано ростом интереса туристов к сравнительно новым туристическим дестинациям в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Так, предполагается, что в период с 2015 по 2030 гг. международные прибытия в ЕС возрастут на 17,4% (рисунок 2), в то время как доля ЕС в структуре международных прибытий за аналогичный период сократится на 9,3% (рисунок 3). Однако несмотря на это Европа продолжит лидировать как туристическая дестинация на международном туристическом рынке (см. рисунок 3).

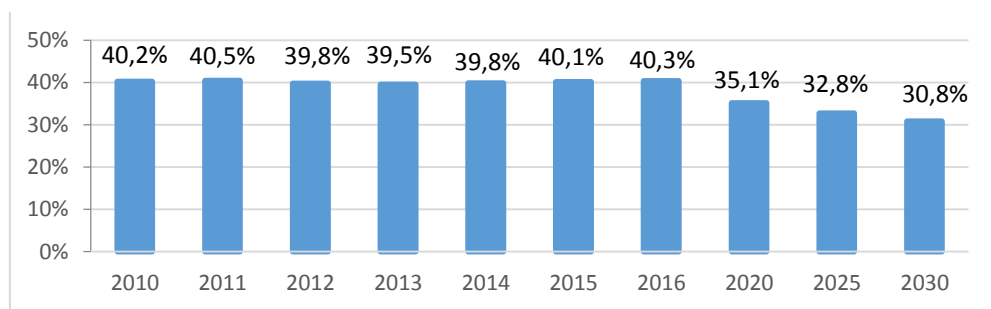

Рис. 3. Доля ЕС в структуре международных прибытий в период с 2010 по 2030 гг.
Составлено автором на основе [1]

Анализ географического распределения международных прибытий в ЕС позволяет сделать вывод, что основной поток туристов, посещающих ЕС, прибывает из стран Европы (рисунок 4). На втором месте находится Америка, на третьем – Азиатско-Тихоокеанский регион¹. При этом необходимо отметить, что в перспективе до 2030 г. ожидается рост международных прибытий из всех регионов, в то время как соотношение между регионами останется прежним (см. рисунок 4).

¹Регионы выделены согласно классификации ЮНВТО

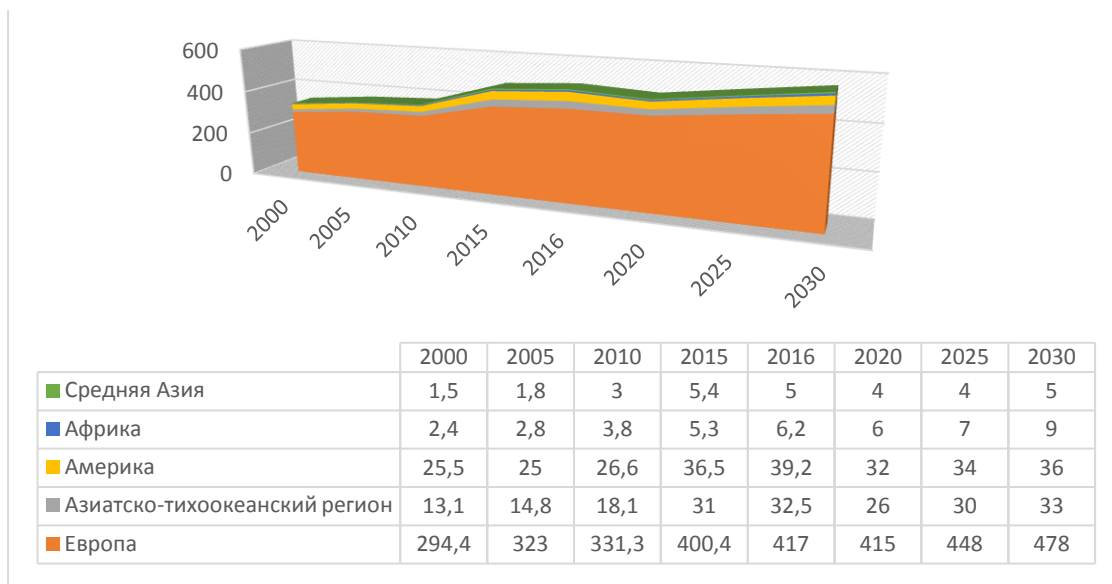

Рис. 4. Географическое распределение международных прибытий в ЕС, млн прибытий
Составлено автором на основе [1]

Динамика поступлений от международного туризма в страны ЕС отражена на рисунке 5. Представленный график отражает изменения данного показателя в период с 2006 по 2016 гг. Следует отметить, что начиная с 2010 г. наблюдается существенный рост поступлений от международного туризма. За период с 2010 по 2016 гг. данный показатель возрос практически в два раза. В связи с прогнозируемым ростом числа международных прибытий обоснованно предположить, что в перспективе до 2030 г. можно ожидать продолжение роста поступлений от международного туризма (см. рисунок 5).

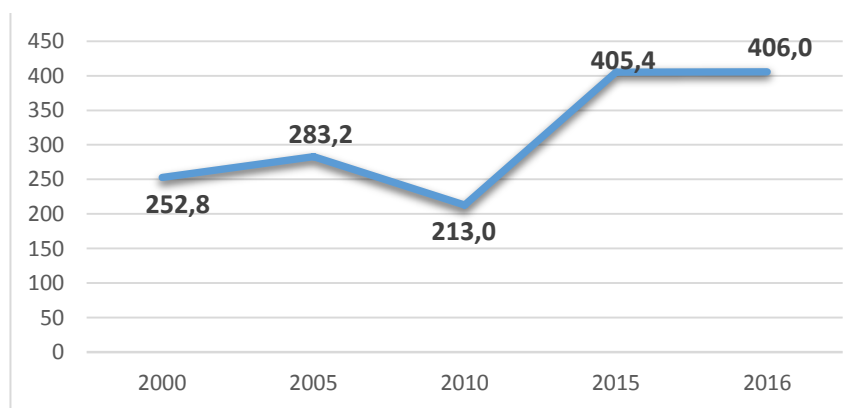

Рис. 5. Динамика поступлений от международного туризма в странах ЕС, млрд долл. США
Составлено автором на основе [1]

Анализ развития международного туризма в Европейском союзе также охватывает путешествия непосредственно жителей ЕС. Европа является одним из крупнейших регионов, генерирующих туристические потоки – около 618 млн прибытий, что составляет около половины всех прибытий в 2016 г. Четыре из 10 топ-стран, генерирующих турпотоки, находятся в ЕС – это Германия, Великобритания, Франция и Италия[2]. Анализируя структуру путешествий резидентов Европейского союза важно отметить, что около трети всех жителей ЕС путешествуют в пределах своей страны (рисунок 6), 20% резидентов совершали путе-

шествия как в своей стране, так и за ее пределами, в то время как 39% жителей вовсе не совершали путешествий (по данным на 2016 г.) (см. рисунок 6).

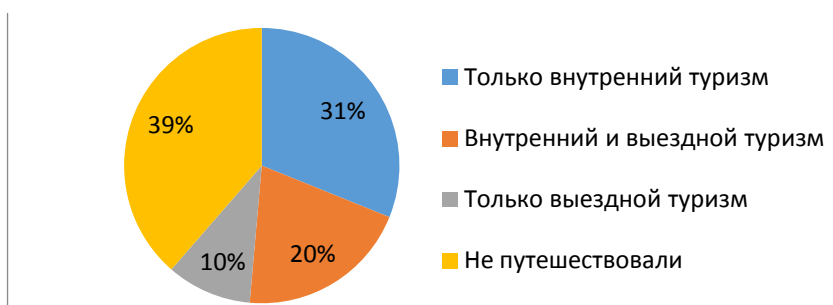

Рис. 6. Структура путешествий резидентов ЕС-28 старше 15 лет
Составлено автором на основе [2]

В таблице представлены данные о расходах на путешествия туристов в ЕС, в том числе выделены расходы на внутренний и выездной туризм. Анализируя показатели таблицы следует подчеркнуть, что общие расходы на выездной туризм резидентов ЕС превышают расходы на путешествия в пределах Европейского союза на 8%. Средняя продолжительность путешествия за пределы ЕС более чем в два раза превышает среднюю продолжительность путешествия внутри объединения (см. таблицу).

Структура расходов на путешествия резидентов ЕС, 2015 г.

Показатель	Все путешествия	Внутренний туризм	Выездной туризм
Общие расходы на путешествия (млн евро)	408,306	186,167	222,139
Средние расходы на путешествие (евро)	348	212	751
Средние расходы в день (евро)	68	53	89
Средняя продолжительность путешествия	5,1	4,0	8,4

Составлено автором на основе [2]

Начиная с 2010 г. в ЕС действует стратегия развития туризма, направленная на то, чтобы Европейский союз стал туристической дестинацией №1 на международном рынке туристических услуг [3]. Данная стратегия основана на таких приоритетах как увеличение спроса, расширение спектра туристических продуктов и услуг, улучшение качества туруслуг, стимулирование устойчивости, обеспечение доступности туризма для всех, использование информационных и компьютерных технологий и т.д. Одним из направлений диверсификации туристического продукта ЕС выступает развитие инклюзивного туризма (туризма, доступного людям с особыми потребностями), который рассматривается как один из путей повышения конкурентоспособности туристического сектора Европейского союза.

В заключение можно сделать ряд выводов о развитии туристического сектора в Европейском союзе:

- Туризм на современном этапе выступает одним из ключевых видов социально-экономической деятельности в ЕС, а также значимой экспортной категорией.
- В период до 2030 года ожидается рост основных ключевых показателей развития туризма, а именно международных прибытий, расходов туристов, уровня занятости населения в сфере туризма, и как следствие – вклада туризма в

ВВП Европейского союза. Однако в то же время прогнозируется снижение доли ЕС в структуре международного туристического рынка за счет переориентации международных туристических потоков на новые туристические дестинации.

- Ключевую роль в структуре туристических потоков в ЕС играют страны Европы. На них приходится основная доля всех турпотоков, на второй позиции находится Америка, на третьей – Азиатско-Тихоокеанский регион. По прогнозам до 2030 года данное соотношение останется прежним.

- Страны ЕС выступают не только привлекательной туристической дестинацией, но одновременно с этим генерируют значительные туристические потоки. При этом расходы резидентов ЕС на выездной туризм превышают расходы на внутренний туризм.

- Ключевыми приоритетами в развитии туризма в ЕС с 2010 г. являются стимулирование конкурентоспособности туристического сектора, а также продвижение устойчивого ответственного и высококачественного туризма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Database Eurostat Tourism [Electronic resource] / Eurostat. – Mode of access :<https://ec.europa.eu/eurostat/web/tourism/data/database>. – Date of access: 13.10.2018.

2. European Union Tourism Trends [Electronic resource] / European Commission – Mode of access :<https://ec.europa.eu/docsroom/documents/29101attachments/1/translations/en/renditions/pdf>. – Date of access: 07.08.2018.

3. Overview of EU Tourism Policy [Electronic resource] / European Commission – Mode of access :http://ec.europa.eu/growth/sectors/tourism/policy-overview_en. – Date of access: 10.06.2018.

4. Tourism and the European Union: Recent trends and policy developments. In-Depth Analysis [Electronic resource] / European Parliament. – Mode of access : [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/568343/EPRS_IDA\(2015\)568343_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/568343/EPRS_IDA(2015)568343_EN.pdf). – Date of access: 15.09.2018.

5. Travel & tourism economic impact 2017. European union LCU [Electronic resource] / World Travel&Tourism Council. – Mode of access :<https://www.wttc.org/-media/files-reports/economic-impact-research/regions-2017/europeanunionlcu2017.pdf>. – Date of access: 03.04.2018.

АНАЛИЗ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ИНКЛЮЗИВНЫХ ТУРИСТИЧЕСКИХ УСЛУГ В ГОСТИНИЧНОМ СЕКТОРЕ (НА ПРИМЕРЕ Г. МИНСКА)

А.Я. Глушак¹⁾, Н.М. Борисенко-Клепач²⁾

*¹⁾Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, glushakovanastya@gmail.com*

*²⁾Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, barysenka@bsu.by*

Данная статья посвящена анализу существующего предложения в г. Минске для людей с особыми потребностями в гостиничном секторе. В этой статье дается анализ представленной государственными органами информации об оборудованных номерах для инвалидов-колясочников в гостиницах г. Минска, данная информация сравнивается с результатами мониторинга, проведенного в г. Минске в 2016 году независимыми экспертами. Делается обзор уже существующего инструментария для проведения мониторинга и нормативных документов в области проектирования гостиничных объектов с целью создания в них безбарьерной среды.

Затрагивается вопрос о целесообразности предоставления недостоверных данных о доступности гостиниц и предоставляемых в них номеров государственными органами.

Ключевые слова: инклюзивный туризм; гостиничный сектор; степень доступности гостиниц; безбарьерная среда; люди с особыми потребностями; мониторинг доступности гостиниц.

ANALYSIS OF THE PROPOSAL OF INCLUSIVE TOURIST SERVICES IN HOTEL SECTOR (ON THE EXAMPLE OF MINSK)

A.Y. Hlushakova^a, N.M. Barysenka-Klepach^b

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

^bBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

Corresponding author: N.M. Barysenka-Klepach (barysenka@bsu.by)

This article is devoted to the analysis of the existing proposal for people with special needs in hotel sector in Minsk. The article analyzes information about equipped rooms for wheelchair users in Minsk hotels provided by the government, this information is compared with the results of monitoring conducted in Minsk in 2016 by independent experts. The review is made to create barrier-free environment with help of existing tools for monitoring and regulatory documents in design of hotel facilities. The question of the feasibility of providing unreliable data by government agencies on the availability of hotels and rooms

Key words: inclusive tourism; hotel sector; availability of hotels; barrier-free environment; people with special needs; monitoring accessibility of hotels.

Понятие "инклюзивный туризм" для туристической сферы достаточно новое. Свою историю оно начинает с Манильской декларации по мировому туризму в 1980 году, когда Всемирная конференция по туризму провозгласила следующее: "Право на отдых и, в частности, право на отпуск и свободу путешествий и туризма, являющиеся естественным следствием права на труд, признаются Всеобщей декларацией прав человека, а также в законодательстве многих стран в качестве элементов развития человеческой личности. Это влечет за собой обязанность общества предоставлять своим гражданам реальные, эффективные и недискриминационные возможности доступа к туризму". [6] Подписание декларации означало, что ЮНВТО берет на себя обязательство по предоставлению недискриминационного доступа к туризму. В дальнейшем ЮНВТО продолжило активно развивать эту сферу. В 1991 году на Генеральной Ассамблее принимаются первые рекомендации по созданию и продвижению доступного туризма, обновленные впоследствии в 2005 и 2013 году.

ЮНВТО и ENAT (Европейская сеть доступного туризма) используют определение инклюзивного туризма (туризма, доступного для всех), которое основано на дефиниции австралийских исследователей С. Дарси и Т. Диксона, определяющих данное понятие как «форму туризма, которая включает в себя процесс сотрудничества между различными участниками сферы туризма, который позволяет людям с особыми потребностями в доступности, включая мобильную, визуальную, слуховую и когнитивную составляющие доступности, действовать независимо, на равных условиях с чувством собственного достоинства через предоставление универсальных туристических продуктов, услуг и среды» [8].

Согласно рекомендациям ЮНВТО по туризму доступному для всех от 2013 года, к целевой аудитории инклюзивного туризма можно отнести:

- людей с инвалидностью;

- пожилых людей;
- родителей с маленькими детьми;
- людей с аллергией;
- людей нестандартных размеров и/или роста;
- людей, не знающих иностранного языка;
- людей со временными проблемами здоровья [7].

Что же касается Беларуси, то в 2015 году наша страна присоединилась к Конвенции ООН о правах инвалидов, а год спустя, 3 октября 2016 г., Конвенция была ратифицирована. Ратификация Конвенции предусматривает в том числе обязательства нашей страны в области повышения доступности туризма для людей с инвалидностью, что в свою очередь предполагает развитие инклюзивного туризма. В статье 30 Конвенции ООН говорится, что "чтобы наделить инвалидов возможностью участвовать наравне с другими в проведении досуга и отдыха и в спортивных мероприятиях, государства-участники принимают надлежащие меры для обеспечения того, чтобы инвалиды имели доступ к спортивным, рекреационным и туристическим объектам" [4].

В процессе развития инклюзивного туризма особую роль играет готовность гостиничной индустрии к применению инклюзивных подходов, поскольку услуги размещения во многом являются основой туристического продукта. В Республике Беларусь вопросы создания безбарьерной среды в гостиничных объектах регулируются следующими документами в области проектирования:

- Среда обитания для физически ослабленных лиц. Основные положения СТБ 2030-2010;
- Технический регламент Республики Беларусь. Здания и сооружения, строительные материалы и изделия безопасности ТР 2009/013/ВУ;
- Улицы населенных пунктов. Строительные нормы проектирования ТКП 45-3.03-227-2010(02250);
- Общественные здания и сооружения. Строительные нормы проектирования ТКП 45-3.02-290-2013(02250);
- Здания и помещения организаций отдыха и туризма. Правила проектирования ТКП 45-3.02-191-2010(02250).

На основе этих документов кандидатом архитектуры, доцентом Н. Лазовской, архитектором А. Ероховой и юристом С. Дроздовским была разработана анкета для мониторинга степени доступности зданий, которую можно использовать как для целого комплекса объектов, так и для отдельных сооружений. В данной анкете представлен необходимый инструментарий для независимого мониторинга степени доступности физического окружения, она ориентирована на сотрудников государственных учреждений, неправительственные организации, частные инициативы и широкий круг лиц, которые интересуются вопросами безбарьерной среды.

Существуют и специализированные анкеты, разработанные ППУ "Офис по правам людей с инвалидностью", которые позволяют оценить степень доступности непосредственно туристических объектов для людей с особыми потребностями. Всего представлено 5 типов анкет, которые позволяют проанализировать доступность мест проживания, мест питания, мест обслуживания, зрительских мест, рекреационных пространств [2].

С помощью разработанного инструментария в 2016 году ППУ "Офис по правам людей с инвалидностью" провел мониторинг 68 туристических объектов г. Минска для оценки существующего уровня их доступности, в том числе 20 объектов проживания. При включении в список для мониторинга предпочтение отдавалось объектам средней ценовой категории, которые с наибольшей вероятностью мог бы посетить среднестатистический белорусский турист. Результаты мониторинга показали, что из 20 проанализированных гостиниц 12 оказались полностью недоступными, 5 были доступны, но не для всех категорий лиц с инвалидностью, лишь 2 гостиницы были полностью доступны: отель "Монастырский" и гостиница ИВВ (таблица 1). Основной проблемой для всех гостиниц стало наличие препятствий на путях движения к объекту, к примеру, отсутствие визуального обозначения наличия на маршруте движения низкопольного транспорта и времени его прибытия, отсутствие тактильной плитки и свободной площадки для кресла-коляски, или отсутствие доступного номера, который бы соответствовал необходимым параметрам (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Результаты мониторинга доступности гостиниц для людей с инвалидностью
(по данным на 2016 год)**

№	Наименование	Степень доступности
1.	Гостиница "Академическая"	Недоступна
2.	Отель "Айти-тайм"	Недоступен
3.	Гостиница "Алмаз"	Недоступна
4.	"БонОтель"	Недоступен
5.	Гостиница "Вояж"	Отказали в мониторинге
6.	Гостиница "Гарни"	Доступно не для всех категорий лиц с инвалидностью
7.	Гостиница ИВВ	Доступна
8.	Мини-отель "Губернский"	Недоступен
9.	Гостиница "Желонь"	Недоступна
10.	Гостиница "Журавинка"	Доступно не для всех категорий лиц с инвалидностью
11.	Гостиница "Звезда"	Недоступна
12.	Отель "Монастырский"	Доступен
13.	Гостиница "На Замковой"	Недоступна
14.	Гостиница "Спорт"	Недоступна
15.	Гостиница "Славянская"	Недоступна
16.	Гостиница "Спорт – Тайм"	Доступно не для всех категорий лиц с инвалидностью
17.	"Холт-тайм Отель"	Доступно не для всех категорий лиц с инвалидностью
18.	Гостиница "Экспресс"	Недоступна
19.	"EastTimeHotel"	Доступно не для всех категорий лиц с инвалидностью
20.	Гостиница "40 лет Победы"	Недоступна

Составлено авторами на основе [6]

На официальном сайте Мингорисполкома опубликована информация об оборудованных номерах для инвалидов-колясочников в гостиницах г. Минска. Согласно представленным данным такие номера имеются в 24 гостиницах (таблица 2). Степень доступности номеров была оценена самими гостиницами, что ставит под сомнения данную информацию. Например, в гостиничном комплексе "Алмаз", представлено 5 номеров, которые находятся на первом этаже и имеют ширину проходов 90 см, поэтому администрация гостиницы посчитала данные

номера доступными, что полностью противоречит правилам мониторинга: категорически не допускается осуществление мониторинга отдельных элементов, только объекта в целом.

В 2018 г. авторами были актуализированы и расширены данные, представленные на сайте Мингорисполкома, посредством изучения информации интернет-страниц данных отелей, а также непосредственного опроса представителей гостиниц. Проведенный анализ показал, что среднестатистический номер для людей с особыми потребностями в г. Минске представляет собой одноместный номер "Стандарт" без завтрака, оснащенный в ванной комнате специальным складным сидением, поручнями, общей площадью до 45 кв. м., имеющий широкий проход в комнату (преимущественно 90 см). Стоимость варьируется от 90 до 375 белорусских рублей из-за различной звездной категорией гостиниц (таблица 2). В процессе изучения сайтов гостиниц было выявлено, что только восемь из них указали данные о доступности гостиницы для людей с особыми потребностями. На сайте была представлена информация об оснащенности номера, его размерных особенностях, прилагались фото номера (см. таблицу 2) .

Таблица 2

**Информация об оборудованных номерах для инвалидов-колясочников
в гостиницах г. Минска**

№ п/п	Наименование гостиницы	Категория гостиницы	Количество номеров	Стоимость	Примечания
1.	«Президент - Отель»	5*	2	155\$ 180\$	без завтрака; с завтраком (двухместный номер)
2.	«Краун Плаза»	5*	1	Пн-Пт 139 \$ Сб-Вс 129 \$	двухместный номер.
3.	«Европа»	5*	1	175 Euro; 150 Euro.	без завтрака; с завтраком (одноместный)
4.	«Пекин»	5*	1	248,60 руб.	одноместный.
5.	«Минск»	4*	2	Пн-Пт 165 руб.; Сб-Вс 149 руб.	одноместный; стоимость завтрака - 29 рублей.
6.	«Виктория»	4*	2	210 руб.; 180 руб..	с завтраком; без завтрака; (одноместный)
7.	«Виктория 2»	4*	3	220 руб.; 250 руб.	с завтраком; без завтрака (одноместный)
8.	«Виктория Олимп»	4*	6	от 120 руб.	одноместный
9.	«Отель на Замковой»	4*	1	158 руб.	входит завтрак, одноместный.
10.	«Ренессанс»	4*	2	132 \$	входит завтрак; номер с двумя односпальными кроватями.
11.	«Гарни»	3*	1	148 руб.; 160 руб.	с завтраком; без завтрака. (одноместный)
12.	ГК «Юбилейный»	3*	2	110 руб.	двухместные, без завтрака.
13.	«Спутник»	3*	2	80 руб.	одноместный
14.	Гост. «IBV»	3*	5	от 75 руб.	одноместный
15.	«Арена»	3*	2	Не смогли предоставить данные	
16.	«Беларусь»	3*	6	152 руб.; 174 руб.	без завтрака; с завтраком (двухместный номер)
17.	«Бонотель»	3*	1	59 Euro	Номер без завтрака, одноместный.

№ п/п	Наименование гостиницы	Категория гостиницы	Количество номеров	Стоимость	Примечания
18.	«Славянская»	3*	2		Не смогли предоставить данных
19.	«Спорт-тайм Отель»	2*	2	122 руб.; 166, 30 руб.	двухместный номер; трехместный номер (с завтраком)
20.	«Ист-тайм Отель»	2*	2	122 руб.; 166, 30 руб.	двухместный номер; трехместный номер (с завтраком)
21.	«Холт-тайм Отель»	2*	2	122 руб.; 166, 30 руб.	двухместный номер; трехместный номер (с завтраком)
22.	«Айти-тайм Отель»	2*	2	122 руб.; 166, 30 руб.	двухместный номер; трехместный номер (с завтраком)
23.	ГК «Алмаз»	б/к	5	47,50 руб.	Номера не оборудованы, на входе есть пандус и широкий проход
24.	«Вояж»	б/к	1	90 руб.	двухместный номер
Итого:			52		

Составлено авторами на основе [3]

В заключение можно сказать, что развитие принципов равенства и недискриминации в сфере туризма, закрепленных в Манильской декларации, привело к формированию нового направления — инклюзивного туризма. Развитие инклюзивного туризма требует от туристической отрасли адаптации к потребностям людей с особыми нуждами. Обеспечение доступности в гостиничной сфере включает в себя инфраструктурную и информационную доступность, а также готовность персонала к работе с людьми с особыми потребностями. В статье особое внимание уделено вопросам инфраструктурной доступности гостиниц г. Минска. Было выявлено расхождение в понимании доступности представителями гостиниц и специалистами в данной области, поскольку сведения об оборудованных номерах не соответствовали данным мониторинга доступности гостиниц, который был проведен ППУ «Офис по правам людей с инвалидностью». Это говорит о том, что представители гостиниц не осведомлены в полной мере о требованиях в области доступности гостиничных объектов, закрепленных в специализированных нормативных документах и, как следствие, предоставляют потенциальным туристам недостоверную информацию. Для повышения степени доступности гостиничных услуг в г. Минске необходимо содействие со стороны государства, а также заинтересованность со стороны гостиничного сектора, что в совокупности позволит изменить существующую ситуацию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дроздовский С. Е. Руководство по мониторингу доступности архитектурных объектов, зданий и сооружений для людей с инвалидностью / С. Е. Дроздовский, Е.М. Шевко; под общ. ред. Г. Н. Крот. — Минск: А.А. Згировский, 2013. — 32 с.
2. Инструменты мониторинга доступности туристических объектов // Офис по правам людей с инвалидностью [Электронный ресурс]. — 2018. — Режим доступа: http://www.dis-right.org/sites/default/files/source/11.05.2018/instrumenty_monitoringa_dostupnosti_turisticheskikh_obektov.docx.pdf. —Дата доступа: 10.01.2019.
3. Информация об оборудованных номерах для инвалидов-колясочников в гостиницах г.Минска[Электронный ресурс] / Минский городской исполнительный комитет. — Минск, 2001. — Режим доступа: <https://minsk.gov.by/ru/actual/view/578> — Дата доступа: 10.01.2019

4. Конвенция о правах инвалидов: Принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи 13 дек. 2006 г. [Электронный ресурс] / Организация Объединённых Наций – Нью-Йорк, 2006. – Режим доступа: <http://www.un.org>. – Дата доступа: 10.01.2019.

5. Манильская декларация по мировому туризму // Файловый архив для студентов [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/5410284/>. – Дата доступа: 10.01.2018.

6. Отчет о проведении мониторинга туристических объектов г. Минска // Офис по правам людей с инвалидностью [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://www.disright.org/ru/source> – Дата доступа: 10.01.2019.

7. ЮНВТО: Рекомендации по доступному туризму // Всемирная туристская организация (ЮНВТО) [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: http://www.disright.org/sites/default/files/source/12.12.2016/yunvto_rekomendacii_po_dostupnomu_turizmu.pdf. – Дата доступа: 18.01.2019.

8. Darcy, S. Towards a Definition of Accessible Tourism / [Электронный Ресурс] / Accessible tourism research. – Режим доступа: <http://accessibletourismresearch.blogspot.com/2010/01/towardsdefinition-of-accessible.html>. – Дата доступа: 18.01.2019.

ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА И ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЯВЛЕНИЯ АРХЕТИПОВ ИННОВАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ

О.В. Горбат

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, gorbat972010@mail.ru*

Приведена характеристика основных этапов развития стратегического менеджмента с выделением ключевых событий, повлиявших на формирования теоретической и практической базы менеджмента. Целью исследования является систематизация актуальных стратегий инновационной экономики общего пользования, а также данных по историческому развитию стратегического менеджмента. В статье аргументируется целесообразность применения матрицы архетипов инновационных стратегий, предложенной Бостонской консалтинговой группой. Выявляются проблемы использования инструментов стратегического менеджмента на современном этапе. В ходе исследования выделяется новый этап эволюции стратегического менеджмента, в основе которого находится принцип «амбидекстрии». С целью подтверждения реализации этого принципа представлена таблица с практическим кейсами по данной тематике, которые могут быть использованы студентами как практический материал для изучения опыта успешных компаний, так и руководителями при проведении бенчмаркинга.

Ключевые слова: стратегический менеджмент; инновационная экономика; матрица архетипов инновационных стратегий; амбидекстрия.

STAGES OF STRATEGIC MANAGEMENT EVOLUTION AND BACKGROUND OF INNOVATIVE STRATEGY ARCHETYPES

O.V. Gorbat

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article describes the main stages of the development of strategic management, highlighting key events that influenced the formation of the theoretical and practical management base. The aim of the study is to systematize the up-to-date strategies in “sharing economy” environment, as well as data on the historical development of strategic management. The increase in the number of innovative strategies and new approaches complicates the algorithm for choosing a strategy, which confirms the relevance of the topic. The article argues the feasibility of applying the Strategy Palette (matrix of archetypes of innovative strategies) proposed by the Boston consulting group. In order to confirm the

implementation of this principle, a table with practical cases on this topic is presented, which can be used by students as practical material for studying the experience of successful companies and managers during the benchmarking.

Key words: strategic management; innovative economy; the Strategy Palette; ambidexterity.

Термин «стратегия» впервые упоминается во времена древней Греции и происходит от греческого слова “στρατηγία” – искусство полководца, наука о ведении войны [1]. Применительно к сфере бизнеса, данный термин стал использоваться только в 20 веке.

Во второй половине 19 века стратегия постепенно начинает рассматриваться как инструмент для контролирования рыночных сил и формирования конкурентной среды. В Соединенных Штатах Америки строительство железных дорог после 1850-х гг. привело к развитию первых массовых рынков. Появление транспортной инфраструктуры способствовало увеличению капитала, объема выдаваемых кредитов, привлекаемых инвестиций. Это привело к использованию компаниями «экономии от масштаба» и появлению вертикально интегрированных корпораций [2].

Именно с конца 19 века начинается отсчет эволюции систем стратегического управления с выделением 4-х этапов:

1. Бюджетирование (1890 - 30/50 гг. 20 века);
2. Долгосрочное планирование (50-60 гг. 20 века);
3. Стратегическое планирование (70-90 гг. 20 века);
4. Стратегический менеджмент (90 гг. 20 века – настоящее время) [3]

(Таблица 1).

Характеристика 4 этапов эволюции стратегического менеджмента

Первыми, кто заговорил о необходимости разработки стратегии, были менеджеры крупнейших корпораций. Альфред Слоан (генеральный директор Дженерал Моторс с 1923 по 1946 гг.) разработал стратегию, основываясь на сильных и слабых сторонах своего конкурента, компании Форд [4].

Вторая Мировая Война активизировала дальнейшее развитие стратегического мышления. Основная проблема, связанная с оптимальным распределением ограниченных ресурсов в период ведения войны, решалась за счет использования нестандартных для того времени приемов менеджмента (линейное программирование, «кривая обучаемости», антагонистическая игра или игра с нулевой суммой и др.) [2].

Тем не менее, до 70-х гг. XX века менеджмент сводился к составлению прогнозов на будущий период на основе экстраполяции результатов прошлых лет и имел внутреннюю ресурсную направленность [3]. Уже в конце 60-х гг. века компании столкнулись с возросшей сложностью бизнес-процессов, диверсификацией и технологическими изменениями, что выражалось в недостижении компаниями планируемых результатов. Эти диагностические признаки отражают необходимость перехода к третьему этапу эволюции стратегического менеджмента – стратегическому планированию [5] (см. таблицу 1).

Характеристики этапов эволюции стратегического менеджмента

	1 ЭТАП – Бюджетирование: 1890 - 30/50 гг. 20 века	2 ЭТАП – Долгосрочное планирование: 50-60 гг. 20 века	3 ЭТАП - Стратегическое планирование: 70-90 гг. 20 века	4 ЭТАП – Стратегический менеджмент: 90 гг. 20 века – наст. время.	4.1 ЭТАП – Амбидекстрия: наст. время
Исторические предпосылки	Появление первых массовых рынков за счет строительства транспортной инфраструктуры, открытие бизнес-школ.	Отсутствие кризисов и сильной конкуренции, ↑ количества ТНК, послевоенный бум.	Возросшая сложность бизнес-процессов, диверсификация, технологические изменения, ↑ количества бизнес-консультантов, большое отклонение прогнозных показателей от итоговых.	Развитие Гарвардской бизнес-школы (Майкл Портер), рост глобализации, стремительное развитие технологий в инновационных сферах, укрепление позиций ТНК, волатильность среды, sharing economy.	Мировые экономические кризисы (2007, 2011), появление множества стартапов в инновационных сферах, укрепление позиций ТНК, волатильность среды, sharing economy.
+ Положительные стороны	Оптимизация трат, фокус на прибыли.	Понимание необходимости привлечения заемных средств, выяснение причин ограничения роста компании.	Анализ не только внутренних, но и внешних конкурентных сил, ежегодные корректировки планов, недопущение потери долгосрочной прибыли.	Выстраивание конструктивных действий в зависимости от выбранной стратегии, большое количество стратегических инструментов.	Выстраивание конструктивных действий в зависимости от выбранной стратегии, большое количество стратегических инструментов.
- Недостатки	Организация – закрытая система, экстраполяция прошлых результатов на будущее.	Допущение о неопределенности внешней среды, составление планов благоприятных возможностей.	Планирование основано на параметрах и тенденциях прошлых лет.	Сложность выбора правильной стратегии, необходимость выделения средств на исследования и инновации.	Сложность выбора правильной стратегии, необходимость выделения средств на исследования и инновации.
Используемые инструменты	Финансовое планирование, линейное программирование, «кривая обучаемости».	SWOT - анализ, жизненный цикл продукта, PEST – анализ, сравнительный анализ, сценарное планирование.	Матрица БКТ, Матрица МакКинзи, Матрица товар – рынок Игора Ансоффа, математические алгоритмы, статистические модели, метод взвешенной экспертной оценки, кривая потребления, модель 5 сил Портера.	Стратегические окна, ниши, ценовка создания ценности, карты стратегических групп, теория игр.	Палитра стратегий БКТ, многофакторные модели (например, метод «многорукий бандит»).

Примечание: собственная разработка на основе [2, 3, 8].

60-70 гг. XX века характеризуются увеличением количества бизнес-консультантов и выделением компаний-лидеров данной сферы. В частности, Бостонская консалтинговая группа, основанная в 1963 году, внесла существенный вклад в развитие стратегического менеджмента, применяя математические алгоритмы и статистические модели для решения проблем бизнеса и корпоративной стратегии. Данная компания разработала такие инструменты, как «кривая опыта», «Матрица БКГ», «портфельный анализ» и др. В 1968 году генеральный директор Дженерал Моторс обратился к одной из лидирующих компаний в сфере консалтинга, МакКинзи, для анализа корпоративной структуры. Специалисты МакКинзи выяснили, что компании следует создать бизнес-единицы (впоследствии названные СБУ). Чуть позже, анализируя также Дженерал Моторс, была создана матрица МакКинзи или матрица Дженерал Моторс. Так было положено начало использования метода взвешенной экспертной оценки, которая применяется для оценки привлекательности отрасли и конкурентоспособности продукта [2, 3].

Таким образом, период стратегического планирования характеризовался направленностью «вовне». Этот этап являлся переходным для формирования стратегического менеджмента, так как было положено начало создания теоретической основы менеджмента.

Развитие Гарвардской бизнес школы с 90-х гг. XX века послужило началом четвертого этапа эволюции – использование компаниями стратегического менеджмента. Уже в конце 80-х гг. 20 века выпускается книга Майкла Портера «Конкурентное преимущество», где говорится о том, что компания должна применять одну из 4-ех базовых стратегий: лидерство по издержкам, дифференциация, фокусирование на основе низких издержек или дифференциации. Именно Майкл Портер ввел такие понятия, как «цепочка создания ценности», разработал «модель 5 конкурентных сил», определил значения «миссии» и «видения», предложил методику определения уровня конкурентоспособности не только компаний, но и государств и др. [6].

Новый этап эволюции стратегического менеджмента: архетипы инновационных стратегий.

Со времени возникновения бизнес-стратегий значительно выросло количество различных инструментов и моделей. К сожалению, ответы на вопросы, как они связаны друг с другом или когда их целесообразно использовать, далеко не очевидны. Появление новых инновационных стратегий зачастую воспринимается как панацея. На фоне увеличившегося числа подходов, руководители компаний сталкиваются с дилеммой: как определить наиболее эффективную стратегию и её реализовать [7]. Множество противоречий возникает в результате распространения идей экспериментирования, маневренности, что трактуется, как необходимость следования неклассическим стратегиям [8]. Для упорядочения перечня множества существующих и новых инновационных стратегий ведения бизнеса специалисты Бостонской консалтинговой группы предложили классифицировать стратегии с учетом таких групп критериев как «пластичность рынка» - возможность формирования и изменения внешней среды; «непредсказуемость реакции рынка» - отражение возможности прогнозирования; «агрессивность» - оценка перспектив выживания бизнеса [7]. Объединение названных

выше параметров в трехмерную графическую модель, позволило выделить 5 архетипов стратегий инновационной экономики (см. рисунок).

Рис. Стратегии конкуренции в классических и инновационных моделях ведения бизнеса
Источник: [7].

Предпосылками формирования архетипов инновационных стратегий являются глобализация, рост взаимосвязей, широкое разнообразие и упрочнение позиций крупнейших корпораций, которые имеют многолетний опыт ведения бизнеса и надежную финансовую подушку безопасности, стремительное появление небольших старт-апов, которые создают мощную конкурентную среду, где долгосрочное стратегическое планирование и классические стратегии конкурентоспособности не всегда являются эффективными [8].

Визионерская стратегия соответствует поведению компаний-первопроходцев, формируя новые сегменты рынка и спрос. Данный подход соответствует принципам стратегии «Голубого океана» и широко используется молодыми компаниями, особенно в сфере IT-технологий (Uber, Airbnb, iTunes).

При отсутствии возможности прогнозирования и влияния на среду, целесообразно выбрать стратегию «Адаптации». Такие компании выживают благодаря высокой скорости реагирования и изменения бизнес-процессов. Примером может служить компания Zara, которая сократила цепочки поставок, сократив период от разработки товара до появления на полках магазинов до 3 недель, а также создавая небольшие партии внутри каждого стиля, расширяя тем самым аудиторию [10].

На раннем этапе формирования рынка, когда правила игры еще не установлены, а прогнозирование невозможно, у компании появляется возможность создать отрасль, что характеризует стратегию «Формирования». Для нее характерно сотрудничество, высокая доля и рисков (App Store) [11].

Изменение направления, высвобождение ресурсов и оптимизация бизнес-процессов – основные идеи стратегии «Восстановления», которая применяется, когда обстоятельства настолько трудны, что компании вынуждены отказаться от прежнего плана развития. Снижение затрат для увеличения денежного потока, внутренний реинжиниринг, сокращение уровней управления и иные меры призваны трансформировать компании для того, чтобы нормализовать свои процессы и вновь выйти на хорошие показатели рентабельности. Огромное количество компаний в период Мирового финансового кризиса следовали идеям данной стратегии (Ericson, Daimler, Bank of America) [12].

По причине усиления конкуренции, уменьшающегося количества свободных ниш и стратегических окон в условиях ведения бизнеса в 21 веке, компании стараются применять новые подходы и методы. Для характеристики экономики 21 века применяют такие выражения, как «инновационная», «экономика совместного пользования» (sharing economy). Глобализационные тренды и стреми-

тельное развитие новых технологий заставляют компании не просто адаптироваться к внешним условиям, но и комбинировать стратегии, реализуя принцип «амбидекстрии» - совмещения стратегий различных архетипов в организации бизнеса одной компании с учетом специфики ее основного вида деятельности, выбранных направлений инноваций, ключевых компетенций и содержания реализуемых инновационных процессов [7]. Такие компании как Apple, PepsiCo, Google, Xiaomi используют технику «амбидекстрии» для развития текущего направления бизнеса и управления инновационными проектами (см таблицу 2).

Таблица 2

Характеристика компаний, реализующих стратегию на основе принципа «амбидекстрии»

Пример компании	Стратегия	Описание
Apple	Визионерская стратегия	Появление первого iPhone на рынке.
	Адаптация	Создание экосистем сторонних компаний для выстраивания цепочки поставок компонентов техники, что обусловлено быстроменяющимися потребностями покупателей и технологическими возможностями [7].
	Классическая стратегия	Наращивание объема при сокращении издержек.
Pandora	Визионерская стратегия	Старт продаж браслетов с шармами, что позволяет клиенту создавать продукт собственного уникального дизайна.
	Классическая стратегия	Расширение присутствия на мировом рынке потребовало широкомаштабного производства. В период 2003 – 2008 гг. было построено 4 завода в Таиланде [12].
Xiaomi	Визионерская стратегия	Создание собственной операционной системы MIUI, что является основным источником дохода, а не продажа самой техники.
	Классическая стратегия	Использование демпинговой стратегии: при цене немного выше себестоимости, компоненты техники Xiaomi такие же, как и у Apple. Это стало возможным, благодаря правительственным грантам и субсидиям, отсутствию больших затрат на исследования, так как Xiaomi зачастую копирует успешные технологии других брендов [13].
Coca-Cola	Классическая стратегия	Эффект масштаба + дифференциация (более 500 брендов). Напиток продается во всех странах мира за исключением Кубы и Северной Кореи, являясь одним из самых узнаваемых брендов. Эффект масштаба достигается благодаря всемирной сети заводов, количество которых составляет более 1000 [13].
Coca-Cola и Pepsi Co	Адаптация	В ответ на выпуск диетической газировки компаниями Canada Dry и Royal Crown, Coca-Cola выпускает аналогичный продукт под брендом TAB. В том же году компания PepsiCo запускает продажи диетической газировки Patio Diet Cola. Обе компании использовали новые бренды, опасаясь потерять репутацию в случае неудачи. Впоследствии при распространении тренда на здоровое питание Coca-Cola выпускает новый продукт: Coca-cola Zero [14].
Pepsi Co	Классическая стратегия	Эффект масштаба + дифференциация. В продуктовом портфеле компании более 2000 продуктов, которые продаются в 200 странах мира [15].
	Адаптация	Проектирование автоматов для газирования напитков в домашних условиях [7].

Примечание: собственная разработка.

Таким образом, история становления современного стратегического менеджмента привела к появлению новых моделей, стратегий и инструментов их реализации. Быстро изменяющиеся условия внешней среды, мировые экономи-

ческие кризисы, непредсказуемость и волатильность являются основными факторами, способствующими применению гибких методов работы, более динамичному подходу к бизнес-процессам. В связи с такой неоднородностью крупные компании, работающие в нескольких бизнес-средах должны быстро меняться путем применения разных стратегий (Таблица 2). Такой подход позволяет говорить о начале нового этапа в истории развития менеджмента, где стратегия основывается на совмещении как классических, так и инновационных подходов, реализуя принцип «амбидекстрии».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Словарь иностранных слов [Электронный ресурс] // Ссылка <https://classes.ru/all-russian/dictionary-foreign-term-12564.htm>
2. Pankaj Ghemawat Competition and business strategy in historical perspective / Business History Review; Spring 2002; 76, 1
3. Хомич, С.А. Стратегический менеджмент [Электронный ресурс] : курс лекций / С.А.Хомич. – Минск : БГУ, 2012 – Режим доступа :<http://www.elib.bsu.by>, ограниченный
4. Alfred P. Sloan Jr., My Years with General Motors / Alfred P. Sloan Jr - New York : 1963
5. Peter Drucker, The Practice of Management / Peter Drucker – New York : 1954
6. Michael E. Porter, Competitive Advantage / Michael E. Porter - New York : 1985, ch. 3
7. Ривз, Мартин Стратегии тоже нужна стратегия / М. Ривз, К. Хаанес, Д. Синха ; [пер. с англ. под редакцией А. Лазурского, Г. Милова]. – Москва : Издательство «Э», 2016. – 272 с. : ил. – (Top Business Awards).
8. Горбат, О. В. Основные архетипы стратегий конкуренции в классических и инновационных моделях ведения бизнеса / О. В. Горбат // Беларусь в современном мире : материалы XVII Междунар. науч. конф., Минск, 26 окт. 2018 г. / редкол. : В. Г. Шадурский (пред.) [и др.]. — Минск : Изд. центр БГУ, 2018.
9. The Future of Fashion Retailing: The Zara Approach // Forbes [Electronic resource]. – 2015. – Mode of access: <https://www.forbes.com/sites/gregpetro/2015/07/23/the-future-of-fashion-retailing-revisited-part-2-zara/#2320c1eb65e6> . – Date of access: 17.01.2019
10. Apple Announces 1 Million Apps in the App Store, More than 1 Billion Songs Played on iTunes radio // Verge [Electronic resource]. – 2013. – Mode of access: <https://www.theverge.com/2013/10/22/4866302/apple-announces-1-million-apps-in-the-app-store> . – Date of access: 17.01.2019
11. Robert S. Kaplan and William J. Bruns // Reengineering the Corporation: A Manifesto for Business Revolution - Harvard Business Review, 1987.
12. Прокопенко Т. С. Эффективный маркетинг: пять вещей, сделавших Pandora брендом Effective // Молодой ученый. — 2016. — №24. — С. 222-224. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/128/35581/> – Дата доступа: 19.01.2019.
13. Клименчук М. С чего начинала Xiaomi и почему у неё получилось // iPhones.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.iphones.ru/iNotes/760050> . – Дата доступа: 19.01.2019.
14. Eric Troy and CulinaryLore What Was the First Diet Soda? [Electronic resource].– Mode of access: <https://culinarylore.com/drinks:what-was-the-first-diet-soda/> . – Date of access: 19.01.2019.
15. Brand Sites / PepsiCo [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.pepsicobeveragefacts.com/mobile/Brands>. – Date of access: 19.01.2019.
16. Brands: The Coca-Cola Company // The Coca-Cola Company [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.coca-colacompany.com/packages/brands> . – Date of access: 19.01.2019

РЕФОРМЫ СИСТЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОГО РЫНКА СТРАН (МИРОВОЙ ОПЫТ)

Гэн Шуай

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, gengshuai@me.com*

В статье дано определение финансовых инноваций, рассматриваются реформы системы регулирования финансового рынка стран при внедрении новых финансовых продуктов после финансового кризиса. Внедрения финансовых инноваций часто приведет к потере стабильности финансовой системы на микроэкономических и макроэкономических уровнях, используемые ранее методы уже потеряли свою актуальность. Объединение комиссии по регулированию банковской деятельности Китая и комиссии по регулированию страхования Китая является определенной степенью адаптации к новым потребностям развития финансовой индустрии.

Ключевые слова: реформы; регулирование; финансовый рынок; финансовые инновации.

REFORMS OF REGULATORY SYSTEM FINANCIAL MARKET OF COUNTRIES (WORLD EXPERIENCE)

Geng Shuai

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article provides a definition of financial innovations, discusses reforms in the system of regulating the financial market in countries when introducing new financial products after the financial crisis. The introduction of financial innovations will often lead to a loss of stability of the financial system at microeconomic and macroeconomic levels, the methods used earlier have already lost their relevance. Combining the China Banking Regulatory Commission and the China Insurance Regulatory Commission is also a certain degree of adaptation to the new development needs of the financial industry.

Key words: reforms; regulation; financial market; financial innovations.

В большинстве страны стремятся повысить конкурентоспособность экономики за счет именно внедрения финансовых инноваций.

Китайский экономист Хе Усин считает, что финансовые инновации - финансовая реформа, которая происходит тогда, когда текущая система финансового регулирования, финансовые технологии, финансовые институты не соответствуют нынешним ситуациям. Содержанием финансовых инноваций являются новые финансовые продукты, новые финансовые операции, новые методы финансового регулирования [4, с.178].

Внедрение финансовых инноваций часто приводит к потере стабильности финансовой системы на микро- и макроэкономическом уровнях, сглаживанию различия между денежными и неденежными активами. Как показывает практика, во многих странах была принята интегрированная модель финансового регулирования именно в ответ на появление финансовых инноваций [2, с.37].

В США банковская паника 1907 г. привела к созданию в 1913 году Федеральной резервной системы (ФРС) для выполнения функций центрального банка и осуществления централизованного контроля над коммерческой банковской системой этой страны. Но, несмотря на создание ФРС, в течение 1920 годов финансовый рынок США характеризовался слабым уровнем регулирования. В 1993 г. был принят закон Гласса – Стиголла, который разграничил инвестиционно-

банковские и коммерческие операции банков. К середине 80-х гг. стало очевидно, что запреты, установленные данным законом, фактически перестали работать. В 1999 году был принят закон о финансовой модернизации, который отменил некоторые серьезные ограничения, введенные Законом Гласса – Стиголла, коренным образом изменив правила в банковском секторе в США и расширив возможности создания и деятельности финансовых конгломератов. После мирового кризиса в США в 2010 г. принят закон Додда-Фрэнка. Данный закон считается наиболее масштабным изменением в финансовом регулировании США с начала 1900-х годов, он существенно изменил деятельность федеральных органов власти, регулирующих порядок оказания финансовых услуг, а также создал дополнительный орган финансового регулирования – Совет по надзору за финансовой стабильностью[1, с. 97].

В 2000 году в Великобритании вступил в силу Закон «Financial Services and Markets», действие которого привело к созданию единого регулирующего органа финансового рынка, который не является центральным банком. Ответственность за регулирование банковских и финансовых секторов из Банка Англии была передана Службе по регулированию сектора финансовых услуг (FSA – Financial Services Authority). После мирового финансового кризиса FSA была подвергнута жесткой критике и в 2013 году Великобритания провела новую масштабную реформу системы регулирования и надзора за финансовым рынком, выделив из FSA функции регулирования и надзора за банковской деятельностью и передав эти функции Банку Англии. А на смену FSA были созданы 2 новые организации: Орган пруденциального надзора (Prudential Regulation Authority) и Управление финансовым поведением (Financial Conduct Authority). Орган пруденциального надзора, подотчетный Банку Англии, регулирует административно-хозяйственную деятельность компаний, предоставляющих финансовые услуги, банков, страховых агентств и инвестиционных организаций. Управление финансовым поведением (FCA) – это самостоятельное учреждение, на которое возложены функции, ранее исполняемые FSA. FCA контролирует деятельность на рынке финансовых услуг, в том числе и осуществляет надзор за компаниями, которые регулируются PRA[1, с.124].

Китайский финансовый рынок развивался 20 лет и в процессе реформирования пережил несколько этапов.

В 1983 году на Народный Банк Китая законодательно были возложены функции центрального банка страны, НБК стал осуществлять регулирование и надзор за всеми сферами страны: страхованием, фондовым рынком и банковскими учреждениями, включая кредитную кооперацию и финансовые компании. В конце 1992 года в Китае началось институциональное разделение функций финансового регулирования. Госсовет Китая передал операции по регулированию ценных бумаг из ведения НБК специально учрежденной Комиссии по контролю и регулированию рынка ценных бумаг. В значительно короткие сроки была создана в сентябре 1998 г. Комиссия по контролю и регулированию страхования. А завершающим этапом реформы регулирования в финансовой сфере стало создание в 2003 году Комиссии по контролю и регулированию банковской сферы, которая осуществляет функции регулирования банковских и небанковских учреждений страны. За НБК сохранились роль системного регулятора, и функции, обеспечивающие системную стабильность банковского сектора. Государственное

управление по валютным рынкам регулирует валютную систему НБК. Все вышесказанные учреждения подчиняются Государственному Совету Китая [3, с.70] (см. рисунок 1).

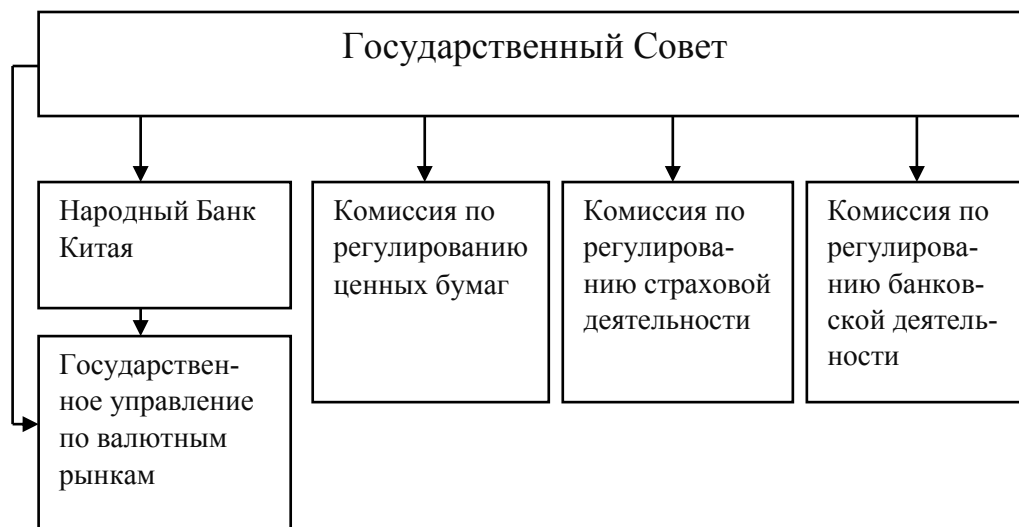

Рис. 1. Система финансового регулирования Китая (2003-2018 гг.)
Источник: составлено автором на основе [3]

В марте 2018 года на пленарном заседании ЦК КПК было принято решение о масштабной реформе финансового рынка. Решения изложены в двух документах - «Решении ЦК КПК об углублении реформ партийных и государственных структур» и «Проекте углубления реформ партийных и государственных структур». Речь идет об объединении комиссии по регулированию банковской деятельности и комиссии по регулированию страховой деятельности. Вместо этих комиссий создается Госкомиссия по регулированию банковской и страховой деятельности. Новое ведомство будет находиться в непосредственном подчинении Госсовета (см. рисунок 2).

Рис. 2. Система финансового регулирования Китая (с марта 2018 г.)
Источник: составлено автором

Основными полномочиями нового ведомства станет регулирование банковской деятельности и сферы страхования, обеспечение законных финансовых прав потребителей, обеспечение финансовой стабильности и предотвращение опасных рисков финансовой системы.

Объединение двух комитетов основано на том, что функции финансовых институтов в основном не отличаются. Обе сферы имеют сходство с точки зре-

ния нормативных концепций, правил, инструментов, также схожие требования к нормативным ресурсам и нормативным знаниям.

С появлением финансовых инноваций, развитием смешанной деятельности финансовой индустрии границы между разными финансовыми секторами продолжают стираться. Объединение комиссии по регулированию банковской деятельности Китая и комиссии по регулированию страхования Китая является определенной степенью адаптации к новым потребностям развития финансовой индустрии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Доклад о финансовой стабильности КНР. 2015. Пекин: Финансы КНР, 2015. – С. 208.
2. Казаков, В.В. Проблемы и перспективы внедрения финансовых инноваций в разрыве тенденций развития финансовых рынков / В.В. Казаков // Проблемы учета и финансов. – 2014. - № 3. – С. 36-41.
3. Лю, Ся Сравнительное исследование реформы системы финансового регулирования в условиях финансовых инноваций / Лю Ся // Журнал Пекинского университета авиации и аэронавтики. – 2014. - № 4. – С. 67-74.
4. Хе Усин. Финансовые инновации и развития / Хе Усин. – 2000. – 278 с.

К ВОПРОСУ ПОСТРОЕНИЯ ИНДЕКСА МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Н.В. Казарина

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, natalya.kazarina@list.ru*

В статье представлено обоснование выбранных показателей и базы исследования для оценки степени развития международного научно-технического сотрудничества. Разработанный автором индекс международного научно-технического сотрудничества включает 23 показателя социальной и экономической направленности. Особый акцент сделан на использовании этнометрических показателей при построении индекса международного научно-технического сотрудничества.

Ключевые слова: международное научно-техническое сотрудничество; индекс международного научно-технического сотрудничества.

TO THE QUESTION OF CONSTRUCTING THE INDEX OF INTERNATIONAL COOPERATION IN SCIENCE AND TECHNOLOGY

N.V. Kazarina

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article presents the explanation of the selected indicators and data sources for the evaluation of the progress in international cooperation in science and technology. The index of international cooperation in science and technology developed by the author includes 23 indicators of social and economic orientation. A particular emphasis is given to the usage of ethnometric indicators in the construction of the index of international cooperation in science and technology.

Key words: international cooperation in science and technology; index of international cooperation in science and technology.

Согласно определению Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), индикатор – это «количественный или качественный фактор,

или переменная, который является простым и надежным средством измерения достижений или отображения перемен, произошедших вследствие какого-то действия, либо средством оценки работы субъекта развития» [13].

Для обеспечения жизнеспособности композитных индикаторов (индексов) особенно тщательное внимание уделяется этапам их построения. В Руководстве ОЭСР представлены следующие ключевые этапы построения: 1) обоснование теоретической основы, объясняющей выбор отдельных показателей композитных индикаторов (индексов) и ориентированной на определенную цель исследования. 2) Выбор данных. Основной акцент на этом этапе делается на аналитической обоснованности, измеримости, географическом охвате, соответствии измеряемому явлению и взаимозависимости показателей друг с другом (корреляция). 3) Вменение пропущенных данных. 4) Многомерный анализ. Многомерный анализ позволяет изучить общую структуру набора данных, оценить его пригодность и определить дальнейшую последовательность действий (например, взвешивание, агрегирование). 5) Нормализация. Показатели должны быть нормализованы, чтобы была возможность их сопоставления. 6) Взвешивание и агрегирование. Показатели должны быть агрегированы и взвешены в соответствии с теоретическими основами. 7) Анализ неопределенности и чувствительности. Следует предпринять оценку надежности композитного индикатора с точки зрения, например, включения или исключения показателей, процесса нормализации данных, выбора весовых значений и др. 8) Возврат к реальным данным. Необходимо выявить основные драйверы для общей хорошей или плохой «производительности» (в том числе разбив индекс на подкомпоненты (субиндексы)). 9) Взаимосвязь с другими индикаторами. Необходимо сопоставить композитный индикатор с существующими (простыми или композитными) индикаторами для выявления взаимосвязей. 10) Презентация и визуализация полученных данных [5].

При разработке индекса международного научно-технического сотрудничества (индекс МНТС) для оценки степени развития международного научно-технического сотрудничества представляется необходимым сделать особый акцент на факторах, которые оказывают влияние на МНТС.

Условно их можно разделить на 2 группы [14, с. 109]:

– факторы развития международного научно-технического сотрудничества – те факторы, которые способствуют международному научно-техническому сотрудничеству или затрудняют таковое. Кандидаты экономических наук К.А. Задумкин и С.В. Терехова выделяют в данной категории следующие группы факторов: политические, экономические, информационно-коммуникационные технологии, языковые и культурные факторы, географические, глобальные факторы, социально-психологические факторы [12, с. 24-25].

– факторы эффективности международного научно-технического сотрудничества, «отражающие степень развитости структурных элементов институциональной среды» [14, с. 111].

В разрабатываемом автором индексе международного научно-технического сотрудничества используется 23 показателя, среди которых присутствуют так называемые этнометрические показатели: ориентация на будущее, институциональный коллективизм, ориентация на производительность. Следует сделать оговорку, что национальные черты характера (этноментальность) влияют на особенности поведения, устремления, в том числе и на склонность к со-

трудничеству или избегание его, а близость культурных характеристик способствует более тесным взаимодействиям во многих сферах деятельности. Представленные показатели были заимствованы из Исследовательской программы GLOBE (Global Leadership and Organizational Behavior Effectiveness), целью исследования которой стало изучение взаимосвязей между социальной культурой, социальной эффективностью и организационным лидерством [4]. При этом под культурой в рамках проекта подразумевались «общие мотивы, ценности, убеждения, идентичности и интерпретации или значения значимых событий, которые являются результатом общего опыта членов коллективов и передаются через поколения» [4].

Используемые для построения индекса международного научно-технического сотрудничества этнометрические показатели отражают социальную практику 2004 года (с учетом того, что ценности и нормы нарабатываются обществом годами и не подлежат быстрой переоценке). Их адаптация для целей оценки степени развития международного научно-технического сотрудничества возможна благодаря следующим допущениям: в отношении международного научно-технического сотрудничества важен инновационный характер, что характеризуется ориентацией вперед (показатель «ориентация на будущее»); показатель «институциональный коллективизм» в отношении международного научно-технического сотрудничества отвечает за стремление работать в команде, в том числе международной; показатель «ориентация на производительность» применительно к международному научно-техническому сотрудничеству приравнивается к стремлению улучшить благосостояние общества, что является одной из ключевых целей МНТС.

Разрабатываемый индекс международного научно-технического сотрудничества основан в том числе на использовании ряда социальных показателей из Индекса социального прогресса, которые рассматриваются как альтернативные экономическим в плане определения прогресса страны. Заимствованные показатели являются агрегированными и в свою очередь включают следующие субпоказатели:

а) личные права (personal rights): политические права (political rights), свобода выражения (freedom of expression), свобода собраний (freedom of assembly), право частной собственности (private property rights) [1].

б) доступ к передовому образованию (access to advanced education): годы третичного образования (years of tertiary schooling), средняя продолжительность обучения женщин (women's average years in school), неравенство в получении образования (inequality in the attainment of education), количество общепризнанных в мире университетов (number of globally ranked universities), процент студентов, получающих высшее образование, поступивших в общепризнанные в мире университеты (percentage of tertiary students enrolled in globally ranked universities) [1].

Источником для получения информации по внутренним расходам (в текущих ценах) на НИОКР в расчете по паритету покупательной способности (GERD in '000 current PPP\$) выступает база данных ЮНЕСКО (Институт статистики ЮНЕСКО).

Отдельный блок показателей, используемых в индексе международного научно-технического сотрудничества, отражает базовые условия среды, в которой развивается научно-техническое сотрудничество, и представлен рядом

качественных характеристик из Индекса глобальной конкурентоспособности, разрабатываемом Всемирным экономическим форумом.

Для целей настоящего исследования целесообразным представляется использование следующих субпоказателей агрегированного показателя «технологическая готовность»: доступность новейших технологий, поглощение технологий на уровне фирм, прямые иностранные инвестиции и технологический трансфер [10].

Помимо субпоказателей технологической готовности, интерес для построения индекса международного научно-технического сотрудничества представляют субпоказатель «защита интеллектуальной собственности» (intellectual property protection) показателя «институты» (institutions); субпоказатель «доступность венчурного капитала» (venture capital availability) показателя «развитие финансового рынка» (financial market development) и субпоказатель «государственные закупки передовых технологий» (gov't procurement of advanced technology products) показателя «инновации» (innovation) [10].

Используемый для оценки степени развития международного научно-технического сотрудничества показатель «процент международного сотрудничества в публикациях» составлен автором по данным SCImago Journal & Country Rank на основе базы данных Scopus [9].

Отдельные показатели индекса международного научно-технического сотрудничества затрагивают факторы развития информационно-коммуникационных технологий, позволяющих перенести часть активности в научно-технической сфере в виртуальную среду (в том числе за счет блогов и сайтов академической направленности, научно-технических интернет-проектов). Среди них показатель «использование виртуальных социальных сетей» [11], показатель «количество пользователей сетью интернет» [6].

Важный вопрос при оценке степени развития международного научно-технического сотрудничества касается охраны интеллектуальной собственности, в связи с этим патентная статистика, предоставляемая Всемирной организацией интеллектуальной собственности, имеет важное значение для построения индекса МНТС. Ориентацию на международный аспект косвенно может, на наш взгляд, отразить такой показатель, как заявки, поданные по процедуре PCT.

Статистику по патентным заявкам, поданным по процедуре PCT, можем найти в докладе Patent Cooperation Treaty Yearly Review, подготовленном Всемирной организацией интеллектуальной собственности [7, p. 41-44].

Показатели, отражающие инновационную направленность международного научно-технического сотрудничества, представлены в индексе МНТС статистическими данными из Глобального индекса инноваций.

Среди них показатель «человеческий капитал и исследования», субпоказатели «третичная входящая мобильность» (tertiary inbound mobility); «рейтинг лучших университетов мира, ср. балл трех лучших университетов страны в рейтинге QS» (QS university ranking, average score top 3*); «средние расходы трех ведущих мировых компаний страны на НИОКР» (global R&D companies, top 3) [3, p. 354]; показатель «инновационные связи», субпоказатель «сотрудничество в исследованиях промышленности и сферы высшего образования» (university/ industry research collaboration) [3, p. 354]; показатель «знания и технология: результаты», субпоказатель «поступления от продажи объектов интеллектуальной собст-

венности» (intellectual property receipts); субпоказатель «высокотехнологичный чистый экспорт» (high-technetexports) [3, p. 354].

Немаловажный показатель, отображенный нами для индекса международного научно-технического сотрудничества, подсчитывает численность персонала, занятого исследованиями и разработками, в том числе в расчете на 1 млн. населения (полная занятость) (total R&D personnel per million in full-time equivalents). Данные представлены на сайте института статистики ЮНЕСКО [8]. Интерес для целей настоящего исследования представляет не просто количество исследователей на 1 млн. жителей, а численность персонала, занятого исследованиями и разработками, так как, с одной стороны, научно-техническая деятельность не ограничивается сферой НИОКР, с другой стороны, успешное сотрудничество возможно лишь при вложении усилий всех участвующих сторон.

Таким образом, для более полной оценки степени развития международного научно-технического сотрудничества необходимым представляется использовать при построении индекса МНТС различные простые и композитные индикаторы как экономической, так и социальной направленности, в том числе так называемые этнометрические показатели.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Data definitions [Electronic resource] / 2017 Social Progress Index. – Mode of access : <https://www.socialprogressindex.com/definitions/OPP/0/3>. – Date of access : 02.08.2018
2. Explore the interactive database of the gii 2018 indicators [Electronic resource] / Global innovation index. – Mode of access : <https://www.globalinnovationindex.org/analysis-indicator>. – Date of access : 31.07.2018
3. Global innovation index 2018 Report [Electronic resource] / Global innovation index. – Mode of access : <https://www.globalinnovationindex.org/Home>. – Date of access : 31.07.2018
4. Global Leadership & Organizational Behavior Effectiveness [Electronic resource] / Globe organization. – Mode of access : http://globeproject.com/study_2004_2007#data. – Date of access : 01.08.2018
5. Handbook on Constructing Composite Indicators. Methodology and user guide [Electronic resource] / OECD. – Mode of access : <http://www.oecd.org/sdd/42495745.pdf> Date of access : 17.01.2019
6. Key ICT indicators for developed and developing countries and the world (totals and penetration rates) [Electronic resource] / ITU Statistics. – Mode of access : <http://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/stat/default.aspx>. – Date of access : 08.02.2017
7. Patent Cooperation Treaty. Yearly Review 2017. The International Patent System [Electronic resource] / World Intellectual Property Organization. – Mode of access: http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_901_2017.pdf. – Date of access : 13.08.2018
8. Science, technology and innovation : Total R&D personnel by sex, per million inhabitants, per thousand labour force, per thousand total employment (in Full-time equivalents – FTE and Headcounts - HC) [Electronic resource] / UNESCO Institute for Statistics. – Mode of access : <http://data.uis.unesco.org>. – Date of access : 11.08.2018
9. Scimago Journal & Country Rank [Electronic resource] / Scimago Institutions Rankings. – Mode of access : <https://www.scimagojr.com/countryrank.php>. – Date of access : 01.08.2018
10. The Global Competitiveness Report 2017-2018 [Electronic resource] / World Economic Forum. – Mode of access : <http://www3.weforum.org/docs/GCR2017-2018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2017-2018.pdf>. – Date of access : 06.08.2018
11. The Global Information Technology Report 2016 [Electronic resource] / World Economic Forum. – Mode of access : http://www3.weforum.org/docs/GITR2016/GITR_2016_full%20report_final.pdf. – Date of access : 10.08.2018

12. Задумкин К.А. Международное научно-техническое сотрудничество: сущность, содержание и формы // К.А. Задумкин, С.В. Терехова // Проблемы развития территории. – 2009. – №1. – С. 22-30

13. Руководство ЕФО по использованию индикаторов [Электронный ресурс] / TheEuropeanTrainingFoundation. – Режим доступа : [http://www.etf.europa.eu/webatt.nsf/0/D46D03E0B5E85C9FC1257CBA004E700C/\\$file/Indicators%20Manual_RU.pdf](http://www.etf.europa.eu/webatt.nsf/0/D46D03E0B5E85C9FC1257CBA004E700C/$file/Indicators%20Manual_RU.pdf). – Дата доступа : 17.01.2019

14. СклЯрова, Е.Е. Особенности развития инновационной экономики и государственная инновационная политика в России на современном этапе : монография / Е.Е. СклЯрова. – Новосибирск, 2015. – 307 с.

УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССОМ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИЙ

А.И. Киселевич

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ai.kiselevich@gmail.com*

В статье проанализирована роль инновационного развития государства и обосновано влияние выбора инновационной модели развития национальной экономики. Также автором раскрыта сущность понятий «инновация» и «коммерциализация инноваций». Поскольку интеллектуальный ресурс в наши дни превращается в одно из первых условий экономического роста, то исследование вопросов получения прибыли от использования его ресурсов, является актуальной темой и проблемой на сегодняшний день. По данным независимой комиссии ООН, Беларусь обладает научными разработками, стоимость которых оценивается миллиардами долларов, в то же время в государстве только формируется организационно-правовой механизм, позволяющий продвинуть их на рынок и, соответственно, получить прибыль. Поэтому инновационный императив выступает основным условием повышения эффективности экономики, а интеллектуальная собственность - основным оружием в конкурентной борьбе на мировых рынках. В статье также раскрыты функции управления процессом коммерциализации инноваций. В заключение обоснована практическая значимость проводимого исследования, которая определяется необходимостью государства в большей мере использовать возможности интеллектуального ресурса, замещая материальные активы нематериальными.

Ключевые слова: инновации; инновационное развитие; интеллектуальная собственность; коммерциализация; управление.

MANAGEMENT OF THE PROCESS OF COMMERCIALIZATION OF INNOVATIONS

A.I. Kiselevich

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article analyzes the role of the state innovation development and justifies the influence of the choice of the innovation model of the national economy development. The author also revealed the essence of the concepts of “innovation” and “commercialization of innovations”. Since the intellectual resource in our day turns into one of the first conditions for economic growth, the study of the issues of profit from the use of its resources is a topical issue and a problem today. According to the independent UN commission, Belarus has scientific developments, the cost of which is estimated at billions of dollars, at the same time, the state is only forming an organizational and legal mechanism to promote them to the market and, accordingly, make a profit. Therefore, the innovation imperative is the main condition for improving the efficiency of the economy, and intellectual property is the main weapon in the competition in world markets. The article also reveals the functions of managing the process of innovation commercialization. In conclusion, it substantiates the practical significance

of the research being conducted, which determines the need for the state to make greater use of the capabilities of the intellectual resource, replacing tangible assets with intangible assets.

Keywords: innovation; innovative development; intellectual property; commercialization; control.

В современном мире очень важно сформировать в государстве эффективную систему управления инновациями, а также продвижения их на рынок. Соответственно для успешного функционирования такой системы должны быть созданы определённые условия. Лэдд Грино, президент и исполнительный директор компании AgLONTechnologies, считает, что «устойчивая инновация не является вещью, которую неплохо бы иметь, - она необходима для выживания».

Инновационное развитие непосредственно оказывает влияние на конкурентоспособность экономики, ее отраслей, секторов, а также конкретных предприятий. Выбор модели инновационного развития во многом влияет на дальнейшее состояние национальной экономики страны, определяет ее место в системе международного разделения труда. В современных условиях технологическое отставание означает неэквивалентный экономический обмен, поэтому научно-техническое развитие становится основным средством достижения экономического лидерства, важнейшим инструментом в конкурентной борьбе, а предприятиям позволяет добиться значительного коммерческого успеха.

Отсутствие системы эффективного использования интеллектуального ресурса страны приводит к неспособности привлечь иностранные инвестиции, получить соответствующий доход от экспорта продукции. Данное явление приводит к попаданию в ловушку нарастающего технологического отставания [2].

В XXI веке глобальные конкурентные преимущества обеспечивают: умение оценить интеллектуальную собственность, вовлечь ее в хозяйственный оборот, создать рынки для новых продуктов и услуг, привлечь инвестиции в разработки, технологический трансфер технологий. Поэтому стратегию развития любого предприятия, отрасли, региона или же национальной экономики следует строить на основе инновационного прогресса и влияния феномена «новой экономики», которая базируется на новых знаниях в производственных и бизнес – процессах [1].

В настоящее время лидерами могут стать только те компании, которые вовлекают в свою деятельность интеллектуальные ресурсы: материальные ресурсы, которые ранее занимали доминирующее положение в бизнесе, должны постепенно замещаться нематериальными активами – продуктами умственного творчества, основными из которых являются объекты интеллектуальной собственности. В Республике Беларусь предприятия и научные организации проявляют недостаточно высокую изобретательскую активность. Причиной этому служит недостаточное финансирование научных исследований и разработок по отношению к ВВП [2].

Инновационное развитие национальной экономики и ее отраслей является первостепенной и в то же время сложной задачей. Это связано с прагматичностью инновационной системы, слабой ориентированностью научных разработок на возможность их реализации, недостаточным вовлечением в процесс коммерциализации научных разработок бизнес-сообщества и его субъектов. В связи с этим возникает необходимость включения в процесс инновационного развития

торговли и возложения на нее задачи организации коммерциализации научных идей, направленных на производство потребительских товаров, способных удовлетворить развивающиеся потребности людей и общества.

Под инновацией чаще всего понимается процесс создания, внедрения и использования новых средств и способов удовлетворения человеческих потребностей. Как свидетельствует мировой опыт, инновационных успех достигается там и тогда, где и когда экономическая политика благоприятна для предпринимательства, так как активное проведение чисто научно-технической политики иногда может привести к уязвленности экономики к внешнеэкономической конъюнктуре [3]. Жизненный цикл инноваций начинается от изобретения, включает все стадии разработки, апробации, коммерческой реализации созданной технологии, технического средства или иной продукции.

Результативность инноваций определяется главным образом уровнем их коммерциализации, то есть степенью реализации научной идеи в виде продукта, услуги или технологии. Коммерциализация инноваций – совокупность действий по выявлению перспектив коммерческого использования новой продукции (от идеи до ее продаж на рынке) и обеспечению условий для получения коммерческого успеха. Суть процесса коммерциализации заключается в том, что в цепочке «инновационная разработка-производство-рынок» необходимо: своевременно сформулировать требования к создаваемому новому изделию, определить ожидаемый спрос на будущую продукцию, оценить состояние конкурирующих производителей на рынке. Скорость и обоснованность выхода новой идеи на рынок определяет выигрыш коммерциализации, хотя далеко не каждая новая идея будет признана рынком. По оценкам специалистов, 15-30 % научных разработок часто завершаются провалом, 60% являются малозаметными на рынке и только 10-25% получают явное признание. Из каждых 10 новых разработок только 2 будут успешными, но, как свидетельствует опыт Японии, этот успех позволит покрыть расходы на научные изыскания 8 непризнанных, что дает возможность продолжать научные исследования [4].

Существует ряд концепций ускорения процесса коммерциализации инноваций. Государственные интересы представляет концепция законодательных ограничений и привилегий; потребность рынка – концепция использования механизмов маркетинга; интересы хозяйствующего субъекта – концепция усовершенствования процедуры управления процессом коммерциализации. Успех будет обеспечен только тогда, когда эти три концепции будут реализовываться в единстве и взаимосвязи [2]. Одной из проблем коммерциализации инноваций является отсутствие взаимодействия между владельцами бизнес-идеи, инвесторами, конечными потребителями.

Как отмечает Б.Б. Леонтьев, интеллектуальная (промышленная) собственность является генетической основой высокотехнологичного бизнеса.

По мнению В.И. Кудашова, коммерциализация может рассматриваться и через функции управления [3].

Функции управления коммерциализацией инноваций являются следующими:

1. *Прогнозирование*, которое играет важную роль в разработке и реализации стратегии инновационного развития организации. Также инструментом по определению перспективных направлений инновационной деятельности, ожи-

даемых результатов и возможностей их коммерциализации выступают патентно-информационные и конъюнктурно-экономические исследования.

2. *Планирование* должно предусматривать выполнение необходимых этапов инновационного цикла, начиная от идеи нового товара, создания или приобретения объекта интеллектуальной собственности и вплоть до выхода на рынок с конкурентоспособным товаром или технологией.

3. *Организация* включает комплекс мероприятий по разработке организационной структуры управления инновационным проектом, определению функционального взаимодействия основных звеньев, выполняющих научные исследования, разработку, опытное производство и испытания, подготовку серийного производства новой продукции, продажу и сервисное обслуживание. Безусловно, успешная деятельность организационной структуры зависит от персонала, уровня его квалификации.

4. Целью *координации* является обеспечение согласованности субъектов инновационной деятельности при выполнении проектов, установление взаимосвязей между отдельными исполнителями проекта, структурными организациями, исключение дублирования работ, а также оперативного разрешения возникающих производственных проблем. Также в функции координации входит внешнее взаимодействие с партнерами, которые осуществляют материально-техническую, финансовую, организационную поддержку.

5. *Мотивация* предполагает использование материальных, моральных и иных стимулов для повышения эффективности инновационной деятельности (выбор наиболее действенных форм и методов поощрения новаторства, создание условий и климата для творческой деятельности).

6. *Коммуникация* включает деятельность по сбору, обработке и обмену информацией между внутренней средой организации и внешними объектами инфраструктуры. Особое значение приобретают использование информационных сетей связей в управлении разработкой и реализацией научно-технических программ и крупных инновационных проектов.

7. *Регулирование* как управленческая функция заключается в выработке мер воздействия на инновационную восприимчивость организации и механизма использования государственных и рыночных рычагов, способствующих коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности.

8. Целью функции *контроля и учета* выступает своевременная количественная и качественная оценка и учет результатов инновационной деятельности организации. В процессе контроля и учета проводятся следующие мероприятия: фиксируются отклонения от установленных параметров, проводится анализ причин этих отклонений, на основе которого разрабатываются мероприятия по достижению намеченных целей [3].

Таким образом, эффективной процесс коммерциализации инноваций может предоставить ключевые преимущества, такие как увеличение товарооборота, повышение дохода и увеличение доли на рынке. По средствам выбора правильной модели коммерциализации, государство сможет создать условия для коммерциализации новых продуктов с целью использования их экономического потенциала и значения. Роль функций управления процессом коммерциализации

также видится автором важным элементом развития процесса коммерциализации, поскольку это позволит управлять этим сложным и многоступенчатым процессом более эффективно.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кудашов, В.И. Интеллектуальная собственность в инновационной экономике // В. Кудашов // Наука и инновации. – 2008 - №3. – С. 59-62.
2. Кудашов, В.И. Современные тенденции в обеспечении инновационного развития экономики // В.И. Кудашов, Ю.В. Нечепуренко. / Инновационные образовательные технологии. – 2007 - №4. – С. 89-99.
3. Кудашов, В.И. Функции управления инновационной деятельностью // В. Кудашов // Инновационные образовательные технологии. – 2011 - №2. – С. 57-66.
4. Нехорошева, Л. Инновационное развития в условиях «новой экономики» // Л. Нехорошева // Наука и инновации. – 2008 - №3. – С. 45-49.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

И.Г. Лабкова

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, iryna.labkova@gmail.com*

В данной статье проанализированы особенности функционирования системы здравоохранения в Республике Беларусь, выделены отличительные черты государственной политики в области здравоохранения. Автором проведен анализ Государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016 – 2020 годы. В статье отмечается, что одной из основных проблем системы здравоохранения Республики Беларусь является проблема финансирования. По результатам проведенного исследования автором сделаны выводы, которые позволяют определить место системы здравоохранения в проводимой политике правительства Республики Беларусь.

Ключевые слова: система здравоохранения; «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь».

FEATURES OF THE FUNCTIONING OF THE HEALTH CARE SYSTEM OF THE REPUBLIC OF BELARUS

I.G. Labkova

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

This article analyzes the features of the functioning of the health care system in the Republic of Belarus and highlights the distinctive features of the state health policy. The author has analyzed the State program “People’s Health and the Demographic Security of the Republic of Belarus” for 2016–2020. The article notes that one of the main problems of the healthcare system of the Republic of Belarus is the problem of financing. According to the results of the study conducted by the author, conclusions are made that allow to determine the place of the health care system in the policies of the Government of the Republic of Belarus.

Key words: the health care system, «Public Health and the Demographic Security of the Republic of Belarus».

На современном этапе развития общества значение системы здравоохранения возрастает, поскольку здоровье населения является воспроизводственным

ресурсом, влияющим на характеристики развития всей социально-экономической системы. Система здравоохранения формирует определенный уровень и качество капитала здоровья в стране и влияет на социально-экономическое развитие территории за счет сокращения прямых и косвенных потерь от заболеваемости, инвалидизации и смертности населения. В ведущих странах мира здравоохранение сегодня воспринимается как системообразующая отрасль, тесно связанная с экономическими результатами и общественным благосостоянием. Здоровье нации – это, с одной стороны, более высокое качество жизни и социальная стабильность, а с другой – повышенная производительность труда и рост экономически активного населения.

Здоровье населения – одно из главных условий успешной реализации стратегии социально-экономического развития Республики Беларусь. Важнейшей целью государства в области охраны здоровья является снижение уровня заболеваний, распространение которых несет главную угрозу здоровью граждан и национальной безопасности. Главным органом отвечающим за все аспекты системы здравоохранения в РБ является Министерство здравоохранения. На долю которого, приходится, разработка стратегического планирования нормативов здравоохранения.

Для Республики Беларусь охрана здоровья граждан стоит особенно остро, что обуславливают различные причины: последствия аварии на ЧАЭС, проблемы злоупотребления алкоголем (Беларусь на протяжении ряда лет занимала первые позиции в рейтинге ВОЗ) и др. Кроме того, Республика Беларусь не располагает значительными природными ресурсами, т.е. не может развиваться экстенсивным путём, а интенсивный путь требует обязательного развития человеческого капитала, которое тесно связано с системой здравоохранения. Таким образом, можно оценить важность и актуальность выбранной темы. [1]

Под системой здравоохранения понимают совокупность политико-правовых, экономических, медицинских и организационных норм и правил, культурных моделей и социальных отношений основных акторов процессов здоровьесбережения, взаимодействие, взаимовлияние и эволюция которых обеспечивает определенный уровень выполнения функций системы, формирует состояние режима ее функционирования и влияет на уровень развития человеческого потенциала в стране. Система здравоохранения характеризуется ролью, которую она выполняет в социально-экономическом развитии страны, местом, которое он занимает среди других региональных подсистем и результатами своего функционирования.

В основе системы здравоохранения Республики Беларусь лежат принципы унаследованной от СССР системы (иерархичной, централизованно управляемой, обеспеченной государственными служащими в лице медицинских работников). Несмотря на значительные изменения, произошедшие в системе здравоохранения после обретения независимости, ее руководящим принципом по-прежнему остается обеспечение общедоступности бесплатного медицинского обслуживания по месту жительства/пребывания силами преимущественно государственных медицинских учреждений, иерархично организованных по территориальному принципу.

Отличительной чертой политики в области здравоохранения стало проведение поэтапных изменений, а не радикальных реформ. Министерство здраво-

охранения несет полную ответственность за функционирование системы здравоохранения, однако финансирование сектора первичной медико-санитарной помощи и специализированной (вторичной) помощи передано в ведение органов регионального уровня. Медицинские учреждения, оказывающие высокоспециализированные (третичные) услуги (республиканские научно-практические центры), финансируются непосредственно из бюджета Минздрава. В системе имеется крайне незначительное число частных поставщиков медицинских услуг.

В основе системы здравоохранения Республики Беларусь лежит соблюдение таких принципов как социальная справедливость и доступность медицинской помощи.

Система здравоохранения Республики Беларусь характеризуется преимущественно государственным характером, подразумевающим бюджетную систему финансирования здравоохранения. В стране действует около 600 организаций здравоохранения, которыми оказывается медицинская помощь в условиях стационара и амбулаторно-поликлинические организации – около полутора тысяч; республиканские научно-практические центры – 17, центры гигиены и эпидемиологии – 143, аптеки – более трех тысяч, станции скорой медицинской помощи – 134. [4]

Сегодня здравоохранение Республики Беларусь представлено в виде 4-х уровневой системы оказания медицинской помощи, которую характеризует четко организационно выстроенная структура, включающая все учреждения от фельдшерско-акушерских пунктов (ФАПов) до республиканских научно-практических центров. Сохранена хорошо зарекомендовавшая себя белорусская система по подготовке медицинских кадров и по повышению их квалификации. Активное внедрение новых технологий производится в том числе в областных и межрайонных центрах.

В стране работают РНПЦ: «Кардиология», «Мать и дитя», «Трансплантация органов и тканей», «Неврология и нейрохирургия», «Трансфузиология и медицинские биотехнологии», «Травматология и ортопедия» и др. В них обеспечивают тесную связь науки и практики, без которой было бы невозможно такое количество внедрений новых технологий в процесс лечения и диагностики заболеваний.

В качестве части системы медицинской реабилитации выступает отрасль санаторно-курортного лечения. В Республике Беларусь действуют санаторно-курортные, оздоровительные организации и другие специализированные средства размещения различного профиля – 486 единиц.

В Республике Беларусь успешно реализуется комплекс государственных мер по борьбе с факторами риска, воспитанию у населения навыков здорового образа жизни и обеспечению надлежащих условий их реализации.

Продолжительность пребывания в стационаре в Республике Беларусь составляет 11,3 дня, что ниже среднего показателя в СНГ (12,2 дня), но гораздо выше среднего показателя в Великобритании, Германии, Турции и др. Даже в самых развитых странах государство не берет на себя все расходы в медицинской сфере.

Финансирование здравоохранения в нашей стране составляет не более 4,3 % от ВВП на протяжении последних 5-ти лет. Поэтому из года в год Минздрав доводит подведомственным учреждениям планы по увеличению объема платных услуг. Доля расходов домашних хозяйств на медицинские услуги и ме-

дикаменты, в основном, с каждым годом только возрастает. Основная часть расходов приходится на лекарственные средства и медицинские товары [9].

Законодательство Республики Беларусь о здравоохранении основывается на Конституции Республики Беларусь [5] и включает Закон Республики Беларусь «О здравоохранении» [8], акты Президента Республики Беларусь, иные акты законодательства Республики Беларусь, а также международные договоры Республики Беларусь. Если международные договоры Республики Беларусь устанавливают иные правила, чем те, которые указаны в Законе «О здравоохранении», то применяются правила международных договоров.

Государственной программой «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016-2020 гг. [3] важнейшей задачей в настоящее время и на перспективу до 2020 г. в сфере здравоохранения определено повышение эффективности системы здравоохранения, повышение качества услуг системы здравоохранения, сокращение уровня смертности, прежде всего в трудоспособном возрасте, создание условий для увеличения ожидаемой продолжительности жизни. Основным показателем достижения поставленных задач является увеличение ожидаемой продолжительности жизни к 2020 г. до 75,3 года [2].

Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016 – 2020 годы разработана в соответствии с приоритетными направлениями социально-экономического развития, определенными в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года [6] и уточненными в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 года [7].

Постановления включают программы по профилактике «ВИЧ-инфекции», по раннему выявлению сердечно-сосудистых заболеваний по государственной программе «Кардиология».

Осуществляется «Государственная программа по преодолению последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС на 2011-2015 годы и на период до 2020 года», «Государственная программа по созданию безбарьерной среды жизнедеятельности физически ослабленных лиц», «Комплексная программа развития социального обслуживания».

Одной из основных проблем системы здравоохранения Республики Беларусь является проблема финансирования. В Республике Беларусь остается актуальной проблема, связанная с укомплектованностью медицинскими кадрами. Система здравоохранения Республики Беларусь имеет ряд достижений: входит в число 50 лучших стран мира по ведению беременности, организации родов квалифицированным медицинским персоналом; занимает одно из ведущих мест в мире по доступу населения к медицинским услугам; ВОЗ подтвердила элиминацию передачи ВИЧ-инфекции и сифилиса от матери ребенку в Республике Беларусь и др.

В качестве заключения можно выделить:

Под системой здравоохранения понимают совокупность политико-правовых, экономических, медицинских и организационных норм и правил, культурных моделей и социальных отношений основных акторов процессов здоровьесбережения, взаимодействие, взаимовлияние и эволюция которых обеспечивает определенный уровень выполнения функций системы, формирует состояние ре-

жима ее функционирования и влияет на уровень развития человеческого потенциала в стране. К целевой функции системы здравоохранения относится улучшение медико-демографической ситуации в стране, от которой зависит расширенное воспроизводство человеческих ресурсов, в том числе трудовых.

В основе системы здравоохранения Республики Беларусь лежат принципы унаследованной от СССР системы. Отличительной чертой политики в области здравоохранения стало проведение поэтапных изменений, а не радикальных реформ. Система здравоохранения сохранила государственный характер с бюджетной системой финансирования здравоохранения.

Законодательство Республики Беларусь о здравоохранении основывается на Конституции Республики Беларусь и состоит из Закона Республики Беларусь «О здравоохранении», актов Президента Республики Беларусь, иных актов законодательства Республики Беларусь, а также международных договоров Республики Беларусь. Государственной программой «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016-2020 гг. важнейшей задачей в настоящее время и на перспективу до 2020 г. в сфере здравоохранения определено повышение эффективности системы здравоохранения, повышение качества услуг системы здравоохранения, сокращение уровня смертности, прежде всего в трудоспособном возрасте, создание условий для увеличения ожидаемой продолжительности жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Беларусь. Обзор системы здравоохранения / Всемирная Организация Здравоохранения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0007/253546/HiT-Belarus-RU-web.pdf?ua=1. – Дата доступа: 17.01.2019.
2. Бюджет Республики Беларусь для граждан на 2018 год / Министерство финансов Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minfin.gov.by/upload/bp/budjet2018.pdf>. – Дата доступа: 17.01.2019.
3. Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016-2020 годы: Постановление Совета Министров Республики Беларусь 14.03.2016 № 200 / Совет Министров Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.government.by/upload/docs/filecdf0f8a76b95e004.PDF>. – Дата доступа: 17.01.2019.
4. Здравоохранение Беларуси / Президент Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/zdravoohranenie_ru/. – Дата доступа: 17.01.2019.
5. Конституция Республики Беларусь / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>. – Дата доступа: 17.01.2019.
6. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2020 года / ООН в Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://un.by/images/library/thematic-publications/sustainable-development/OON_sMall_Rus.pdf. – Дата доступа: 17.01.2019.
7. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 года: протокол заседания Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 2 мая 2017 г. № 10 / Министерство экономики Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf>. – Дата доступа: 17.01.2019.
8. О здравоохранении: Закон Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХІІ / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=v19302435>. – Дата доступа: 17.01.2019.

9. Чернявский, М. Р. Политика здравоохранения в Республике Беларусь: оценка, проблемы и перспективы / М. Р. Чернявский, С. С. Коростик // Электронная библиотека УО «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.i-bteu.by/bitstream/handle/22092014/3023.pdf?sequence=1&isAllowed=y>. – Дата доступа: 17.01.2019.

ВНЕШНЕТОРГОВАЯ СТРАТЕГИЯ КНР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Ли Цзин

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, rwaigua1@gmail.com*

В статье анализируются теоретические основы внешнеторговой стратегии стран с большой экономикой, которые развивают рыночные отношения. Одним из способов участия в международном разделении труда КНР предложил проект «Один пояс – один путь». Данный проект призван разрешить не только проблемы, стоящие перед страной во внешней торговле, но и внутренние социально-экономические проблемы.

Ключевые слова: внешнеторговая стратегия; Китай; проект «Один пояс – один путь»; управление внешнеэкономической деятельностью.

FOREIGN TRADE STRATEGY PRC AT THE CURRENT STAGE

Li Jing

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article analyzes the theoretical foundations of the foreign trade strategy of countries with large economies that develop market relations. One of the ways to participate in the international division of labor of China proposed the project “One Belt - One Way”. This project is designed to solve not only the problems facing the country in foreign trade, but also internal socio-economic problems.

Key words: foreign trade strategy; China; the project “One Belt - One Way”; foreign economic activity management.

Большая открытая экономика испытывает потребность в управлении внешнеэкономической деятельностью на основе стратегического подхода. Стратегический подход к управлению внешнеэкономической деятельностью позволяет стране более успешно противостоять внешним шокам. В экономической литературе ведутся дискуссии по поводу определения сущности внешнеэкономической стратегии государства, однако наиболее верным представляется следующее определение: *комплекс среднесрочных и долгосрочных целей внешнеэкономической деятельности государства, инструментов и принципов их достижения, учитывающий реальное положение страны в мировой экономике и ее внешнеэкономический потенциал* [1, с. 28-33]. Внешнеэкономическая стратегия государства должна основываться на изучении тенденций современной мировой экономике и анализе социально-экономического развития страны, а также ее потенциала. В результате появляется возможность определить перспективный профиль специализации страны в МРТ, а также сформировать набор инструментов достижения поставленных целей.

Наибольший интерес представляет опыт реализации внешнеэкономических стратегий в больших открытых экономиках, имеющих тесные связи с экономикой КНР – странах БРИКС. В частности, ЮАР ориентируется на постепен-

ное сокращение доли сырьевых товаров (алмазов, золота) и наращивании экспорта высокотехнологичной продукции. Принимаются меры по привлечению иностранных инвестиций и сбалансированию платежного баланса, однако следует признать, что рост волатильности в мировой экономике в 2015-2016 гг. привел к резкому спаду инвестиций в ЮАР. При этом сальдо платежного баланса ЮАР остается отрицательным. Дополнительно следует отметить, что внешнеэкономическая стратегия Индии, предполагающая использование избыточных трудовых ресурсов для экспорта услуг, оказалась более эффективной.

Внешнеэкономическая стратегия Китая в современных условиях предполагает наращивание экспорта товаров и услуг с высокой долей добавленной стоимости за счет собственных товаропроводящих сетей. При этом принимаются меры, направленные на снижение зависимости экономики КНР от импортных технологий, в результате чего усилятся позиции Китая на мировом рынке научно-технической продукции. В результате, как представляется, Китай сможет занять доминирующее положение в региональной экономике и обеспечить высокие темпы экономического роста в долгосрочном периоде. Для совершенствования стратегического управления внешнеэкономической деятельностью Китая на длительный период времени было принято решение о разработке проекта «Один пояс – один путь».

Проект «Один пояс – один путь» впервые был упомянут осенью 2013 г. во время визита Председателя КНР Си Цзиньпина в страны Азии. Проект предполагает совместное воссоздание рядом стран мира объединенного «Шелкового пояса». При этом предлагается возродить как сухопутный «Шелковый пояс», так и морской «Шелковый путь», что стимулирует рост количества участников проекта. Как верно отметил премьер Государственного совета Китая Ли Кэцян, «создание морского Шелкового пути с участием стран АСЕАН даст возможность создавать стратегические опорные пункты для развития внутренних регионов Китая, испытывающих проблемы социально-экономического развития» [44]. Как заявлялось при презентации проекта «Один пояс – один путь», проект нацелен на ускорение экономического развития стран, расположенных вдоль Великого шелкового пути, упрочение международного экономического сотрудничества, налаживание культурных контактов между странами-участниками проекта [44].

Предпосылками, обусловившими старт проекта «Один пояс – один путь», явились происходящие в современном мире изменения, связанные с процессами глобализации и регионализации. Рост взаимозависимости отдельных экономики и усиление роли интеграционных объединений существенно снижает возможности стран самостоятельно управлять своей внешнеэкономической деятельностью, ограничивает их возможности привлекать и размещать иностранные инвестиции. Проект «Один пояс – один путь» направлен на полноценное становление концепции многополярности современного мира, обеспечение свободы регионального и мирового экономического сотрудничества. Целью проекта «Один пояс – один путь» является также упрощение перемещения факторов производства, повышение эффективности распределения ресурсов в глобальной экономике. В результате реализации проекта, как ожидается, страны-участники усилят координацию своей макроэкономической политики, активизируют инвестиционное сотрудничество и взаимную торговлю, ускорят развитие культурного и научного

сотрудничества. Как справедливо замечается в публикациях Госсовета КНР, «в реализации инициативы «Один пояс и один путь» выражается потребность Китая в расширении открытости внешнему миру и укреплении взаимовыгодного сотрудничества со странами Азии, Европы, Африки и странами мира. Китай готов по мере своих сил и возможностей взять на себя больше обязательств и внести более весомый вклад в мир и развитие человечества» [44].

Краткосрочные экономические эффекты от реализации проекта будут состоять в существенном приросте масштабов внутрирегиональной торговли товарами и услугами, а также в увеличении притока инвестиций в страны, лежащие вдоль Шелкового пути. Донором инвестиций будет выступать не только Китай, но и другие развитые страны. В долгосрочной перспективе следует ожидать усиления сотрудничества в других сферах: кооперация производства, научно-техническое сотрудничество, унификация систем образования, единая промышленная и инновационная политика стран, сходных по уровню социально-экономического развития и пр. Для Республики Беларусь проект «Пояс и путь» является важнейшим источником роста внешнеэкономической активности и обеспечения сбалансированности платежного баланса в долгосрочной перспективе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Васютченко, И.Н. Теоретические основы формирования внешнеэкономической стратегии РФ и ее субъектов в современных условиях / И.Н. Васютченко // Вестник ТИУЭ. – 2014. – № 2. – С. 28-33.

2. Стратегия «Экономического пояса Шелкового пути» [Электронный ресурс] // Посольство КНР в Республике Узбекистан. – Ташкент, 2015. – Режим доступа: <http://uz.chineseembassy.org/rus/slfy/sczljjd/>. – Дата доступа: 24.03.2018.

ОЦЕНКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

А.Ж. Палагина

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, angisaniy@gmail.com*

В статье проводится анализ человеческого потенциала в мировой экономике, приводятся результаты исследований в данной области. Предлагаются решения проблемы роста человеческого потенциала в Республике Беларусь.

Ключевые слова: человеческий потенциал; наукоемкость; индекс развития.

ASSESSMENT OF HUMAN POTENTIAL IN THE WORLD ECONOMY

A.Zh. Palagina

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article analyzes the human potential in the global economy, presents the results of research in this area. Solutions to the problem of human growth in the Republic of Belarus are proposed.

Key words: human potential; high technology; development index.

Исследование человеческого потенциала до сих пор является одной из самых сложных проблем экономической науки. В рамках многокомпонентного

метода оценки человеческого потенциала может быть использован целый набор показателей, в том числе динамика населения, показатели доходов и уровень образования населения, экономической активности и структура занятости населения, развитие социальной сферы.

Преобразование принципов экономической и социальной работы, глобализация и технологические революции, особенно цифровая революция обусловили изменение подхода к анализу человеческого потенциала. Цифровизация экономики воспринимается большинством исследовательских центров как основной источник экономического роста и развития человеческого потенциала.

Целью развития человеческого потенциала является поддержка достижения быстрого и инклюзивного роста посредством:

1) повышения возможностей трудоустройства (заработной платы или самостоятельной трудовой деятельности) и способности адаптироваться к изменяющимся технологиям и требованиям рынка труда, тем самым повышая производительность и уровень жизни людей;

2) укрепления конкурентоспособности страны по отношению к соседним и зарубежным странам, путем привлечения инвестиций в развитие навыков.

Тенденции экономического развития последних лет показали, что не только количественные оценки человеческого потенциала, а также его качественного содержания и жизненного цикла человеческого потенциала, меняются и имеют сложную структуру. Это связано с усилением интеллектуального компонента человеческого потенциала, изменение характера его вклада в создание богатства нации. В связи с возрастающим вкладом технического развития в совокупный фактор производительности труда в мире, существует острая глобальная конкуренция за активные человеческие ресурсы с профессиональными компетенциями.

ИЧР (Индекс человеческого развития) можно рассматривать как интегральный показатель в контексте подхода замены, который позволяет увидеть довольно полную и объективную оценку развития человеческого потенциала в регионе. Это сложный показатель который представляет собой простое среднее значение, полученный путем деления суммы трех индексов (индекс продолжительности жизни, индекс уровня образования, индекс уровня жизни).

В дополнение к стандартным таблицам ИЧР включены статистические информационные панели для привлечения внимания к взаимосвязи между благосостоянием человека и пятью темами: качество человеческого развития, гендерные разрывы на протяжении всей жизни, расширение прав и возможностей женщин, экологическая устойчивость и социально-экономическая устойчивость (см. таблицу 1) [1].

Таблица 1

Отдельные страны в рейтинге ИЧР (2018 г.)

Рейтинг	Страны	ИЧР	Элементы			
			Продолжительность жизни	Ожидаемые годы обучения	Средние годы обучения	ВВП на душу населения, долл. США
1	Норвегия	0,953	82,3	17,9	12,6	81695
5	Германия	0,936	81,2	17,0	14,1	46136

Рейтинг	Страны	ИЧР	Элементы			
			Продолжительность жизни	Ожидаемые годы обучения	Средние годы обучения	ВВП на душу населения, долл. США
13	США	0,924	79,5	16,5	13,4	59532
14	Великобритания	0,922	81,7	18,4	12,9	39116
33	Польша	0,865	77,7	16,4	12,3	14469
41	Латвия	0,847	74,7	15,8	12,8	17634
49	Россия	0,816	71,2	15,5	12,0	10950
53	Беларусь	0,808	73,1	15,5	12,3	6020
86	Китай	0,752	76,4	13,8	7,8	9633
88	Украина	0,751	72,1	15,0	11,3	2964

Примечание: источник [4]

Между странами существуют огромные различия в качестве образования, здравоохранения и многих других ключевых аспектах жизни (см. рис. 1).

Рис. 1 – Разрыв в развитии человеческого капитала, по регионам (2018г.)

Примечание: источник [1]

Одним из ключевых источников неравенства внутри стран является разрыв в возможностях, достижениях и расширении прав и возможностей женщин и мужчин. Во всем мире средний ИЧР для женщин на шесть процентов ниже, чем для мужчин, что обусловлено более низким уровнем доходов женщин и уровнем образования во многих странах.

Инновационная сфера на сегодняшний день активно влияет на социально-экономическое развитие государства. Эту зависимость отразим динамикой Глобального инновационного индекса (ГИИ) (см. рисунок 2). ГИИ рассчитывается на основе 80 различных переменных и характеризует успешность экономического развития в тесной взаимосвязи с научно-техническим развитием.

Рис. 2 – Показатели ГИИ Республики Беларусь в сравнении с другими постсоветскими республиками

Согласно представленным данным, Беларусь больше других стран потеряла позиций в рейтинге ГИИ в 2017 г. по сравнению с 2016 г. Ключевой проблемой в обеспечении научно-технической безопасности является критически низкий уровень наукоемкости ВВП (0,5-0,7 %), который рассчитывается, как доля расходов в НИОКР в ВВП. К примеру, среднее значение данного показателя развитых Европейских стран (Великобритания, Германия, Франция и т.д.) составляет 2 %. При этом в 2016 г. уровень наукоемкости ВВП Республики Беларусь был рекордно низким и составил 0,52 %. Ухудшается положение, связанное с импортом технологий. Так, в 2016 г. импорт превышал экспорт в 3 раза, что увеличивает отрицательное сальдо внешнеторгового баланса Республики Беларусь. Отмечается сокращение доли инновационно-активных предприятий промышленности с 21,7 % в 2013 г. до 18,6 % в 2016 г. Государственные расходы на инновации также снижаются: в 2013 г. их уровень в ВВП составлял 1,67 %, тогда как в 2016 г. – 1,3 %. Это объясняется систематическим сокращением расходов на инновационную деятельность и разработки. Существуют также проблемы в налаживании международного научно-технического сотрудничества.

В социальной сфере Республика Беларусь намерена войти в число первых 50 стран мира с высоким уровнем развития человеческого потенциала. По состоянию на 2018 г. она занимала (Human Capital Index 2018) 53-ю позицию с коэффициентом 0,808. При этом Беларусь занимала на начало утверждения Концепции 2010 г. – 61 место.

Коэффициент Джини отражает уровень расслоения общества страны или региона. Критериальные показатели варьируются от 0 до 1 (см. рисунок 3).

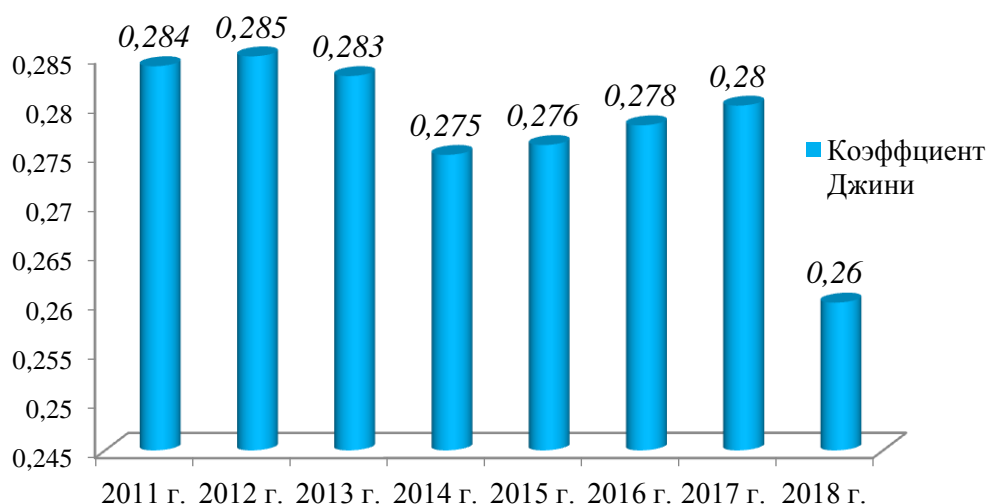

Рис. 3 – Динамика коэффициента Джини для Республики Беларусь за 2011-2018 гг.
Примечание: источник [3]

Представленные коэффициенты наиболее точно отражают уровень социальной напряженности в Республике Беларусь. Комплексное воздействие этих факторов позволяет установить уровень социального благополучия (*Index Social welfare*), который можно рассчитать по формуле:

$$I_{sw} = \frac{K_g \times TR_i}{I_i},$$

где, K_g – коэффициент Джини,

TR_i – индекс роста реальной заработной платы,

I_i – индекс развития человеческого капитала.

В качестве сравнительных критериев приведем данные по странам с различным уровнем дохода на душу населения (см. таблицу 2).

Таблица 2

Расчет коэффициента социального благополучия для ряда стран (2018 г.)

Страны	K_g	TR_i	I_i	Значение коэффициента социального благополучия
Беларусь	0,26	1,022	0,808	0,215
США	0,38	1,029	0,924	0,361
Германия	0,301	1,018	0,936	0,287
Великобритания	0,363	1,003	0,922	0,336
Китай	0,45	1,069	0,752	0,362
Россия	0,396	0,941	0,816	0,304
Украина	0,241	0,915	0,751	0,166

Примечание: источник [2; 3; 4]

Представленная методика расчета позволяет установить влияние темпов роста реальной заработной платы на уровень социального благополучия с учетом коэффициентов Джини и индекса развития человеческого капитала.

Поэтому, занимаясь проблемой роста человеческого потенциала, нельзя пренебрегать значением социальных процессов, обеспечению минимальных гарантий в оплате труда и социальной защите, развитию образования, науки, обеспечение охраны здоровья, безопасности труда, повышению квалификации, постоянного профессионального обучения кадров. Ключевой проблемой на предприятиях остается низкая мотивация к высокопроизводительному труду, к разработке рационализаторских предложений, изобретений. Научно-технические, технологические и социально-экономические предпосылки роста производительности труда сегодня редко становятся предметом обсуждения социальных партнеров на различных экономических уровнях, недостаточно учитываются в коллективных трудовых соглашениях, хотя правовые основы для такого регулирования уже существуют.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Индексы и индикаторы человеческого развития. Обновленные статистические данные 2018 // ПРООН [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human-development_statistical_update_ru.pdf. Дата доступа: 04.03.2019.
2. Национальный статистический комитет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by>. Дата доступа: 25.03.2018.
3. World Bank [Electronic resource]. – 2019. – Mode of access: <http://www.worldbank.org>. Date of access: 04.03.2019.
4. The rise of the social enterprise. 2018 Deloitte Global Human Capital Trends // Deloitte [electronic resource]. – 2019. – Mode of access: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/HumanCapital/gx-hc-trends-rise-social-enterprise.pdf>. – Date of access: 9.03.2019.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В РАМКАХ ЕАЭС

Н.С. Перова

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, perova_ns@mail.ru*

В статье рассматривается теоретический аспект таких понятий как интеграция, экономическая интеграция, международная интеграция. Произведен обзор основных экономических показателей взаимодействия Республики Казахстан и Республики Беларусь в рамках интеграционного объединения ЕАЭС. Подробно исследуются данные об экспорте и импорте основных видов товаров в Республику Казахстан и Республику Беларусь. Выделяются основные группы экспортно-импортных товаров за 2018 год, и анализируется динамика по сравнению с 2017 годом. Отмечается, что основным импортным стратегическим товаром из Республики Казахстан является нефть и нефтепродукты, а из Республики Беларусь в Республику Казахстан молочная продукция и продукты из молока. Выявлены узкие стороны данного сотрудничества. Предложены пути совершенствования экономического сотрудничества между странами, что является практически значимым элементом исследования.

Ключевые слова: Интеграция; экономическая интеграция; ЕАЭС; экономическое сотрудничество Республики Казахстан и Республики Беларусь.

ECONOMIC COOPERATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AND THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE FRAMEWORK OF THE EAEU

N. S. Perova

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article discussed with the theoretical aspect of such concepts as integration, economic integration, international integration. The review of the main economic indicators of interaction between Republic of Kazakhstan and the Republic of Belarus in the framework of the integration are reviewed. The data on the export and import of the main types of goods to the Republic of Kazakhstan and the Republic of Belarus are studied in detail. The main groups of export-import goods for 2018 are singled out, and the dynamics in comparison with 2017 is analyzed. It is noted that the main import strategic goods from Republic of Kazakhstan are oil and oil products, and from Republic of Belarus to the Republic of Kazakhstan dairy products and milk products. The narrow sides of this cooperation are revealed. The ways of improving economic cooperation between the countries, which is an important element of the study, are proposed.

Keywords: Integration; economic integration; EAEU; economic cooperation of the Republic of Kazakhstan and the Republic of Belarus.

Начиная с середины XX века и, особенно, в последние десятилетия глобализация и интеграция являются основными тенденциями интернационализации мирового хозяйства.

Исследование механизмов интеграции стран мира в мировую экономику в течение последних двух десятилетий относится к основным направлениям экономической науки. Это объясняется тем, что важнейшей чертой современности является рост взаимозависимости национальных экономик, интенсивный переход цивилизованных стран от замкнутых хозяйств к экономике открытого типа, обращенной к внешнему миру [6].

Интеграция (от лат. *integer* – целый) – означает объединение экономических субъектов, углубление их взаимодействия, развитие связей между ними. Экономическая интеграция имеет место, как на уровне национальных хозяйств целых стран, так и между предприятиями, фирмами, компаниями, корпорациями. Экономическая интеграция проявляется в расширении и углублении производственно-технологических связей, совместном использовании ресурсов, объединении капиталов, в создании друг для друга благоприятных условий осуществления экономической деятельности, снятия взаимных барьеров.

Экономическая интеграция (*integration*, от лат. *integratio* – восстановление) – взаимодействие и взаимоприспособление национальных хозяйств разных стран, ведущая к их постепенному экономическому слиянию. На межгосударственном уровне интеграция происходит путем формирования региональных экономических объединений государств и согласования их внутренней и внешней экономической политики. Взаимодействие и взаимоприспособление национальных хозяйств проявляется, прежде всего, в постепенном создании "общего рынка" - в либерализации условий товарообмена и перемещения производственных ресурсов (капитала, труда, информации) между странами.

Предложенный подход к определению международной экономической интеграции как экономической категории возможно не бесспорный, тем более что, как отмечает Р.И. Хасбулатов, «... международная экономическая интегра-

ция как экономическая категория все еще имеет довольно абстрактный характер, так как нигде в мире не достигнуто полной интеграции...», предполагающей образование единого хозяйственного комплекса (ЕХК). Однако необходимость определения МЭИ как экономической категории очевидна. Она позволяет выявить и учесть новые грани столь сложного, неоднозначного явления в мировой экономике, имеющего огромное влияние на социальные, культурные, политические и другие отношения внутри и между государствами и вскрыть его экономическую сущность [7].

16 сентября 1992 года были утверждены двусторонние дипломатические отношения между Республикой Казахстан и Республикой Беларусь. Стоит отметить, что взаимовыгодное сотрудничество и качественные отношения двух стран развиваются достаточно интенсивно, позиции Казахстана и Беларуси относительно большинства международных политических вопросов идентичны. Этому свидетельствуют высокая динамика контактов на разных уровнях взаимоотношений. Сегодня Казахстан и Беларусь стратегические партнеры и в рамках ЕАЭС.

Республика Беларусь предоставляет национальный режим в отношении товаров из Республики Казахстан в соответствии с Договором о зоне свободной торговли от 18 октября 2011 г. и Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. По объему белорусского экспорта Казахстан входит в десятку основных партнеров Республики Беларусь и является третьим среди стран СНГ (после России и Украины) (см. таблицу 1).

Таблица 1

Экспорт и импорт товаров по государствам-членам Евразийского экономического союза

	Январь – октябрь 2017 г. млн. долл. США	Январь – октябрь 2018 г. млн. долл. США	Январь – октябрь 2018 г. в % к январю – октябрю 2017 г.
Казахстан			
оборот	555,7	766,4	137,9
экспорт	483,4	674,6	139,6
импорт	72,3	91,8	91,8
сальдо	411,1	582,8	

За 2018 г. товарооборот Республики Беларусь с Республикой Казахстан сложился в размере 766,4 млн долларов, что на 137 % больше предыдущего периода. При этом белорусский экспорт товаров в Казахстан составил 674,6 млн. долларов, на 139,6 процента выше аналогичного периода прошлого года, импорт из Казахстана – 91,8 млн долларов рост на 91,8 процента. Сальдо положительное – 582,8 млн долларов. [2,4]

Ведущие позиции экспорта в Казахстан в 2018 году составили: молоко и молочные продукты; автомобили грузовые, тракторы и седельные тягачи; спиртные напитки; мебель, сахар (см. таблицу 2).

Данные об экспорте основных видов товаров в Республику Казахстан

	Январь – октябрь 2018 г.		Январь – октябрь 2018 г. в % к январю – октябрю 2017 г.	
	количество	стоимость, тыс. долл. США	по количе- ству	по стоимо- сти
Автомобили грузовые, штук	108	42 310,5	122,7	124,1
Автомобили специального назначения, штук	24	4 552,7	77,4	147,9
Тракторы и седельные тягачи, штук	2 135	34 957,0	94,3	89,6
Сельскохозяйственная техника, штук	1 486	18 569,4	131,2	94,9
Части и принадлежности для автомо- билей и тракторов, тонн	1 195	7 145,7	82,1	99,4
Машины и устройства для подъема, перемещения, погрузки или разгрузки, штук	575	5 814,0	75,3	78,8
Шины, тыс. шт.	167,6	10 846,6	68,7	83,5
Тара пластмассовая, тонн	1 123	4 070,5	53,2	56,2
Плитка керамическая, тыс. м ²	1 780,1	7 382,1	100,2	98,7
Провода изолированные, кабели, тонн	1 509	6 206,1	65,7	71,6
Обои и аналогичные настенные покры- тия, тонн	5 122	15 692,3	233,4	243,7
Нефтепродукты, тонн	23 461	15 836,3	103,4	121,3
Изделия столярные строительные, тонн	4 052	8 255,2	124,0	121,6
Холодильники, морозильники и холо- дильное оборудование, тыс. шт.	42,8	7 797,0	128,4	116,6
Мебель, включая медицинскую, тыс. т	18,4	33 941,7	113,2	113,9
Лекарственные средства, расфасован- ные для розничной продажи, тонн	589,4	13 311,6	95,8	99,9
Крепкие спиртные напитки, тыс. л 100% спирта	1 224,9	5 654,6	224,1	189,9
Мясо и мясные субпродукты, тонн	11 074	22 797,9	94,8	96,6
Молоко и сливки сгущенные и сухие, тонн	42 787	72 467,3	248,0	201,4
Масло сливочное, тонн	22 445	92 900,4	в 12р.	в 10р.
Сыры и творог, тонн	3 481	14 970,6	204,5	187,8
Колбасы и аналогичные продукты из мяса, тонн	3 074	9 549,5	116,8	128,3
Сахар, тыс. т	66,5	27 331,3	207,8	173,5

Основные позиции импорта из Казахстана в Беларусь в 2018 году: сырая нефть и газовый конденсат, каменный уголь, алюминий необработанный (см. таблицу 3). [3,5]

Данные об импорте основных видов товаров из Республики Казахстан

	Январь – октябрь 2018 г.			Январь – октябрь 2018 г. в % к январю – октябрю 2017 г.
Нефтепродукты, тыс. т	76,9	35 948,1	166,5	243,0
Уголь каменный, тыс. т	336,5	18 341,5	160,3	168,1
Сжиженный газ, тыс. т	14,5	6 564,7	–	–
Черные металлы, тонн	7 505	5 433,8	126,9	118,0
Рельсы, тонн	2 427	2 353,7	в 22р.	в 34р.
Трубы из черных металлов, тонн	2 029	1 967,0	101,5	109,8
Алюминий необработанный, тонн	2 677	6 142,6	222,4	239,5
Аппаратура связи и части к ней, штук	9 695	1 332,5	220,5	212,5
Волокно хлопковое нечесаное, тонн	1 008	1 899,5	54,4	57,5

Реализация совместных производств в области машиностроения осуществлялась в рамках «Дорожной карты» развития двустороннего сотрудничества между Правительством Республики Казахстан и Правительством Республики Беларусь на 2017–2018 годы. За исследуемый период запущено 6 проектов, по производству сельхозтехники, автомобильной и карьерной техники, лифтового оборудования. 29 марта 2018 г. ТОО «Актюбинский рельсобалочный завод» получено приглашение от ГО «Белорусская железная дорога» на участие в конкурсе по закупке рельс Р65 категории ДТ350 в объеме - 30 000 тонн. ТОО «АРБЗ» было принято участие в конкурсе, который проходил 18 апреля 2018 года в г. Минск [1].

Заключен договор на поставку 5000 тонн рельс Р65 до октября 2018 года. На данный момент поставлено 550 тонн рельс.

В Беларуси действуют 39 предприятий с казахстанским капиталом, в том числе 15 совместных и 28 иностранных, а в Казахстане действует 256 компаний с белорусским участием.

Основополагающим документом в области торгово-экономического сотрудничества является Договор между Республикой Беларусь и Республикой Казахстан о социально-экономическом сотрудничестве до 2026 года с Программой социально-экономического сотрудничества Республики Беларусь с Республикой Казахстан до 2026 года и «Дорожная карта» развития двустороннего сотрудничества между Правительством Республики Казахстан и Правительством Республики Беларусь на 2017 – 2018 годы.

Стоит отметить, что динамика торгово-экономических связей набирает обороты с каждым годом, что свидетельствует о потенциале развития отношений между республиками. Однако существуют определенные дисбалансы, которые требуют проработки и особого внимания, так как это противоречит целям ЕАЭС.

1. Необходимо расширение номенклатуры и объемов импорта казахстанских товаров в Беларусь. На сегодняшний момент, импорт Казахстана является ресурсоориентированным, что не допустимо, для эффективного межгосударственного сотрудничества.

2. Так же, по товарным группам белорусский экспорт в Казахстан более дифференцирован (продукция машиностроения, нефтехимии, пищевой и фармацевтической промышленности), в то время как основу казахстанского импорта в Беларусь составляет продукция металлургической и нефтехимической промышленности с малой долей добавленной стоимости.

3. В структуре межгосударственных торгово-экономических связей преобладает продукция средневысокой и низкой наукоемкости, но недостаточно представлена продукция высокой наукоемкости.

Таким образом, партнерство Республики Беларусь и Республики Казахстан не только успешно и устойчиво развивается, но и имеет значительный потенциал развития по широкому спектру направлений, что полностью отвечает национальным интересам обеих стран.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Двустороннее сотрудничество в области науки, образования и культуры // Посольство Респ. Беларусь в Респ. Казахстан [Электронный ресурс]. – URL : http://kazakhstan.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/cultural/ (дата обращения : 15.01.2019)

2. Итоги внешней торговли Республики Беларусь за январь – ноябрь 2018 года // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – URL : http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/vneshnyaya-torgovlya_2/ (дата обращения : 15.01.2019).

3. Итоги внешней торговли Республики Беларусь за январь – ноябрь 2018 года // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – URL : http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/vneshnyaya-torgovlya_3/ (дата обращения : 15.01.2019).

4. Итоги внешней торговли Республики Беларусь за январь – декабрь 2017 года // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – URL : http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/vneshnyaya-torgovlya_14/ (дата обращения : 15.01.2019).

5. Итоги внешней торговли Республики Беларусь за январь – декабрь 2017 года // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – URL : http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/vneshnyaya-torgovlya_14/ (дата обращения : 15.01.2019).

6. Нурсеитов А.А. Экономический пояс Шелкового пути : возможности и перспективы // Your Vision [Электронный ресурс]. – URL : <http://yvision.kz/post/520219> (дата обращения : 13.01.2019)

7. Сотрудничество Республики Казахстан с Республикой Беларусь // М-во иностр. дел Респ. Казахстан [Электронный ресурс] – URL : <http://mfa.gov.kz/index.php/ru/vneshnyaya-politika/sotrudnichestvo-kazahstana/sotrudnichestvo-so-stranami-sng/12-material-orys/426-sotrudnichestvo-respubliki-kazahstan-s-respublikoj-belarus/> (дата обращения : 13.01.2019).

ВНЕШНЕТОРГОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ МЕРКОСУР И КИТАЕМ

О.Г. Пташиц

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, olpta@mail.ru*

В статье анализируются торговые отношения между Южноамериканским общим рынком (МЕРКОСУР) и Китаем в период 2001-2017 гг., рассматриваются их основные характеристики на современном этапе, а также предлагаются возможные сценарии развития торговых отношений между регионами в среднесрочной и долгосрочной перспективе. В последние десятилетия латиноамериканский регион столкнулся с последствиями проникновения китайских предприятий на региональный рынок, что стало одной из причин снижения внутрорегиональной торговли промышленными товарами. В то же время, именно ненасытность, с которой Китай нуждается в сырьевых товарах, способствует экономическому росту МЕРКОСУР. В статье поднимается вопрос, является ли Китай партнером, способствующим развитию МЕРКОСУР, с точки зрения расширения его торговых потоков, но не только за счет сырьевой продукции, но и за счет роста экспорта промышленных товаров с средним и высоким технологическим содержанием.

Ключевые слова: Китай; МЕРКОСУР; двусторонняя торговля; внутрорегиональная торговля; сырьевые товары; промышленная продукция.

FOREIGN TRADE COOPERATION BETWEEN MERCOSUR AND CHINA

V.G. Ptashyts

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

In the article trade relations between the South American Common Market (MERCOSUR) and China in the period 2001-2017 are analyzed, their main characteristics at the present stage are discussed, and also possible scenarios for the development of trade relations between the regions in the medium and long term are suggested. In recent decades, the Latin American region has been facing the consequences of the penetration of Chinese enterprises into the regional market, which has become one of the reasons for the decline in intraregional trade of manufactured goods. At the same time, it is precisely the insatiability with which China demands primary goods that contributes to the economic growth of MERCOSUR. In the article the question, whether China is a partner that contributes to the development of MERCOSUR in terms of expanding its trade flows, but not only at the expense of raw materials, but also due to the growth in exports of industrial goods with medium and high technological content, is brought up.

Key words: China; MERCOSUR; bilateral trade; intraregional trade; primary goods; industrial products.

В контексте процесса глобализации и экономической интеграции, которые переживает мир, где торговые потоки и прямые иностранные инвестиции растут быстрее, чем мировой ВВП, экономические проблемы вышли на первый план в отношениях между странами и регионами.

Так обстоит дело и с Китаем по отношению к Латинской Америке и, в особенности, к МЕРКОСУР. Хотя связи между регионами начали развиваться с 1990-х гг., лишь с начала 2000-х гг. они приобрели динамичный характер, превратив Китай в одного из основных экономических партнеров Южноамериканского общего рынка.

Экономические отношения между МЕРКОСУР и Китаем являются предметом научных дебатов, в основном, при анализе последствий для блока, будь то позитивных или негативных, проистекающих из углубления торгового сотрудничества и роста инвестиций между двумя регионами.

Многие исследователи утверждают, что большая часть репримаризации экспорта латиноамериканского блока объясняется постоянным ростом спроса со стороны Китая на сырьевую продукцию, в экспорте которой МЕРКОСУР имеет конкурентные преимущества, что, в конечном счете, позволяет поддерживать высокие показатели роста азиатской страны, а также хорошую экономическую эффективность интеграционного блока в последние годы [3, с. 42].

Однако, помимо репримаризации экспорта Общего рынка, а также Китая как угрозы местному производству и внутрирегиональному экспорту, наблюдаются изменения, связанные с торговыми возможностями в Китае, где новая структура потребления за счет появления нового глобального среднего класса (не только в Китае, но и во всей Восточной Азии) позволила выявить новые торговые потоки сельскохозяйственной и агропромышленной продукции с большим технологическим содержанием, а также других нетрадиционных промышленных товаров [5, с. 97].

Двусторонние отношения между странами МЕРКОСУР и Китаем существенно отличаются как с политической, так и с экономической точки зрения, что мешает достигнуть общих позиций по многим вопросам и может оказать влияние на углубление связей в региональном ключе. Например, последствия проникновения китайских промышленных товаров имеют различную значимость для стран-членов МЕРКОСУР в зависимости от характеристик их национальных экономик (внутреннее производство), но они существенно повлияли на региональный обмен, имеющий внутрииндустриальную составляющую, в отличие от внерегионального экспорта, базирующегося на сырьевой и сельскохозяйственной продукции.

Коммерческие возможности, которые имеются на гигантском азиатском рынке, имеют стратегическое значение для некоторых стран-членов МЕРКОСУР. Однако существуют более широкие возможности для диверсификации торговли и бизнеса в тех странах, которые имеют более сложную производственную структуру, однако возникает вопрос, смогут ли они изменить торговую модель, которая присуща нынешним отношениям двух регионов и которая также в некоторой мере находится под сомнением [4, с. 39-42].

Рассмотрим основные характеристики внешней торговли товарами между МЕРКОСУР и Китаем на основании данных, предоставленных Китаем, которые существенно отличаются от данных стран МЕРКОСУР вследствие искажений в свободных зонах и торговли венесуэльской нефтью (см. рисунок).

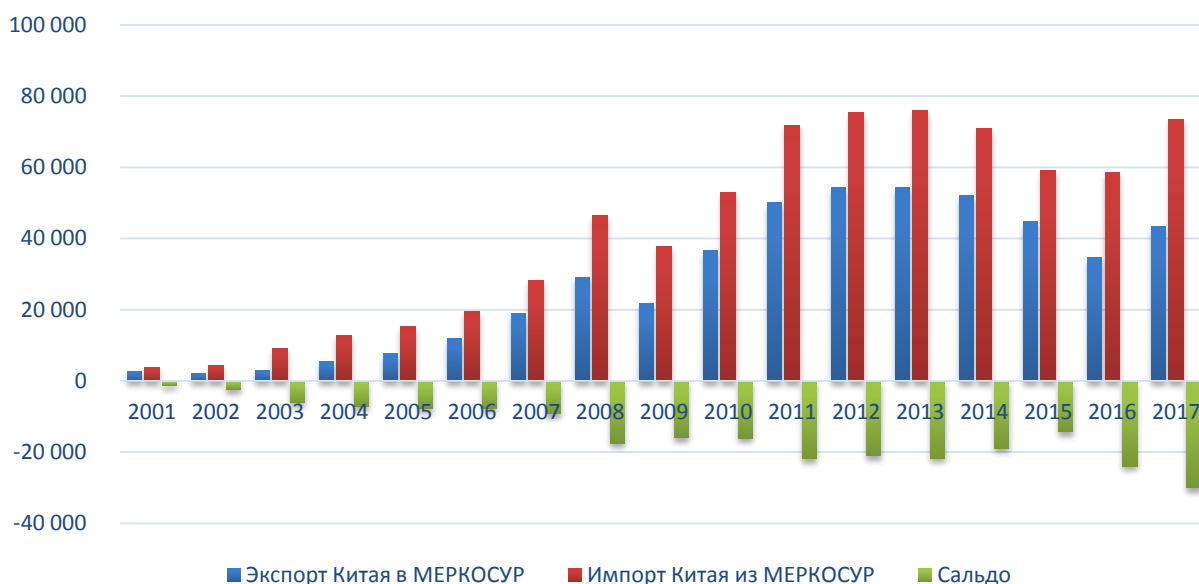

Рис. – Двусторонняя торговля товарами между МЕРКОСУР и Китаем в период 2001-2017 гг., в млн долл. США

Примечание: источник - собственная разработка по данным InternationalTradeCenter [7].

Двусторонняя торговля между Китаем и МЕРКОСУР достигла 117 млрд. долл. США в 2017 году, возрастая ежегодно в среднем на 24% в 2001-2017 гг. Что касается сальдо торгового баланса, в 2017 году Китай зафиксировал отрицательное сальдо в размере более 30 млрд. долл. США, которое имеет возрастающую тенденцию в последние годы (рисунок).

Еще одна особенность двусторонней торговли между Китаем и МЕРКОСУР связана с диверсификацией, поскольку количество групп товаров, экспортируемой азиатской страной в южноамериканский регион, намного выше. Напротив, рост количества видов товаров, импортируемых Китаем, возрастает незначительно, в отличие от экспоненциального роста импорта в долларах, что подтверждает концентрацию экспорта МЕРКОСУР в Китае на уровне продукции.

На уровне продукции, торговля между МЕРКОСУР и Китаем обычно определяется как взаимодополняющая, что подразумевает, что азиатская страна в основном экспортирует промышленную продукцию с высокой добавленной стоимостью (три главные экспортные продукта Китая в МЕРКОСУР – механические и электрические машины, транспортные средства и их части, медицинское оборудование), в то время как импортирует в основном сельскохозяйственную продукцию (минералы, топливо и семена). Этот тип торговых отношений с небольшой внутриотраслевой торговлей подтверждает низкую производственную связь стран МЕРКОСУР с Китаем по сравнению с торговыми потоками, которые имеет Китай с развитыми государствами и странами Юго-Восточной Азии (АСЕАН) [3, с. 56].

Другая характеристика торговли между Китаем и Южноамериканским общим рынком – это ее асимметрия, то есть Китай является более существенным и важным рынком для МЕРКОСУР, чем этот регион для Китая (в 2017 году на Южноамериканский общий рынок приходилось 1,9% от экспорта страны и 4% от общего импорта) [7].

При анализе доли МЕРКОСУР в общем экспорте Китая по продуктам, только немногим группам товаров удалось превзойти 5% от общего объема экс-

порта Китая. Основные экспортируемые товары - автомобили и их части, органические химические вещества, синтетические или искусственные нити и трикотажные изделия, однако их доля в общем объеме не превышает 10%. Таким образом, хотя МЕРКОСУР представляет собой значительный рынок с постоянным ростом потребления, он все еще не имеет такого принципиального значения для Китая, как развитые и развивающиеся страны: Соединенные Штаты, европейские страны, Японии, Южная Корея, страны АСЕАН.

При анализе экспорта Китая в страны МЕРКОСУР по принципу технологического содержания, ранее упомянутая тенденция становится очевидной. В период с 2001 по 2017 года экспорт сельскохозяйственной и сырьевой продукции снизился с 15% до 10%, также уменьшилась и доля товаров с низкой добавленной стоимостью с 31% до 24%. В то же время китайский экспорт продукции со средним и высоким технологическим содержанием вырос с 54% до 66%, что подтверждает диверсификацию китайского экспорта в страны МЕРКОСУР [1, с. 92].

Как упоминалось выше, объем импорта Китая из МЕРКОСУР выше объема экспорта данной страны на рынок региона. Первые места в рейтинге товаров, импортируемых Китаем из интеграционного блока, занимают сырьевые и сельскохозяйственные товары, такие как минералы, топливо, семена и маслосодержащие фрукты, жиры и масла животного происхождения, которые составляют более 85% от общего объема данной продукции, импортируемой Китаем в 2017 году. Данные товары составляли более 60% в 2001 году, что подтверждает углубление межиндустриальной модели между двумя странами. Напротив, промышленные товары с более высокой долей технологической составляющей, такие как пластмасса, оборудование, электронные машины, или агропромышленные товары, потеряли свою важность в качестве экспортируемой в Китай продукции.

Анализ импорта Китая из МЕРКОСУР по технологическому содержанию также подтверждает увеличение сырьевых и сельскохозяйственных товаров в общем объеме экспорта интеграционного объединения (если в 2001 году они составляли 79%, то на данный момент около 90%) [6, с. 75-79].

Среди положительных сторон экономических отношений МЕРКОСУР и Китая очевидна связь между экономическим ростом региона и ростом спроса Китая на сырьевые и агропромышленные товары, где МЕРКОСУР имеет сравнительные преимущества, а также коммерческие и инвестиционные возможности, которые открылись для региона с ростом экономики Китая.

Что касается возможностей расширения торговли с Китаем, то, по-видимому, они более вероятны в росте торговли сельскохозяйственными товарами с большей степенью переработки (мясо, молочные продукты, жиры и масла). Также возможны новые экспортные потоки промышленных товаров с технологическим содержанием, таких как пластмасса и изделия из него [2, с. 249].

В целом, представляется очевидным, что, по крайней мере, до настоящего времени не были выявлены возможности для расширения странами МЕРКОСУР торговли товарами со средним и высоким технологическим содержанием, таких как машины и инструменты, электрические машины, транспортные средства и их части или медицинские инструменты, которые также сильно пострадали от конкуренции Китая на внутреннем и региональном рынках. Многие из этих продуктов участвуют в глобальных производственно-сбытовых цепочках, в значительной степени управляемых Китаем [6, с. 75-79].

В сложившемся мировом контексте и учитывая динамику международной торговли, ответ на вопрос о том, является ли Китай партнером, способствующим развитию МЕРКОСУР, зависит в большей мере от самого блока Южного конуса, чем от Китая. Скоординированным или односторонним образом, блок должен пересмотреть свою стратегию внедрения в глобальные производственно-сбытовые цепочки, чтобы приспособиться к существенным производственным изменениям, происшедшим в последние десятилетия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Estudio Económico de América Latina y el Caribe 2017 / Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL). - Santiago de Chile, 2017. – 146 p.
2. Gayá, R. El comercio intrarregional sudamericano: patrón exportador y flujos intraindustriales / R. Gayá, K. Michalczewsky. - Buenos Aires: BID-INTAL, 2014. – 368 p.
3. Giordano, P. Estimaciones de las Tendencias Comerciales de América Latina y el Caribe - Edición 2018 / P. Giordano. - Washington, DC: BID, 2018. – 159 p.
4. Girado, G. China y Latinoamérica ¿estamos realmente mejor? / G. Girano. - Global Asia Magazine, 2014. - p. 39-42.
5. Martínez, J. América Latina y el Caribe – China: Relaciones políticas e internacionales / J. Martínez. -México, D.F: Red ALC-China, 2015. – 197 p.
6. Mesquita Moriera, M. Fear of China: Is there a future for manufacturing in Latin America? / M. Mesquita Moriera. – Nueva sociedad, 2016. – p.75-79.
7. Trade Map // International Trade Centre [Электронный ресурс]. – Режимдоступа: <https://www.trademap.org/Index.aspx>. – Датадоступа: 18.01.2019.

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ТУРИЗМ ДЛЯ БЕЛАРУСИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Е.С. Пшонко

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, helenefir@gmail.com*

В статье рассматриваются особенности развития промышленного туризма в Беларуси. Объект исследования – промышленный туризм в Республике Беларусь. Цель – оценить уровень развития промышленного туризма в Беларуси, выявить проблемы и определить основные направления его дальнейшего развития. Акцент сделан на возможностях для роста конкурентоспособности национального туристского сектора на международном рынке. Рассмотрены примеры успешно реализованных проектов, определены перспективные направления, которые требуют первоочередного развития. Результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях.

Ключевые слова: виды туризма; промышленный туризм; производственные экскурсии; индустриальное наследие; туристские ресурсы; въездной туризм.

INDUSTRIAL TOURISM FOR BELARUS: PROBLEMS AND PROSPECTS

E.S. Pshonko

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

In the article the features of the development of industrial tourism in Belarus are discussed. The subject matter of the study is industrial tourism in the Republic of Belarus. The research objec-

tive is to evaluate the actual development level of the industrial tourism in Belarus, to identify the problems existing in the segment and to determine new development directions. The opportunities for improving the competitiveness of the national tourism sector on the international market are the central focus. Specific examples of successfully implemented projects are considered, the spheres of foreground development are identified. The results may be used in further research on the topic.

Keywords: types of tourism; industrial tourism; manufacturing tours; industrial heritage; tourism resources; inbound tourism.

Промышленный туризм стал активно развиваться в конце XX века, и его популярность продолжает расти. Это во многом обусловлено общими тенденциями развития туризма, такими как индивидуализация запросов путешественников, смещение вектора их мотивации с пассивного отдыха и развлечений на активность, обучение и личные открытия, экологизация сознания туристов, максимальная диверсификация и дифференциация предложения. В то же время американские исследователи М. Митчелл и Р. Оруиг в одной из своих работ в качестве важнейшего фактора популяризации данного вида туризма называют формирование экономики услуг [7, с. 2]. Современный человек, как правило, обладает свободным доступом к различным благам и весьма нечетким представлением о том, как они производятся. Таким образом, посещение промышленных предприятий или организаций сферы услуг становится для него своего рода открытием. Так или иначе, растущий интерес к промышленным объектам среди различных категорий населения является объективным фактом.

Развитие промышленного туризма отвечает интересам всех участников данного процесса. Так, для туристских компаний это способ диверсификации предложения и освоения новых сегментов потребителей. Для посещаемых предприятий экскурсии являются источником дохода, инструментом продвижения их продукта, PR, а также эффективной формой поиска инвесторов и работы с партнерами. Именно поэтому в странах Европы и Америки компании значительное внимание уделяют данному направлению деятельности, особенно в США, где в настоящее время почти не осталось компаний, закрытых для публики. На уровне регионов и даже страны в целом эффект от развития промышленного туризма выражается не только в позитивном влиянии на экономические показатели, но и в формировании бренда конкретной территории [7].

Несмотря на вышеуказанное, вопросы развития промышленного туризма все еще слабо освещены в научных работах не только белорусских, но и зарубежных исследователей. Частично это объясняется различиями в используемой авторы терминологии, недостатком статистических данных для анализа и сложностью их сбора, а также многокомпонентностью туристского продукта, позволяющей сочетать в рамках одной поездки различные виды туризма и затрудняющей оценку вклада каждого из них в формирование общего эффекта от туризма.

Само понятие «промышленный туризм», в последние годы достаточно часто фигурирующее в СМИ, в законодательной базе Республики Беларусь не закреплено, что обуславливает наличие определенных сложностей при классификации тех или иных видов туристской активности. Возникает вопрос соотношения понятий «промышленный туризм», «производственный туризм» и «индустриальный туризм» (значительно реже употребляемого в русскоязычных источниках), а также корректности использования данных терминов. Так, в книге «Industrial tourism. Where the public meets the private» [8] А. Отгар приводит раз-

личные трактовки промышленного туризма (*orig.* – industrial tourism), предложенные европейскими исследователями. Некоторые из них к этой категории относят посещение туристами только действующих предприятий, другие дополняют их также выведенными из эксплуатации объектами индустрии, тематическими музеями. Помимо этого, в работе представлены две тематические концепции, не содержащие непосредственно определений понятия «промышленный туризм», однако приближающиеся к нему содержательно. Основной целью «туризма потребительского впечатления» является формирование у потребителя определенного уровня привязанности к бренду, а так называемые «миры производственных впечатлений» представляют собой многофункциональные интерактивные выставочные площадки, позволяющие посетителям узнать что-то новое о конкретных видах экономической деятельности прошлого, настоящего или будущего [8, с. 17 – 24]. На основании данных определений Отгар формулирует собственное: «Промышленный туризм – посещение объектов, позволяющих получить информацию об истории каких-либо видов экономической деятельности, их современном состоянии и перспективах развития» [8, с. 24]. Исходя из пояснений к каждой из трактовок, можно заключить, что термин «industry» в данном контексте означает не собственно «промышленность» или «производство», а используется в более широком смысле – «сектор экономики»; так же и его аналог в русском языке. Семантические различия проявляются в производных от них: в отличие от английского когната, «индустриальный» может использоваться только в значении «промышленный». Таким образом, термины, употребляемые в Беларуси, не только не закреплены в национальном законодательстве, но и не полностью соответствуют принятым в европейских странах, в связи с чем явной становится необходимость уточнения понятийного аппарата в данной сфере. В данной статье рассматриваются, в основном, визиты на действующие предприятия, так как объекты исторического наследия производственной тематики, как правило, включаются в традиционные программы познавательных туров.

Помимо терминологических неточностей, препятствием для объективной оценки уровня развития промышленного туризма в Беларуси является отсутствие необходимой статистической информации. Данные, публикуемые в сборниках Национального статистического комитета, не группируются по мотивам путешествующих лиц, таким образом, узнать количество промышленных туристов не представляется возможным. В данных условиях анализ развития промышленного туризма может проводиться только на основании материалов сайтов отдельных организаций, работающих в этом направлении, белорусских СМИ, а также сайтов региональных и местных органов власти.

Промышленный туризм в Беларуси только начинает свое становление. О росте интереса к подобного вида экскурсиям белорусские СМИ заговорили впервые в 2010 году. Пионерами данного направления стали действующие производства, связанные с традиционными ремеслами, что позволяет рассматривать их как объекты индустриального наследия и обуславливает их относительную популярность среди массовых посетителей. Так, фабрика художественных изделий «Слуцкие пояса» предложила в ходе бесплатной экскурсии ознакомиться с процессом создания этого элемента традиционного белорусского костюма, который может рассматриваться в качестве одного из национальных символов Беларуси. На фабрике «Белхудожкерамика» в Радошковичах посетители могут уви-

деть весь технологический процесс изготовления керамики как ремесленным способом (на гончарном круге), так и на современных прессах, а также самостоятельно изготовить глиняные сувениры. Бесплатная экскурсия по Смиловичской валяльно-войлочной фабрике также объединяет историческую справку о валянии и производстве валенок с демонстрацией современных технологических процессов обработки шерсти на станках. Еще один объект из данной группы – стеклозавод «Неман» в поселке Березовка Гродненской области – является старейшим предприятием этой отрасли в Беларуси [2].

Среди предприятий тяжелой промышленности первопроходцем в Беларуси стал Минский автомобильный завод. Уже в 2009 году, в то время как большинство организаций еще не осознали возможность использования своих производственных мощностей в качестве туристских ресурсов, цеха и музей трудовой славы завода МАЗа бесплатно посетило 176 групп экскурсантов [2].

Предприятия пищевой промышленности, которые в странах Европы и Америки формируют значительную часть предложения в сегменте производственных туров, в Беларуси же долгое время отказывались проводить экскурсии, в первую очередь, из-за сложности их организации с соблюдением всех санитарных норм. Исключениями, пусть и довольно условно, можно считать только две минских пивоваренных компании – «Оливария» и «Криница». Оба завода оставались закрытыми для широкого круга посетителей, предлагая только экскурсии, приуроченные к значимым для завода датам и образовательные визиты для студентов специальностей в сфере пищевой промышленности соответственно [2].

В последующие годы число предприятий, открытых для посетителей, постоянно увеличивалось. Здесь показателен пример ОАО «Туровский молочный комбинат», которое уже на этапе создания предприятия запланировало проведение экскурсий, для чего в проект производственных помещений были добавлены специальные галереи, позволяющие наблюдать за работой цехов. Подобная схема была применена и на гродненском молочном комбинате «Молочный мир».

В настоящее время, по словам заместителя директора департамента по туризму Министерства спорта и туризма Беларуси Виталия Грицкевича, около 120 заводов страны могут предложить посетителям экскурсии на собственное производство. Однако часто такие экскурсии доступны только для обучающихся или студентов сотрудничающих с заводами учреждений образования в рамках профориентации или практической подготовки специалиста, как, например, Минский завод безалкогольных напитков или ОАО «Элема». По данным турфирм, только около 50 белорусских организаций на постоянной основе предлагают увидеть свою работу изнутри широкому кругу посетителей (лидером в ассортименте производственных экскурсий является ТЭУП «Беларустурист» – 46 позиций) [5; 6]. Предложение в сегменте промышленного туризма стало более диверсифицированным: посетителей принимают многие предприятия легкой и пищевой промышленности, крупнейшие машиностроительные заводы, некоторые химические предприятия, театры и государственный цирк и др.

Большинство продуктов ориентированы на внутреннего и даже местного туриста, что закономерно и характерно не только для белорусского рынка, но и для данного сегмента в целом. Посетителей привлекает возможность увидеть процесс производства либо того, что постоянно окружает их в повседневной жизни, либо напротив, предметов уникальных или имеющих выраженную мест-

ную специфику. Так, большинство предприятий легкой и пищевой промышленности будут посещать, в основном, белорусы и россияне, однако экскурсии на заводы, продукция которых позиционируется как «сувенир из Беларуси», будут интересны и туристам из дальнего зарубежья. Этим обусловлен тот факт, что пионерами промышленного туризма в Беларуси стали предприятия, чьи технологии связаны с традиционными ремеслами. С точки зрения автора статьи, можно выделить несколько наиболее перспективных для развития въездного туризма направлений, помимо данного.

В первую очередь, это проект «БЕЛАЗ – бренд Беларуси», запущенный 15 июля 2015 года. Предприятие предлагает всем желающим посетить музей, отражающий историю развития машиностроения в Беларуси в целом и ОАО «БЕЛАЗ» в частности, выставку специальной техники и карьерных самосвалов, увидеть процесс сборки самосвалов. Около 30 турфирм включают эту экскурсию в программу пребывания иностранных гостей в Беларуси. За время реализации проекта завод посетило более 70 тысяч из более чем 28 стран мира. По данным холдинга, в 2016 г. около 6% экскурсантов были иностранцами [1].

Также значительным потенциалом обладает Минский тракторный завод, в январе 2017 г. начавший проводить в музее и цехах предприятия экскурсии, особенностью которых является возможность поучаствовать в сборке трактора. За первые четыре месяца реализации данного проекта его посетило около полутора тысяч экскурсантов, четверть из них – иностранцы из 23 стран мира [3].

В текстильной промышленности спросом у иностранцев могут пользоваться экскурсии на производство льняных тканей, которые достаточно известны на европейском рынке. В настоящее время такие экскурсии предлагает РУПТП «Оршанский льнокомбинат». Производство льноволокна также может быть интересно туристам из Китая, являющегося одним из важнейших импортеров белорусского льна.

В условиях растущей озабоченности общества проблемами экологической безопасности, рационального использования природных ресурсов, альтернативной энергетики и т.д. новым направлением в развитии производственного туризма могут стать экскурсии на Белорусскую АЭС. При правильном подходе, они позволят продемонстрировать ответственное отношение Беларуси в вопросах экологического менеджмента и обеспечения радиационной безопасности, что окажет благоприятное воздействие на имидж страны.

Авторство еще одного перспективного проекта принадлежит минскому энтузиасту Артёму Слизкому. Он разработал несколько маршрутов, позволяющих познакомить посетителей с историей и сохранившимися участками сети узкоколейных железных дорог Беларуси. Так как этот вид транспорта использовался преимущественно для нужд промышленных предприятий, экскурсанты посещают не только объекты железнодорожной инфраструктуры, которые являются центральными объектами экскурсий, но и обслуживаемые «узкоколейкой» торфопредприятия. Одна из программ включает также посещение РУПП «Гранит» в г. Микашевичи, другая – завода «БЕЛАЗ», третья – съемочной площадки киностудии «Беларусьфильм» [4].

Это далеко не все примеры удачного использования ресурсов производственных предприятий в туризме, однако они позволяют утверждать, что белорусские компании готовы включиться в развитие данного направления. Значитель-

ный потенциал для этого имеют многие предприятия и организации, в том числе и агропромышленного комплекса страны. Активизация маркетинговой деятельности предприятий и внедрение определенных элементов менеджмента качества экскурсионного продукта, информационная поддержка со стороны республиканских и независимых СМИ, совершенствование нормативно-правовой базы и системы статистического учета в туристской сфере будет способствовать росту конкурентоспособности промышленного туризма Беларуси.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Новости [Электронный ресурс] // Холдинг «БЕЛАЗ-ХОЛДИНГ». – Режим доступа: <http://www.belaz.by/press/>. – Дата доступа: 13.01.2019.
2. Производственный туризм по-белорусски: можно посмотреть, как делают валенки, но пива не нальют [Электронный ресурс] // TUT.BY – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/167637.html>. – Дата доступа: 13.01.2019.
3. Промышленный туризм в Партизанском районе [Электронный ресурс] // – Режим доступа: <http://part.gov.by/3190-promyshlennyy-turizm-v-partizanskom-rajone-na-kakikh-predpriyatiyakh-provodyat-ekskursii>. – Дата доступа: 13.01.2019.
4. Промышленный туризм по нестандартным рельсам: белорусские узкоколейки [Электронный ресурс] // Лучшее в Беларуси. Туристический путеводитель. – Режим доступа: http://bestbelarus.by/info/blog/promyshlennyy-turizm-po-nestandartnym-relsam-belorusskie-uzkokoleyki/?sphrase_id=1090. – Дата доступа: 13.01.2019.
5. Туры [Электронный ресурс] // Туристско – экскурсионное унитарное предприятие «Беларустурист». – Режим доступа: <https://www.belarustourist.by/avtobusnye-tury/>. – Дата доступа: 13.01.2019.
6. Экскурсии на производство [Электронный ресурс] // Экскурсии по Беларуси – Белорусский экскурсионный портал. – Режим доступа: https://ekskursii.by/?Ekskursii_na_proizvodstvo. – Дата доступа: 13.01.2019.
7. Klijs, J., Otgaar, A.H.J. How to measure the regional impact of industrial tourism? [Electronic resource] / A.H.J. Otgaar, J. Klijs // 50th European Congress of the Regional Science Association International, Jönköping, 19-23 Aug. 2010. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/254457354_How_to_measure_the_regional_impact_of_industrial_tourism. – Date of access: 13.01.2019.
8. Otgaar, A.H.J. Industrial tourism: where the public meets the private [Electronic resource] / A.H.J. Otgaar // Erasmus Research Institute of Management. – 2010. – Mode of access: <https://repub.eur.nl/pub/21585/EPS2010219ORG9789058922595.pdf>. – Date of access: 13.01.2019.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММ ПО ИНТЕРПРЕТАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Д. Н. Рацкевич¹⁾, Л. Н. Давыденко²⁾

¹⁾ Филиал «Грин Парк Отель» ООО «Агорабел», diana.ratskevich@mail.ru

²⁾ Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, Davidenko@tut.by

Различные социо-политические предпосылки, которые привели к значительному расширению понятия «культурное наследие» и развитию международного сотрудничества в процессе дальнейшего поиска универсальных критериев идентификации и использования природных и культурных ценностей и наиболее приемлемых решений практических проблем их охраны определили новую волну интереса к культурному наследию в XX веке. Целью исследования является изучение предпосылок и условий интерпретации культурного наследия Республики Беларусь. В ходе исследования были изучены предпосылки формирования феномена

интерпретации культурного наследия, а также экономические условия реализации программ по интерпретации культурного наследия в Республике Беларусь. Объектом изучения является культурное наследие. Предмет изучения - интерпретация культурного наследия.

Ключевые слова: интерпретация культурного наследия; социально-экономические условия; культура; государственная программа; устойчивое развитие.

SOCIO-ECONOMIC CONDITIONS FOR IMPLEMENTATION OF CULTURAL HERITAGE INTERPRETATION PROGRAMS IN THE REPUBLIC OF BELARUS

D. N. Ratskevich^a, L. N. Davydenko^b

^aBranch «Green Park Hotel» LLC «Agorabel»

^bBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

Corresponding author: L. N. Davydenko (Davydenko@tut.by)

Various sociopolitical prerequisites which led to considerable expansion of concept «cultural heritage» and to development of the international cooperation in the course of further search of universal identification criteria and use of natural and cultural values and the most acceptable solutions of practical problems of their protection defined a new wave of interest in cultural heritage in the 20th century. A research objective is studying of prerequisites and conditions of cultural heritage interpretation in Republic of Belarus. During the research prerequisites of formation of a phenomenon of cultural heritage interpretation and also economic conditions for implementation of cultural heritage interpretation programs in Republic of Belarus were studied. Object of studying is the cultural heritage. A studying subject - cultural heritage interpretation.

Key words: Cultural heritage interpretation; social and economic conditions; culture; state program; sustainable development.

Во многих странах сегодня особенно актуальными и значимыми являются вопросы охраны и использования природного и культурного наследия.

Для Беларуси проблемы национально-культурной идентификации и сохранения исторических ценностей являются наиболее актуальными. Это объясняется ускорением интеграции наций в мировую систему в связи с развитием современных рыночных отношений и экономики. На этапе вовлечения в процесс мировой глобализации Беларусь в силу открытости своих границ находится под влиянием противоречивого воздействия глобализации:

- 1) существует возможность расширения культурных контактов;
- 2) существует опасность утраты культурной самобытности.

Важным фактором сохранения культурной идентичности является историко-культурное наследие, являющееся фундаментом общего культурного достояния.

В современном мире программы сохранения и популяризации культурного наследия входят в число приоритетных направлений как для отдельных регионов, так и для стран в целом. Но трактовки этого понятия отличаются вариативностью в каждой отдельной стране, а концепция в целом – незавершенностью. Это определяет интерес к проблеме культурного наследия в контексте ее возникновения.

В Соединённых Штатах Америки первое определение интерпретации было предложено Фриманом Тилденом при сотрудничестве со Службой Национальных Парков США в 1957 году: интерпретация - образовательная деятельность, которая стремится раскрыть значимость и взаимосвязи посредством использования подлинных объектов, личного опыта и визуальных средств. Интерпретация противопоставляется образовательной деятельности, опирающейся на простое изложение фактов, а также способствует неформальному обучению, вызы-

вая любопытство и интерес к тому, что может быть незнакомой темой для посетителей места наследия [3; с. 14].

Интерпретация – это механизм эффективного вовлечения аудитории в определенный предмет познания. Он связывает место, объекты или старания людей со знаниями, опытом, прошлым и ценностями, которыми обладают посетители вне зависимости от того, являются они туристами или местными жителями. Этот механизм также показывает значимость материальных и традиционных характеристик наследия, которые туристы могут понять и оценить, а также помогает им наслаждаться непосредственным и приносящим удовлетворение опытом посещения любого места наследия.

Уникальность Беларуси определяется исторически сложившимся интегративным типом культуры. Белорусская культура сочетает в себе различные элементы восточнославянской, западнославянской, балтской, тюркской культур. Этническая толерантность белорусов способствовала интеграции норм и ценностей этих культур [1].

Культурное наследие является интеллектуальным и духовным ресурсом, объединяющим народы европейского континента и укрепляющим чувство самобытности каждого из них. Беларусь, являющаяся географическим центром Европы и ее культурной составляющей, в 1993 году присоединилась к Европейской культурной конвенции Совета Европы и с того времени принимает активное участие в праздновании Дней Европейского наследия.

Проведение Дней Европейского наследия в Беларуси позволяет привлечь внимание к вопросам более действенного участия в процессе сохранения культурных приобретений страны, позволяет познакомить соотечественников с культурным разнообразием европейских стран, чем способствует развитию взаимопонимания между народами.

Задача формирования национально-культурного сознания является главной особенностью современного этапа развития духовной культуры Республики Беларусь.

Беларусь владеет богатым историко-культурным потенциалом, в который входят объекты архитектуры, градостроительства, искусства, археологии, парковые комплексы, музейные коллекции и книжные собрания. В Республике Беларусь на сегодняшний день насчитывается более 15 тысяч памятников истории.

Культура представляет собой наиболее важный фактор, способствующий совершенствованию человеческого капитала и призванный содействовать устойчивому социально-экономическому развитию нашей страны.

Целенаправленная поддержка государства, разработка и реализация программ национального возрождения белорусской культуры помогли сохранить культурный потенциал Беларуси [2].

Деятельность по направлениям государственной политики в сфере культуры призвана [4]:

- сохранить самобытность культуры белорусского народа и его национальных традиций;
- возродить и сохранить потенциал культурного наследия, способствовать его развитию;
- обеспечить доступность культурных ценностей широким слоям населения;
- организовать защиту духовных, интеллектуальных и культурных ценностей;

– интегрироваться на правах равноправного участника глобальных культурных процессов в систему мировой культуры.

Программы социально-экономического развития культуры включают в себя две большие подотрасли [5, с.757]:

1) Культурно-просветительные учреждения: библиотеки; музеи; картинные, художественные галереи и галереи искусств; выставочные залы и др.; клубы, дворцы (дома, центры) культуры, центры (дома) народного творчества и другие клубные учреждения; парки культуры и отдыха, городские сады, зоопарки, зоосады; книжные палаты и др.

2) Искусство: театры; цирки; филармонии и другие концертные организации; организации кинематографии; творческие мастерские; организации народных промыслов (ремесел); научно-проектные и производственные реставрационные организации, а также зрелищные предприятия и учреждения искусства.

К формам и методам государственного воздействия на сохранение и развитие культуры относятся: планирование, прогнозирование и программирование, финансовые рычаги и т.д.

Культура также имеет воздействие на экономику страны. Благодаря развитию сферы культуры создаются дополнительные рабочие места, автономные рынки, которые обладают большим инвестиционным потенциалом, осуществляется вклад в развитие и хозяйство конкретного региона. Культурные ценности являются одним из важнейших источников развития образования, туризма, индустрии развлечений [2].

Придание возрождению культурных ценностей статуса приоритетного развития социально-экономического развития Беларуси — одна из главных целей государства. Перед государством стоят такие задачи, как повышение влияния культуры на общественную жизнь, становление государственности, укрепление международного авторитета Республики Беларусь.

Цели устойчивого развития страны требуют защиты и передачи исторического опыта и ценностей следующим поколениям.

Для достижения этих целей государственными органами постоянно принимаются и разрабатываются программы реставрации, реконструкции и обеспечения сохранения приоритетных историко-культурных ценностей белорусского народа: дворцово-парковый ансамбль XVI-XVIII веков в г. Несвиж, замковый комплекс в г.п. Мир, решением ЮНЕСКО получивший сертификат о внесении его в список памятников всемирного природного и культурного наследия [6].

В Законе Республики Беларусь «О культуре» определены основные принципы финансирования отрасли [7]. Согласно статье 36 Закона из государственного бюджета должно направляться не менее 3% на развитие культуры и искусства.

Бюджетное финансирование является основой государственных гарантий сохранения, развития и распространения культуры в Республике Беларусь.

Воплощенный в основных формах национальной культуры духовно-творческий потенциал Беларуси следует рассматривать как важный ресурс интенсификации интеграционных процессов.

Президент Беларуси в своем Послании белорусскому народу и Национальному собранию 2018 г. подчеркнул, что, при определении задач на перспективу, необходимо смотреть на них сквозь призму ситуации в нашем обществе и международной политике, стремиться сделать Беларусь интересной, особенной, чем-то выделяющейся в современном мире.

К сохранению и приумножению культурного потенциала страны призыва-

ет и «Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г.».

Стратегическая цель развития культуры, согласно национальной стратегии, является повышение ее социальной роли в жизни белорусских граждан, улучшение статуса Беларуси в мире как самостоятельного высококультурного государства, бережно сохраняющего свое историческое наследие, реализующего конституционные права граждан [8].

В таблице приведены основные показатели развития культуры согласно Национальной стратегии устойчивого развития (см. таблицу).

Основные показатели развития культуры

	2015	2020	2025	2030
Удельный вес бюджетных расходов на развитие культуры, в процентах к ВВП	0,5	1,0	1,5	2,0
Доля отреставрированных и имеющих соответствующее функциональное использование памятников архитектуры, включенных в Государственный список историко-культурных ценностей РБ, %	15	30	50	75

Источник: [собственная разработка]

Одним из приоритетных направлений является сохранение историко-культурных ценностей и исторической памяти народа, национально-культурной самобытности и традиций, расширение сферы применения белорусского языка. Как одна из мер – увеличение времени вещания телепрограмм Национальной государственной телерадиокомпании Республики Беларусь на белорусском языке на 25 процентов к 2030 году (в 2011 году всего на каналах с белорусским языком вещания – 626 час, на русском – 14 882 часов).

В Государственных программах «Культура Беларуси» на 2016–2020 гг. и «Беларусь гостеприимная» на 2016–2020 гг. предусмотрен комплекс мер по обогащению, рациональному использованию культурно-созидательных возможностей страны, направленных на социально-экономическое, политическое и духовное развитие белорусского общества [9-10].

Государственная программа «Замки Беларуси» на 2012-2018 годы предусматривают реализацию ряда мероприятий по сохранению историко-культурных ценностей. В 2012-2018 годах на реализацию выделены средства в размере более 131 миллиардов белорусских рублей, в том числе из республиканского бюджета - 2,5 миллиарда белорусских рублей, местных бюджетов - около 129 миллиарда белорусских рублей, средств инвесторов - 25 миллионов белорусских рублей. Кроме того на эти цели были направлены средства по ежегодно утверждаемой указом Президента государственной инвестиционной программе. По ряду объектов финансирование мероприятий происходило при реализации других программ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Краснова, Е.М. Интерпретация культурного наследия: международный опыт и перспективы развития в Беларуси [Текст] / Е.М. Краснова // Интерпретация культурного наследия и развитие туризма в Беларуси: Сборник научных статей / Сост. С.В. Артюшевская. - Вильнюс: ЕГУ, 2006. - С. 7-13.

2. Качановский, В.В. Культура и искусство: Учеб. пособие: Изучаем Беларусь/ В.В. Качановский - Мн., 2012. - с.54.

3. Клицунова В.А. Интерпретация наследия в туризме. Новые подходы в эпоху экономики впечатлений. Минск: Экоперспектива, 2015. – 14 с.
4. Государственные программы [Электронный ресурс] / Министерство экономики Республики Беларусь — <http://www.economy.gov.by/ru/gos-progr-2016-20-ru/>. Дата доступа: 19.12.2018
5. Лапина, С.В. Учебно-методический комплекс "Культурология" под ред. С.В. Лапиной.— Минск, —2001. — Ч.1
6. Культурное наследие [Электронный ресурс] / Центр управления финансами — Режим доступа: <http://center-yf.ru/data/stat/kulturnoe-nasledie.php>. Дата доступа: 19.12.2018
7. О культуре в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 18 мая 2004 г. № 282-З. - Минск: Дикта, 2004. - 59 с.
8. Сфера культуры в Республике Беларусь. Особенности государственной программы [Электронный ресурс] / Электронный учебник — Режим доступа: <http://pravo.bobrodobro.ru/4803>. Дата доступа: 19.12.2018
9. Государственная программа "Беларусь гостеприимная" на 2016-2020 годы
10. Государственная программа «Культура Беларуси» на 2016–2020 гг.

АНАЛІЗ ФАКТАРАЎ І ЎМОЎ КАНКУРЭНЦЫІ Ў МАЛОЧНАЙ ПРАМЫСЛОВАСЦІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

С.У. Соркін

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
пр. Незалежнасці, 4, 220030, Мінск, Беларусь, siamen.sorkin@gmail.com*

У артыкуле з дапамогай пяціфактарнай мадэлі канкурэнцыі Майкла Портэра праведзены аналіз фактараў і ўмоў канкурэнцыі ў малочнай прамысловасці Беларусі. Разгледзена ступень уплыву такіх параметраў як пагроза з'яўлення тавараў-заменнікаў, унутрыгаліновая канкурэнцыя, пагроза з'яўлення новых гульцоў, рынкавая ўлада пастаўшчыкоў, рынкавая ўлада пакупнікоў. Аб'ектам даследавання з'яўляецца галіна малочнай прамысловасці Рэспублікі Беларусь, асноўная мэта – прапанаваць магчымую канкурэнтную стратэгію развіцця малочнай прамысловасці Беларусі. У выніку праведзенага даследавання было выяўлена, што для малочнай прамысловасці Беларусі характэрны нізкі ўзровень пагрозы з боку тавараў-замяняльнікаў, высокі ўзровень ўнутрыгаліновай канкурэнцыі, сярэдні ўзровень пагрозы ўваходу новых гульцоў, нізкі ўзровень пагрозы сыходу кліентаў, нізкі ўзровень уплыву пастаўшчыкоў. Практычная значнасць заключаецца ў тым, што некаторыя палажэнні даследавання могуць выкарыстоўвацца ў практычнай дзейнасці малочных прадпрыемстваў Беларусі.

Ключавыя словы: канкурэнтаздольнасць; пяціфактарная мадэль канкурэнцыі Майкла Портэра; малочная прамысловасць; Рэспубліка Беларусь.

ANALYSIS OF FACTORS AND CONDITIONS OF COMPETITION IN THE DAIRY INDUSTRY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

S.U. Sorkin

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article analyzes the factors and conditions of competition in the dairy industry of Belarus with the help of Michael Porter's five-factor competition model. The degree of influence of such parameters as the threat of substitute products, intra-industry competition, threat of new entrants, bargaining power of suppliers, bargaining power of buyers is considered. The object of the research is the dairy industry of the Republic of Belarus, the main purpose - to offer the possible competitive strategy for the development of the dairy industry of Belarus. The study found that the dairy industry of Belarus is characterized by a low level of threat from substitute products, a high level of intra-industry competition, an average level of the threat of new player's entry, a low level of threat of cus-

tomers' leaving, a low level of supplier's influence. The practical significance lies in the fact that some thesis of the study can be used in the practice of dairy enterprises in Belarus.

Key words: competitiveness; Michael Porter's five-factor competition model; dairy industry; Republic of Belarus.

Канкурэнтаздольнасць заўсёды з'яўлялася прадметам інтэнсіўнага вывучэння з боку эканамістаў. Чаму адны краіны больш паспяховыя і канкурэнтаздольныя, чым іншыя? Якія фактары ляжаць у аснове канкурэнтаздольнасці? Як колькасна вымераць канкурэнтаздольнасць краіны? Пошукі адказаў на гэтыя пытанні не спыняюцца і па сённяшні дзень.

Адным з найбольш вядомых эканамістаў у галіне вывучэння міжнароднай канкурэнцыі і канкурэнтаздольнасці з'яўляецца амерыканскі эканаміст, прафесар Гарвардскай школы бізнесу Майкл Портэр. Навізна падыходу Портэра заключаецца ў тым, што ён прапануе ацэньваць канкурэнтаздольнасць краін праз прызму канкурэнтаздольнасці кампаній, якія прадстаўляюць дадзеныя краіны на сусветным рынку.

Згодна з даследаваннямі М. Портэра, канкурэнтаздольнасць і асобных фірмаў, і кампаній вызначаецца наступнымі фактарамі:

- пагрозай з'яўлення тавараў-заменнікаў;
- ўнутрыгаліновай канкурэнцыяй;
- пагрозай з'яўлення новых гульцоў;
- рынкавай уладай пастаўшчыкоў;
- рынкавай уладай пакупнікоў.

Дадзеная канцэпцыя атрымала назву мадэлі пяці канкурэнтных сіл Майкла Портэра, якой мы і скарыстаемся для правядзення канкурэнтнага аналізу галіны малочнай прамысловасці Рэспублікі Беларусь. Для гэтага правядзем ацэнку ўплыву кожнага з пералічаных фактараў на ўзровень канкурэнцыі ў галіне (гл. табліцы 1–5).

Табліца 1

Ацэнка пагрозы з боку тавараў-замяняльнікаў

Параметр ацэнкі	Ацэнка параметра		
	3	2	1
Тавары-замяняльнікі "кошт-якасць"	Існуюць і займаюць высокую долю на рынку	Існуюць, але толькі ўвайшлі на рынак і іх доля малая	Не існуюць
Выніковы бал	1		
1 бал	Нізкі ўзровень пагрозы з боку тавараў-замяняльнікаў		
2 балы	Сярэдні ўзровень пагрозы з боку тавараў-замяняльнікаў		
3 балы	Высокі ўзровень пагрозы з боку тавараў-замяняльнікаў		

Крыніца: уласная распрацоўка на аснове [1]

Тавары-замяняльнікі ў значнай ступені абмяжоўваюць магчымы рост коштаў у галіне. Пакуль вытворцы не змогуць павысіць якасць і дыферэнцы-яцыю прадукцыі, у галіне будзе назірацца невысокі прыбытак і абмежаваны рост рынку.

Для малочнай прамысловасці Беларусі характэрны нізкі ўзровень пагрозы з боку тавараў-замяняльнікаў. Гэта значыць, што таварныя пазіцыі прадпрыемстваў практычна не маюць аналагаў.

Ацэнка узроўню ўнутрыгаліновай канкурэнцыі

Параметр ацэнкі	Ацэнка параметра		
	3	2	1
Колькасць гульцоў	Высокі ўзровень насычэння рынку	Сярэдні ўзровень насычэння рынку (3-10)	Невялікая колькасць гульцоў (1-3)
		2	
Параметр ацэнкі	Ацэнка параметра		
	3	2	1
		2	
Узровень дыферэнцыяцыі прадукта на рынку	Кампаніі прадаюць стандартызаваны тавар	Тавар на рынку стандартызаваны па ключавых уласцівасцях, але адрозніваецца па дадатковым перавагам	Прадукты кампаній значна адрозніваюцца паміж сабой
		2	
Параметр ацэнкі	Ацэнка параметра		
	3	2	1
		3	
Абмежаванні ў павышэнні коштаў	Жорсткая коштавая канкурэнцыя на рынку, адсутнічаюць магчымасці ў павышэнні коштаў	Ёсць магчымасць да павышэння коштаў толькі ў рамках пакрыцця росту выдаткаў	Заўсёды ёсць магчымасць да павышэння кошту для пакрыцця росту выдаткаў і павышэння прыбытку
		3	
Выніковы бал	9		
4 балы	Нізкі ўзровень ўнутрыгаліновай канкурэнцыі		
5-8 балаў	Сярэдні ўзровень ўнутрыгаліновай канкурэнцыі		
9-12 балаў	Высокі ўзровень ўнутрыгаліновай канкурэнцыі		

Крыніца: уласная распрацоўка на аснове [1]

Інтэнсіўная ўнутрыгаліновая канкурэнцыя прыводзіць да коштавай канкурэнцыі, павелічэнню выдаткаў на прасоўванне тавару, павелічэнню інвестыцый у новыя распрацоўкі. Усё гэта зніжае прыбытковасць галіны.

Малочная прамысловасць нашай краіны мае досыць высокую пагрозу ўнутрыгаліновай канкурэнцыі, што характарызуецца сярэднім узроўнем насычэння рынку і жорсткай коштавай канкурэнцыяй.

Ацэнка пагрозы ўваходу на рынак новых гульцоў

Параметр ацэнкі	Ацэнка параметра		
	3	2	1
Эканомія на маштабе пры вытворчасці тавара ці паслугі	Адсутнічае	Існуе толькі ў некалькіх гульцоў рынку	Значная
		1	
Моцныя маркі з высокім узроўнем ведаў і лаяльнасці	Адсутнічаюць буйныя гульцы	2-3 буйных гульца трымаюць каля 50 % рынку	2-3 буйных гульца трымаюць больш за 80 % рынку
		2	

Параметр ацэнкі	Ацэнка параметра		
	3	2	1
Дыферэнцыяцыя прадукта	Нізкі ўзровень разнастайнасці тавара	Існуюць мікра-нішы	Усе магчымыя нішы занятыя гульцамі
		2	
Узровень інвестыцый і выдаткаў для ўваходу ў галіну	Нізкі (акупляецца за 1-3 месяцы працы)	Сярэдні (акупляецца за 6-12 месяцаў працы)	Высокі (акупляецца больш чым за 1 год працы)
			1
Доступ да каналаў размеркавання	Доступ да каналаў размеркавання цалкам адкрыты	Доступ да каналаў размеркавання патрабуе ўмераных інвестыцый	Доступ да каналаў размеркавання абмежаваны
		2	
Палітыка ўрада	Няма абмежавальных актаў з боку дзяржавы	Дзяржава ўмешваецца ў дзейнасць галіны, але на нізкім узроўні	Дзяржава цалкам рэгламентуе галіну і ўстаўляе абмежаванні
		2	
Гатоўнасць існуючых гульцоў да зніжэння коштаў	Гульцы не пойдучь на зніжэнне коштаў	Буйныя гульцы не пойдучь на зніжэнне коштаў	Пры любой спробе ўводу больш таннай прапановы існуючыя гульцы зніжаюць кошты
		2	
Тэмп росту галіны	Высокі і растучы	Запавольванне	Стагнацыя або падзенне
		2	
Выніковы бал	14		
8 балаў	Нізкі ўзровень пагрозы ўваходу новых гульцоў		
9-16 балаў	Сярэдні ўзровень пагрозы ўваходу новых гульцоў		
17-24 бала	Высокі ўзровень пагрозы ўваходу новых гульцоў		

Крыніца: уласная распрацоўка на аснове [1]

Пагроза з'яўлення новых гульцоў у галіне заключаецца ў тым, што яны прыносяць на рынак новыя вытворчыя магутнасці, новыя тэхналогіі, новыя рэсурсы, што можа з'яўляцца узрушэннем для галіны, змяняць паводзіны спажываўцоў, задаваць новыя стандарты працы для існуючых гульцоў, а значыць прывядуць да зніжэння прыбытковасці.

Сярэдні ўзровень пагрозы з боку ўваходу новых гульцоў прадугледжвае наяўнасць эканоміі ад маштабу вытворчасці, існаванне буйных гульцоў на рынку, наяўнасць некаторых уваходных бар'ераў і перспектыўных ніш.

Сіла ўплыву новых гульцоў залежыць ад ўваходных бар'ераў галіны і хуткасці ўплыву існуючых гульцоў рынку. Калі бар'еры ўваходу ў галіну высокія і ўзровень процідзеяння існуючых у галіне кампаній высокі, то ўплыў новых прэтэндэнтаў на прыбытак будзе мінімальным, у адваротным выпадку – максімальным.

Ацэнка пагрозы страты пакупнікоў

Параметр ацэнкі	Ацэнка параметра		
	3	2	1
Доля пакупнікоў з вялікім аб'ёмам продажаў	Больш за 80% продажаў прыпадае на некалькіх кліентаў	Нязначная частка кліентаў трымае каля 50% продажаў	Аб'ём продажаў раўнамерна размеркаваны паміж усімі кліентамі
			1
Схільнасць да пераклучэння на тавары субстытуты	Тавар кампаніі не ўнікальны, існуюць поўныя аналагі	Тавар кампаніі часткова ўнікальны, ёсць адметныя характарыстыкі, важныя для кліентаў	Тавар кампаніі цалкам унікальны, аналагаў няма
			1
Адчувальнасць да коштаў	Пакупнік заўсёды будзе пераклучацца на тавар з больш нізкім коштам	Пакупнік будзе пераклучацца толькі пры значнай розніцы ў кошце	Пакупнік абсалютна не адчувальны да коштаў
			1
Задаволенасць якасцю тавара	Незадаволенасць ключавымі характарыстыкамі тавара	Незадаволенасць другараднымі характарыстыкамі тавара	Поўная задаволенасць якасцю
			1
Выніковы бал	4		
4 балы	Нізкі ўзровень пагрозы сыходу кліентаў		
5-8 балаў	Сярэдні ўзровень пагрозы сыходу кліентаў		
9-12 балаў	Высокі ўзровень пагрозы сыходу кліентаў		

Крыніца: уласная распрацоўка на аснове [1]

Спажыўцы могуць рабіць канкурэнцыю больш жорсткай за кошт прад'яўлення больш высокіх патрабаванняў да якасці тавару, да ўзроўню сэрвісу, аказваць ціск на ўзровень коштаў. Больш высокія патрабаванні, што прад'яўляюцца да гатовага тавару, прымушаюць вытворцаў галіны павышаць якасць прадукта за кошт павелічэння выдаткаў (больш якасная сыравіна, дадатковыя ўмовы абслугоўвання і г. д.), а, значыць, такім чынам скарачаць свой узровень прыбытку.

Малочная галіна характарызуецца нізкім узроўнем пагрозы сыходу кліентаў. Гэта тлумачыцца амаль поўнай адсутнасцю тавараў-замяняльнікаў, нізкай адчувальнасцю да цаны і дастаткова высокай задаволенасцю якасцю прадукцыі.

Ацэнка ўзроўню страты пастаўшчыкоў

Параметр ацэнкі	Ацэнка параметра	
	2	1
Колькасць пастаўшчыкоў	Нязначная колькасць пастаўшчыкоў або манаполія	Шырокі выбар пастаўшчыкоў
		1

Параметр ацэнкі	Ацэнка параметра	
	2	1
Абмежаванасць рэсурсаў пастаўшчыкоў	Абмежаванасць у аб'ёмах	Неабмежаванасць у аб'ёмах
		1
Выдаткі пераключэння	Высокія выдаткі ад пераклучэння на іншых пастаўшчыкоў	Нізкія выдаткі ад пераклучэння на іншых пастаўшчыкоў
		1
Прыярытэтнасць накірунка для пастаўшчыка	Нізкая прыярытэтнасць галіны для пастаўшчыка	Высокая прыярытэтнасць галіны для пастаўшчыка
		1
Выніковы бал	4	
4 балы	Нізкі ўзровень ўплыву пастаўшчыкоў	
5-6 балаў	Сярэдні ўзровень ўплыву пастаўшчыкоў	
7-8 балаў	Высокі ўзровень ўплыву пастаўшчыкоў	

Крыніца: уласная распрацоўка на аснове [1]

Пастаўшчыкі могуць аказваць уплыў на канкурэнтаздольнасць тавараў кампаніі на рынку, бо з'яўляюцца ўладальнікамі рэсурсаў для вытворчасці тавараў. Рост коштаў на сыравіну і заключэнне пагадненняў на нявыгадных для кампаніі умовах прыводзіць да росту сабекошту гатовай прадукцыі і росту выдаткаў вытворчасці.

У малочнай прамысловасці Рэспублікі Беларусь назіраецца нізкі ўзровень уплыву пастаўшчыкоў. Гэта праяўляецца ў высокай колькасці існуючых пастаўшчыкоў і прывабнасці і прыярытэтнасці галіны.

Такім чынам, улічваючы амаль поўную адсутнасць тавараў-замяняльнікаў, нізкую адчувальнасць да коштаў і высокую задаволенасць якасцю прадукцыі, найбольш прымальнай канкурэнтнай стратэгіяй развіцця малочнай прамысловасці Беларусі з'яўляецца канкурэнтная стратэгія коштавага лідэрства, якая дазваляе дасягаць нізкіх выдаткаў у доўгатэрміновай перспектыве.

БІБЛІЯГРАФІЧНЫ СПІС

1. Модель анализа пяти конкурентных сил Майкла Портера [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступа: <https://blog.iteam.ru/model-analiza-majkla-portera>. – Дата доступа: 19.01.2019.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА В КНР

Сунь Чжицян

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, 1639151404@qq.com*

Рынок туристических услуг – один из наиболее динамично развивающихся секторов экономики. В статье раскрыта роль государства в развитии внутреннего туризма в Китае. С течением времени эта роль менялась – от жесткого регулирования к организации, координации и созданию общей благоприятной атмосферы для развития туристических комплексов. Государство по-прежнему инвестирует значительные по объему средства в развитие многих крупных проектов национальной туристической инфраструктуры.

Ключевые слова: рынок туристических услуг; национальная туристическая инфраструктура; внутренний туризм

TRENDS OF THE DEVELOPMENT OF INTERNAL TOURISM IN CHINA

Sun Zhitsyan

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

Tourism market is one of the most dynamically developing sectors of the economy. The article revealed the role of the State in developing internal tourism in China. Over time, this role has changed—from strict regulation to the Organization, coordination and the creation of an atmosphere conducive to the overall development of tourist complexes. The State still invests significant resources in the development of many major projects the national tourism infrastructure.

Key words: tourism market; national tourism infrastructure; domestic tourism.

Китайский рынок туризма сохранил устойчивый рост в течение первой половины 2018 года и продолжал возглавлять макроэкономическое развитие в соответствии с CNTA (Китайским национальным агентством по туризму), который недавно опубликовал свой отчет о данных туризма для номеров путешественников.

Согласно результатам выборочного обследования внутреннего туризма, в первом полугодии 2018 года число внутренних туристов составило 2,826 млрд, рост составил 11,4% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. В докладе прогнозируется, что во второй половине 2018 года внутренний туризм будет продолжать расти с двузначным темпом; ожидается, что исходящий туризм вырастет на 4%, а исходящий туризм будет поддерживать рост около 4% [3].

За 2005-2017 гг. численность туристов возросла в 4,1 раза (см. рисунок 1). На развитие туризма заметное влияние оказало изменение обстановки в стране. Произошел спад в росте численности туристов на протяжении трех лет. Только в 2011 г. изменения в политике правительства привели к оптимистическим настроениям в обществе, вызвавшим резкий взлет туристической активности населения.

Туристическая активность сопровождается увеличением поступлений доходов от внутреннего туризма. За 2005-2017 гг. они возросли в 5 раз (см. рисунок 2). За этот период поступления от туризма превысили два значимых рубежа. В 2009 г. был преодолен рубеж в 1 трлн юаней, а через три года – 2 трлн юаней. В 2017 г. поступления составили 4844,6 млрд юаней, показав увеличение на 17,6% по сравнению с предыдущим годом.

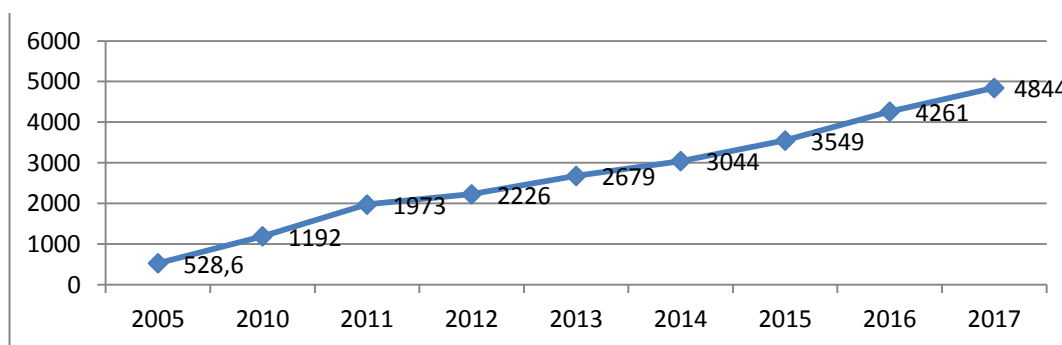

Рис. 1. Динамика доходов от внутреннего туризма, млрд юаней
Примечание. – Источник: [2]

В первом полугодии 2018 г. доходы от внутреннего туризма составили 2,45 трлн юаней, увеличившись на 12,5% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Среди них городские жители потратили 1,95 трлн юаней, увеличившись на 13,7%, сельские жители потратили 0,50 трлн юаней, увеличившись на 8,3%.

По данным статистики, в ключевые города было отправлено 18 красных туристических сообщений и было получено 436 классических туристических мест красного туризма. Общее число туристов составило 484 миллиона, что составляет 4,83% в годовом исчислении, что эквивалентно 17,13% внутренних туристов. Доходы от туризма составили 252,498 млрд юаней, увеличившись на 5,73% в годовом исчислении, что эквивалентно 10,32% доходов от внутреннего туризма [2].

Объем доходов от внутреннего туризма рос более быстрыми темпами, нежели увеличение числа туристов, составляя в среднем около 15-18% ежегодно, что было связано в первую очередь с ростом доходов населения – как следствие увеличивались траты на отдых. Туристы смогли себе позволить путешествия на более дальние расстояния, выбирать более дорогие отели и рестораны.

На протяжении 2010-2017 гг. доля туристов-горожан намного превышала соответствующий показатель сельского населения. Судя по статистическим данным, снижение этого разрыва может произойти не в ближайшее время. Абсолютные цифры, характеризующие численность туристов из сельской местности, почти наверняка зависят от специфических поездок крестьян. Масса крестьян ежегодно устремляется в города в поисках заработка.

Специфика учета численности внутренних туристов определяется тем, что она не может быть основанной на прямой фиксации цели поездки. Сочетание данных выборочных обследований с регистрацией количества ночей, проведенных приезжим в гостинице, вполне может отражать влияние миграционных потоков крестьян. В 2017 г. численность мигрантов превысила, по официальным данным, 260 млн человек. Статистические данные фиксируют постепенную стабилизацию миграционных потоков крестьян.

Отличительной особенностью внутреннего туризма являются низкие расходы на туризм в расчете на душу населения, хотя в последнее время наблюдается тенденции их роста (рисунок 2).

Расходы индивидуальных туристов, на которые приходится до 75% общего объема рынка внутреннего туризма, значительно ниже расходов туристов путешествующих в группе. Во-первых, это связано, как правило, с расстоянием поездки (у индивидуальных туристов короче маршрут путешествий) и тем, что многие из них останавливаются у родственников и друзей, а, следовательно, им нет необходимости платить за жилье. Во-вторых, дорогие по стоимости путешествия по-прежнему вне досягаемости большинства внутренних туристов.

Рис. 2 – Расходы горожан и крестьян в общих расходах на туристические поездки, 2005-2017, юаней

Примечание. – Источник: [2]

Несмотря на то, что среднедушевые расходы внутренних туристов меньше, чем у иностранных туристов, в совокупности, в силу своей массы внутренние туристы тратят гораздо больше. Темпы роста внутренних расходов на туризм опережают расходы международных туристов.

За 2006-2017 гг., несмотря на воздействие мирового экономического кризиса на туристический бизнес в Китае, количество отелей в стране увеличилось в 2,34 раза. Их персонал возрос в 1,74 раза, до 4561878 человек.

В стране с огромными трудовыми ресурсами гостиничное хозяйство создает большое количество рабочих мест, а это немаловажный фактор не только для развития туризма, но и для смягчения социальной напряженности. По некоторым оценкам, в 1993 г. каждый введенный в эксплуатацию гостиничный номер вел к образованию двух прямых рабочих мест и 2—2,5 косвенных. На конец 1991 г. при номерном фонде 321 тыс. комнат в гостиничном хозяйстве было занято 547,5 тыс. человек, в 2005 г. – около 2 миллионов. В 2017 г. численность персонала превысила 4,56 млн человек [1].

В целом за годы проведения экономических реформ гостиничное хозяйство стремительно развивалось. Постепенно была внедрена система «звездного» рейтинга.

Рынок внутреннего туризма в КНР, сформировавшийся в последние 30 лет, стал важной частью национальной экономики и с каждым годом его роль увеличивается.

Государство играет активную роль в развитии внутреннего туризма в Китае на протяжении всего периода. С течением времени его роль менялась – от жесткого регулирования к организации, координации и созданию общей благоприятной атмосферы для развития комплекса. Государство по-прежнему инвестирует значительные по объему средства в развитие многих крупных проектов национальной туристической инфраструктуры.

Государство определяет стратегию развития туристического комплекса, является законодателем его деятельности, главным инвестором, ведущим собственником активов комплекса. Государство координирует взаимодействие всех отраслей, образующих туристический комплекс, организует подготовку профессиональных кадров, необходимых для туристической деятельности.

В интересах развития туристического комплекса с учетом анализа роста туристского потока государство осуществило серьезные структурные изменения в экономике. Прежде всего, государство обеспечило создание базы туристического комплекса: гостиничное хозяйство, туристические агентства и система транспорта.

Внутренний туризм становится все более популярным в Китае, его темпы роста ежегодно увеличиваются. Таким образом, согласно данным отраслевого регулятора – Национальной администрации туризма Китая, число участников внутреннего туризма в 2017 году составило 4,9 млрд (прирост 10,7% по сравнению с 2016 годом). Доходы от внутреннего туризма составили 3,03 миллиарда долларов. (прирост 15,4% по сравнению с 2016 годом). В первой половине 2018 года туристические агентства планировали внутренние поездки по стране на 2,9 млрд туристов. Фактически, этот показатель был достигнут. В первой половине 2018 г. количество внутренних туристов составило 2,87 млрд человек, что на 10,61 % выше, чем в аналогичный период 2017 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. TheWorldBank [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.worldbank.org/eca/russian/>.
2. 中华人民共和国国家旅游局 Государственное управление по туризму [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <http://www.cnta.gov.cn>.
3. 2018年上半年旅游经济报告的基本数据[Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <http://www.ctaweb.org/html/2018-2/2018-2-26-11-57-78366.html>

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ И АВСТРИЯ НА МИРОВОМ ТУРИСТСКОМ РЫНКЕ

Н. И. Чигирь¹⁾, Л. Н. Давыденко²⁾

¹⁾ *Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, asd134511@mail.ru*

²⁾ *Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, Davidenko@tut.by*

В ходе исследования было определено место белорусской и австрийской отраслей туризма на мировом туристском рынке. В качестве ключевых показателей, характеризующих вклад страны в развитие туризма на глобальном уровне, использованы данные Всемирной туристской организации по количеству туристских прибытий и доходу от въездного туризма. На основе определения позиции Республики Беларусь среди всех стран мира по вышеуказанным показателям путём составления рейтинга и расчёта доли показателей по республике в мировом показателе сделан вывод о недостаточном участии нашей страны в оказании туристических услуг. По результатам исследования, Австрия занимает на мировом туристском рынке лидирующую позицию. В этой связи целесообразно более глубоко изучить опыт развития австрийской отрасли туризма и использовать его для увеличения выгод от туризма, которые получает наша страна.

Ключевые слова: белорусская отрасль туризма; мировой туристский рынок; количество туристских прибытий; доход от въездного туризма.

THE REPUBLIC OF BELARUS AND AUSTRIA ON THE WORLD TOURISM MARKET

N. I. Chigir^a, L. N. Davydenko^b

^a*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

^b*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus
Corresponding author: L. N. Davydenko (Davidenko@tut.by)*

The study determines the position of Belarusian and Austrian tourism industries on the world tourism market. The data of the World Tourism Organization on the number of international tourist arrivals and international tourism receipts is used to characterize the contribution of the country to the development of world tourism. Based on the results of determination of the position of the Republic of Belarus among all countries of the world (the indicators mentioned above were used to create a rating and calculate the share of this indicators in the world indicator), it was concluded that our country is insufficiently involved in the provision of tourism services. According to the study, Austria occupies a leading position on the global tourism market. In this regard, it is advisable to study the

experience of the development of the Austrian tourism industry more deeply and use it to increase the benefits that our country receives from tourism.

Keywords: Belarusian tourism industry; world tourism market; international tourist arrivals; international tourism receipts.

На современном этапе Республике Беларусь удалось достигнуть значительных результатов в развитии многих отраслей экономики. По объёму и количеству зарубежных поставок некоторых белорусских товаров (карьерных самосвалов, сельскохозяйственной техники, калийных удобрений, молочных продуктов, льноволокна и др.) наша страна вошла в число мировых лидеров. Несмотря на имеющиеся успехи, уровень развития некоторых отраслей экономики Республики Беларусь остаётся неудовлетворительным. Одной из таких отраслей для нашей страны является отрасль туризма.

За первые два десятилетия 21 века по показателям деятельности отрасли туризма Республике Беларусь не удалось достигнуть уровня высокоразвитых стран Западной Европы и Америки. Скромная позиция нашей страны на мировой арене в области оказания туристических услуг объясняется рядом факторов, но, прежде всего:

- недостаточным опытом развития туризма по сравнению с другими странами,
- ущербом, причинённым культурному и историческому наследию страны в период войн,
- отсутствием горных массивов и выхода к морю на территории государства,
- высокой конкуренцией с другими странами.

Современное положение туристической отрасли Республики Беларусь на мировом рынке туристических услуг является закономерным результатом действия выше описанных факторов. Такая ситуация значительно ограничивает количество выгод, которые получает наша страна от развития туризма (валютные поступления, улучшение качества жизни местного населения, имиджа страны на международной арене и прочие). Для того чтобы улучшить положение белорусской отрасли туризма необходимо определить её текущее положение на мировом рынке туристических услуг.

Для характеристики уровня развития туристической отрасли государства могут использоваться количество туристических прибытий и доходы, которые получает страна от въездного туризма. [1, с. 7] Величина первого из вышеперечисленных показателей по Республике Беларусь в 2016 г. (согласно данным Всемирной туристской организации) составила 1,93 млн. прибытий. По количеству туристических прибытий в страну в 2016 г. Республика Беларусь оказалась на 83 месте из 188 стран мира, по которым осуществлялся сбор данных. В 2017 г. количество туристических прибытий в нашу страну увеличилось, достигнув 2 млн., при этом по величине данного показателя Республика Беларусь попала на 79 место из 154 стран мира, по которым осуществлялся сбор данных в указанный год. [3]

Количество туристических прибытий в Республику Беларусь в 2016 – 2017 гг. сопоставимо с величиной показателя для таких стран, как Шри-Ланка, Мальта, Латвия и Панама. Список самых посещаемых стран мира в 2016 – 2017 гг. оставался практически неизменным, в него традиционно входят Франция, Испания,

Америка, Китай и Италия. Количество туристских прибытий в эти страны в 2017 г. составило 86,9; 81,8; 76,9; 60,7 и 58,3 млн. человек соответственно. [3]

Таблица 1

Положение Республики Беларусь в мире по некоторым показателям отрасли туризма

Показатели	Единица измерения	Показатель в Беларуси	Показатель всего, в мире	Положение Беларуси	Доля Беларуси в мире
Количество туристских прибытий, 2016	млн человек	1,93	1240	83-ое (из 188)	0,16%
Количество туристских прибытий, 2017	млн человек	2,00	1326	79-ое (из 154)	0,15%
Доходы от въездного туризма, 2016	млн долларов США	711	1245000	111-ое (из 186)	0,057%
Доходы от въездного туризма, 2017	млн. долларов США	790	1340000	101-ое (из 142)	0,059%

Источник: собственная разработка на основе [3]

По данным Всемирной туристской организации доходы Республики Беларусь от въездного туризма в 2016 составили 711 млн. долларов США, а в 2017 г. – возросли до 790 млн. долларов США. [2] При этом в 2016 г. по доходам от въездного туризма наша страна находилось на 111 позиции среди 186 стран мира, а в 2017 г. – на 101 месте среди 142 стран. Схожие позиции занимают Босния и Герцеговина, Боливия, Гондурас и Замбия. Лидирующее положение по величине исследуемого показателя на мировом рынке традиционно занимают Америка, Испания, Франция, Таиланд и Великобритания. В 2017 г. эти страны заработали на въездном туризме 210,7; 68,0; 60,7; 57,5 и 51,2 млрд. долларов США соответственно. [3]

Место Республике Беларусь среди других стран мира по величине показателей количества туристских прибытий и доходов от туризма и расчёт доли этих показателей на мировом рынке туристических услуг (представлен в таблице 1) свидетельствует о том, что вклад нашей страны в мировую отрасль туризма довольно мал. Учитывая особенности развития нашей страны, площадь её территории и демографические характеристики, такой результат может показаться удовлетворительным. Однако существуют примеры государств со сходными условиями, которым удаётся принимать более активное участие в деятельности мирового туристского рынка. Одним из таких государств является Австрия.

Австрийская Республика занимает площадь 83 879 км², т. е. эта страна в 2 раза меньше чем Республики Беларусь. В ней проживает менее 9 млн. человек. И, как и наша страна, для Австрии характерно трансграничное положение и отсутствие выхода к морю. Тем не менее, показатели развития туризма в Австрии значительно превышают результаты деятельности белорусской отрасли туризма (см. таблицу 2).

Положение Австрии в мире по некоторым показателям отрасли туризма

Показатели	Единица измерения	Показатель в Австрии	Показатель всего, в мире	Положение Австрии	Доля Австрии в мире
Количество туристских прибытий, 2016	млн. человек	28,12	1240	11-ое (из 188)	2,27%
Количество туристских прибытий, 2017	млн. человек	29,46	1326	11-ое (из 154)	2,22%
Доходы от въездного туризма, 2016	млн. долларов США	19 260	1 245 000	16-ое (из 186)	1,55%
Доходы от въездного туризма, 2017	млн. долларов США	20 400	1 340 000	17-ое (из 142)	1,52%

Источник: собственная разработка на основе [3]

По данным Всемирной туристской организации количество туристских прибытий в Австрию в 2016 г. составило 28,12 млн. человек, а 2017 г. увеличилось до 29,46 млн человек. При этом как в 2016, так и в 2017 г. страна удерживало за собой 11 место в рейтинге стран мира по величине исследуемого показателя. Как показывает таблица 2, Австрия обеспечивает более 2% всех туристских прибытий в мире. Такой результат впечатляет, ведь примерно такой же вклад на мировом туристском рынке вносит Российская Федерация - самая большая страна в мире. [3]

Чуть менее высокую позицию в мировом рейтинге занимает Австрия по величине доходов от въездного туризма. В 2016 г. данный показатель составил 19,3 млрд. долларов США, а в 2017 г. увеличился до 20,4 млрд. долларов США. В то же время позиция Австрии в списке стран по величине доходов от въездного туризма снизилась с 16 до 17 места. Несмотря на то, что позиция страны по доходу от въездного туризма ниже, чем позиция по количеству прибытий, долю доходов Австрии в совокупном доходе от въездного туризма по всему миру следует считать высокой.

Таким образом, положение белорусской отрасли туризма на мировом рынке туристских услуг остаётся довольно скромным; недостаточно невелики и выгоды от туризма, которые получает наша страна. Для того чтобы улучшить позицию Республики Беларусь как туристского направления в мире целесообразно ориентироваться на опыт развитых стран со сходными условиями. В этой связи интересно рассмотреть опыт Австрии – небольшой европейской страны, которой удалось попасть в число мировых лидеров по количеству туристских прибытий и величине дохода от въездного туризма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Оценка влияния въездного туризма на экономику России / Аналитический центр при правительстве Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/18123.pdf>. – Дата доступа: 20.01.2019.

2. Статистика доходов стран от въездного туризма. Сколько заработала Беларусь?[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tio.by/info/articles/statistika_dokhodov_stran_ot_vezdnogo_turizm_skolko_zarabotala_belarus/. – Дата доступа: 20.01.2019.
3. UNWTO Tourism Highlights 2018 Edition [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.e-unwto.org/doi/pdf/10.18111/9789284419876>. – Date of access: 20.01.2019.

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ КИТАЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ

Ши Чжичао

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, shizhichao130@gmail.com*

С быстрым развитием экономики Китая, внешняя торговля Китая также значительно выросла, но существует много проблем. Низкотехнологичное содержание и продукты с низкой добавленной стоимостью в экспорте Китая составляют значительную долю, это стало важным фактором, ограничивающим эффективность развития внешней торговли Китая. Поэтому повышение технического уровня и улучшение качества продукции являются наиболее важными вопросами внешней торговли Китая. Кроме того, оптимизировать структуру внешней торговли Китая, особенно структуру экспортной продукции, решить дисбалансы, возникающие во внешней торговле, эти проблемы предстоит решать правительству Китая в перспективе.

Ключевые слова: КНР; внешняя торговля; «Сделано в Китае до 2025 года»

CHINA'S FOREIGN TRADE: CURRENT SITUATION AND PROBLEMS

Shi ZhiChao

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

With the rapid development of China's economy, China's foreign trade has also grown greatly, but at the same time there are still many problems. Among the products exported by China, low-tech content and low value-added products account for a large proportion, which has become An important factor restricting the high quality development of China's foreign trade. Therefore, improving the technical content and improving product quality are the most important problems facing China's foreign trade. In addition, optimizing China's foreign trade structure, especially the structure of export products, and solving the imbalance of foreign trade, these issues need to be resolved by the Chinese government.

Keywords: China; foreign trade; "Made in China 2025".

После периода быстрого роста китайская экономика постепенно замедлилась в последние годы, китайское экономическое развитие вступает в свое «новое нормальное» состояние перехода от скоростного развития к качественному развитию. Темпы роста внешней торговли Китая также значительно снижаются, и страна вступает в период низких и средних темпов роста.

В 2009 году общий объем товарооборота Китая снизился на 13,9% по сравнению с 2008 годом. Это был первый отрицательный рост за 30 лет. [1, С. 86–90]. Анализируя развитие внешней торговли товарами Китая за последние годы, следует отметить неблагоприятные тенденции: в 2015 году рост замедлился на 7,0% по сравнению с 2014 годом, в 2016 году снижение объема товарооборота составило 6,8% по сравнению с 2015 годом. В 2017 году мировая экономика по-

степенно стала восстанавливаться, что положительно сказалось на темпах роста китайской экономики. В 2017 году общий объем импорта и экспорта Китая имел устойчивые темпы роста: темп роста составил 14,2% по сравнению с 2016 г. [2, С. 13–14]. Однако прогноз развития международной торговли остается неопределенным из-за китайско-американских торговых трений, которые произошли в 2018 году. Китай сталкивается с большими вызовами и неопределенностями в области внешней торговли в будущем. В то же время стоимость рабочей силы в Китае быстро растет, по сравнению с соседними странами, такими как Индия, КНР уже не имеет конкурентного преимущества в этой области, многие трудоемкие отрасли перемещаются в Индию и страны Юго-Восточной Азии [3, С. 27–30]. Китай теряет преимущество не только в низкой стоимости рабочей силы, но и в области привлечения иностранных инвестиций. Кроме того, из-за проводимой государством в прошлом энергетической и экологической политики, возникло большое количество экологических проблем, проблемы нехватки энергии и загрязнения окружающей среды на современном этапе становится важным сдерживающим фактором для экономического развития. Также привело к изменениям в структуре внешней торговли Китая тот факт, что некоторые предприятия с высоким уровнем загрязнения и энергоемкие предприятия были постепенно ликвидированы.

Во внешней торговле Китая существует некоторые структурные недостатки, в течение долгого времени в структуре экспортных товаров Китая в основном преобладали трудоемкие товары с низким технологическим содержанием, доля экспорта высокотехнологичной продукции и продукции с высокой добавленной стоимостью относительно невысока, инновационные продукты и возможности для исследований и разработок ограничены. Из-за недостаточного потенциала для независимых исследований и разработок, конкурентоспособность находится на низком уровне. Таким образом, высокотехнологичная индустрия Китая по-прежнему находится на низком уровне. Отсутствует самостоятельная собственная разработка основных технологий и интеллектуальной собственности, технология многих высокотехнологичных продуктов не может быть освоена самостоятельно, ключевые компоненты зависят от зарубежного импорта.

В начале апреля 2018 года США решили запретить американским компаниям продавать компоненты в ZTE в течение следующих семи лет, ограничены закупки основных компонентов ZTE, что может привести компанию в упадок, поэтому необходимо идти на компромисс. Это еще раз доказывает важность наличия высокотехнологичной автономии. Из-за недостаточного развития рыночной экономической системы Китая, государственные предприятия и частные предприятия очень разные, большое количество капитала вложено в государственные предприятия. Недостаточные финансовые вложения и техническая поддержка для негосударственных предприятий, приводит к отсутствию движущих сил развития на негосударственных предприятиях, многие внешнеторговые предприятия не в полной мере финансируют исследования и разработки, поэтому многие экспортные продукты являются низкотехнологичными, отсутствуют независимые инновации.

Возможности китайских предприятий, осуществляющих внешнюю торговлю, технические исследования и разработки ограничены. Кроме того, в структуре внешней торговли Китая, торговля услугами составляет небольшую долю рынка, доля торговли услугами в общем товарообороте Китая намного ниже, чем в среднем в мировой экономике. Торговля услугами имеет огромный потенциал развития, а импорт и экспорт торговли услугами Китая в основном базируется на традиционных секторах услуг, таких как транспорт, туризм и строительство в прибрежных развитых районах. Торговые партнеры в основном сосредоточены в Гонконге, Европейском союзе, США и Японии.

Анализ структуры торговли показывает, что Китай в основном экспортирует социальные товары широкого потребления. Активный баланс внешней торговли Китая остается высоким, что приводит к возникновению трений со многими торговыми партнерами. Из-за активного баланса внешней торговли наиболее серьезными являются трения между Китаем и США в 2018 году. Поэтому оптимизация структуры внешней торговли и сбалансированность международной торговли, также будет проблемой, которой Китай должен уделять серьезное внимание в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

В 2015 году правительство Китая предложило план будущей стратегии развития обрабатывающей промышленности «Сделано в Китае до 2025 года». Целью программы «Сделано в Китае до 2025 года» является на основе рыночного регулирования, решений правительства и международного сотрудничества повышение уровня информатизации, интеллектуализации в обрабатывающей промышленности Китая, овладение передовыми технологиями в ключевых областях, сокращение потребления энергии и загрязнения окружающей среды, повышение технологичности и инновационного потенциала экспортной продукции, рост производительности труда в обрабатывающей промышленности[4]. Поставлена задача формировать группу транснациональных корпораций и промышленных кластеров с высокой конкурентоспособностью, чтобы положение обрабатывающей промышленности Китая в глобальной цепочке создания стоимости значительно улучшить[4]. Для дальнейшего повышения международной конкурентоспособности китайских товаров в будущем, будет обновляться обрабатывающая промышленность Китая, количественные преимущества китайской экспортной продукции станут преимуществами в области качества, осуществлен переход от низкоуровневого производства к высокопроизводительному производству.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ци Чуньлин. Проявление новой нормы внешней торговли Китая и выбор пути развития трансформации. / Экономический аспект. 2015. № 8. С. 86-90.
2. Министерство торговли Китая. Глава департамента внешней торговли Министерства торговли Китая рассказаны о внешнеторговой ситуации в Китае с 1 по 12 в 2017 году. / Иностранные инвестиции в Китае. 2018. № 2. С. 13-14.
3. Ян Мин. Анализ внешней торговли за 2014 год и перспективы на 2015 год. / Исследование развития. 2014. № 12. С. 27-30.
4. Китайское правительство [Электронный ресурс] / окно информации. Китай – Режим доступа: http://http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content_9784.htm – Дата доступа: 19.01.2019.

ПУТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТОВ КОЛЛЕКТИВНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В БЕЛАРУСИ С УЧЕТОМ ЕВРАЗИЙСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ

А. П. Шкут

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, shkut00@gmail.com*

В статье предлагаются пути решения проблем, связанных с развитием индустрии инвестиционных фондов в Беларуси и ЕАЭС, а также финансового рынка в целом. Автором анализируется текущая ситуация, выявляются основные проблемы и предлагаются конкретные рекомендации по улучшению законодательства и инфраструктуры финансового рынка, которые будут способствовать увеличению темпов экономического роста.

Ключевые слова: инвестиционный фонд; инфраструктура финансового рынка; коллективные инвестиции; Республика Беларусь; экономический рост.

SOLUTIONS FOR DEVELOPMENT OF POOLED INVESTMENT FUNDS IN BELARUS ACCORDING TO EURASIAN TRENDS

A. P. Shkut

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

In the article, the ways to solve problems related to the development of the investment fund industry in Belarus and the EEU, as well as the financial market as a whole, are suggested. The author analyzes the current situation, identifies the main problems, and offers specific recommendations for improving the legislation and infrastructure of the financial market which will lead to an increase in economic growth.

Keywords: investment fund; financial market infrastructure; collective investment; Republic of Belarus; the economic growth.

Рост реального ВВП в Беларуси в 2018 г. составил 3,4%, в 2019 г. прогнозируется рост на уровне 2,7%, в 2020 г. – 2,5% [1, с. 74]. Данная тенденция отражает необходимость увеличения экономической эффективности и стимулирования экономического роста. Развитие рынка коллективных инвестиций может способствовать решению данной задачи в республике.

В развитых странах инвестиционные фонды являются одним из самых эффективных источников инвестиций, способствующих экономическому росту. Активное развитие финансовых рынков, перераспределение через них все больших объемов ресурсов, увеличение количества институциональных инвесторов и появление накопительных пенсионных систем приводит к значительному усилению роли инвестиционных фондов.

В ходе проведения исследования были выявлены факторы, влияющие на повышение значимости инвестиционных фондов в экономике. На примере развитых рынков выделены меры и факторы, которые способствовали развитию институтов коллективных инвестиций:

- 1) необходимость обеспечения сохранности растущих объемов временно свободных денежных средств;
- 2) удобство работы и снижение материальных, временных и психологических издержек инвестирования на рынке акций при помощи инвестиционных фондов;
- 3) быстрый рост фондовых рынков;

- 4) переход к накопительной пенсионной системе;
- 5) разрешение осуществлять накопления пенсионных средств в инвестиционных фондах на счетах с отложенным налогообложением;
- 6) снижение размеров комиссионных и расширение каналов распространения инвестиционных фондов;
- 7) нормативные ограничения максимального размера доходности по банковским вкладам в условиях высокой инфляции;
- 8) информационная прозрачность инвестиционных фондов и их жесткое регулирование [2, с. 15–16].

Анализ механизма трансформации сбережений в инвестиции при участии инвестиционных фондов выявил следующие особенности: в целом использование инвестиционных фондов для трансформации сбережений в инвестиции приводит к увеличению темпов экономического роста, о чем свидетельствует опыт развитых стран.

В некоторых странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС) рынок коллективных инвестиций существует более 20 лет, вследствие чего он дает положительные результаты уже многие годы.

Несмотря на то, что евразийский рынок рос быстрыми темпами, развитым он еще не является: на это указывает, прежде всего, его небольшой размер и практическое отсутствие сложных производных инструментов. Инфраструктуру финансового рынка в ЕАЭС необходимо сделать более надежной, системной, а также обеспечить более высокий уровень доверия со стороны инвесторов. Для развития финансового рынка необходимо осуществлять контроль за инсайдерскими манипуляциями, за раскрытием информации и отчетностью на качественно более высоком уровне. Еще одним важным фактором развития финансового рынка является профессионализм его участников: должны вводиться значительно более сложные продукты, которые потребуют высокой квалификации со стороны участников рынков. Все эти элементы на сегодняшний момент отсутствуют. Евразийский финансовый рынок должен учесть те процессы, которые происходят в сфере деятельности инвестиционных фондов в других странах, чтобы изначально использовать самые передовые технологии работы с инвесторами и эмитентами ценных бумаг [2, с. 20].

Создание единого рынка инвестиционных фондов на территории ЕАЭС требует в первую очередь принятия следующих мер:

- 1) введение практики единых требований для фондов и управляющих организаций, а также уведомительной процедуры между регуляторами;
- 2) гармонизация законодательства и регулятивных требований к управляющим компаниям и инвестиционным фондам, их лицензированию и регистрации;
- 3) гармонизация требований к расчету стоимости чистых активов инвестиционного фонда и прочих показателей;
- 4) введение стандартизированного электронного документооборота, обеспечение обмена информацией между инвестиционными фондами и эмитентами ценных бумаг, а также центрами учета прав на них;
- 5) исключение разночтений национальным законодательством интеграционных документов в отношении инвестиционных фондов;
- 6) введение ряда налоговых принципов в отношении инвестиционных фондов: необходимы одинаковые подходы к налогообложению доходов, устара-

нение налоговых барьеров в отношении трансграничного движения капитала, сохранение налоговой нейтральности, сохранение целостности путем сдерживания уклонения от уплаты налогов [3, с. 352–353].

В июле 2018 г. вступил в силу Закон Республики Беларусь «Об инвестиционных фондах». Законом заложена основа для создания акционерных и паевых инвестиционных фондов, что позволит обеспечить доступ на финансовый рынок непрофессиональным участникам – физическим и юридическим лицам, которые могут вкладывать аккумулируемые средства с целью получения прибыли. В свою очередь, предприятия, которым необходимо финансирование, смогут рассчитывать на альтернативный кредитованию способ привлечения инвестиций.

Зарубежный опыт развития инвестиционных фондов является существенным для Беларуси, где еще только формируется законодательство и инфраструктура финансового рынка для создания данного сектора. Сравнительный анализ видов инвестиционных фондов в России и других странах позволит внедрить более детальную классификацию инвестиционных фондов в Беларуси с применением общепринятых практик и передового опыта. Уточнения и детализация в различных нормативно-правовых актах необходимы для гармонизации условий в рамках ЕАЭС, а так же для создания прозрачных условий функционирования институтов коллективных инвестиций. Классификацию необходимо проводить с учетом отличительных свойств различных видов инвестиционных фондов, их существенных характерных черт и в соответствии с государственной политикой по регулированию финансового рынка. Строгие ограничения по составу и структуре активов позволят контролировать риск портфеля инвестиционного фонда, защитить средства вкладчиков, повысить надежность и уровень доверия со стороны потенциальных инвесторов [4].

В белорусском законодательстве необходимо устранить пробелы, связанные с вопросами управления имуществом инвестиционного фонда, условиями и порядком учета и хранения такого имущества, контроля за его распоряжением. Также существует проблема недостатка практического опыта организации институтов коллективных инвестиций и их управления. На текущий момент все еще существуют значительные пробелы в части законодательной базы [5]

Основными проблемами, тормозящими развитие инвестиционных фондов в Беларуси, являются:

- 1) нестабильность инвестиционной среды;
- 2) проблема недостаточной информированности инвесторов;
- 3) психологическая неподготовленность населения;
- 4) обеспечение сохранности частных инвестиций;
- 5) недостаточный контроль над эффективностью работы инвестиционных фондов [2, с. 19–20].

На текущий момент существуют следующие возможности, которые позволят увеличить приток инвестиций в экономику Беларуси и обеспечить более высокие темпы экономического роста:

- 1) перспективы увеличения капитализации фондового рынка и, как следствие, его ликвидности;
- 2) активизация процессов приватизации;
- 3) наличные денежные средства населения, остающиеся вне финансовой системы, имеют существенный потенциал использования при инвестировании;

4) перспективы притока средств со стороны институциональных инвесторов и предприятий;

5) аккумулярование средств в пенсионных фондах вследствие проведения реформ;

6) гармонизация и интеграция финансового рынка в рамках ЕАЭС.

Реализация вышеперечисленных возможностей должна стать одним из основных приоритетов экономической политики государства. Также для более эффективного развития национальной экономики требуются улучшения в инвестиционном климате:

1) усовершенствование законодательной базы;

2) усиление регулирующей функции со стороны государства;

3) создание саморегулирующихся организаций;

4) активизация процесса привлечения денежных средств населения и их трансформация в инвестиции для реального сектора экономики;

5) организация институтов защиты интересов частных инвесторов.

Для улучшения регулирования сферы инвестиционных фондов на основе опыта развитых финансовых рынков предлагается следующее:

1) введение на законодательном уровне правил диверсификации портфеля инвестиционных фондов, а также заимствования, коротких продаж, ликвидности;

2) требования к подробному раскрытию информации, в том числе по Международным стандартам финансовой отчетности, и обязательному аудиту со стороны международных аудиторских организаций, имеющих высокую репутацию на рынке.

Имплементация данных принципов в белорусское законодательство позволит улучшить инвестиционный климат и повысить доверие инвесторов как внутренних, так и внешних к институтам коллективных инвестиций.

Развитие инвестиционных фондов в ЕАЭС и Беларуси в частности, позволит увеличить приток внутренних и внешних инвестиций в национальную экономику, усилить конкуренцию в финансовом секторе, увеличить спрос на ценные бумаги, а также расширить возможности по сохранению и преумножению сбережений физических лиц.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. The World Bank Group [Electronic resource] : Global Economic Prospects. Darkening Skies. January 2019. – Mode of access: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/31066/9781464813863.pdf>. – Date of access: 17.01.2019.

2. Буев, А. Н. Влияние инвестиционных фондов на экономический рост ведущих стран мира : автореф. дис. ... канд. экон. Наук : 08.00.14 / А. Н. Буев ; ГОУ ВПО «Государственный университет управления». – М., 2009. – 22 с.

3. Финансовые рынки Евразии: устройство, динамика, будущее / Я. М. Миркин [и др.] ; под ред. Я. М. Миркина. – М. : Магистр, 2017. – 384 с.

4. Чижик, В. П. Классификация, сравнительный анализ и характеристика инвестиционных фондов в России [Электронный ресурс] / В. П. Чижик // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – № 1. – Режим доступа:<http://e-koncept.ru/2015/15005.htm>. – Дата доступа: 10.01.2019.

5. Шкут, А. П. Повышение инвестиционной привлекательности экономики в контексте текущего состояния мирового рынка капиталов путем развития институтов коллективных инвестиций / А. Шкут // Вести Института предпринимательской деятельности. – 2018. – №2 (19). – С. 36–47.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПИИ И РАЗВИТИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ В КИТАЕ

Яо Цзяхуэй

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, xiaotaao-123@qq.com*

В современной мировой экономике усиление экономической глобализации, либерализация торговли и инвестиций, а также формирование и развитие глобальных производственно-сбытовых сетей ТНК неизбежно приведут к росту взаимозависимости потоков ПИИ и внешней торговли. Китай является не только ярким примером того, что страна за довольно короткий период времени смогла стать одной из ведущих экономик в мире, но и иллюстрирует влияние ПИИ на развитие внешней торговли страны. В данной статье рассмотрена взаимосвязь прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и внешней торговли, определено воздействие ПИИ на развитие внешней торговли Китая, а также предложены пути максимального увеличения позитивного влияния ПИИ на внешнюю торговлю Китая и повышение конкурентоспособности экспорта страны.

Ключевые слова: ПИИ; внешняя торговля; взаимосвязь; Китай.

THE RELATIONSHIP BETWEEN FDI AND TRADE IN CHINA

Yao Jiahui

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

In the modern world economy, with the strengthening of economic globalization, the liberalization of trade and investment, in particular, the emergence and development of global supply chains, led by TNCs, interdependence between FDI flows and foreign trade increased. China has not only shown itself to be a vivid example of the fact that the country in a relatively short period would become one of the largest economies in the world, but also been used to illustrate the impact of FDI on the development of the country's foreign trade. This paper studies the relationship of foreign direct investment (FDI) and trade and investigates the impact of FDI on the foreign trade of China. Furthermore, it offers proposals to maximize the development impacts of foreign investment on foreign trade of China and improve the competitiveness of exports.

Key words: FDI; foreign trade; relationship; China.

Под влиянием либерализации перемещения товаров и движения капитала, в мировой практике наблюдается тенденция к росту взаимовлияния и взаимозависимости развития ПИИ и внешней торговли: с одной стороны, чем быстрее развивается внешняя торговля страны, тем выше привлекательность ПИИ. С другой стороны, ПИИ в значительной степени стимулирует внешнюю торговлю страны. Так, взаимосвязь ПИИ и внешней торговли становится главным импульсом роста внешнеэкономической деятельности страны.

Китай в качестве крупнейшей развивающейся страны является лидером как в мировой торговле, так по привлечению ПИИ. По собственными расчетами, при использовании последних данных ВТО в 2017 г., на долю товарооборота Китая приходится 11,48%¹ от общего объема мирового товарооборота против 7,71%² в 2007 г. В том числе, удельный вес экспорта товаров в мировом товар-

¹Собственные расчеты на основе данных источника [1].

²Собственные расчеты на основе данных источника [2].

ном экспорте вырос с 8,73% [2] в 2007 г. до 12,77% [1] в 2017 г., а в мировом товарном импорте – с 6,71% [2] до 10,22% [1]. Объем привлечения прямых иностранных инвестиций Китая в 2017 г. составил 131 млрд. долл. США, что Китай занял второе место в мире (после США) [3]. Также в десятку основных инвесторов по ПИИ, вложенных в экономику Китая, входят такие страны (или регионы) как Гонконг (Китай), Сингапур, Тайвань (Китай), Южная Корея, Япония, США, Нидерланды, Германия, Великобритания, Дания. В то же время, как в большинстве стран мира, с точки зрения отраслевой структуры привлечения иностранных инвестиций, в высокотехнологичные отрасли экономики Китая идет значительная доля привлекаемых иностранных инвестиций. В 2017 г. фактическое использование иностранных инвестиций в высокотехнологичные отрасли составило 27,4% от общего объема, что соответствует увеличению на 13,6% по сравнению с 2012 г. [4].

Речь идет о взаимосвязи ПИИ и развития внешней торговли в Китае, согласно данным китайской таможенной статистики, большой вклад в значительное увеличение торговли товарами внес приток ПИИ в Китай. Так, в 2017 г. предприятия с иностранными инвестициями в Китае обеспечили 44,81%¹ от общего объема товарооборота Китая. Среди них на долю экспорта предприятий с иностранными инвестициями приходится 43,19%² от общего объема экспорта товаров Китая, а импорта – 46,8%³. С точки зрения товарной структуры, значительный удельный вес в экспорте составляет высокотехническая продукция. На долю объема экспорта высокотехнологичной продукции предприятий с иностранными инвестициями приходится 70,1% от общего объема экспорта высокотехнологичной продукции Китая [7]. В структуре импорта, доминирующие позиции импорта предприятий с иностранными инвестициями занимают высокотехнологичное оборудование и качественные комплектующие, которые используются для наращивания производства и увеличения объемов экспорта.

Однако, несмотря на то, что приток ПИИ в экономику Китая способствует не только увеличению объема товарооборота, но и оптимизирует товарную структуру экспорта и импорта за счет привлечения денежных средств, внедрения передовых технологий и методов управления, а в целом эффект отражается на повышении конкурентоспособности экспорта, но при этом имеет ограничения в основном из-за относительно высокой степени зависимости от иностранных технологий в высокотехнологичных отраслях, ориентированных на экспорт. Вместе с тем, под влиянием ПИИ объем экспорта некоторых видов продукции Китая является чрезмерным, а снижение экспортных цен на данные виды продукции ведут не только к ухудшению торговых условий Китая, но и к возникновению торговых конфликтов Китая с торговыми партнерами, что отнюдь не способствует устойчивому развитию внешней торговли Китая.

В сложившейся ситуации необходимо принять ряд следующих мер, которые максимально могут увеличить позитивное влияние ПИИ на внешнюю торговлю Китая и повысить конкурентоспособности экспорта страны:

¹Собственные расчеты на основе данных источников [5]; [6].

²Собственные расчеты на основе данных источников [5]; [6].

³Собственные расчеты на основе данных источников [5]; [6].

Во-первых, необходимо самостоятельно развивать инновационный потенциал страны. Уровень инновационного потенциала определяет не только уровень социально-экономического развития страны, но и способность обеспечивать экономическую безопасность в международном разделении труда, в международном хозяйстве, а также в международной политике. Несмотря на то, что Китай является крупнейшим получателем инвестиций и лидером в мировой торговле, развитие ключевых технологий некоторых отраслей промышленности все еще зависит от зарубежных стран. Большое количество передового оборудования закупается по импорту, а технологический разрыв, по-прежнему, сохраняется между Китаем и развитыми странами. Поэтому путем осуществления преобразования предприятий, урегулирования национальной инновационной системы, активной реализации стратегии развития торговли результатов науки и техники увеличивает наукоемкость экспортной продукции.

Во-вторых, следует преобразовать традиционные отрасли за счет внедрения передовых технологий и формирования сравнительного преимущества в новых условиях. Учитывая все еще важную роль трудоемких и ресурсоемких отраслей в развитии внешней торговли Китая, на данном этапе ключом к развитию трудоемких и ресурсоемких отраслей в Китае является модернизация за счет применения высоких технологий, достижения перестройки промышленности и воссоздания сравнительных преимуществ.

Кроме того, одним из важнейших направлений государственной политики в контексте интеграции экономики Китая является создание СЭЗ и ЗСТ, которые традиционно выступают центром использования ПИИ и торговли. В то же время необходимо совершенствовать механизм управления ПИИ для того, чтобы качественно улучшить инвестиционный климат, и как следствие создать максимально благоприятные условия для устойчивого экономического развития Китая.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Statistics database of China. [Electronic resource] // The World Trade Organization (WTO). — 2018. — Mode of access: < <http://stat.wto.org/CountryProfile/WSDBCountryPFView.aspx?Language=E&Country=CN%2cBY>>. Date of access: 17.01.2019.
2. Statistics database of China. [Electronic resource] // The World Trade Organization (WTO). — 2008. — Mode of access: < https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/anrep_e/trade_profiles08_e.pdf>. Date of access: 17.01.2019.
3. 中国吸引外商直接投资规模居世界第二. [电子资料] // 人民网. — 2018. — 访问网址: <http://world.people.com.cn/n1/2018/0307/c1002-29854291.html>. 访问日期: 17.01.2019.
4. 中国40年来利用外资规模不断扩大. [电子资料] // 投资中国. — 2018. — 访问网址: <http://www.hyqcw.com/news/kk/2018/0830/3340.html>. 访问日期: 17.01.2019.
5. 2017年12月全国进出口总值表 (美元值). [电子资料] // 中华人民共和国海关总署. — 2018. — 访问网址: <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/302274/302275/1416435/index.html>. 访问日期: 17.01.2019.
6. 2017年12月外商投资企业进出口总值表 (美元值). [电子资料] // 中华人民共和国海关总署. — 2018. — 访问网址: <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/302274/302276/1421308/index.html>. 访问日期: 17.01.2019.
7. 受益国家政策扶持我国高新技术产业进出口增速提升. . [电子资料] // 海关信息网. — 2017. — 访问网址: <http://www.haiguan.info/NewsInfor/IndustryFocusDetail.aspx?id=4623>. 访问日期: 17.01.2019.

СЕКЦИЯ 5

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА

«БЕЛТАМОЖСЕРВИС» КАК ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ ОПЕРАТОРОВ ТАМОЖЕННЫХ УСЛУГ

В.С. Альшевская

Белорусский государственный университет

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, a.v.s.assol@gmail.com

Научный руководитель – Л.И. Тарарышкина, кандидат экономических наук, доцент

Статья посвящена теоретико-практическому анализу оказываемых таможенных услуг с применением информационных технологий в логистической компании Республиканское унитарное предприятие «Белтаможсервис», являющейся одним из основных операторов, предоставляющих таможенные услуги. Объектом исследования являются таможенные услуги. Определена цель работы, заключающаяся в исследовании организации оказания таможенных услуг предприятием «Белтаможсервис» в процессе таможенного декларирования товаров. Обозначена проблема, связанная с затратой большого количества времени на ручной ввод информации непосредственно с документа в программный продукт. В целях автоматизации процессов исполнения повторяющихся задач, связанных с ручным вводом и обработкой данных у специалиста по таможенному декларированию, предложено внедрение информационной технологии RoboticProcessAutomation (RPA).

Ключевые слова: РУП «Белтаможсервис»; таможенные услуги; декларирование; информационные технологии; программные продукты; Robotic Process Automation; RPA.

"BELTAMOZHSERVIS" AS ONE OF THE BASIC OPERATORS OF CUSTOMS SERVICES

V.S. Alshevskaya

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

L.I. Tararyshkina – supervisor, Belarusian State University

The article is devoted to the theoretical and practical analysis of customs services rendered using information technologies in the logistics company Beltamozhservis Republican Unitary Enterprise, which is one of the main operators providing customs services. The object of the study are customs services. The purpose of the work is to determine the organization of the provision of customs services by Beltamozhservis in the process of customs declaration of goods. The problem associated with spending a lot of time manually entering information directly from a document into a software product is indicated. In order to automate the process of executing repetitive tasks related to manual data entry and processing by a customs declaration specialist, the introduction of the Robotic Process Automation (RPA) information technology has been proposed.

Key words: Beltamozhservis RUE; customs services; declaration; information Technology; software products; Robotic Process Automation; RPA.

Республиканское унитарное предприятие «Белтаможсервис» (далее – РУП Белтаможсервис) – логистическая компания, развивающаяся в двух взаимосвязанных направлениях. Во-первых, создание сети транспортно-логистических центров. Во-вторых, выполнение логистических операций в интересах клиента по всей территории Республики Беларусь, в том числе за рубежом (через контрагентов). В РУП «Белтаможсервис» работают специалисты по таможенному дек-

ларированию, оказывающие весь комплекс логистических услуг заинтересованным лицам. На предприятии «Белтаможсервис» применяется современное и высокоэффективное программное обеспечение, которое позволяет автоматизировать процессы, ускорить выполнение необходимых операций. Однако существует проблема, связанная с затратой большого количества времени на ручной ввод информации из документа в программный продукт.

В этой связи, целью данной работы является исследование процесса таможенного декларирования в РУП «Белтаможсервис». Согласно Таможенному кодексу Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС), «таможенное декларирование» – заявление таможенному органу с использованием таможенной декларации сведений о товарах, об избранной таможенной процедуре и (или) иных сведений, необходимых для выпуска товаров [3].

Со вступлением в силу ТК ЕАЭС электронное декларирование является приоритетным, а подача деклараций на бумажном носителе осуществляется в исключительных случаях. Такую тенденцию можно наблюдать в отделе таможенного декларирования Транспортно-логистического центра «Минск-Белтаможсервис-2» (далее – ТЛЦ «Минск-Белтаможсервис-2»). В среднем в год в течение пяти лет оформляется около 1500 деклараций на экспорт, 3000 на импорт, 1000 статистических деклараций и около 50 пассажирских таможенных деклараций.

Так, в 2014 году на экспорт было оформлено 1370 деклараций на бумаге и 616 в электронном виде, на импорт соответственно 21 и 1261. Такое же соотношение наблюдается в 2015 году: на экспорт 1734 на бумаге и 676 в электронном виде, на импорт соответственно 3 и 540. В первой половине 2016 года разделение на бумажную и электронную декларацию существовало, но затем произошло сокращение на 70% подаваемых деклараций на бумаге на экспорт. С 2018 года используются только электронные декларации.

Процесс электронного декларирования является комплексным и состоит из следующих шагов.

Во-первых, у юридического лица запрашиваются все необходимые документы, которые содержат сведения о товарах, заявленных для декларирования, импортере и экспортере, маршруте и условиях перевозки. К таким документам относятся товарно-транспортная накладная, счет-проформа и счет-фактура, контракт, спецификация, упаковочный лист и т.д. Большинство сведений приходят на почту в электронном виде. Лишь некоторые из них требуются на бумажном носителе. Например, Сертификаты происхождения товара формы СТ-1, СТ-2, А, ЕАВ, которые выдают уполномоченные органы.

Во-вторых, формируется декларация из вышеперечисленных сведений, которые вручную вводятся в таможенную программу «е-Декларант». Данная программа предназначена для формирования таких таможенных документов, как декларация на товары, статистическая декларация, транзитная декларация, корректировка таможенной стоимости, декларация таможенной стоимости, таможенная декларация на транспортное средство, электронное предварительное информирование.

К основным возможностям «е-Декларант» относятся формирование электронных копий таможенных документов; печать таможенных документов; форматно-логический контроль; расчет таможенных платежей; справочники по та-

рифному и нетарифному регулированию; работа в сети; контроль списания денежных средств с платежных поручений; импорт информации из CSV (Excel); конвертация из одного типа таможенного документа в другой и т.д.

Также в декларацию вручную вводится некоторая информация из других программных продуктов, например, из Автоматизированного рабочего места (далее – АРМ) «ПТО». Данная программа используется для ведения учета и представления отчетности в таможенные органы в соответствии с постановлением Государственного таможенного комитета Республики Беларусь от 31 января 2008 №11 «О порядке ведения учета и представления отчетности для целей таможенного контроля» в части учета деятельности таможенного агента, склада временного хранения и таможенного склада.

АРМ «ПТО» предназначено для автоматизации деятельности таможенных агентов и владельцев склада временного хранения открытого типа и предоставляет следующие функции:

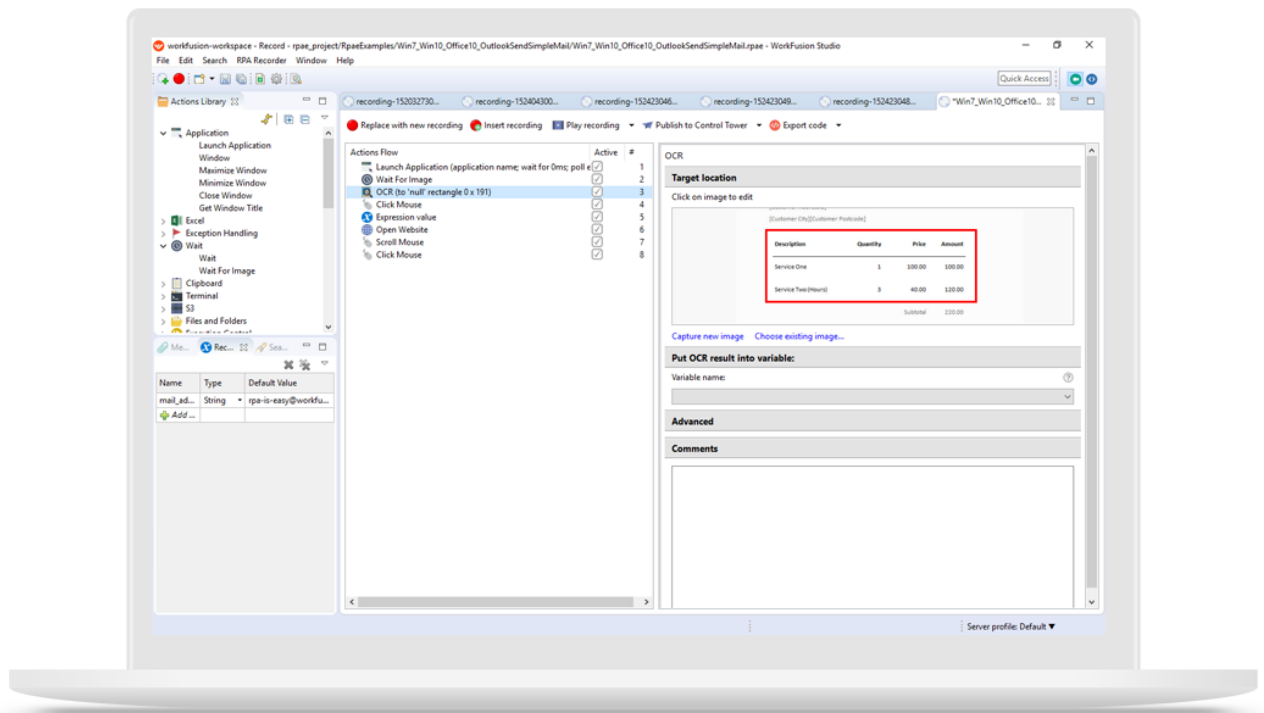
- ведение базы данных заключенных договоров различных типов и клиентов;
 - ведение базы данных прейскурантов с ценами на оказываемые услуги и размерами вознаграждения за совершенные таможенные операции;
 - формирование документов и ведение базы данных счет-фактур, актов выполненных работ (оказанных услуг), автоматический расчет стоимости услуг;
 - формирование счет-фактур по налогу на добавленную стоимость;
 - формирование печатных форм всех используемых документов и вывод документов на печать;
 - формирование различных отчетов (реестров заключенных договоров, отчетов об оказанных услугах и т.д.) за любой период времени;
 - возможность создания любого количества пользовательских отчетов.
- Встроенный дизайнер отчетов.

В-третьих, сформированный документ в «е-Декларант» отправляется в Национальную автоматизированную систему таможенного декларирования (далее – НАСТД).

При обнаружении некоторых ошибок в отправленной декларации декларант вправе сделать корректировку через программный продукт «е-Декларант». На этом процедура подачи декларации для специалиста по таможенному декларированию завершается.

Таким образом, ручной ввод информации из вышеперечисленных источников в декларацию занимает от 30 минут. Поэтому необходимо автоматизировать такой ручной процесс. Мы предлагаем внедрить *Robotic Process Automation* (далее – RPA)[2].

RPA – это новое направление автоматизации процессов, позволяющее изменить подход к исполнению повторяемых задач, связанных с ручным вводом и обработкой данных. Особенность RPA заключается во взаимодействии одного приложения с другим через существующий пользовательский интерфейс в рамках данной технологии. Т.е. пользователь в предложенном интерфейсе единожды выбирает алгоритм действий используя различные программы, установленные на компьютере. Затем программа сама общается с другими программами, имитируя действия пользователя (см. рисунок).

Интерфейс RPA.
Источник: [1].

Рассмотрим на конкретном примере ввода сведений о дате и номере договора таможенного представителя с декларантом из АРМ «ПТО» в графу 54 декларации на товар программный продукт «е-Декларант».

В программе RPA для начала мы выберем условие, по которому будет происходить критерий отбора информации из АРМ «ПТО». Открываем «е-Декларант» и выбираем нужную нам декларацию, ищем графу 14, в которой указаны сведения о декларанте, т.е. получателя, с кем РУП «Белтаможсервис» заключил договор об оказании таможенных услуг. Сведения из графы 14 будут являться условием поиска нужного договора в АРМ «ПТО».

Теперь в АРМ «ПТО» выбираем договор с нашим клиентом и копируем номер договора и закрываем АРМ «ПТО». В программе RPA открываем «е-Декларант», выбираем необходимую декларацию на товар и вставляем номер договора в нужную строку. Выходим из декларанта и в программе RPA сохраняем алгоритм. То же самое проделываем с датой. Теперь программа будет автоматически вставлять необходимые сведения из АРМ «ПТО».

Поскольку используется существующий интерфейс приложение-пользователь, то при автоматизации с помощью Robotic Process Automation существующий ИТ ландшафт остается неизменным. Инфраструктура RPA разворачивается поверх существующих ИТ систем. Для многих компаний, в том числе и РУП «Белтаможсервис», имеющих устаревшие системы (например, АРМ «ПТО», е-Декларант), которые затрагивать очень проблематично, это может быть отличным решением. Кроме того, при использовании данной технологии остаются неизменными существующие контроли, регламентные процедуры и отчетность [2].

Более того, согласно заявлению разработчика, ключевой функционал платформы предназначен для бизнес-пользователей, не имеющих технической подготовки, которые смогут интуитивно понятным способом быстро «обучить» (или настроить) программного робота. Поэтому внедрение RPA в РУП «Белтаможсервис» можно провести очень быстро. Достаточно программисту, работающему на РУП «Белтаможсервис» составить такие алгоритмы один раз и каждый декларант сможет ими пользоваться на протяжении долгого времени, а результаты можно достичь уже за первые 2-3 недели пилотирования. Если же, по какой-либо причине необходимо вернуться к прежней схеме работы - достаточно отключить робота и вернуть обработку задачи сотруднику.

Таким образом, в РУП «Белтаможсервис» –одном из важнейших логистических предприятий Беларуси и имеющем большое количество клиентов существует возможность автоматизировать процессы исполнения повторяющихся задач, связанных с ручным вводом и обработкой данных у декларанта путем внедрения информационной технологии – Robotic Process Automation. RPA – приложение, которое имитирует действия человека, взаимодействуя с интерфейсами информационных систем. При этом алгоритм действий создается без написания кода, при помощи визуального конструктора.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. PRODUCTS – RPA EXPRESS – 2018. – Mode of access: <https://www.workfusion.com/rpa-express>. – Date of access: 11.01.2019.
2. Простым языком о RoboticProcessAutomation, RPA[Электронный ресурс]. – 2018. - Режим доступа: <https://dms-solutions.co/ru/blog-ru/about-rpa-in-simple-words-part1>. – Дата доступа: 11.01.2019.
3. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза. – Москва : Проспект, 2017. – 512 с.

СРАВНЕНИЕ ИНСТИТУТА ОБЖАЛОВАНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНАХ

А.Г. Горбацевич

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ngorbatsevich98@mail.ru*

На сегодняшний день многие граждане заявляют о нарушении своих прав. В государственных органах основную часть обжалования составляют действия (бездействия) должностных лиц. В связи с этим, выражая свою гражданскую сознательность и стремление пользоваться своими правами, они подают жалобы в государственные органы. Однако, при реализации данного желания, у многих лиц возникают проблемы с тем, в какой именно орган подавать на рассмотрение жалобу, в какие сроки, когда ждать ответ, какие сведения указывать и много других вопросов. В связи с этим возникает вопрос: возможно ли создать единый орган, уполномоченный на рассмотрение жалоб? Для ответа на этот вопрос в данной статье проводится сравнение института обжалования различных государственных органов Республики Беларусь, чтобы понять, будет ли создание данного органа актуально и имеются ли для этого возможности.

Ключевые слова: институт обжалования; жалоба; таможенные органы; Закон «Об обращении граждан и юридических лиц»; Закон «О таможенном регулировании в Республике Беларусь», государственные органы.

COMPARISON OF THE APPEAL'S INSTITUTE IN VARIOUS STATE AGENCIES

A.G. Gorbacevich

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

To date, many citizens claim violation of their rights. In state bodies, the main part of the appeal is the actions (inaction) of officials. In this regard, expressing their civic consciousness and the desire to enjoy their rights, they file complaints to state bodies. However, in the implementation of this desire, many people have problems with which state to file a complaint for consideration, when to wait for an answer, what information to include and many other questions. In this regard, the question arises: is it possible to create a single state authorized to consider complaints? To answer this question, this article compares the appeal's institute in various state agencies of the Republic of Belarus in order to understand whether the creation of this body is relevant and whether there are opportunities for this.

Key words: the appeal's institute; a complaint; Customs; Law "On Appeal of Citizens and Legal Entities"; Law "On Customs Regulation in the Republic of Belarus", state agencies.

В настоящее время многие граждане не только активно изучают свои права, но и защищают. Это, прежде всего, связано с тем, что происходит большое количество нарушений гражданских прав и свобод, причиненных незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. В связи с этим был создан институт обращения граждан.

Он имеет очень богатую историю развития в Республике Беларусь. Это связано с тем, что белорусские земли на протяжении многих веков входили в состав различных государств, поэтому и влияние, оказанное на возникновение данного института, является разнообразным.

На сегодняшний день институт обращения граждан существует благодаря правам, закреплённым в Конституции Республики Беларусь. Так, в ст. 40, закреплено право подачи коллективных и индивидуальных жалоб. Данное право связано с тем, что в ст. 2 Конституции Республики Беларусь высшей ценностью объявляется человек, его права и свободы.

Основываясь на этом праве, граждане подают жалобы в компетентные органы, однако при этом возникает ряд ошибок. Однако из-за незнания закона некоторые граждане не имеют представление о том, что их права были нарушены и в каком конкретном случае. Что же касается иной группы граждан, то у них возникает проблема с тем, как правильно, куда и в каком порядке подавать жалобы. Многие заявители обращаются сразу в суд, однако это является дорогостоящим процессом, который, к тому же, отнимает большое количество времени. На сегодняшний день знание законодательства является важным преимуществом в случаях, когда приходится сталкиваться с данными видами обращений.

В настоящее время в таможенных органах между их должностными лицами, гражданами и субъектами хозяйствования возникает большое количество разногласий. Большинство из них связано с вопросами, возникающими при перемещении товаров через таможенную границу: споры из-за таможенной стоимости товаров, кода ТН ВЭД, а также разногласия, возникающие в ходе проведения выездных проверок и т.д. В связи с этим большая часть граждан обращается с жалобой в сам таможенный орган с целью разъяснения ситуации. Однако, для точной и

грамотной формулировки требований в жалобе, необходимо правильно указать требующиеся данные, а также приложить все необходимые документы.

Что же касается сведений, которые должны быть указаны в обращениях, то в большинстве органов они являются идентичными.

Рассмотрим это на примерах, сравнив Государственный таможенный комитет, Министерство обороны Республики Беларусь, Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь. Несмотря на то, что они имеют разные задачи и функции в своей деятельности, все они взаимодействуют между собой. В настоящее время наиболее распространёнными являются электронные жалобы, в связи с этим рассмотрим необходимые для указания сведения именно для этого вида обращений.

В первую очередь рассмотрим **Государственный таможенный комитет**. Все необходимые для указания сведения можно найти на официальном сайте в разделе «обращения» -> «обращения граждан» -> «электронная форма обращения граждан»[1]. К ним относятся:

- таможенный орган, в который направляется обращение;
- фамилия, собственное имя, отчество (если таковое имеется) либо инициалы гражданина;
- адрес места жительства (места пребывания) и (или) места работы (учебы);
- E-mail;
- суть обращения;
- прикрепляемые файлы (пример: у гражданина, который обращается в таможенный орган, есть документы, подтверждающие факт того, что он не мог раньше обратиться с данной жалобой (по причине болезни, командировки или иных обстоятельств).

Электронное обращение юридического лица в обязательном порядке должно содержать («обращения» -> «обращения юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» -> «электронная форма обращения юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»):

- таможенный орган, в который направляется обращение;
- полное наименование юридического лица;
- фамилию, собственное имя, отчество руководителя или лица, уполномоченного в установленном порядке подписывать обращения;
- место нахождения юридического лица;
- E-mail;
- суть обращения;
- прикрепляемые файлы.

Что же касается **Министерства обороны Республики Беларусь**, то электронное обращение гражданина в обязательном порядке должно содержать[2]:

- фамилия, собственное имя, отчество (если таковое имеется) либо инициалы гражданина;
- адрес места жительства (места пребывания) гражданина;
- изложение сущности обращения;
- адрес электронной почты гражданина.

Электронное обращение юридического лица в обязательном порядке должно содержать:

- полное наименование юридического лица;
- место нахождения юридического лица;
- изложение сути обращения;
- фамилию, собственное имя, отчество лица, уполномоченного подписывать обращения;
- адрес электронной почты юридического лица.

Следующим органом является **Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь**. Все необходимые для указания сведения можно найти на официальном сайте в разделе «электронное обращение»-> обращения граждан [3]. К ним относятся:

- инспекция, в которую направляется обращение;
- полное наименование физического лица: фамилия, собственное имя, отчество (если таковое имеется);
- полный адрес физического лица;
- E-mail;
- текст обращения;
- прикрепляемые файлы.

Электронное обращение юридического лица в обязательном порядке должно содержать «электронное обращение» -> обращения юридических лиц / обращения индивидуальных предпринимателей):

- инспекция, в которую направляется обращение;
- полное наименование юридического лица \ индивидуального предпринимателя;
- фамилию, собственное имя, отчество руководителя или лица, уполномоченного в установленном порядке подписывать обращения (для юридического лица);
- адрес юридического лица\ индивидуального предпринимателя;
- E-mail;
- текст обращения;
- прикрепляемые файлы.

Таким образом, рассмотрев информацию, которая необходима для подачи в различные государственные органы, можно сделать вывод, что она является идентичной. Так, проанализировав законодательство, которое используют данные органы при рассмотрении обращения граждан и юридических лиц, можно сказать, что источником всей информации является Закон Республики Беларусь от 18 июля 2011 года №300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц». Он наиболее полно раскрывает права граждан и юридических лиц на подачу обращений, а также содержит в себе сведения, которые необходимы для указания. К ключевым моментам данного Закона можно отнести следующие пункты [5]:

1. сроки подачи обращений не ограничивается, но в отношении жалоб он составляет три года с правом продления;
2. обращения могут подаваться в электронном, письменном или устном виде;

3. в соответствии с законодательством заявитель должен быть уведомлен о любом из принятых решений организации, в которую он обращался, в течении 15 дней;

4. обращения могут подаваться как лично, так и с помощью представителя, наделённого правами заявителя;

5. при подаче обращения заявителем должны быть приложены документы, подтверждающие его полномочия;

6. при подаче обращений следует внимательно изучить требования, т.к. в случае несоответствия в ней будет отказано;

7. на обращения, содержащиеся в книге жалоб и предложений организация имеет право не отвечать за исключением случаев, когда там содержится жалоба.

Что же касается таможенных органов, то у них есть свой законодательный акт, которым они пользуются при рассмотрении обращений граждан и юридических лиц. Это Закон "О таможенном регулировании в Республике Беларусь". Его основными характеристиками в части обращения граждан и юридических лиц являются[4]:

1. в отличие от Закона "Об обращении граждан и юридических лиц" срок подачи заявлений составляет не три, а один год с правом продления;

2. подача обращений на таможенный орган осуществляется в вышестоящий орган, в случае, если обжалуется решение Государственного таможенного комитета – в суд;

3. срок рассмотрения составляет месяц с правом продления на такой же срок по решению начальника таможенного органа, а также до 6 месяцев в случае, если запрашивается информация у иностранных государств и международных организаций;

4. Законом предусмотрен упрощённый порядок обжалования.

Таким образом, подводя итог ко всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что целесообразно было бы создать единый орган, уполномоченный на рассмотрение обращений и жалоб. Это облегчило бы работу всех государственных служб, так как им бы не приходилось рассматривать все обращения (имеется ввиду те, которые не связаны с их компетенцией). Данный орган мог бы рассматривать все обращения, а затем, в соответствии с компетенцией каждого министерства или комитета направлять данные жалобы им на рассмотрение. Иным вариантом является то, что данный орган был бы разделён на комитеты, каждый из которых отвечал бы за свою сферу деятельности и рассматривал бы обращения и жалобы, связанные с его компетенцией. В связи с этим повысилась бы простота обращений для граждан и юридических лиц, так как в случае направления данного вопроса в орган, который обладает нужной компетенцией, не пришлось бы подавать жалобу в новый орган.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Государственный таможенный комитет [Электронный ресурс] / Обращения граждан. – Режим доступа: <http://www.customs.gov.by> – Дата доступа: 15.01.2019.

2. Министерство обороны Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Электронные обращения. – Режим доступа: <http://mil.by/ru/> – Дата доступа: 15.01.2019.

3. Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Электронные обращения. – Режим доступа: <http://nalog.gov.by/ru/> – Дата доступа: 15.01.2019.

4. О таможенном регулировании в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 10 янв. 2014 г. № 129-З : Принят Палатой представителей 16 дек. 2013 г. : одобр. Советом Республики 19 дек. 2013 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

5. Об обращениях граждан и юридических лиц: Закон Республики Беларусь от 18.07.2011 г., № 300-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2015 г., № 306-З : Принят Палатой представителей 24 июня 2011 г. : одобр. Советом Республики 30 июня 2011 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

И.В. Гришин

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ilyagrishin7@gmail.com*

Научный руководитель – Л.И. Тарарышкина, кандидат экономических наук, доцент

В статье рассмотрены методологические аспекты интеллектуальной собственности и особенности сотрудничества государств-членов Евразийского экономического союза в сфере интеллектуальной собственности. Объектом исследования служат объекты интеллектуальной собственности. Целью исследования является проведение анализа защиты прав на объекты интеллектуальной собственности на национальном и наднациональном уровнях в государствах-членах Евразийского экономического союза, выявление проблемных вопросов и внесение предложений по их разрешению. Обозначены перспективы развития системы защиты интеллектуальной собственности на таможенной территории Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; таможенные органы; таможенное законодательство; Евразийский экономический союз; Евразийская экономическая комиссия; Единый таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности; параллельный импорт; контрафакция.

METHODICAL ASPECTS OF INTELLECTUAL PROPERTY

I.V. Grishin

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

L.I. Tararyshkina – tutor, Belarusian state university

In the article the methodological aspects of intellectual property and the peculiarities of cooperation of the Eurasian Economic Union member states in the field of intellectual property are discussed. The object of the research is intellectual property objects. The purpose of the study is the analysis of the protection of intellectual property rights at the national and supranational levels in the member states of the Eurasian Economic Union, identification of problematic issues and making proposals for their resolution. The prospects for the development of the intellectual property protection system in the customs territory of the Eurasian Economic Union are outlined.

Key words: intellectual property; customs authorities; customs legislation; Eurasian economic union; Eurasian economic commission; Single customs register of intellectual property objects; parallel import; counterfeit.

Первое упоминание об интеллектуальной собственности явилось в законодательстве Французской Республики эпохи Великой французской революции. В

то время собственностью человека признавалось только то, чем непосредственно человек обладал, что он купил, получил в наследство или изобрёл, характер такой собственности отражался в естественном праве. Тогда создатель результатов творческого труда имел исключительное право распоряжаться ими [1]. Однако ввиду широкого развития промышленного производства, сельского хозяйства, торговли между государствами объектами науки и техники требовалось более высокая степень развития правового регулирования международных отношений в сфере интеллектуальной собственности.

Одним из таких соглашений стала «Конвенция по охране промышленной собственности», принятая в Париже 20 марта 1883 г. Данная конвенция и стала основополагающим документом в сфере защиты прав интеллектуальной собственности. Затем, 9 сентября 1886 г. была принята «Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений».

Следующим из наиболее важных соглашений для объектов интеллектуальной собственности стало «Соглашение о международной регистрации знаков», заключённое в Мадриде 14 апреля 1891 года. Интересная особенность существует в отношении мадридского соглашения, заключающаяся в том, что заявление на регистрацию знаков составляет исключительно на французском языке.

Несмотря на то, что все эти документы защищали объекты интеллектуальной собственности, ни в одном из не содержалось самого понятия «Интеллектуальная собственность». Понятие интеллектуальной собственности было введено в научный оборот после принятия в 1967 года в Стокгольме Конвенции, учредившей Всемирную организацию интеллектуальной собственности (ВОИС). В рамках ВОИС впервые в практике международных договоров понятие «интеллектуальная собственность» объединило промышленную собственность и авторское право. Однако в Конвенции 1967 года не было закреплено единое понятие этого термина. Согласно ст. 2 (viii) Конвенции интеллектуальная собственность определялась через неисчерпывающий перечень прав, относящихся к «литературным, художественным и научным произведениям, исполнительской деятельности артистов, звукозаписи, радио- и телевизионным передачам; изобретениям во всех областях человеческой деятельности; научным открытиям; промышленным образцам; товарным знакам, знакам обслуживания; фирменным наименованиям и коммерческим обозначениям; защите прав от недобросовестной конкуренции, а также всем другим правам, относящимся к интеллектуальной деятельности в производственной, научной, литературной и художественной областях» [2].

Таким образом, ВОИС даёт определение интеллектуальной собственности в широком смысле как «...закрепленные законом права, которые являются результатом интеллектуальной деятельности в промышленной, научной, литературной и художественной областях».

Всемирная декларация по интеллектуальной собственности ВОИС, принятая в 2000 году, предприняла попытку определить термин «интеллектуальная собственность» как любую собственность, признаваемую по общественному согласию в качестве интеллектуальной по характеру и заслуживающей охраны [3, с. 78].

ВОИС – это специализированное учреждение Организации объединённых наций, созданное в интересах международной охраны интеллектуальной собственности и содействия развитию сотрудничества в вопросах, касающихся автор-

ских прав, товарных знаков, промышленных образцов и патентов (находится в Женеве). На сегодняшний день все государства-члены Евразийского экономического союза (ЕАЭС) являются членами ВОИС [4].

Следует отметить, что в СССР изобретения охранялись авторским свидетельством, которое предусматривало исключительное право государству на пользование изобретением. То есть собственником творческого труда являлся не непосредственно изобретатель, а государство, то есть каждый гражданин СССР. На сегодняшний день, ввиду развития рыночной экономики, защита объектов интеллектуальной собственности приобрела небывалую актуальность. В Беларуси за пять лет объем выпуска научно-технической и инновационной продукции увеличился более чем в два раза. Об этом заявил Президент Беларуси Александр Лукашенко, выступая на II Съезде ученых 13 декабря 2017 года.

ЕАЭС был создан в соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе, подписанным в г Астане 29 мая 2014 года. Среди направлений взаимодействия в области защиты прав на объекты интеллектуальной собственности (ОИС) выделяется обеспечение эффективной таможенной защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, в том числе, посредством ведения единого таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности государств-членов ЕАЭС. При этом никакой другой информации о таможенной защите прав на ОИС в Договоре не содержится.

Несмотря на то, что Договором о ЕАЭС предусмотрена гармонизация законодательства государств-членов ЕАЭС в сфере охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, в настоящее время этот пункт пока не реализован. Единой является только система принципов и международных соглашений, на которых базируется дальнейшее осуществление таможенной защиты прав на ОИС.

Классическим примером диаметрально противоположных положений законодательства является ключевой принцип исчерпания исключительных прав. В странах ЕАЭС действуют различные принципы исчерпания исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности. В Российской Федерации и Республике Беларусь действует территориальный принцип. Это означает, что право на ввоз в страну оригинальных товаров из других стран принадлежит только самому правообладателю или его официальному дистрибьютору. При этом речь идет об оригинальных, а не поддельных товарах, то есть о товарах, произведенных самим владельцем объекта интеллектуальной собственности. В Казахстане и Армении действует международный принцип, предполагающий, что исключительное право правообладателя считается исчерпанным в отношении конкретного продукта в момент первого его введения в оборот в любой стране. Следовательно, коммерческое перемещение товаров между странами практически не ограничивается. Между государствами-членами ЕАЭС действует региональный принцип свободного перемещения между государствами.

Рассмотрим систему таможенных реестров ОИС (ТРОИС), она сегодня является уникальной. Вначале же существовало несколько независимых реестров, затем был создан Единый ТРОИС (ЕТРОИС) в целях формирования единой системы таможенной защиты прав интеллектуальной собственности. Однако ЕТРОИС как институт еще не состоялся, свидетельством тому служит то, что за более чем 5 лет существования реестра в нем не зарегистрировано ни одного ОИС, и на это есть свои причины.

Так, одним из условий внесения ОИС в ТРОИС является его правовая защита во всех странах ЕАЭС. Также при включении ОИС в ТРОИС необходимо предоставить страховой полис на сумму не менее 10 000 евро, это необходимо для покрытия возможных расходов декларантов, ввиду действий правообладателя. Еще одна трудность заключается в том, что этот полис должен быть действителен во всех странах-членах ЕАЭС, а на сегодняшний день компании, способной предоставить такой полис попросту не существует.

В сложившейся ситуации невозможно внести ОИС в ЕТРОИС, а, следовательно, необходимо формирование единых правил и принципов проверки заявления правообладателя, а еще лучше – единая проверка одним общим, либо уполномоченным органом, полагаясь на общие правила. Также, следует отметить, Республика Беларусь не вступила еще в ВТО, а, следовательно, и не является членом ТРИПС, что неблагоприятно сказывается на унификации законодательств стран-членов ЕАЭС, а, соответственно, и ведении единого реестра объектов интеллектуальной собственности.

Таким образом, взвесив все за и против, нельзя с уверенностью утверждать какой принцип исчерпания исключительных прав объективно является лучшим. Однако, для торгово-ориентированной экономики лучшим служит принцип международного исчерпания исключительных прав, так как быстрее проходит товарооборот, повышается конкуренция, понижаются цены, увеличивается ассортимент товаров, а также, спрос и предложение регулируются исключительно рынком. Для промышленно-ориентированной, производственной экономики более удачно подходит принцип национального или регионального исчерпания исключительных прав, так как отечественный производитель находится в более выгодных условиях, нежели иностранные производители. Отечественные производители находятся в более защищенной позиции, по сравнению с международным принципом исчерпания исключительных прав, улучшается благоприятность климата для привлечения иностранных инвестиций, ответственность за качество товара лежит непосредственно на плечах производителя, а также уровень послепродажного сервиса и обслуживания находится на высоком уровне.

С учетом изложенного, установление международного принципа исчерпания исключительных прав на отдельные виды товаров в ЕАЭС имеет исключительно положительный характер. Так как введение международного принципа исчерпания исключительных прав на отдельные виды товаров служит золотой серединой между национальным/региональным и международным принципами. Для Республики Беларусь переход на международный принцип исчерпания исключительных прав имеет исключительно положительные перспективы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гришаев, С. П. Интеллектуальная собственность / С. П. Гришаев. – М.: Юрист, 2004. – 238 с.
2. Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности 1967 г. (с изменениями от 02.10.1979 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1900270>. — Дата доступа: 15.01.2019.
3. Бригадин, Д.П. Понятие права интеллектуальной собственности / Д. П. Бригадин // Вестник БГУ. Серия 3. — 2008. — № 3. — С. 78-80.
4. Всемирная организация интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.wipo.int/portal/ru/>. Дата доступа: 16.01.2019.

НАПРАВЛЕНИЯ УНИФИКАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ТАМОЖЕННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В ГОСУДАРСТВАХ-ЧЛЕНАХ ЕАЭС

В. Д. Зайцева¹⁾, Л.И. Тарарышкина²⁾

¹⁾*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, victoriazaitseva1909@gmail.com*

²⁾*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, tararyshkina@rambler.ru*

В связи с недостаточной унификацией таможенного законодательства на таможенной территории Евразийского экономического союза у недобросовестных субъектов появляются возможности избежать наказания в полной мере. Объектом исследования являются таможенные правоотношения на таможенной территории Евразийского экономического союза. Целью исследования является разработка рекомендаций по унификации ответственности за административные правонарушения и уголовные преступления на таможенной территории Евразийского экономического союза, что позволит обеспечить более эффективное регулирование таможенных правоотношений и еще более тесное взаимодействие и интеграцию государств-членов Евразийского экономического союза. В статье рассматриваются подходы к унификации применения мер ответственности за таможенные правонарушения и преступления на таможенной территории Евразийского экономического союза. Предложены направления унификации законодательства о таможенных правонарушениях в государствах-членах ЕАЭС.

Ключевые слова: Таможенные правонарушения и преступления; унификация; административное право; уголовное право; уклонение от уплаты таможенных платежей.

DIRECTIONS OF UNIFICATION OF LEGISLATION IN THE FIELD OF CUSTOMS OFFENSES IN THE EAEU MEMBER STATES

V. D. Zaitseva^a, L. I. Tararyshkina^b

^a*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

^b*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus
Corresponding author: L.I. Tararyshkina (tararyshkina@rambler.ru)*

Due to the lack of unification of the customs legislation in the customs territory of the Eurasian Economic Union, unscrupulous entities have the opportunity to escape the full penalty. The object of the research is customs relations in the customs territory of the Eurasian Economic Union. The purpose of the research is to develop recommendations on the unification of responsibility for administrative offenses and criminal offenses in the customs territory of the Eurasian Economic Union, which will allow to ensure a more effective regulation of customs relations and even closer interaction and integration between the Eurasian Economic Union member states. The article discusses approaches to the unification of the application of responsibility measures for customs offenses and crimes in the customs territory of the Eurasian Economic Union. The article proposes ways of unifying the legislation on customs offenses in the EAEU member states.

Key words: customs offenses and crimes; unification; administrative law; criminal law; evasion of customs payments.

Влияние на обеспечение экономической безопасности государств-членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) оказывают разнообразные факторы. Каждая из стран Евразийского экономического союза сталкивается с угрозами во внешнем мире и нейтрализует их своими усилиями. Однако международные таможенные правонарушения являются общей угрозой экономической безопасности для всех стран ЕАЭС на единой таможенной территории, на кото-

рой осуществляется единое таможенное регулирование, свободное перемещение товаров и транспортных средств. Таможенное законодательство пяти стран унифицировано, однако, административное и уголовное законодательство в области таможенного регулирования вынесено на национальный уровень. Исходя из того, что для каждой страны те или иные преступные деяния обладают разной значимостью, ответственность за их совершение тоже отличается. В связи с этим, у лиц, нарушающих таможенное законодательство, появилась выгода, объясняемая разницей в размере ответственности за одно и то же деяние в разных странах ЕАЭС. Анализ национальных законодательств государств-членов ЕАЭС позволяет сделать вывод о том, что в Республике Беларусь установлено наиболее либеральное наказание за неуплату таможенных платежей по сравнению с другими странами-членами ЕАЭС. Так, максимальная сумма штрафа может составлять порядка 510 белорусских рублей, что практически в 20 раз меньше максимально предусмотренного взыскания в Российской Федерации (в эквиваленте составляет 9 667 белорусских рублей).

Это касается не только таможенных правонарушений, но и преступлений в экономической сфере. Различия отмечаются в размере санкций, смягчающих и отягчающих обстоятельствах, сроках давности. Во всех уголовных кодексах пяти стран присутствует ссылка на размер предмета преступного посягательства, то есть уголовная ответственность наступает в случае, когда ущерб государству нанесен в крупном размере. При этом существуют различия в величине крупного размера. Минимальный размер установлен в Кыргызии и в эквиваленте составляет около 11 127 бел. руб., максимальный – в Армении и составляет 244 000 бел. руб. в эквиваленте.

Законодательство государств-членов ЕАЭС предусматривает административно наказуемые таможенные правонарушения и уголовно наказуемые преступления в таможенной сфере. Уголовное законодательство пяти стран предусматривает смягчающие и отягчающие обстоятельства преступления. Характерной чертой, при пересечении которой деяние переходит из подлежащего административной ответственности в уголовно наказуемое, является крупный или особо крупный размер или причинение этим деянием крупного ущерба, при этом существенно отличается величина крупного размера, как в отношении контрабанды, так и в отношении уклонения от уплаты таможенных платежей. В Кыргызии сумма, составляющая крупный размер, самая низкая из всех стран, самая высокая – в Армении.

На данном этапе интеграции государств-членов ЕАЭС вопросы административной и уголовной ответственности выходят за рамки таможенного регулирования. Член Коллегии по таможенному сотрудничеству Владимир Гошин (2016 г.) в своих публикациях отмечает, что этот вопрос может быть поставлен впоследствии в целом по ЕАЭС, однако на текущем этапе государства-члены посчитали унификацию административной и уголовной ответственности преждевременной. В таможенной сфере еще в 2010 году были приняты международные договоры, затрагивающие вопросы привлечения лиц к административной и уголовной ответственности, которые продолжают действовать и после вступления в силу нового Таможенного кодекса ЕАЭС (далее-ТК ЕАЭС).

В ходе проведенной работы в ТК ЕАЭС были кодифицированы 20 международных договоров.

Международные договоры, указанные в разделе I приложения № 2 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г., прекратили свое действие в связи со вступлением в силу ТК ЕАЭС.

Остальные кодифицированные международные договоры, которые приведены в разделе II Перечня, прекратят свое действие с даты вступления в силу соответствующего решения Евразийской экономической комиссии согласно статье 444 и пункту 2 статьи 448 ТК ЕАЭС [6].

Однако, не все международные договоры, составляющие в настоящее время таможенное законодательство Таможенного союза, были кодифицированы в ТК ЕАЭС.

Так, продолжают действовать после вступления в силу ТК ЕАЭС следующие международные соглашения:

- Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств-членов Таможенного союза от 5 июля 2010 г.;
- Соглашение о правовой помощи и взаимодействии таможенных органов государств-членов таможенного союза по уголовным делам и делам об административных правонарушениях от 5 июля 2010 г.;
- Договор о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма при перемещении наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Таможенного союза от 19 декабря 2011 г [6].

Эти международные договоры не были кодифицированы в ТК ЕАЭС по причине их несоответствия предмету правового регулирования ТК ЕАЭС.

Отсутствие унифицированного национального законодательства в области таможенных правонарушений Беларуси, России, Казахстана, Армении и Киргизии предоставляет нарушителям возможность выбора наименьшей меры наказания, что непозволительно в условиях борьбы с преступностью и углубления развития интеграционного объединения.

Невозможность учета преступлений, которые совершает один и тот же субъект на территории других стран ЕАЭС является главным недостатком административного и уголовного законодательства о таможенных правонарушениях стран ЕАЭС. При этом повторное совершение преступления является отягчающим обстоятельством по законодательству всех стран. В рамках общей таможенной территории и свободного движения товаров и транспортных средств этот факт повышает риск совершения повторного преступления на территории ЕАЭС.

Кроме того, в некоторых административных и уголовных кодексах стран ЕАЭС не придается криминальный, преступный характер деяниям, которые одновременно считаются наказуемыми в соответствии с законодательством остальных стран-участниц ЕАЭС. Следовательно этот факт «призывает» нарушителя к действиям противоправного характера «через соседнее государство».

Таким образом, видна необходимость максимально возможной унификации законодательства о таможенных правонарушениях, в том числе его процессуальной стороны, поскольку их разрозненность по ряду важных вопросов образуют дополнительный нелегальный и несоответствующий требованиям товарооборот и денежное обращение, угрожающие жизни и здоровью населения.

Создать единую нормативную базу ЕАЭС одновременно невозможно, это процесс постепенного развития и разработки. Основная задача заключается в способствовании формированию правовой базы интеграционного объединения. В противоположном случае наблюдается существенное противоречие: в условиях таможенного союза, общего таможенного пространства, общих целей и задач – уголовное и административное законодательство в сфере таможенных преступлений у каждого государства свое. На практике это приводит к серьезным затруднениям.

Для решения данной проблемы предлагаем перевести законодательство о таможенных правонарушениях с национального на наднациональный уровень и создать единый унифицированный акт в виде Административного и Уголовного кодексов ЕАЭС. Предлагаем урегулировать исчерпывающий список таможенных правонарушений (все составы, содержащиеся в КоАП и УК стран ЕАЭС), ответственность за их совершение, отягчающие и смягчающие обстоятельства, сроки давности и размеры правонарушений, которые являются критерием к дифференциации административной и уголовной ответственности. Также целесообразно унифицировать перечень лиц, которые могут выступать субъектами правонарушений в таможенной сфере.

Помимо прочего, необходима имплементация всех норм, присущих административному и уголовному процессам: виды наказаний, освобождение от наказания, назначение наказания, и прочее. При этом особое значение приобретает унификация крупного и особо крупного размеров деяния. Во всех странах-членах ЕАЭС, кроме Российской Федерации, в качестве единицы измерения размера деяния и ответственности за него применяются особым образом сформированные национальные показатели (месячный расчетный показатель, расчетный показатель, базовая величина и т.д.). Таким образом, вместо изменения сумм, как это практикуется в России, ежегодно происходит индексация и пересчет указанных показателей, одновременно с этим необходимости изменения цифр в нормативных актах не возникает. Таким образом, в Административном и Уголовном кодексах ЕАЭС о таможенных правонарушениях предлагается применить расчетный показатель, выработанный в рамках ЕАЭС и учитывающий экономическое положение каждой из стран-участниц. В дальнейшем, этот показатель может быть использован для других актов на наднациональном уровне.

Следует исключить из диспозиций статей такой обязательный элемент состава преступления как способ. Перечисление способов имеет второстепенное значение, но в случае, если формально лицо совершило преступление, но его действия не подпадают под способ, то оно может избежать ответственности.

Унификации в обязательном порядке подлежат и санкции за совершение преступления. Хотя они и близки по многим показателям, но всё же присутствует возможность, что совершение преступления в одной стране будет «выгоднее» с точки зрения возможных санкций, чем в другой, поэтому можно предположить, что количество преступлений будет оставаться на том же уровне, если не изменять наказания.

Введение единого унифицированного акта в виде Административного и Уголовного кодексов ЕАЭС о таможенных правонарушениях позволит свести к

минимуму совершаемые в рамках интеграционного объединения таможенные правонарушения по ряду причин:

1) унификация ответственности за совершение таможенных правонарушений и преступлений в сфере таможенного дела позволит применять наиболее эффективные санкции на основе анализа норм кодексов (Административного и Уголовного) пяти стран ЕАЭС, которые сделают нарушения таможенного законодательства неразумными для нарушителя по экономическим соображениям (например, введение крупного штрафа и обязательной конфискации предмета правонарушения повысят риски для потенциального нарушителя таможенного законодательства). Однако данная мера утратит потенциальную эффективность, при отсутствии совершенствования таможенного контроля;

2) с объединением нормативной базы, регулирующей таможенные правонарушения, у нарушителя не останется возможности для безнаказанного перемещения товаров с нарушением таможенных правил (например, для совершения деяния, которое в одной из пяти стран не считается правонарушением);

3) согласование сроков, касающихся пресечения таможенных правонарушений, позволит осуществлять более эффективные карательные меры, нежели те, которые осуществляются в настоящее время и т.д.

Таким образом, наиболее эффективным решением проблем обеспечения экономической безопасности стран ЕАЭС с точки зрения таможенной деятельности является комплексная реализация двух направлений: повышение эффективности таможенного контроля в рамках системы управления рисками и унификация законодательства о таможенных правонарушениях путем создания единого унифицированного акта в виде Административного и Уголовного кодексов ЕАЭС о таможенных правонарушениях, которые бы содержали единые принципы, сроки, критерии привлечения лиц к административной и уголовной ответственности за совершение таможенных правонарушений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кодекс об административных правонарушениях Республики Армения от 6 декабря 1985 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=77148, – Дата доступа: 12.01.2019.

2. Кодекс Кыргызской Республики об административной ответственности от 4 августа 1998 года № 114. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30232566&doc. – Дата доступа: 12.01.2019.

3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 21 апреля 2003 г. № 194-3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kodeksy.by/koap>. – Дата доступа: 12.01.2019.

4. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577399&doc. – Дата доступа: 13.01.2019.

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 07.03.2018). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/. – Дата доступа: 12.01.2019.

6. Официальный сайт Минской центральной таможни. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mct.customs.gov.by/ru/mct-kodeks1-ru>. – Дата доступа: 17.01.2018.

7. Официальный сайт Государственного таможенного комитета Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.customs.gov.by>. – Дата доступа: 12.01.2019.

8. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 1 октября 1997 года № 68. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://shailoo.gov.kg/media/anarbek/2018/01/27/22_jP701IJ.pdf. – Дата доступа: 14.01.2019.

9. Уголовный кодекс Республики Армения от 29 апреля 2003 года №ЗР-528. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&lang=rus&sel=show>. – Дата доступа: 12.01.2019.

10. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xn----ctbcgfviccvibf9bq8k.xn--90ais/>. – Дата доступа: 15.01.2019.

11. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252#pos=0;0. – Дата доступа: 15.01.2019.

12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 19.02.2018). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/. – Дата доступа: 13.01.2019.

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ: СЛОЖНОСТИ НА ПУТИ РАЗВИТИЯ

Н.М. Кейно

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, nkeyno@mail.ru*

В статье обсуждаются возможные пути развития ЕАЭС, возможности усиления экономического взаимодействия между странами-участницами интеграции, возможные пути дальнейшей экономической интеграции; полноценное включение стран-участниц ЕАЭС в мировую экономику, а также возможные пути модернизации экономики региона путем тесного сотрудничества со странами ЕС и Китаем. В статье анализируется значимость ЕАЭС для стран региона, а также значимость Союза на международной арене. Кроме того, проводится оценка значимости сотрудничества ЕАЭС как с «мелкими», так и с «крупными» игроками в мировой экономике. Значимость улучшения отношений между странами ЕС и Россией на экономическую успешность интеграции, а также возможной заменой отношений Россия-ЕС на ЕАЭС-ЕС.

Ключевые слова: ЕАЭС; Интеграция; Большая Евразия; Сотрудничество с ЕС; Шелковый путь; Зона свободной торговли; Вьетнам.

EURASIAN ECONOMIC UNION: DIFFICULTIES ON THE WAY OF DEVELOPMENT

М.М. Keino

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article discusses possible ways for the development of the EEU, the possibilities of enhancing economic cooperation between the member countries of integration, possible ways for further economic integration; the full integration of the EEU member countries into the world economy, as well as possible ways to modernize the regional economy through close cooperation with the EU countries and China. The article analyzes the significance of the EEU for the countries of the region, as well as the significance of the Union on the international arena. In addition, an assessment of the significance of cooperation of the EEU with both the “small” and “large” actors in the world economy is being conducted. The significance of improving relations between the EU countries and Russia for the economic success of integration, as well as the possible replacement of Russia-EU relations for the EEU-EU.

Key words: EEU; Integration; Greater Eurasian; Cooperation with EU; Silk Road; Free Trade Area; Vietnam.

Евразийский экономический союз, созданный в 2015 году, можно назвать первой успешной интеграционной инициативой на постсоветском пространстве, для которой характерно стремление стран-участниц создать независимый центр регионального развития, неконтролируемый «экономическими гигантами» Европы и Азии [5, с. 3]. Союз в значительной степени критикуют как «проект по возрождению Советского союза», который усиливает доминирование России, ограничивает взаимодействие между членами союза и ЕС и выступает в качестве механизма против «поглощения» стран региона конкурирующими региональными блоками, в частности инициативой ЕС Восточное партнерство [3, с. 9]. Однако страны-члены ЕАЭС открыто выступают против понимания созданной ими интеграции как «антизападного образования», поскольку у Союза нет ни политических институтов, ни политических целей [5, с. 8]. Более того, сотрудничество стран-членов ЕАЭС с ЕС продолжает развиваться. В настоящее время ЕАЭС является экономическим союзом, который использует принципы свободного перемещения товаров, услуг, рабочей силы и капитала и проводит скоординированную и последовательную экономическую политику [4, с. 45].

Интеграция на постсоветском пространстве должна рассматриваться не только с точки зрения геополитической конфронтации, но и с исторической и, в основном, экономической точек зрения. Интеграция играет положительную роль в благосостоянии общества и трудовой миграции [5, с. 14]. Союз также сохраняет сложившиеся производственные цепочки бывших советских республик, поскольку общая нефтегазовая инфраструктура СССР, электроэнергетические системы, железные дороги, общие производственные цепочки делают постсоветские страны взаимозависимыми даже сегодня [7, с. 130]. Все эти аспекты объясняют поддержку интеграции среди граждан стран-членов ЕАЭС (84% населения Казахстана, 79% – России и 68% – Беларуси положительно отреагировали на подписание Договора о Евразийском экономическом союзе) [6, с. 67].

Тем не менее в настоящее время невозможно оценить прямое влияние создания ЕАЭС на торговлю между его участниками. Многие ученые придерживаются мнения, что «Россия, достигнув главной для нее цели Союза – его создания, не прикладывает усилия для успешного его дальнейшего развития [3, с. 2]. Время создания ЕАЭС совпало с экономическим спадом в России и Казахстане и инфляцией национальных валют данных стран. Снижение товарооборота было вызвано падением цен на нефть и сырье [7, с. 128].

На внутреннем уровне страны-члены ЕАЭС принципиально отвергают возможности для углубления интеграционного сотрудничества в политической области [5, с. 8].

Таким образом, будущая интеграция может быть достигнута по некоторым экономическим направлениям. Например, создание общих рынков электроэнергии запланировано на 2019 год, создание общего финансового рынка на период 2022–2025 годов и общего рынка газа и нефтепродуктов на 2024–2025 годы [7, с. 30].

На внешнем уровне необходимо отметить, что ЕАЭС сегодня не является самодостаточным рынком. Союз регулирует только 3,2% мирового ВВП [6, с. 66]. В этом случае большое значение будет иметь будущее сотрудничество с «сильными» экономическими игроками на международной арене.

Так, официальные представители ЕАЭС подчеркивают готовность Союза к сотрудничеству с третьими странами, отмечая, что обсуждение торговых соглашений уже началось примерно с 40 государствами. В 2015 году ЕАЭС и Вьетнам подписали соглашение о свободной торговле, в настоящее время ведутся переговоры о заключении аналогичных соглашений с Египтом, Израилем, Индией, Ираном и Сингапуром [7, с. 162]. Таким образом, соглашения о свободной торговле могут привести к дополнительному увеличению экспорта и привлечению инвестиций в страны-участница Союза.

ЕАЭС нацелен на региональный экономический рост и модернизацию, в данном контексте диалог с западными странами, особенно со странами ЕС, а также и с «сильным» восточным партнером – Китаем, имеет важное значение для ЕАЭС [5, с. 183]. Хотя отношения с ЕС остаются наиболее спорным вопросом, возможно, наибольший потенциал имеют отношения ЕАЭС с Китаем, поскольку Казахстан и Кыргызстан уже установил тесные торговые связи с данной страной. Китай является вторым по значимости торговым партнером для ЕАЭС после ЕС, его торговля занимает около 14 % от общего оборота Союза [5, с. 185]. Многие ученые выдвигают предположение, что для поддержки экономического роста ЕАЭС Союзу (а именно участникам интеграции) необходимо сотрудничать с Китаем в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Существует еще более амбициозное видение ЕАЭС как проекта «Большой Евразии», простирающегося от «Мурманска до Шанхая» [7, с. 185]. Кроме того, в настоящее время перспективен «новый проект Шелкового пути», который позволит Китаю и Западной Европе соединить железные и автомобильные дороги с транспортными путями через страны ЕАЭС. Предположительно, ЕАЭС и китайская проект «Один пояс – один путь» будут работать параллельно, при этом Китай сосредоточится на «двусторонних инвестициях и инфраструктуре», а ЕАЭС – на сотрудничестве между его членами [1, с. 1].

Более того, актуальным вопросом становится экономическая интеграция стран ЕАЭС с ЕС, так как, во-первых, ЕС остается крупнейшим торговым партнером России и Казахстана: «более 50 % от общего объема экспорта и более 40 % от общего объема импорта». Во-вторых, финансовая помощь ЕС в рамках программ технической помощи может стать источником технологического обновления институтов стран-членов ЕАЭС. В-третьих, ЕС можно рассматривать как важный источник инвестиций. В-четвертых, «емкость европейского рынка с его ВВП в размере более 16 трлн. долл. США» и численность населения ЕС, которая в 2,8 раза превышает численность населения ЕАЭС, могут служить ЕАЭС благоприятными торговыми возможностями [5, с. 177]. Также сотрудничество ЕС и ЕАЭС может стать прорывом в отношениях с Россией. Отношения Россия-ЕС могут быть заменены на ЕАЭС-ЕС. Несмотря на то, что диалог на уровне Европейской комиссии и Евразийской экономической комиссии необходим, никаких фундаментальных шагов на настоящий момент пока не сделано.

В заключение следует отметить, что создание ЕАЭС является значительным достижением для его участников, целью которого является модернизация национальных экономик стран-участниц, устранение торговых барьеров и создание условий для выхода на мировые рынки. Несмотря на то, что ЕАЭС не может быть признан новым «центром силы» в мировой экономике, он продолжает оставаться действующим таможенным союзом с высокой степенью гармонизации таможенных тарифов и единой торговой политикой в отношении третьих стран. В долгосрочной перспективе ЕАЭС должен преодолеть множество препятствий, в том числе геополитических. Будучи новым игроком на международной арене, ЕАЭС укрепляет свои позиции путем переговоров с другими игроками. В ближайших планах ЕАЭС – накопление опыта и компетенций, разработка и заключение соглашений о свободной торговле с Сингапуром и другими мелкими субъектами (по опыту соглашения о свободной торговле с Вьетнамом). Но в долгосрочной перспективе ЕАЭС может быть вовлечен в сложное взаимодействие с двумя крупными глобальными игроками – Китаем и Европейским союзом. Хотя диалог с Китаем возможен, взаимодействие на высоком уровне с ЕС представляется на данном этапе невозможным, по крайней мере, пока Россия не изменит политику в отношении Украины, не будет решен «Крымский» вопрос. При условии решения обеих сторон взаимодействовать по конкретным техническим вопросам, касающимся таможенных вопросов и упрощения внешней торговли, это приведет к разработке будущих стратегий взаимного сотрудничества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Bond, I. 2017. “The EU, the Eurasian Economic Union and One Belt, One Road: Can they work together?”, Centre for European Reform, 1-3, London.
2. Dragneva, R, Wolczuk, K. 2012. “Russia, the Eurasian Customs Union and the EU: Cooperation, Stagnation or Rivalry?” Russia and Eurasia Programme, REP BP 2012/01.
3. Dragneva, R, Wolczuk, K. 2017. “The Eurasian Economic Union: Deals, Rules and the Exercise of Power”, Russia and Eurasia Programme, 1-26, London.
4. Eurasian Economic Commission report, 2015. “Eurasian Economic Integration: Facts and figures”, 1-57, Moscow.
5. International Crisis Group report, 2016. “The Eurasian Economic Union – Power, Politics and Trade”, Europe and Central Asia Report N°240, 1-30, Brussels.
6. Vinokurov, E. 2017. “Eurasian Economic Union: Current state and preliminary results”, Russian Journal of Economics, iss. 3, 54–70, St. Petersburg.
7. Доклад ЦИИ ЕБР, 2017. “Евразийский экономический союз”, 296 с., Санкт-Петербург.
8. Саттаров Р. 2017. “ЕАЭС: перспективы расширения, интеграция «снизу» и интересы бизнеса. Мнение экономиста Александра Либмана”, Central Asian Analytical Network Journal, С. 1–3, Москва.

ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЗОНЫ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ В РАМКАХ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЕС И ЕАЭС

К. С. Кокало

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, kira_koks_is_me@mail.ru*

В статье рассматриваются геоэкономические и геополитические аспекты перспектив формирования транснациональной ассоциации свободной торговли на евразийском континенте в рамках сотрудничества региональных интеграционных объединений Европейского союза и Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: Международное сотрудничество в сфере внешнеторговых связей; Европейский Союз; Евразийский экономический союз; зона свободной торговли; режим беспошлинной торговли в рамках транснационального взаимодействия государствами региональных интеграционных группировок.

PROSPECTS OF FORMING A FREE TRADE ZONE WITHIN THE FRAMEWORK OF INTERREGIONAL INTERACTION OF THE EU AND EAEU

K. S. Kokalo

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article discusses the geo-economic and geopolitical aspects of the prospects for the formation of a transnational free trade association on the Eurasian continent within the framework of cooperation between the regional integration associations of the European Union and the Eurasian Economic Union.

Key words. International cooperation in the sphere of foreign trade relations; the European Union; the Eurasian Economic Union; a free trade zone; a duty-free trade regime within the framework of transnational interaction of states and regional integration groups.

Развитие более тесных отношений ЕАЭС и стран СНГ с Евросоюзом (ЕС) в долгосрочной перспективе имеет исторические, культурные, экономические и геополитические предпосылки. Постсоветским государствам необходимо воплотить крупные проекты модернизации и инновационного развития своих национальных экономических систем, чтобы не позволить отставания от мировых центров влияния. И здесь СНГ и ЕАЭС, с одной стороны, и ЕС, с другой, естественным образом могут выступить как партнеры для создания успешного стратегического сотрудничества. Тем не менее, не стоит забывать, что между интеграционными блоками имеет место серьезный дисбаланс по уровню технологического и инновационного развития в экономической, технологической и управленческой сферах.

Несмотря на значительные различия по уровню экономического развития эти два объединения имеют общие черты, в силу чего элиты постсоветских государств ориентируются на европейские ценности и стремятся строить свои отношения на примере ЕС. А это предполагает свободу внутренней торговли и соблюдение принципов Всемирной торговой организации. Также, необходимо отметить общность организационно-правовых инструментов таможенной политики обеих интеграционных группировок. И в ЕС, и в ЕАЭС в отношении товаров, ввозимых на таможенную территорию, уплачиваются пошлины и налоги лишь

один раз в любом региональном пункте таможенного оформления вне зависимости от адреса разгрузки. Основой для Единого таможенного тарифа ЕС и действующей в ЕАЭС товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности послужила Гармонизированная система описания и кодирования товаров, разработанная в рамках Всемирной таможенной организации. Много общего и в реализации законодательства в сфере нетарифного регулирования.

Однако имеются и отличия. Первое состоит в порядке делегирования национального суверенитета. При принятии серьезных решений в ЕС государства с крупными экономиками, ВВП и т. д. имеют большее количество голосов, чем малые, в результате чего последним затруднительно продвигать свои интересы, для этого необходимо вступать в коалицию с государствами такого же уровня развития экономики. Кроме того, даже в Европейской комиссии интересы крупных государств представляли по два комиссара, от менее крупных – по одному [1, с. 21]. В ЕАЭС используется несколько другой подход – все государства равны, вне зависимости от размеров и экономического влияния. В Евразийской экономической комиссии каждое государство-член представляет одинаковое количество министров (руководителей секретариатов в ЕЭК), на данный момент их количество в Коллегии – 10 человек, и любое решение принимается двумя третями голосов.

Другое отличие состоит в том, что в ЕАЭС, который еще не достиг по многим параметрам стадии экономического союза, политический компонент в интеграции преобладает над экономическим. У ЕС, несмотря на то, что помимо экономического и валютного союза в 1990–е годы был запущен механизм создания в рамках «Единой Европы» политического союза, экономическая составляющая интеграции всегда была доминантой в рамках европейской интеграции [1, с. 21].

Третье отличие – это отсутствие в ЕАЭС единой валюты, института единого резидентства. Можно назвать еще больше примеров, констатирующих значительную непрозрачность друг к другу национальных экономик государств – членов ЕАЭС и незначительный рост взаимной торговли между этими странами.

Российская сторона неоднократно обращала внимание на целесообразность всеобъемлющего интеграционного сотрудничества с ЕС. Так, в 2010 г. президент РФ В.В. Путин выступил с предложением к немецким бизнес-лидерам открыть торговый и инвестиционный рынки Евросоюза России. Основываясь на данной инициативе, следует конечная цель данного проекта — формирование ЗСТ от Атлантики до Тихого океана и геоэкономическое укрепление ЕАЭС.

Данная идея получила дальнейшее развитие на саммите ЕС–Россия 28 января 2014 г., во время выступления президента России В. Путина, выдвинувшего идею создания зоны свободной торговли с ЕС. Это предложение впоследствии поддержал президент Казахстана Н. Назарбаев, а далеесхожую точку зрения озвучил тогдашний еврокомиссар по вопросам политики соседства и расширения ЕС Ш. Фюле, выступив в поддержку проведения переговоров по созданию свободного рынка [5]. Однако события в Украине 2014 г. и присоединение Крыма к России внесли серьезные изменения в планы сторон, а последовавшая затем санкционная политика западных стран в отношении России практически свела на нет все успехи предшествующего партнерства и завела российско-европейское, а вместе с ним и европейско-евразийское сотрудничество в тупик. ЕС ничего не осталось, как продолжить курс на развитие двусторонних отношений с отдельными странами ЕАЭС.

Нынешний этап сотрудничества стран ЕС и ЕАЭС (за исключением России) основывается на системе двусторонних отношений, сформировавшихся еще в середине 1990-х гг. Даже будучи членами ЕАЭС Армения, Беларусь и Казахстан заинтересованы в усилении экономических связей с ЕС. Но, очевидно, что сотрудничество стран ЕС и ЕАЭС по-прежнему зависит от отношений ЕС и Россией и новой геополитической картины, как в Евразии, так и в мире в целом.

Для взаимного интереса ЕС и ЕАЭС в интеграционном партнерстве существуют объективные предпосылки (принимая во внимание нынешний кризис сотрудничества ЕС и России): территориальная близость, крупный товарооборот, перспективность инвестиционного сотрудничества, проблемы экономической безопасности, возможность передачи европейских инноваций и технологий в ЕАЭС, а также остающиеся нерешенными вопросы развития трансграничной инфраструктуры». [3] По мнению экспертов Евразийского банка развития (ЕАБР), для ЕАЭС широкое экономическое сотрудничество с ЕС имеет чрезвычайную важность и перспективность в силу следующих причин:

- Евросоюз – один из крупнейших торговых партнеров России и Казахстана, Россия же, со своей стороны, является третьим по значимости торговым партнером Евросоюза;

- ЕС может внести существенный вклад в решение вопроса модернизации стран-участниц ЕАЭС;

- ЕАЭС в условиях политического кризиса со странами Запада инициирует ряд соглашений о свободной торговле с партнерами вне постсоветского пространства (например, с ЕАСТ и Вьетнамом), а Евросоюз в этом контексте можно рассматривать как основного долгосрочного партнера;

- проблема Украины может быть решена в рамках глубокой экономической кооперации между ЕС и ЕАЭС, что еще более обуславливает важность и необходимость такого сотрудничества [4].

Однако ЕАЭС заинтересован не просто в договоре о свободной торговле, а в глубоком, всеобъемлющем соглашении с ЕС. Варианты возможной интеграции ЕС и ЕАЭС многочисленны — от глубокого и широкомасштабного соглашения о свободной торговле (ДСФТА) до всеобъемлющего торгово-экономического соглашения. Пример последнего – готовящееся Трансатлантическое сотрудничество в инвестициях и торговле (ТТИП) с США [2, с. 25–26].

На современном этапе развития мировых интеграционных процессов наблюдается новый ведущий тренд – создание так называемых альтернативных моделей глобального (трансконтинентального) партнерства. Активное участие в запуске этого процесса принимают центральные мировые игроки – Китай и США. Так, американское руководство приблизительно в 2008 г. выдвинуло идею создания двух трансконтинентальных интеграционных ассоциаций: Транстихоокеанского партнерства (Trans-Pacific Partnership, ТТП) и Трансатлантического сотрудничества в инвестициях и торговле (Transatlantic Trade and Investment Partnership, ТТИП), основная цель которых по сути – укрепление доминирующей позиции США в Азии и Европе. Так, в случае ТТИП речь идет о фактической интеграции Евросоюза и НАФТА. Однако с экономической точки зрения, по мнению экспертов, реализация американского проекта скорее опасна, чем выгодна для стран ЕС: «заключение ТТИП может привести к потере более 600 тыс. рабочих мест в Европе, а также будет способствовать снижению социальных стан-

дартов, что будет на руку только американцам, которые продолжают продвигать собственные интересы во всех регионах Европы» [2, с. 35]. В этом контексте для стран ЕС восстановление сотрудничества со странами ЕАЭС может стать серьезной альтернативой американскому проекту и своего рода инструментом сдерживания политического давления США на ЕС. Однако для этого важно преодолеть все те политические разногласия между сторонами, которые возникли в результате украинского кризиса 2014 г.

Сегодня геополитическая ситуация в Евразии имеет тенденцию к существенной корректировке. На наших глазах формируется глобальный интеграционный разлом между евро-атлантическим интеграционным блоком и Евразийским союзом, углубляющим интеграцию с Китаем. Здесь уместно упомянуть еще об одном проекте, имеющем глобальное измерение и направленном на объединение большого евразийского пространства, – китайского проекта «Один пояс, один путь» [2, с. 37].

О запуске китайского проекта «Один пояс, один путь» в 2013 г. заявил председатель КНР Си Цзинпин [3]. Это мегапроект, состоящий в свою очередь из отдельных проектов в различных сферах (от экономической до культурной), результатом чего должно стать формирование «Большой Евразии» от берегов Тихого океана до берегов Балтийского и Средиземного морей.

Кризис в отношениях со странами Запада объективно подтолкнул Россию к интенсификации отношений с Китаем. В итоге Россия и Китай официально объявили о решении состыковать Евразийский экономический союз и проект «Экономический пояс Шелкового пути», и 8 мая 2015 г. президент РФ В. В. Путин и председатель КНР Си Цзинпин подписали «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути», что послужило началом российско-китайской инициативы об углублении экономического взаимодействия на континенте.

В то же время в данном проекте предусмотрено место и для стран Евросоюза. В официальной программе, предложенной мировой общественности в марте 2015 г., отмечается следующее: «Один пояс, один путь» «должен объединить Китай, Центральную Азию, Россию и Европу». Из этого следует, что без Евросоюза китайский проект будет неполным и что страны Центральной и Восточной Европы имеют свою, особую роль. Таким образом, ЕС является частью этого глобального инфраструктурного проекта, так как его основная цель — обеспечить прямой доступ китайской продукции на европейский рынок через пространство ЕАЭС. Парадоксально, но факт: китайский проект «Один пояс, один путь» создает объективные предпосылки для будущей интеграции Европейского и Евразийского союзов, но совершенно в иных геополитических условиях и на иных основаниях.

Первоначальная инициатива России по расширению евразийского сотрудничества являла собой формирование впоследствии зоны свободной торговли между ЕАЭС и ЕС как «одной Большой Европы от Лиссабона до Владивостока». Однако нельзя забывать и о последствиях украинского кризиса 2014 г., присоединения к России Крыма и осуществления санкционной политики Запада в отношении России, поэтому при всей остроте обсуждений перспективности расширения экономического взаимодействия между двумя блоками очевидно, что диалог в прежнем режиме будет невозможен еще значительное время. Сегодня дефицит доверия между

двумя сторонами принял угрожающие масштабы. Тем не менее, в отдаленной перспективе отношения между ЕС и ЕАЭС все же будут нормализованы, но европейским коллегам важно понять, что это уже будет происходить совершенно в других геоэкономических и геополитических условиях – не в рамках проекта «Большая Европа от Лиссабона до Владивостока», а скорее в рамках «Большой Евразии от Лиссабона до Шанхая».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Винокуров, Е. Количественный анализ экономической интеграции Европейского союза и Евразийского экономического союза: методологические подходы. / Е. Винокуров // Доклад ЦИИ ЕАБР. 2014 – № 23 (2). – С. 21–25.
2. Лезгинцев, Ю.М. Соглашения о свободной торговле в условиях глобализации / Ю.М. Лезгинцев // Латинская Америка. – 2009. – № 2. – С. 25–38.
3. Информационное агентство REGNUM [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.regnum.ru/>. – Дата доступа: 28.05.2018.
4. Официальный сайт Евразийской Экономической комиссии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eurasiancomission.org/>. – Дата доступа: 28.05.2018.
5. The official website of the European Union [Electronic resource]. – Mode of access: <http://europa.eu/>. – Date of access: 2.05.2018.

СУЧАСНЫЯ АРГАНІЗАЦЫЙНА-ПРАВОВЫЯ МЕХАНІЗМЫ РЭГУЛЯВАННЯ МІЖНАРОДНЫХ АЎТАМАБІЛЬНЫХ ПЕРАВОЗАК У РАМКАХ ЕЎРАПЕЙСКАГА САЮЗА

У.В. Ляхоўскі¹⁾, М.А. Летуноўская²⁾

*¹⁾Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, prysynak@gmail.com*

*²⁾Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, marusya111296@mail.ru*

У рамках публікацыі разгледжаны асноўныя арганізацыйна-правовыя механізмы рэгулявання міжнародных аўтамабільных перавозак у рамках Еўрапейскага саюза і ў прыватнасці правапрымяненне сітэмы транзіту ЕС.

Ключавыя словы: Еўрапейскі саюз; міжнародныя аўтамабільныя перавозкі; агульнаеўрапейская транспартная палітыка; генеральны дырэктарат Еўрапейскай камісіі па мабільнасці і транспарце; еўрапейская канферэнцыя міністраў транспарту ЕС; транс'еўрапейскія аўтадарожныя сеткі; мультымадальны перавозкі; сістэма транзіту ЕС.

MODERN ORGANIZATIONAL AND LEGAL MECHANISMS OF REGULATION OF INTERNATIONAL ROAD TRANSPORT WITHIN THE FRAMEWORK OF THE EUROPEAN UNION

Ul. Lyachovskiy^a, M. Letunouskaya^b

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

^bBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Corresponding author: Ul. Lyachovskiy (prysynak@gmail.com)

As part of the publication describes the main organizational and legal mechanisms for regulating international road transport within the European Union, and in particular the EU law enforcement sitemy transit.

Keywords: The European Union; international road transport-European transport policy; the European Commission Directorate-General for Mobility and Transport and the European Conference of Ministers of EU transport; trans-European road network; multimodal transport; EU transit system.

Агульная транспартная палітыка Еўрапейскай Супольнасці свой пачатак бярэ з 1958 г., паралельна з фармаваннем агульнаеўрапейскага рынку транспартных паслуг. Дамова аб стварэнні Еўрапейскай эканамічнай супольнасці (ЕЭС) забяспечвала свабоднае перамяшчэнне тавараў, паслуг, капіталаў і фізічных асоб на тэрыторыі згаданага інтэграцыйнага аб'яднання. Сёння ў транспартнай сферы ЕС задзейнічана каля 10 млн чалавек (4,2% ад агульнай колькасці занятых), якія непасрэдна забяспечваюць транспартныя патрэбы эканомікі і насельніцтва ЕС. Палова із іх працуюць на аўтамабільным транспарце. Плануецца, што да 2020 г. працягласць транс'еўрапейскіх аўтадарог дасягне 96 тыс. км [1].

Галоўным органам ЕС па пытаннях транспарту з'яўляецца Генеральны дырэктарат Еўракамісіі па мабільнасці і транспарце, які адказвае за распрацоўку транспартнай палітыкі ў рамках Саюзу. Яго мэта – забеспячэнне мабільнасці ў еўрапейскім транспартным сектары і з'яўдзенне да мінімуму неспрыяльнага тэхнагеннага ўздзеяння гэтай галіны на навакольнае асяроддзе.

Для вырашэння гэтых мэт былі пастаўлены наступныя задачы:

- забеспячэння максімальнай інтэграцыі ўсіх відаў транспарту ў адзіную канкурэнтаздольную транспартную сістэму ЕС;
- распрацоўка агульнаеўрапейскага планавання па ўкараненню прагрэсіўных інавацый па далейшым развіцці транспартных тэхналогій новага пакалення;
- пабудова транс'еўрапейскіх сетак, арыентаваных на мультымадальныя перавозкі;
- абарона эканамічных і гандлёвых інтарэсаў ЕС на міжнародным рынку гэтых паслуг [2].

У ЕС усе міжнародныя аўтаперавозкі, якія ажыццяўляюцца перавозчыкамі ЕС, умоўна можна падзяліць на 3 віды:

1) двухбаковыя міжнародныя перавозкі, якія складаюць асноўную частку перавозак (загрузка або разгрузка ажыццяўляецца ў краіне, у якой зарэгістраваны транспартны сродак);

2) перавозка па схеме «crosstrade» (загрузка і разгрузка адбываюцца ў розных краінах, якія не з'яўляюцца краінай рэгістрацыі транспартнага сродку);

3) кабатажныя перавозкі ў рамках нацыянальнага заканадаўства краін ЕС, якія выконваюцца перавозчыкам-нерэзідэнтам ЕС.

Міжнародныя перавозкі ўнутры ЕС, што ажыццяўляюцца рэзідэнтамі ЕС, складаць больш за 90% усіх міжнародных перавозак у Саюзе. Аднак гэты паказчык вызнаецца сярэднім, так як у «пагранічных» краінах (Фінляндыя, краіны Балты) доля перавозчыкаў-нерэзідэнтаў прадстаўлена значна больш за сярэднееўрапейскія паказнікі. Што тычыцца перавозак з выкарыстаннем транзітных працэдур, колькасць штогод выдадзеных дакументаў па працедурах агульнага і камунітарнага транзіту складае каля 20 млн., а колькасць выдадзеных Кніжак TIR – 2,5 млн [3].

Міжнародныя аўтамабільныя перавозкі ў рамках ЕС складаюцца, у асноўным, з двухбаковых перавозак паміж членамі ЕС (82%), перавозак з трэцімі

дзяржавамі (15%) і кабатажу (3%). Для ЕС у цэлым, узровень пранікнення кабатажных перавозак складае не больш за 1% [5].

З улікам таго, што ў рамках ЕС інтэграваныя краіны з розным узроўнем эканамічнага развіцця і канкурэнтаздольнасці, новыя суб'екты ЕС імкнуцца абараніць свой нацыянальны рынак ад больш танных аўтаперавозчыкаў з краін-лідараў Саюзу. Аднак у 2010–2011 гг. ўступіла ў дзеянне Пастанова ЕС № 1072/2009 «Аб агульных правілах доступу да міжнародных аўтамабільных перавозках», дзе вызначаны адзіныя правілы ажыццяўлення кабатажных перавозак (выкананне транспартных паслуг ўнутры пэўнай краіны замежным перавозчыкам, калі месца пагрузкі і выгрузкі знаходзіцца ў дадзенай краіне). Як правіла, кабатажныя перавозкі ажыццяўляюцца нерэзідэнтамі транспартных апэратараў на «часовай» аснове. Таму быў неабходны больш узгоднены падыход для вырашэння гэтага пытання. Паводле Пастановы № 1072/2009, паняцце «часовыя» вызначаецца як прадастаўленне больш за тры аперацыі кабатажу на працягу 7 дзён пасля разгрузкі ў канцы ажыццяўлення міжнароднай перавозкі. Акрамя таго, існуе абмежаванне ў выглядзе адной кабатажнай перавозкі на кожную краіну ЕС за перыяд трох дзён (адлік пачынаецца з моманту ўезду транспартнага сродку на тэрыторыю гэтай краіны без грузу). Азначанае Пастанова распаўсюджваецца на ўсе краіны ЕС і кабатажныя перавозкі ўнутры Саюзу зараз могуць ажыццяўляць толькі транспартныя кампаніі, якія з'яўляюцца уладальнікамі ліцэнзій ЕС [4].

Сфармаваная сістэма квот шматбаковых дазволаў на перавозкі ў ЕС, уведзеная з 1 студзеня 1974 г., прывяло да значнай лібералізацыі аўтамабільных грузавых перавозак. Комплексны характар дадзеных квот паслужыў больш рацыянальнаму выкарыстанню транспартных сродкаў і значна скараціў колькасць парожніх прабегаў. Але да гэтага часу яшчэ не вырашаны шэраг сур'ёзных праблем, звязаных з перагружанасцю еўрапейскіх транспартных камунікацый. У першую чаргу гэта тычыцца транспартных развязак, якія злучаюць грузавыя тэрміналы буйнейшых аэрапортаў і марскіх акваторый краін ЕС. Актуальнымі застаюцца таксама пытанні экалогіі і бяспекі на дарогах. Рашэнне бачыцца ў значнай разгрузцы аўтамагістраляў і больш шырокім выкарыстанні мультымадальных і інтэрмадальных перавозак з выкарыстаннем чыгуначнага і воднага транспарту. У адпаведнасці з прынятай 28 сакавіка 2011 г., Еўрапейскай транспартнай праграмай на 2050 г., перавозкі аўтамагістралям на далёкія адлегласці будуць скарачаныя на 50 % і складуць каля 30 % ад агульнага аб'ёму ўсіх перавозак, якія ажыццяўляюцца на адлегласць больш за 300 км [6].

Далучэнне да ЕС новых дзяржаў з Усходняй Еўропы надае транспартным праектам Саюзу яшчэ большую значнасць. Эфектыўнае злучэнне транс'еўрапейскіх сетак з сеткамі краін, якія мяжуюць з ЕС на Ўсходзе (Беларуссю, Украінай і Малдовай) і на Поўдні (Сербіяй, Албаніяй і Турцыяй), стане важным фактарам па стымуляванні эканамічнага развіцця ўсяго еўрапейскага рэгіёну.

Асобна варта разгледзець створаную ў ЕС сістэму мытнага і ўнутранага транзіту. Створаная Адзіная працэдура транзіту ЕС дазваляе аформіць тавары на мытні па месцы знаходжання імпарцёра (экспарцёра). Тавары захоўваюць свой мытны статус: пры перасоўванні з аднаго пункта на мытнай тэрыторыі ЕС у

іншы пункт на мытнай тэрыторыі ЕС праз тэрыторыю трацін краіны; для замежных тавараў – пры транспарціроўцы па мытнай тэрыторыі ЕС [7].

У рамках мытнага заканадаўства ЕС вылучаюць наступныя віды працэдуры транзіту:

- знешні транзіт (для замежных тавараў пад кодам «Т1»);
- унутраны транзіт (для тавараў ЕС пад кодам «Т2»).

Акрамя гэтага, у залежнасці ад маршруту руху транзітных тавараў, адрозніваюцца:

- т. зв. «камунітарны транзіт» (пры перамяшчэнні тавараў паміж двума пунктамі на мытнай тэрыторыі ЕС);

- міжнародны транзіт (пры перамяшчэнні тавараў у рамках міжнародных канвенцый - Канвенцый МДП (TIR), АТА; Канвенцыі аб навігацыі па Рэйну);

- агульны транзіт –ж пры перамяшчэнні тавараў у рамках Канвенцыі аб агульным транзіце 1987 г. паміж ЕС, ЕАСГ (Ісландыяй, Нарвегіяй, Ліхтэнштэйнам, Швейцарыяй), Турцыяй, Македоніяй і Сербіяй [8].

Прававой асновай Працэдуры агульнага транзіту (ПАТ), які найбольш актуальны для Беларусі, з'яўляецца Канвенцыя аб агульным транзіце ад 20 мая 1987 г., якая разам з Канвенцыяй аб спрашчэнні фармальнасцяў у гандлі замацоўвае нормы Адзінага адміністрацыйнага дакумента ЕС [13]. Як мы адзначалі вышэй, акрамя дзяржаў – членаў ЕС і ЕАСГ, ПАТ выкарыстоўваецца ў дачыненні з Турцыяй (ад 1 снежня 2012 г.), Македоніяй (з 1 ліпеня 2015 г.) і Сербіяй (з 1 лютага 2016 г.). Рашэнне аб далучэнні новых краін да Канвенцыі прымае Аб'яднаны камітэт ЕС / ЕАСГ (ЕС / EFTA Joint Committee) і толькі на аснове поўнага кансенсусу. Дадзеная працэдура забяспечвае магчымасць адтэрміноўкі выплаты мытаў, акцызаў, а таксама іншых збораў. Пры гэтым, упаўнаважаныя эканамічныя аператары, зарэгістраваныя ў ЕС, могуць не выкарыстоўваць дадзеную працэдуру і маюць права скарыстацца іншымі міжнароднымі транзітнымі сістэмамі [8].

Дзеянне дадзенай сістэмы пачынаецца ў мытні адпраўлення і заканчваецца тады, калі тавары і транзітная дэкларацыя падаюцца ў мытню прызначэння. Завераная копія транзітнай дэкларацыі накіроўваецца мытным органам прызначэння ў мытны орган адпраўлення (ці ў цэнтральны мытны орган краіны адпраўлення). Пасля прыёму дадзенай копіі мытны орган адпраўлення закрывае працэдуру транзіту і спыняе абавязак прынцыпала, пры адсутнасці парушэнняў працэдуры транзіту. Гарант перавозкі і выплаты мытных плацяжоў (прынцыпал) з'яўляецца асноўным адказнай асобай у працэдуры агульнага транзіту.

Пасля падачы транзітнай дэкларацыі робіцца запыт у мытню адпраўлення для атрымання дазволу на памяшканне тавараў пад працэдуру транзіту. Пасля атрымання гэтага дазволу, прынцыпал становіцца адказным за прад'яўленне тавараў мытнаму органу ў нязменным выглядзе, а таксама за захаванасць пломбаў, а таксама з'яўляецца адказным за выплату плацяжоў у выпадку парушэння працэдуры транзіту. Ён таксама адказны за прадастаўленне гарантыі выплаты плацяжоў пры перамяшчэнні тавараў у адпаведнасці з працэдурай транзіту. Гарантыя можа быць у выглядзе грашовага дэпазіту або выдадзена фінансавым інстытутам, які выступае ў якасці гаранта.

Працэдура агульнай ўключае тры асноватворных элемента:

1. Адзіны адміністрацыйны дакумент ААД / SAD (Single Administrative Document);

2. Сістэму паручыцельства, якая забяспечвае гарантыю дастаўкі грузу ў месца прызначэння;

3. Электронную сістэму апрацоўкі дадзеных NCTS (New Computerized Transit System).

Базавым дакументам сістэмы агульнага транзіту з'яўляецца Адзіны адміністрацыйны дакумент SAD / ААД. Яго бланк прадстаўлены ў выглядзе збрашураванага камплекту з васьмі бланкаў, выкананых на адмысловай паперы. Калі SAD / ААД афармляецца з выкарыстаннем дзяржаўнай або прыватнай кампутарнай сістэмы апрацоўкі дэкларацый, то бланк ўяўляе сабой ужо дзве збрашураваныя кніжкі па 4 бланка ў кожным. Кожны з бланкаў мае сваю каляровую афарбоўку і прызначаны для пэўнага этапу мытных працэдур. Акрамя асноўных бланкаў могуць выкарыстоўвацца і дадатковыя.

Зараз афармленне ўсіх транзітных аперацый у ЕС ажыццяўляецца пры дапамозе Новай камп'ютэрызаванай транзітнай сістэмы (NCTS), якая налічвае больш за 150 стандартызаваных электронных дадзеных са сваімі індыкатарамі і кодамі, кіраванне якімі ажыццяўляецца ў аўтаматычным рэжыме. З 1 красавіка 2006 г. выкарыстанне NCTS з'яўляецца абавязковай умовай для ўсіх ўпаўнаважаных грузаатрымальнікаў / грузаадправіцеляў [9]. Яна ўжываецца выключна для афармлення і кантролю транзітных перавозак.

У адпаведнасці з Інструкцыяй па ўжыванні сістэмы суб'ектамі гаспадарання, вылучаюць асноўныя яе элементы:

- «Дадзеныя дэкларацыі» (IE015), якія прадстаўляецца ў электроннай форме. NCTS адкажа паведамленнем аб прыняцці заяўкі, пацвердзіць, што дэталі знаходзяцца ў сістэме NCTS і выдасць нумар спасылкі на рух (TheMasterreferencenumber – MRN), які з'яўляецца унікальным рэгістрацыйным нумарам, што прысвойваецца транзітнай дэкларацыі, друкуецца на транзітным суправаджальным дакуменце TAD / TSAD (TransitAccompanyingDocument) і сьпісе элементаў LoI / TSLoI (ListofItems) і выкарыстоўваецца для ідэнтыфікацыі транзітнай аперацыі. NCTS далей правярае гэтую інфармацыю, і, пры адсутнасці парушэнняў, адпраўляе кліенту дазвол на адпраўку. Пасля пацверджання фармуецца неабходная дакументацыя, якая суправаджае груз. Гэтыя дазволы могуць мець наступныя вызначэнні:

- «Чаканы запіс прыбыцця –AAR» (IE001), адпраўлены мытнай службай адпраўлення ў заяўленую мытню прызначэння, штоўказана ў дэкларацыі;

- «Чаканы транзітны запіс –ATR» (IE050), адпраўленае мытным органам адпраўлення ў мытню транзіту для паведамлення пра меркаванае месца і дату перасячэння мытнай мяжы;

- «Апавяшчэнне аб перасячэнні мяжы –NCF» 156 (IE118), адпраўленае фактычнай мытнай транзіту ў мытню адпраўлення з паведамленнем аб праходжанні грузу;

- «Савет аб прыбыцці –AA» (IE006), адпраўлены мытнай прызначэння ў мытню адпраўлення з паведамленнем аб прыбыцці тавару;

- «Вынікі мытнага кантролю ў месцы прызначэння» (IE018), адпраўленыя мытнай прызначэння ў мытню адпраўлення (пасля таго, як тавары, пры неабходнасці, прайшлі мытны кантроль).

Пасля таго, як тавары прыбываюць у пункт прызначэння, і працэдуры прыбыцця NCTS завершаны, сістэма адпраўляе дыспетчару паведамленне з інфармацыяй аб тым, што тавар прыбыў ва ўстаноўленым парадку[10].

Абавязковай умовай для выпуску тавараў па працэдуры транзіту з'яўляецца наяўнасць дзеючай фінансавай гарантыі, якая зможа пакрыць усе выдаткі, якія ўзнікаюць у сувязі з недастаўкай тавараў. Для гэтых мэтаў у ЕС створаны спецыяльныя гарантыйныя мытні. На любой стадыі афармлення тавару мытны орган, акрамя праверкі гарантыі, можа прыняць рашэнне аб правядзенні дадатковай праверкі якіх-небудзь дадзеных альбо адгляду тавара. У гэтым выпадку прыпыняецца працэдура апрацоўкі дэкларацыі [11].

Сістэма NCTS – важны элемент барацьбы з махлярствам, які забяпечвае бяспеку транзітных сістэм. Яна павышае якасць абслугоўвання, значна скарачае час чакання на мытні і дазваляе інтэграваць асноўныя працэдуры электроннага дэкларавання транзіту з існуючымі інфармацыйнымі сістэмамі прыватных кампаній;

NCTS складаецца з 3 даменаў: агульнага; нацыянальнага і знешняга. Цэнтральны дамен размешчаны ў Бруселі. Еўракамісія кансультуе па пытаннях, якія ўзнікаюць пры распрацоўцы і выкарыстанні праграмага забеспячэння і падае іх карыстальнікам.

Нацыянальныя дамены і ндывідуальныя для кожнай краіны кіруюцца нацыянальнымі мытнымі адміністрацыямі і ўтрымліваюць нацыянальныя базы дадзеных транзітных дэкларацый канкрэтнай дзяржавы. Нацыянальныя адміністрацыі маюць права адаптаваць прадстаўленае ім праграмае забеспячэнне да сваіх умоў. Кожны нацыянальны дамен мае выхад на агульны дамен, што забяспечвае інфармацыйны абмен на ўзроўні ЕС і краін ЕАСГ. Знешні дамен распрацаваны для суб'ектаў гаспадарання з мэтай выкарыстання сістэмы. Карыстацка NCTS праз знешні дамен могуць толькі тыя суб'екты, якія атрымалі дазвол мытні[11].

У рамках NCTS даступныя два тыпу працэдур:

- Звычайныя працэдуры;
- Спрошчаныя працэдуры.

Выкарыстоўваючы звычайныя працэдуры, любая кампанія, звязаная з NCTS, можа падаць дэкларацыі ў любым мытным органе адпраўлення. Яны таксама валодаюць магчымасцю падаваць дэкларацыю да фактычнага прадстаўлення тавару.

У рамках сістэмы агульнага транзіту з ужываннем NCTS прадугледжваюцца інстытуты ўпаўнаважанага атрымальніка і ўпаўнаважанага адпраўніка тавараў. У адпаведнасці з спрошчанымі працэдурамі ўпаўнаважаныя грузаадправіцелі / грузаатрымальнікі маюць магчымасць ажыццяўляць аперацыі па транзіце без прадстаўлення тавараў і адпаведных дакументаў у мытню. Аднак дадзеныя арганізацыі павінны быць падлучаныя да сістэмы NCTS, кааб усе таварасуправаджальныя дакументы былі ў электронным выглядзе.

Для палягчэння ажыццяўлення працэдуры міжнароднага транзіту была распрацавана і замацаваная міжнародна-прававымі сродкамі спецыяльная сістэма міжнароднага транзіту на аснове прымянення адзінага міжнароднага транзітнага дакумента, які прадстаўляе сабой адначасова і гарантыю выплаты мытных плацяжоў. Гэтая сістэма ўтварылася ў выніку прымянення Канвенцыі аб

міжнароднай перавозцы грузаў з прымяненнем кніжкі МДП (Carnet TIR) ад 14 лістапада 1975 г. Усе дзяржавы-члены ЕС з'яўляюцца ўдзельнікамі Канвенцыі МДП.

З 1 студзеня 2009 г. NCTS-TIR з'яўляецца абавязковай сістэмай для ўсіх дзяржаў-членаў ЕС. Дадзеныя павінны быць перададзены ў электронным выглядзе мытным органам у пункт адпраўлення і прызначэння. Кніжка МДП застаецца ў ранейшым выглядзе, паколькі яна выкарыстоўваецца ў якасці гаранта ў адпаведнасці з Канвенцыяй МДП[12].

БІБЛІЯГРАФІЧНЫ СПІС

1. Transit Handbook // World Customs Organization [Electronic resource]. – 2016. - Mode of access: <http://www.wcoomd.org/en/topics/key-issues/esp-latest-proposal/~media/A8435CBA5050486D9C1A2D208ADFF0C7.ashx>. - Date of access: 20.12.2018.

2. Transport [Electronic resource] / Eurostat year book 2014. – European Commission, 2014. – Mode of access: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/5786385/KS-NA-14-001-10-EN.PDF/f71af704-4499-4a4a-aa55-6bf4ce0d87e8>. – Date of access: 01.12.2018.

3. Module 4 Customs Transit Procedures // IBM Domino [Electronic resource]. – 2015. – Mode of access:[http://lnweb90.worldbank.org/ECA/Transport.nsf/0/12d48687ffc2215f85256b7a00534449/\\$FILE/CUSTOMSP.pdf](http://lnweb90.worldbank.org/ECA/Transport.nsf/0/12d48687ffc2215f85256b7a00534449/$FILE/CUSTOMSP.pdf). – Date of access: 14.12.2018.

4. On common rules for access to the international road haulage market // REGULATION (EC) No 1072/2009 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 21 October 2009 [Electronic resource]. – 2009. Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2009:300:0072:0087:en:PDF>. – Date of access: 01.04.2018.

5. Чайковская, Ю. В. Страны Европейского союза на мировом рынке автомобильных грузоперевозок / Ю.В. Чайковская // I Международная заочная научно-практическая конференция «Логистические системы и процессы в современных экономических условиях», 1-15 ноября 2013 г. Минск [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://www.sbmt.bsu.by/upload/Чайковская%20Юлия%20Валерьевна.pdf>. – Дата доступа: 20.03.2018.

6. Клименко, В.В. Инструменты финансирования транспортно-логистической инфраструктуры ЕС / В.В. Клименко // Логистика и управл.цепями поставок: научн.-аналит. журнал [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://lscm.ru/index.php/ru/po-avtoram/itemlist/tag/ТрансЕвропейская%20Транспортная%20Сеть>. – Дата доступа: 24.03.2018.

7. Мацкевич, В. Европейский таможенный транзит / В. Мацкевич – Минск.: Белтамож-сервис, 2004. – С. 34.

8. Романова, М. Таможенный транзит в Европейском Союзе / М. Романова // Компас экспедитора и перевозчика. – 2015. – № 2. – С.16-17.

9. Technical Assistance to the Customs Administration of Serbia to Support the Modernisation of the Customs Systems – 2016. – С. 87 – 88.

10. Message exchanges between Traders and NCTS (New Computerised Transit System) – 2016. – 32с.

11. NCTS transit declaration //DB Schenker [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.dbschenker.pl/log-pl-en/start/uslugi-logistyczne-lsp/other-services/ncts.html/>. – Date of access: 15.04.2018.

12. Customs Convention on the international transport of goods under cover of TIR Carnets (TIR Convention) // United Nations Economic Commission for Europe [Electronic resource]. – 2014. – Mode of access: <http://www.unece.org/fileadmin/DAM/tir/handbook/TIRConventionENFRRU.pdf> – Date of access: 06.04.2018.

13. Конвенция о процедуре общего транзита [Электронный ресурс]: [заключена в г. Интерлакен 20.05.1987 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

ИНСТИТУТ УПОЛНОМОЧЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОПЕРАТОРА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ КАК ФАКТОР БЕЗОПАСНОЙ ТОРГОВЛИ МЕЖДУ ЕС, ЕАЭС И КНР

Т.А. Прокапович

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, prokavovicht@gmail.com*

Целью данной публикации является изучение правовых основ взаимного признания УЭО и разработка практических рекомендаций для взаимного признания УЭО. В работе проводится анализ международной практики по разработке и внедрению института УЭО, а также основных моделей УЭО; рассматриваются новеллы ТК ЕАЭС в отношении упрощений и условий присвоения статуса УЭО. Изучены программы УЭО ЕС и КНР, рассмотрен опыт подписания соглашений о взаимном признании, а так же разработаны практические рекомендации по вопросу взаимного признания УЭО ЕАЭС с УЭО ЕС и КНР. В заключительной части статьи рассмотрены перспективы по взаимному признанию программ уполномоченного экономического оператора Республики Беларусь со странами Европейского союза и Азиатского региона на основе прогнозов увеличения товарооборота по оси ЕС–ЕАЭС–Азиатский регион.

Ключевые слова: уполномоченный экономический оператор; упрощения; условия присвоения статуса; взаимное признание; товарооборот.

INSTITUTION OF THE AUTHORIZED ECONOMIC OPERATOR IN THE REPUBLIC OF BELARUS AS A SAFETY-TRADE FACTOR BETWEEN THE EU, EEU AND PRC

T.A. Prakapovich

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The purpose of this artikel is to study the legal basis for mutual recognition of the AEO and to develop practical recommendations for the mutual recognition of the AEO. The article analyzes international practices for the development and implementation of the AEO institution, as well as basic AEO models and the novels of the CC of the EEU regarding simplifications and conditions for granting AEO status. The EU and PRC AEO programs were studied, the experience of signing mutual recognition agreements was reviewed, and practical recommendations on the mutual recognition of EEU AEOs with EU and PRCs AEOs were developed. On the basis of forecasts of an increase in trade turnover along the axis EU — EEU — Asian region prospects for the mutual recognition of the programs of the AEO of the Republic of Belarus with the countries of the European Union and the Asian region are considered in the final part of the article.

Key words: Authorized Economic Operator; simplifications; conditions for assigning status of the AEO; mutual recognition; turnover of commodities.

Интерес к институту УЭО за последние годы значительно вырос. Всемирной таможенной организацией ежегодно обновляется Компендиум по УЭО (Compendium of Authorized Economic Operator Programmes) и Рамочные стандарты безопасности и облегчения мировой торговли (SAFE Framework of Standards) [10, 11]. А анализ статей из журналов ВТамО (WCJ и WCNews) за последние 10 лет позволят лишь подтвердить гипотезу о возросшем неподдельном интересе к институту УЭО и, как следствие, к взаимному признанию УЭО (MRA) [8, 9].

В связи с вышесказанным, а также принимая во внимание тот факт, что Республика Беларусь является членом ВТамО, считаем не менее актуальным осветить перспективное направление работы над взаимным признанием программ

УЭО Республики Беларусь со странами Азиатского региона и ЕС. Ведь именно Республика Беларусь, будучи связующим звеном между ЕС, ЕАЭС и Азиатским регионом, может стать тем ключевым игроком, взаимное признание с УЭО которого позволит создать «АЕО supply chain» на всем континенте и принести выгоду как каждому заинтересованному участнику, так и безопасности и облегчению мировой торговли в целом.

Институт УЭО ЕАЭС в новой редакции кодекса подвергся значительным изменениям, как в части упрощений, предоставляемых УЭО, так и в части условий выдачи свидетельств УЭО. В ТК ЕАЭС выделяются 3 вида свидетельств, подтверждающих статус УЭО, от которых зависят предоставляемые упрощения [2].

Важно отметить, что проект ТК ЕАЭС разрабатывался с учетом интересов бизнес-сообщества при его непосредственном участии. Его новые положения носят прогрессивный характер и в целом соответствуют передовым мировым практикам.

Вместе с тем, не все вопросы таможенного регулирования окончательно регламентированы новым Таможенным кодексом. Широкая компетенция по их совершенствованию отведена Евразийской экономической комиссии и национальным законодательствам государств-членов ЕАЭС. Одним из таковых является механизм взаимного признания УЭО с другими странами [2].

В связи с этим особый интерес представляет *разработка рекомендаций* по созданию проекта договора/соглашения о взаимном признании УЭО с другими странами не в рамках ЕАЭС на двусторонней основе.

Основные модели УЭО основаны на следующих программах: Рамочные стандарты безопасности ВТамО, программа Соответствия и Схема уполномоченных операторов ВТО. Однако основой для разработки и внедрения программ УЭО признаются Рамочные стандарты безопасности ВТамО.

Модернизированный институт УЭО ЕАЭС разрабатывался с учетом данных стандартов. Проанализировав нововведения, представленные в ТК ЕАЭС, мы пришли к выводу, что в новом законодательстве представлен более широкий спектр упрощений в отношении УЭО. Кроме того, каждому виду УЭО соответствует свой набор специальных упрощений, что позволит УЭО остановиться на том типе, который наиболее соответствует их деятельности и включает необходимые упрощения. Так, для УЭО-1 характерны упрощения, влияющие на ускоренное совершение таможенных операций. УЭО-2 наиболее привлекателен для владельцев складских и логистических комплексов. Для тех субъектов хозяйствования, которые заинтересованы во всем спектре упрощений, предусмотрен УЭО-3[1].

К основным нововведениям в области условий присвоения статуса УЭО возможно отнести: дифференциацию условий включения в реестр УЭО; определение соответствия финансовой устойчивости; снижение сумм обеспечения; отсутствие фактов привлечения физических лиц, являющихся акционерами этого юридического лица, имеющими 10 и более процентов акций, к уголовной ответственности.

К слову, изучение таможенного законодательства ЕС показало, что ТК ЕС предусматривает классификацию УЭО в зависимости от того, какие упрощения он планирует использовать в своей хозяйственной деятельности. К первой категории относятся УЭО, претендующие на упрощения в области таможенного ре-

гулирования, ко второй – УЭО, претендующие на упрощения в области безопасности. При этом категория упрощений, которые планирует получить лицо, претендующее на статус УЭО, обуславливает требования, которым такое лицо должно соответствовать.

Упрощения в действии или о чем говорит практика. В первую очередь, статус УЭО в ЕАЭС позволяет экономить бизнесу значительные средства. Такие упрощения как непредоставление обеспечения при помещении товаров под таможенную процедуру таможенного транзита, непредоставление обеспечения при выпуске товаров до завершения проверки документов (сведений) или при проведении таможенной экспертизы; и выпуск товаров до подачи декларации на товары значимы как для крупных УЭО, так и для небольших.

Более того, такие упрощения для УЭО, как проведение таможенного осмотра или таможенного досмотра в первоочередном порядке, совершение таможенных операций в первоочередном порядке позволяют экономить УЭО время, а время в наши дни – это тоже деньги.

Также, статус УЭО – это, своего рода, имидж, конкурентоспособность на мировом рынке. Доверия к УЭО у сторонних зарубежных компаний гораздо больше, нежели к обычным субъектам хозяйствования. Отсюда и шире круг возможностей для бизнеса.

Не стоит забывать и про то, что УЭО имеют возможность участвовать в МРА и пилотных проектах, проводимых таможенными и иными государственными органами. Бонусы МРА для нас ещё впереди, а вот преимущества от участия УЭО в пилотных проектах очевидны уже сейчас.

Все упрощения, предусмотренные кодексом ЕАЭС действенные и интересны для бизнеса. Как результат, в настоящее время, в Республике Беларусь зарегистрировано (317+9) **326 УЭО** [5]. Стоит отметить, особенность УЭО Республики Беларусь заключается в том, что на их долю приходится порядка **75%** экспорта товаров, по импорту данный показатель составляет 37%.

В новом кодексе впервые предусмотрено взаимное признание УЭО. Из этого следует, что помимо взаимного признания УЭО в ЕАЭС, теперь есть возможность заключить договора о взаимном признании с иными странами. Наибольший интерес как для Республики Беларусь, так и для соседей по континенту представляет заключение таких договоров со странами Азиатского региона и ЕС. Это позволит создать так называемую «АЕО supply chain», где Республика Беларусь, в силу своего географического положения, станет связующим звеном в безопасной торговле (secure and safe trade) между Азией и Европой.

Помимо безопасной торговли это еще и выгодные условия ускоренного таможенного оформления, быстрое прохождение границ, экономически оправданное использование железнодорожных и автомобильных перевозок (для соответствующих категорий товаров).

*Для справки: Направление ЕС—ЕАЭС—Азиатский регион примечательно тем, что охватывает **46%** мировой суши, также здесь проживает **68 %** населения Земли. Говоря о **товарообороте**, стоит отметить, что объем взаимной торговли ЕС и ЕАЭС в 2014 году составил 420,7 млрд. \$. Товарооборот между КНР и ЕС в первом полугодии 2017 года – 590 млрд. \$. По итогам 2017 г. товарооборот между ЕАЭС и КНР составил более 100 млрд. \$, при этом экспорт из ЕАЭС в КНР увеличился на 40% [6].*

По оценкам экспертов в ближайшее время ожидается дальнейший рост товарооборота между ЕС и КНР, с транзитом через ЕАЭС. Данные прогнозы касаются в первую очередь железнодорожно-контейнерооборота. Уже по итогам 2017 года объем контейнерных перевозок транзитом через территорию ЕАЭС в направлении Китай — Европа — Китай составил около 262 тыс. TEU, что почти в 1.8 раза превышает показатель 2016 года. Для привлечения дополнительного грузопотока между ЕС и КНР странам ЕАЭС необходимо дальнейшее развитие транспортной инфраструктуры и устранение барьеров [6].

Одним из значимых шагов по устранению барьеров станет взаимное признание УЭО. В идеале это взаимное признание УЭО ЕАЭС со странами ЕС, КНР и иными заинтересованными участниками. На практике же страны-участницы ЕАЭС занимаются вопросами взаимного признания по отдельности. В итоге отличным решением в данной ситуации для стран ЕС и Азиатского региона станет взаимное признание с УЭО Республик Беларусь, т.к. именно наша страна находится на «стыке союзов».

Итак, модернизированный институт УЭО уже функционирует в ЕАЭС, новое законодательство издается, учитывая во внимания мировые стандарты. Соответствие Рамочным стандартам безопасности ВТамО определяет возможность участия в МРА. Модернизированный институт УЭО ЕАЭС основывается на данных стандартах [3].

Кроме того, как уже отмечалось ранее, ведется активная работа по внедрению Рамочных стандартов безопасности ВТамО при написании национального законодательства по таможенному регулированию, в частности, в Закон о таможенном регулировании в Республике Беларусь.

В связи с этим представляется актуальным изучение соответствия программ УЭО иных стран для разработки договора/соглашения о взаимном признании. Как уже не раз было отмечено, одни из самых перспективных направлений сотрудничества по данному вопросу: программы УЭО стран Азиатского региона и ЕС.

Для взаимного признания УЭО целесообразно сначала рассматривать сравнение УЭО ЕАЭС 3 типа, поскольку данный вид УЭО обладает наибольшим сектором упрощений и соответствует внушительному числу требований.

Что касается базового набора условий, которым должны соответствовать УЭО для участия в данном договоре/соглашении то к ним, скорее всего, можно отнести:

- соответствие финансовой устойчивости/платежеспособности в обеих странах;
- отсутствие фактов привлечения к уголовной/административной ответственности в обеих странах;
- отсутствие задолженности по уплате таможенных платежей, налогов в обеих странах;
- нахождение в собственности сооружений, предназначенных для временного хранения товаров [2].

Также мы могли бы предложить УЭО из иных стран следующие «узловые» упрощения:

на первом этапе:

- совершение таможенных операций в первоочередном порядке

- проведение таможенного контроля в первоочередном порядке;
- на втором этапе:**
- взаимное признание результатов проведения таможенного контроля в отношении УЭО;
- помещение товаров под таможенную процедуру таможенного транзита без предоставления обеспечения уплаты таможенных платежей.

Практическая реализация данных рекомендаций покажет их сильные и слабые стороны и позволит скорректировать их, с учетом интересов УЭО и всех государств – участников такого договора/соглашения о взаимном признании [2].

Итак, принимая во внимание оценки экспертов, в ближайшее время ожидается дальнейший рост товарооборота между ЕС и Азиатским регионом, с транзитом через ЕАЭС. Для привлечения дополнительного грузопотока по оси ЕС—ЕАЭС—Азиатский регион странам-участницам необходимо дальнейшее развитие транспортной инфраструктуры и устранение барьеров. Актуальным на данном этапе как для ЕС, стран Азии, так и для ЕАЭС является взаимное признание программ УЭО. Именно оно и станет одним из значимых шагов по устранению барьеров и повлияет на увеличение безопасного товарооборота по оси ЕС—ЕАЭС—Азиатский регион.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. — 2018 – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/tam_sotr/dep_tamoj_zak/Pages/hot.aspx – Дата доступа: 23.09.2018.
2. Ковалёнок, Д.В., Прокапович, Т.А. Правовые основы взаимного признания уполномоченных экономических операторов Республики Беларусь со странами Европейского союза: перспективы и практические рекомендации / Д.В. Ковалёнок, Т.А. Прокапович // Сборник материалов III Международной научной конференции «Управление в области таможенного дела». – Минск, 20 марта 2016 г. / Редкол.: В Г. Шадурский [и др.]. – Минск, 2017. – с. 83–92.
3. Опыт Евразийского экономического союза нашел отражение в важнейших документах ВТамО. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/13-09-2018-1.aspx> – Дата доступа: 10.10.2018.
4. Официальный интернет-портал белорусской таможенной службы. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.customs.gov.by/ru> – Дата доступа: 24.09.2018.
5. Сайт Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Pages/default.aspx> – Дата доступа: 26.09.2018.
6. Транспортные коридоры Шелкового пути: потенциал роста грузопотоков через ЕАЭС. — СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2018. — 74 с.
7. The Kyoto Convention on Simplification and Harmonization of Customs Procedures 1999 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wcoomd.org>
8. World Customs Organization News, WTO trade Facilitation Agreement. Nom. 74, Brussels, June 2014 – p. 60.
9. World Customs Organization News, A secure business environment for economic development. Nom. 85, Brussels, February 2018 – p. 68.
10. World Customs Organization (WCO). (2018). *WCO SAFE Framework of standards to secure and facilitate global trade (SAFE Framework)*. Brussels: WCO.
11. World Customs Organization (WCO) (2018). *Compendium of Authorized Economic Operator Programs*, WCO, Brussels.

СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ НАРКОТРАФИКУ

М.С. Шарипов

Белорусский государственный университет

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, td.minsk.2015@mail.ru

Научный руководитель – Л.И. Тарарышкина, кандидат экономических наук, доцент

Наркотрафик является одной из глобальных проблем в современном мире. В статье обсуждаются угрозы наркотрафика в странах Центральной Азии и пути их решения. Определена цель работы, заключающаяся в исследовании правоотношений в области противодействия наркотрафику. Объектом исследования являются проблемные вопросы противодействия наркотрафику. Предложены рекомендации для борьбы с наркотрафиком в странах Центральной Азии.

Ключевые слова: наркотрафик; наркопреступность; контрабанда; производство наркотиков; законодательство в области борьбы с наркотрафиком.

COUNTRIES OF CENTRAL ASIA ARE IN COUNTERACTION TO THE NARCOTRAFFIC

M.S. Sharipov

Belarusian State University

L.I. Tararyshkina – supervisor, Belarusian State University

A narcotraffic is one of global problems in the modern world. In the article the threats of narcotraffic come into question in the countries of Central Asia and way of their decision. The aim of work, consisting in research of legal relationships in area of counteraction to the narcotraffic, is certain. A research object are problem questions of counteraction to the narcotraffic. Recommendations offer for a fight against a narcotraffic in the countries of Central Asia.

Keywords: narcotraffic; narcocriminality; contraband goods; production of drugs; legislation in area of fight against a narcotraffic.

Международный наркотрафик, наркоторговля, наркопреступность являются одними из самых глобальных и серьёзных вызовов всему человечеству. Употребление наркотиков и связанная с этим чрезмерно активная деятельность фигурантов наркобизнеса, а вместе с тем насилие и растущая коррупция касаются миллионов людей по всему миру. Они губят не только конкретные человеческие жизни, но и разрушают всю общественную структуру и даже стабильность правительств большинства государств. Проблемы, связанные с наркотиками с каждым годом всё больше и больше затрагивают самые разные страны мира несмотря на их географическое местоположение, политическое устройство и состояние экономики.

В период с 2012 по 2018 годы количество человек, употребляющих наркотики, выросло приблизительно в два раза, и, как полагают специалисты, такими темпами к 2020 году эта цифра может приблизиться к миллиону человек. Также необходимо учитывать, что больше всего эта проблема касается возрастной категории 18-25 лет, поэтому под угрозой находится именно молодое поколение страны [2, с. 58].

Такую тенденцию можно назвать началом «процесса деградации» достаточно большой части населения, которая могла бы в будущем стать образованной элитой государства, в которой оно сейчас сильно нуждается.

Сегодня, главным вектором в развитии наркобизнеса в Центральной Азии является контрабанда опиатов и героина из соседнего Афганистана.

С середины второго десятилетия XIX века Афганистан считается самым крупным производителем и поставщиком наркотиков во всем мире. Исходя из данных Управления ООН по наркотикам и преступности доля опиатов из Афганистана составляет целых 90%. Их третья часть перевозится по, всеми известному, «Северному маршруту» [3].

Производство наркотиков в Афганистане является уже своего рода традицией, однако только в последние несколько десятилетий эта проблема приняла такие масштабы для всего мира в целом, и для стран Центральной Азии в частности.

Следует отметить, что трудности создают такие факторы, как продолжительная война, неразвитая инфраструктура, процветающая коррупция в масштабах всей страны, отсутствие рынков сбыта для продукции сельхоз предприятий. Практически 70% прибыли местных чиновников и 90% валюты являются деньгами, вырученными от наркоторговли.

По данным американского центра «Стратфор» существуют три основных маршрута перевозки наркотиков, из которых 25 % осуществляется через страны Центральной Азии, включая Таджикистан, Узбекистан, Кыргызию и Туркменистан. При этом наркодельцы Афганистана ежегодно выбирают всё новые и новые маршруты [1].

Ситуация с афганскими наркотиками также создает негативную ситуацию для криминализации международных отношений. Она нарушает устройство общества в ряде стран Большого Ближнего Востока и Центральной Азии. Источником финансирования большинства террористических организаций, различных группировок и движений являются доходы от продажи наркотических средств.

Однако необходимо рассматривать и учитывать все нюансы в местоположении стран Центральной Азии и проблемы, которые из этого вытекают:

- протяженные участки границы;
- достаточная удаленность пунктов пропуска от линии государственной границы и их слабая техническая оснащённость;

Всё это является серьёзной помехой при обнаружении путей контрабанды наркотиков.

Для наркобизнеса в странах Центральной Азии существуют три основных преимущества:

- наиболее удобный транзитный путь для перевозки наркотиков;
- источник дешевых наркотиков для торговли за рубежом;
- новый, перспективный рынок сбыта «тяжелых» наркотиков.

Анализ маршрутов, источников поступления, видов и химического анализа наркотических средств, задержанных на территории центрально-азиатских стран, дает основание полагать, что основная их масса поступает из-за рубежа контрабандным путем [4, с. 17].

Это объясняется такими причинами как:

1. Огромный рынок сбыта наркотиков на территории стран Центральной Азии, а также статус стран-транзита.
2. Кризис в экономике.
3. Активность в преступной деятельности наркогрупп в Центральной Азии их интернационализация.

4. Высокий уровень дохода от наркобизнеса.
5. Увеличение пассажиро- и грузопотока через границу.
6. Слабое материально-техническое обеспечение органов пограничной и таможенных служб республик.

7. Увеличение возможностей криминальных структур для производства наркотических средств на самой территории Центральной Азии.

Также можно отметить, что законодательство в области борьбы с наркотиками в странах Центральной Азии еще слишком несовершенно, что влечет за собой рост преступлений в этой сфере. Можно констатировать, что четкая нормативная правовая база на сегодня практически отсутствует, особенно в отношении прекурсоров. В отношении их не урегулирован механизм лицензирования соответствующей деятельности, а также не установлены правила их хранения, учета и использования.

На основе сделанных выводов по изученной проблеме, на наш взгляд, своевременными являются следующие практические рекомендации:

– на законодательном уровне необходимо максимально ужесточить наказание за изготовление, хранение, транспортировку и распространение наркотических средств, а также ужесточить сами условия отбывания наказания за эту категорию преступлений;

– обеспечить наиболее широкую доступность медицинской помощи лицам, употребляющим наркотики;

– уделять достаточное внимание профилактической работе с лицами, задействованными в обороте наркотиков;

– создать четкую и эффективную иерархию государственных органов, а также иных организаций (СМИ, общественных организаций, учреждений образования и т.д.) в области борьбы с незаконным оборотом наркотических средств;

– проводить переподготовку и курсы по повышению квалификации работников правоохранительных органов раз в 2 года в соответствии с происходящими изменениями в области борьбы с наркотрафиком;

– обязать всех сотрудников государственных органов, посещать два раза в год места отбывания лишения свободы за содействие наркотрафику;

– обязать учащихся образовательных учреждений посещать раз в год наркологические диспансеры.

Предложенные рекомендации направлены на противодействие наркотрафику в Центральной Азии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вопросы теории и практики противодействия. Скрохина А.В.: Учебное пособие / Под ред. А.В. Скрохина. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. - 290 с.
2. Еремин С.К., Изотов Б.Н., Веселовская Н.В. Анализ наркотических средств. Руководство по химико-токсикологическому анализу наркотических и других одурманивающих средств / Под ред. проф. Б. Н. Изотова. - М.: Мысль, 1993. С. 72.
3. Константин Качалин. Балканский маршрут для наркотиков// Информационная агентство Regnum. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://regnum.ru/news/1867147.html>: - Дата доступа: 20.10.2018 г.
4. Смитиенко, В.Н. Уголовно-правовая борьба с преступным изготовлением, приобретением и распространением наркотиков: Автореф. дис. кан. юрид. Наук / В.Н. Смитиенко. - М., 1968. - 212 с.

РОЛЬ ТАМОЖЕННОЙ СФЕРЫ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЦИФРОВЫХ ИНИЦИАТИВ ЕАЭС

А.В. Шиманская

*Минская региональная таможня
ул. Могилевская, 43, 220007, г. Минск, Беларусь, nastusha2711@rambler.ru*

В статье анализируется роль цифровой трансформации таможенной сферы в контексте реализации таких цифровых инициатив ЕАЭС, как цифровая торговля, цифровые транспортные коридоры и цифровая прослеживаемость. Выделены цели реализации соответствующих инициатив и таможенные аспекты в данных инициативах. В этой связи отмечена необходимость создания национальных цифровых таможенных платформ и их интеграция в единую цифровую платформу ЕАЭС, а также приведены некоторые данные о цифровых дивидендах (экономический эффект в виде вклада в ВВП ЕАЭС) в результате проведения цифровой трансформации по некоторым направлениям.

Ключевые слова: цифровое пространство ЕАЭС; цифровая трансформация; цифровая торговля; цифровые транспортные коридоры; цифровая прослеживаемость; цифровая платформа.

THE ROLE OF CUSTOMS SPHERE IN THE PROCESS OF IMPLEMENTATION OF DIGITAL INITIATIVES OF EAEU

A. Shymanskaya

*Minsk regional customs
Mogilevskaya str. 43, 220007, Minsk, Belarus*

The article analyzes the role of the digital transformation of the customs sphere in the context of the implementation of such digital initiatives of EAEU as digital trade, digital transport corridors and digital traceability. The objectives of the implementation of relevant initiatives and customs aspects in these initiatives are highlighted. In this regard, the need to create national digital customs platforms and their integration into a single digital platform of EAEU was noted, as well as some data on digital dividends (economic effect such as contribution to EAEU GDP) as a result of digital transformation in some areas.

Keywords: digital space of EAEU; digital transformation; digital trade; digital transport corridors; digital traceability; digital platform.

Мировое сообщество сегодня переживает новый виток своего развития, связанного с проникновением цифровых технологий во все сферы деятельности людей и с тем, что информация становится наиболее значимым ресурсом, позволяющим проводить всесторонний анализ текущей ситуации и принимать наиболее выгодные решения. Многие страны уже приняли стратегии и государственные программы по созданию цифровых экономик (Великобритания, США, Китай, Германия и др.). Это вызвано тем, что помимо того, что сфера IT ежегодно приносит значительный вклад в ВВП стран, но и внедрение инновационных технологий в отрасли материального производства и сферу услуг демонстрирует очевидный положительный эффект.

ЕАЭС как развивающееся интеграционное сообщество признало необходимость в цифровой трансформации экономик государств-членов. В связи с этим была разработана Стратегия формирования цифрового пространства ЕАЭС. За-

тем последовали национальные программы по созданию цифровых экономик государств-членов ЕАЭС. Была также разработана Цифровая повестка ЕАЭС до 2025 г., где выделены основные направления цифровой трансформации. В составе ЕЭК была выделена специальная Рабочая группа, ответственная за имплементации решения о построении цифрового пространства ЕАЭС. Вместе с тем, реальные шаги могут быть осуществлены при помощи различных проектов и инициатив по цифровой трансформации.

Первоначальной платформой для интеграции стран в ЕАЭС был Таможенный союз, а значит, именно нормы в области таможенного регулирования были унифицированы и гармонизированы для стран интеграционного объединения. Отсюда возникает вопрос о том, какую роль играет таможенная сфера в процессе формирования цифрового пространства ЕАЭС.

Приоритетами среди основных направлений реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 г. выделены:

- цифровая прослеживаемость движения продукции, товаров, услуг,
- цифровые транспортные коридоры,
- цифровая промышленная кооперация,
- цифровая торговля,
- оборот данных,
- система регулятивных "песочниц" [2].

Следует отметить, что в большинстве выделенных приоритетных областей присутствует таможенная составляющая.

Если рассматривать такое направление, как цифровая торговля, то такой аспект, как внешняя торговля сегодня особенно нуждается в цифровой трансформации. В первую очередь, это подразумевает интеграцию информационных таможенных систем на базе единой цифровой платформы. Под цифровой платформой понимают некоторую информационную площадку, объединяющую информационные ресурсы, обеспечивающая реализацию комплекса автоматизированных процессов и способствующая потреблению цифровых услуг/продуктов заинтересованными лицами. На сегодняшний день в цифровые таможенные платформы могут быть включены, например, системы электронного декларирования и предварительного информирования, различные таможенные реестры и базы данных, системы электронного документооборота, а также системы обмена данными между таможенными и иными госорганами, а также с лицами, осуществляющими деятельность в сфере внешней торговли. Говоря о подобных системах информационного взаимодействия, мы подразумеваем системы Единого окна. Внедрению механизма «единого окна» во внешнеэкономическую деятельность государств-членов ЕАЭС уделяется особое внимание. Это связано с решением о построении цифровой платформы ЕАЭС на базе Интегрированной информационной системы, которая в свою очередь включает в себя национальные сегменты в виде интеграции информационных межведомственных систем.

На базе механизма «единого окна» возможно создание безбумажных торговых платформ. В Республике Беларусь принято решение о создании национальной безбумажной торговой платформы, что станет весьма значительным шагом на пути к интеграции в цифровое пространство ЕАЭС.

Между тем следует отметить, что в экспертами из ЕЭК и Всемирного банка было проведено исследование, которое демонстрирует те цифровые дивиден-

ды, которые будут результатом реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 г. Так «оцифровка» госорганов и переход на предоставление государственных услуг в электронном виде, позволит достичь концепции «открытого правительства» и принесёт дополнительно 3,6 млрд долл. США, а внедрение трансграничных электронных услуг – еще 0,5 млрд долл. США. на уровне ЕАЭС [5].

Однако системы Единого окна имеют значение не только для таможенной очистки. Но это также важно для такого направления, как цифровые транспортные коридоры. Среди основных видов информационных систем в сфере организации международных перевозок выделяют:

- корпоративные информационные системы участников перевозочного процесса,
- системы координации и управления перевозочным процессом по международным транспортным коридорам,
- системы организации информационного взаимодействия на основе принципа «единого окна»,
- системы автоматизации управления в транспортных узлах [1].

К элементам цифрового транспортного коридора можно отнести:

- электронная накладная,
- контролирующие госорганы (таможенные, налоговые и т.д.),
- цифровые платформы государств-членов ЕАЭС,
- системы прослеживаемости грузов (электронные пломбы, спутниковое слежение и т.д.),
- системы «Единого окна» [4].

В результате исследования экспертами ЕЭК и Всемирного банка влияния цифровых инициатив на рост ВВП ЕАЭС до 2025 года было подсчитано, что, например, увеличение международной пропускной способности составит 0,66 % к ВВП Союза, а распространение электронной торговли - 0,69 % к ВВП Союза (% от общего ожидаемого роста совокупного ВВП государств-членов к 2025 году) [5].

При реализации такой инициативы в ЕАЭС, как цифровая торговля планируется:

- увеличение объемов рынка,
- упрощенный доступ к глобальным рынкам,
- осведомленность о запросах индивидуального потребителя,
- построение инновационных бизнес моделей,
- быстрое реагирование на изменение условий ведения бизнеса [7].

Это будет возможно при условии построения цифровых платформ, объединяющей в себе цифровые активы (совокупность информации в цифровой форме (совокупность цифровых продуктов) о физическом или виртуальном объекте, процессе, субъекте деятельности, физическом лице, которая представляет ценность и может быть использована для извлечения добавленной стоимости).

Цифровизация международных транспортных коридоров предоставит:

- эффективное управление цепочками поставок,
- сокращение сроков перевозок и других издержек,
- повышение эффективности логистических систем,
- освоение новых маршрутов транспортировки.

В этой связи всё большую популярность приобретает такая инициатива, как цифровая прослеживаемость грузов. Система электронного пломбирования, спутниковое слежение должны обеспечить:

- достоверность данных,
- безопасность потребителей,
- борьбу с контрафактом,
- повышение сбора таможенных и налоговых платежей,
- качественное послепродажное обслуживание,
- сокращение издержек [7].

С точки зрения таможенных аспектов, механизм прослеживаемости товаров должен начинаться с момента подачи предварительной информации, сопровождать таможенную процедуру таможенного транзита и заканчиваться после выпуска товаров в таможенной процедуре выпуска для внутреннего потребления. Электронные пломбы способны обеспечить безопасность длительного транзита товаров, например, от границы Союза с ЕС через территорию Республики Беларусь, Российской Федерации, Республики Казахстана и до границы с Китаем.

Создание единого электронного международного маршрута Китай – ЕС (проект «Один пояс – один путь») обеспечит быстрый и надёжный транзит грузов. «Прозрачность» грузоперевозок может быть достигнута с помощью таких инструментов, как электронная пломба и электронное таможенное декларирование.

Для создания единого доверенного пространства для контроля транзита по территории ЕАЭС необходимо в каждой стране-участнице создать национальный оператор пломбирования и объединить их в единый Консорциум.

В рамках Консорциума утверждаются единые требования на электронные пломбы, интеграционные сервисы и т.д., и создается единообразное хранилище данных, гарантирующее достоверность и сохранность данных мониторинга для всех участников [3].

Таким образом, относительно информационного обеспечения при создании цифровых транспортных коридоров необходимы:

- электронный документооборот (электронная товарно-транспортная накладная – СМР, электронная таможенная декларация, электронные документы на транспортное средство и т. д.),
- механизм «единого окна» для взаимодействия участников перевозочного процесса,
- информационные системы управления перевозочным процессом,
- информационные системы обеспечения контрольно-надзорной деятельности,
- навигационно-информационное обеспечение перевозок [1].

Подводя итог, следует отметить, что во многих проектах по цифровой трансформации присутствует таможенный аспект: логистика, транспорт, торговля и др. Это свидетельствует о первоочередной необходимости цифровой трансформации таможенной сферы. На наш взгляд, логично предположить, что все те достижения в применении информационных технологий и информационных систем в таможенной сфере должны быть объединены в национальные цифровые таможенные платформы и интегрированы в единую цифровую платформу ЕАЭС на базе Интегрированной информационной системы. Это даст значительный толчок в продвижении цифровой инициативы по формированию цифрового

пространства ЕАЭС и будет способствовать цифровой трансформации околотаможенных и взаимосвязанных с таможенной сфер деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Борейко А., Цифровая «экосистема» международных транспортных коридоров [Электронный ресурс] // Круглый стол «Евразийские цифровые инициативы и проекты» в рамках Евразийского цифрового форума на ИКТ-форуме ТИБО 2018 – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Documents/tibo/4.%20Борейко.pdf> – Дата доступа: 15.01.2019.
2. Дуйсебаев, Единое окно в контексте формирования экосистемы ЦЭ // Круглый стол «Евразийские цифровые инициативы и проекты» в рамках Евразийского цифрового форума на ИКТ-форуме ТИБО 2018 – Режим доступа: // Тематическая сессия «Цифровая повестка в ЕАЭС: инициативы и проекты» в рамках Международного форума «Цифровая повестка в эпоху глобализации» в г. Алматы (2 февраля 2018 года) – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Documents/tibo/6.%20Казаринов.pdf>– Дата доступа: 15.01.2019.
3. Казаринов А., Система прослеживаемости транзитных перевозок по территории ЕАЭС – обзор актуальной ситуации и перспективы внедрения [Электронный ресурс] // Круглый стол «Евразийские цифровые инициативы и проекты» в рамках Евразийского цифрового форума на ИКТ-форуме ТИБО 2018 – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Documents/tibo/6.%20Казаринов.pdf>– Дата доступа: 15.01.2019.
4. Коршунова, Евразийские цифровые инициативы и проекты [Электронный ресурс] // Круглый стол «Евразийские цифровые инициативы и проекты» в рамках Евразийского цифрового форума на ИКТ-форуме ТИБО 2018 – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Documents/tibo/3.%20Коршунова.pdf>– Дата доступа: 15.01.2019.
5. Цифровая повестка ЕАЭС 2025: перспективы и рекомендации. Обзор совместного исследования Всемирного банка и Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс] // Конференция "Цифровая перезагрузка ЕАЭС. Новый взгляд на экономику!" в рамках Второго Международного Форума "Евразийская неделя" (24 августа 2017 года) – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Documents/Материалы%20конференции/Всемирный%20банк%20Перспективы%20и%20Рекомендации.pdf>– Дата доступа: 15.01.2019.
6. Цифровая повестка ЕАЭС. Стратегическое видение [Электронный ресурс] // Конференция "Цифровая перезагрузка ЕАЭС. Новый взгляд на экономику!" в рамках Второго Международного Форума "Евразийская неделя" (24 августа 2017 года) – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Documents/Материалы%20конференции/Цифровая%20повестка%20Стратегическое%20видение.pdf>– Дата доступа: 15.01.2019.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СУДА ЕАЭС

П. И. Болточко¹⁾, Д. А. Ширинская²⁾

*¹⁾Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, pavel_boltochko@mail.ru*

*²⁾Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, darya.shirinskaya@mail.ru*

Статья посвящена вопросам истории становления и развития Суда ЕАЭС. Предметом исследования являются деятельность Суда ЕАЭС и Суда ЕврАзЭС. В статье Суд, функционирующий сегодня, рассматривается как правопреемник Суда ЕврАзЭС. Его деятельность, компетенция, полномочия, роль исследовались в сравнении с его предшественником. Целью работы является выявление и изучение преимуществ и слабых мест обоих Судов интеграционных объединений для последующего совершенствования функционирования ныне действующего Суда. Применение результатов работы приведет к повышению эффективности функциониро-

вания органов ЕАЭС, в том числе таможенных органов, и, как следствие, уровня национальной и экономической безопасности Республики Беларусь и государств-участников ЕАЭС и их благосостояния.

Ключевые слова: История становления; изменения; Суд ЕАЭС; Суд ЕврАзЭС; Статут Суда ЕАЭС; компетенция; разрешение споров; толкование; разъяснение; преюдициальная процедура; полномочия судей; таможенная составляющая; таможенное дело.

THE HISTORICAL ASPECTS OF THE ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT OF THE CEEU

P. I. Boltochko^{a)}, D. A. Shirinskaya^{b)}

^{a)}*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

^{b)}*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

Corresponding author: P. I. Boltochko (pavel_boltochko@mail.ru)

The article is concerned with the history of the establishment and development of the CEEU. The subject of the research is the operation of the CEEU and of the CEAEC. In the article the Court, which operates nowadays, is considered as the legal successor of the CEAEC. CEEU's activities, competence, power, role were analysed in comparison with those of its predecessor. The aim of the research is to find and to study the advantages and disadvantages of the Courts in order to improve the operation of the CEEU. The implementation of this research results will definitely lead to the performance improvement of the EEU authorities (including customs agencies) and, as a result, to national and economic security upgrade of the Republic of Belarus and of the EEU member-states and their prosperity.

Key words: The history of the establishment; changes; the CEEU; the CEAEC; the Statute of the CEEU; competence; settlement of disputes; explanation; clarification; prejudicial procedure; powers of judges; customs component; customs affairs.

Процесс евразийской интеграции начался в 1995 г., когда было подписано Соглашение о Таможенном союзе между Российской Федерацией и Республикой Беларусь, а уже к 2000 г. было создано новое интеграционное объединение — Евразийское экономическое сообщество, участниками которого стали Республика Беларусь, Кыргызская Республика, Республика Казахстан, Российская Федерация и Республика Таджикистан [1,2].

Создание ЕврАзЭС сопровождалось формированием ряда евразийских интеграционных и рабочих органов различного уровня, среди которых — Суд ЕврАзЭС [2].

ЕврАзЭС в целом или в части послужило основой создания ЕАЭС. Следовательно, Суд ЕврАзЭС можем считать фундаментом Суда ЕАЭС.

Утверждение о том, что Суд ЕАЭС непосредственно связан с Судом ЕврАзЭС, основано на том, что только Суд ЕврАзЭС был вправе рассматривать споры, возникающие в связи с функционированием Таможенного союза и Единого экономического пространства, которые явились основой для формирования ЕАЭС. В п. 3 ст. 3 Договора о прекращении деятельности ЕврАзЭС от 10 октября 2014 г. закреплён тот факт, что решения Суда ЕврАзЭС продолжают действовать в прежнем статусе и после ликвидации органа [3]. Материально-техническая база Суда ЕврАзЭС передается Суду ЕАЭС, местом пребывания которого, согласно Договору о ЕАЭС от 29 мая 2014 г., также определен город Минск [4]. Судейский корпус Суда ЕАЭС частично остался прежним.

Иными словами, Суд ЕАЭС является фактическим преемником Суда ЕврАзЭС. На наш взгляд, подобный подход является оправданным, т.к. позволяет изменить состав государств-членов интеграционного объединения, сохранив в силе многие из действующих на время образования ЕАЭС договоры и все судебные решения. Следовательно, история становления и развития Суда ЕАЭС берет начало с момента создания Суда ЕврАзЭС — с 10 октября 2000 г., чья фактическая деятельность началась 1 января 2012 г. [5].

Непосредственно Суд ЕАЭС был создан в соответствии с Договором о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. как постоянно действующий судебный орган ЕАЭС, необходимый для успешного функционирования и развития ЕАЭС, что подразумевает разрешение споров, зачастую возникающих в сфере таможенного дела [4]. Статут Суда ЕАЭС определяет статус, состав, компетенцию, порядок функционирования и формирования Суда Союза.

Следует обратить внимание, что переход евразийской интеграции на более высокую ступень — создание ЕАЭС — и «превращение» Суда ЕврАзЭС в Суд ЕАЭС сопровождалось существенными изменениями в учредительных документах Суда интеграционного объединения, которые изменили компетенцию и порядок функционирования Суда и проиллюстрировали отход от мировых тенденций развития международного правосудия. В большинстве случаев, изменения, коснувшиеся деятельности Суда ЕАЭС, оцениваются как регрессивные. Однако полагаем, что на практике имевшие место изменения не являются столько негативными, их влияние, как минимум, на роль Суда в деятельности, например, в таможенной сфере, не должно оцениваться как однозначно отрицательное.

В рамках настоящей работы обратимся к наиболее показательным изменениям.

Упразднение преюдициальной процедуры. По мнению ряда исследователей, указанное изменение возвращает ЕАЭС на несколько шагов назад. Это обусловлено важностью роли преюдициальной процедуры в компетенции суда интеграционного образования, которое ставит перед собой цель единообразного применения собственного права в государствах-членах [8]. Подобное обстоятельство не будет способствовать единству правоприменительной практики в государствах-членах ЕАЭС.

Реализация преюдициальной процедуры наиболее ярко представлена в деятельности Суда ЕС. В практике встречаются три основных вида преюдициальных запросов: запросы о толковании, запросы о действительности правовых актов, запросы о соответствии внутригосударственных актов праву ЕС. Применяв данную практику к таможенной составляющей в деятельности Суда ЕАЭС, мы пришли к следующим выводам. Во-первых, право толкования-разъяснения осталось за Судом ЕАЭС, то есть в данном аспекте упразднение преюдициальной процедуры не отразилось на деятельности Суда. Во-вторых, допускаем, что в рамках ЕС запросы о действительности правовых актов имеют место, однако, в ЕАЭС, в частности в Республике Беларусь, для этих целей функционируют правовые порталы. Таким образом, рассматриваемый аспект преюдициальной процедуры утрачивает актуальность применительно к ЕАЭС. В-третьих, запросы третьего типа также не столь применимы в ЕАЭС, и в отношении актов в сфере таможенного дела субъекты могут обратиться за консультацией в таможенные

органы, а те, в свою очередь, в ЕЭК. Таким образом, рассматриваемое изменение не имеет большое влияние на таможенные аспекты деятельности Суда ЕАЭС.

Замена толковательной функции Суда разъяснительной. Варьирование терминов «толкование» и «разъяснение» в новом Статуте приводит к непониманию того, отождествлены ли они Статутом, либо оцениваются как отдельно существующие категории. Очевидным представляется тот факт, что упразднение толковательной функции Суда в классическом понимании может рассматриваться как барьер, во-первых, на пути к реализации цели создания Суда (определена п. 2 Статута ЕАЭС), во-вторых, в развитии самостоятельной правовой системы, без которой невозможно функционирование ЕАЭС и к совершенствованию которой стремится интеграционное объединение [7, 8]. Однако на практике замена толковательной функции разъяснительной по большей части носит условный характер.

Данная функция все же осуществляется Судом ЕАЭС, но лишь по заявлению государств-членов или органов ЕАЭС. От имени государства-члена обращаться в Суд с заявлением о разъяснении могут лишь уполномоченные органы и организации государств-членов, перечень которых определяется каждым государством-членом и направляется в Суд [7].

Следует отметить, что в Суде ЕврАзЭС консультативные заключения могли также напрямую запрашиваться высшими органами судебной власти государств-членов [6]. Тот факт, что теперь возможность запрашивания консультативных заключений высшими органами судебной власти зависит, по сути, от глав государств-членов, безусловно, является ослаблением значимости судебной власти в целом, и делает деятельность Суда ЕАЭС менее эффективной, в том числе в сфере таможенного дела.

Согласно Статуту Суда ЕАЭС, разъяснение Судом положений права Союза, имея рекомендательный характер, не лишает государства-члены права на совместное толкование ими международных договоров, заключенных в рамках Союза [7]. Следовательно, данное обстоятельство не позволяет обеспечить единообразное применение норм права Союза. В то же время на практике указанное изменение не является столь критичным, т.к. государства-члены по-прежнему, даже в случаях, когда решения Суда носят рекомендательный характер, при принятии решений руководствуются положениями решений Суда.

Изменение в порядке прекращения полномочий судей. П. 13 Статута Суда ЕАЭС закрепляет, что с инициативой о прекращении полномочий судьи могут выступать государство-член, представившее судью, Суд или судья [7]. В Статуте Суда ЕврАзЭС такое положение отсутствовало. Как правило, вопросы, связанные с прекращением полномочий судей, в функционирующих сегодня международных судах решаются исключительно судьями. Возможность досрочного освобождения судей Суда ЕАЭС государствами-членами оказывает негативное воздействие на закрепленный в Статуте Суда ЕАЭС принцип независимости судей. В то же время указанное ограничение имеет место только в теории: в практике подобных случаев за время действия Суда ЕАЭС не было.

Г.М. Даниленко некоторое время назад писал относительно статуса судей Экономического суда СНГ: «Имеются по крайней мере два фактора, которые значительно подрывают независимость судей. Во-первых, судьи выполняют свои функции в рамках ограниченного срока — 10 лет. Во-вторых, и это самое

главное, судьи могут быть освобождены от должности не институтами организации или не самими судьями, а государствами, которые судей назначили... [Поэтому] подлинная независимость судей представляется сомнительной» [10]. Данное высказывание применимо и к положению судей Суда ЕАЭС. Однако отметим, что ограниченный срок выполнения полномочий судьями имеет свои преимущества для таможенной составляющей деятельности Суда ЕАЭС. Опыт, которым обладают судьи, безусловно, важен, однако ЕАЭС, в частности таможенное дело в ЕАЭС, развиваются весьма интенсивно, и смена кадров будет положительно сказываться на деятельности Суда, привнося свежий взгляд, новые идеи и новый опыт. Кроме того, на сегодняшний день в мире особое место занимает борьба с коррупцией, и неизбежная смена кадров будет способствовать пресечению коррупционной деятельности. Основания для начала судопроизводства. Суд ЕАЭС может начать судопроизводство по заявлению государств-членов либо по заявлению хозяйствующих субъектов. В отличие от ранее существовавших в рамках Суда ЕврАзЭС правил, органам ЕАЭС, в т.ч. ЕЭК, не предоставлено право начинать судопроизводство. ЕЭК лишь может обратиться с ходатайством о разрешении выступить в деле в качестве заинтересованного участника спора, если она считает, что решение по спору может затронуть ее интересы [7]. Совершенно иная практика существовала в рамках ЕврАзЭС [6]. С другой стороны, такое изменение не лишает государства-члены права обращаться в Суд с подобными исками (примером в сфере таможенного дела может послужить дело о Калининградском транзите). Таким образом, рассматриваемое нововведение может оцениваться как снятие определенной нагрузки с Комиссии, что предоставляет ей возможность больше времени посвящать вопросам, которые не могут быть отнесены к компетенции государств-членов.

Однако стоит отметить и некоторые аспекты, однозначно выгодно отличающие Суд ЕАЭС от своего предшественника.

Во-первых, в компетенцию Суда ЕАЭС входят все споры, возникающие по вопросам реализации права Союза, за исключением международных договоров Союза с третьей стороной. Суд ЕврАзЭС был уполномочен рассматривать только «споры экономического характера» [6]. Из этого следует, что такая формулировка в теории являлась существенным ограничением компетенции суда ЕврАзЭС, а ее замена в Статуте Суда ЕАЭС расширила полномочия соответствующего Суда, что, непременно, оказало положительное влияние на деятельность органа ЕАЭС [9].

Во-вторых, имеет место довольно противоречивое суждение, по вопросам о наличии компетенции Суда ЕАЭС по разрешению спора. Несмотря на то, что Статут указанного Суда закрепляет, что такой вопрос разрешается самим Судом, при определении данного вопроса Суд может руководствоваться лишь Договором о ЕАЭС, Приложением № 2 к нему, т.е. самим Статутом, который помещает компетенцию Суда ЕАЭС в строгие рамки. Статут детально расписывает, какие конкретно споры могут рассматриваться Судом по заявлению государства-члена, а какие — по заявлению хозяйствующих субъектов [7]. В Статуте Суда ЕврАзЭС подобных ограничений не было и данный вопрос регулировался исключительно самим Судом ЕврАзЭС.

Рассматриваемые изменения имеют, на наш взгляд, двоякий характер. С одной стороны, компетенция Суда ЕАЭС ограничивается, особенно в сравнении

с полномочиями его предшественника в данной области. С другой стороны, установлен перечень споров, разрешение которых относится к компетенции Суда ЕАЭС, что исключает возможность возникновения неопределенных моментов и является плюсом.

В-третьих, срок полномочий судьи увеличен на три года: в Суде ЕврАзЭС такой срок составлял 6 лет, в Суде ЕАЭС — 9 лет [6,7]. Определенно, продление срока является положительной тенденцией.

Подводя итог настоящей работе, сформулируем следующие выводы.

1. Суд ЕАЭС является правопреемником Суда ЕврАзЭС. Следовательно, история становления и развития Суда ЕАЭС берет начало с момента создания Суда ЕврАзЭС. Изучение правового статуса действующего Суда целесообразно проводить в сравнении с положением его предшественника.

2. Статус, состав, компетенция, порядок функционирования и формирования Суда ЕАЭС регулируются в большинстве случаев Статутом Суда ЕАЭС.

3. Большинство изменений в учредительных документах Суда интеграционного объединения, которые сопровождали переход евразийской интеграции на более высокую ступень в 2015 г., имеют, на наш взгляд, относительно регрессивный характер:

– упразднение преюдициальной процедуры;

– замена толковательной функции Суда интеграционного объединения разъяснительной;

– рекомендательный характер разъяснений Суда ЕАЭС;

– изменения в порядке прекращения полномочий судей;

– основания для начала судопроизводства;

– порядок назначений судей на должность.

4. Ряд изменений выгодно отличает Суд ЕАЭС:

– в компетенцию Суда ЕАЭС входят все споры, возникающие по вопросам реализации права Союза, за исключением международных договоров Союза с третьей стороной;

– Статут Суда ЕАЭС содержит перечень споров, которые могут рассматриваться Судом, что исключает возможность возникновения неопределенных моментов;

– срок полномочий судей увеличен до 9 лет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Соглашение о Таможенном союзе между Российской Федерацией и Республикой Беларусь [Электронный ресурс] : [заключено в г. Минск 06.01.1995 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2019.

2. Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества [Электронный ресурс] : [заключен в г. Астана 10.10.2000 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2019.

3. Договор о прекращении деятельности Евразийского экономического сообщества [Электронный ресурс] : [заключен в г. Минск 10.10.2014 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2019.

4. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] : [заключен в г. Астана 29.05.2014 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2019.

5. О формировании и организации деятельности Суда Евразийского экономического сообщества [Электронный ресурс] : решение Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества, 19 дек. 2011 г., №583 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2019.

6. Статут Суда ЕврАзЭС [Электронный ресурс] : [заключен в г. Астане 05.07.2010 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2019.

7. Статут Суда Евразийского экономического союза (Приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.) // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2019.

8. Дейкало, Е. А От суда ЕврАзЭС к Суду ЕАЭС: неправовые причины правового регресса [Электронный ресурс] / Е. А. Дейкало. — Минск, БГУ, 2016. — Режим доступа: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/163000/1/deykalo_BMW_2016.pdf. — Дата доступа: 01.11.2018.

9. Кембаев, Ж. М. Сравнительно-правовой анализ функционирования Суда Евразийского экономического союза [Электронный источник] / Ж. М. Кембаев // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2019.

10. Danilenko G. M. The Economic Court of the Commonwealth of Independent States // New York University Journal of International Law and Politics. — 1999. — Vol. 31, № 4. — P. 893—918.

ОБЩИЙ РЫНОК ТРАНСПОРТНЫХ УСЛУГ ЕАЭС: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Т. А. Ястреб

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, yastreb@bsu.by*

В статье рассматривается проблематика формирования общего рынка транспортных услуг и единого транспортного пространства ЕАЭС. Выявлены проблемные вопросы данного процесса, предложены возможные пути их решения, а также определены перспективные направления дальнейшего развития.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; единое транспортное пространство ЕАЭС; общий рынок транспортных услуг ЕАЭС; транспортная отрасль; транспортные услуги.

EAEU COMMON MARKET OF TRANSPORT SERVICES: PROBLEMS AND PROSPECTS OF FORMATION

T. A. Yastreb

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article deals with the problems of the formation of the common market of transport services and single transport area of the EEU. The problematic issues of this process are considered, possible ways to solve them and perspective directions for further development are suggested.

Keywords: the Eurasian Economic Union; single transport area of the EEU; common market of transport services of the EEU; transport industry; transport services.

Транспортная отрасль является системообразующей отраслью любой экономики, оказывает непосредственное влияние на социально-экономические процессы, происходящие в государстве. Успешное развитие транспортной отрасли содействует экономическому росту. Транспортные услуги занимают достаточно высокую долю в мировом экспорте (более 20 %). При этом рынки транспортных услуг многих стран остаются достаточно закрытыми. Немногим более половины

стран-членов ВТО обеспечивают какой-либо уровень доступа иностранных транспортных услуг и поставщиков услуг на свой рынок [1].

Международные интеграционные процессы тесно увязаны с интеграцией в транспортной сфере. Без взаимосвязанного функционирования транспортных систем партнеров по интеграции невозможно обеспечить свободное перемещение товаров, услуги рабочей силы в рамках интеграционного объединения.

С учетом географически выгодного положения в экономике Республики Беларусь отрасль транспорта имеет важное значение. Это подтверждается статистическими данными: доля транспортных услуг в общем объеме белорусского экспорта услуг составила в 2017 г. 44 % [2]. Для белорусских поставщиков транспортных услуг чрезвычайно важным является обеспечение наиболее привлекательных условий доступа на рынки третьих стран, в т.ч. упрощение условий доступа на рынки государств-членов ЕАЭС.

Развитие интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз) тесно связано с формированием единого транспортного пространства, в т.ч. развитием общего рынка транспортных услуг, а также наличием современного логистического комплекса.

Согласно ст.86 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор о ЕАЭС), в Союзе осуществляется скоординированная (согласованная) транспортная политика, направленная на обеспечение экономической интеграции, последовательное и поэтапное формирование единого транспортного пространства на принципах конкуренции, открытости, безопасности, надежности, доступности и экологичности. Единое транспортное пространство формируется на основе транспортных систем государств-членов Союза, в рамках которых будут обеспечены беспрепятственное передвижение пассажиров, перемещение грузов и транспортных средств, их техническая и технологическая совместимость, основанные на гармонизированном законодательстве государств-членов в сфере транспорта.

По нашему мнению, одной из важнейших задач скоординированной (согласованной) транспортной политики ЕАЭС является формирование общего рынка транспортных услуг. Согласно п. 2 Протокола о скоординированной (согласованной) транспортной политике (приложение № 24 к Договору о ЕАЭС), под общим рынком транспортных услуг понимается форма экономических отношений, при которых создаются равные и паритетные условия оказания транспортных услуг, особенности функционирования рынка которых по видам транспорта определяются указанным Протоколом, а также международными договорами в рамках Союза [3]. Представляется, что формирование общего рынка транспортных услуг важно рассматривать в контексте формирования единого транспортного пространства Союза.

Считаем, что созданию общего рынка транспортных услуг и единого транспортного пространства будет способствовать также решение иных задач скоординированной (согласованной) политики государств-членов Союза в данной сфере: принятие согласованных мер по обеспечению общих преимуществ в сфере транспорта и реализации лучших практик; интеграция транспортных систем государств-членов ЕАЭС в мировую транспортную систему; эффективное использование транзитного потенциала государств-членов ЕАЭС; повышение качества транспортных услуг; обеспечение безопасности на транспорте; сниже-

ние вредного воздействия транспорта на окружающую среду и здоровье человека; формирование благоприятного инвестиционного климата.

Согласно достигнутым договоренностям, скоординированная (согласованная) транспортная политика Союза формируется его государствами-членами. На наднациональном уровне определяются ее основные направления и этапы реализации. Так, в 2016 г. Высшим евразийским советом утверждены Основные направления и этапы скоординированной (согласованной) транспортной политики государств-членов ЕАЭС. Для их реализации приняты планы мероприятий (т.н. «Дорожные карты») по видам транспорта до 2020 года. Основная задача, которая стоит перед государствами-членами Союза в настоящее время и на решение которой нацелены мероприятия, предусмотренные «дорожными картами», это снятие ограничений существующих ограничений при перевозках всеми видами транспорта.

Несмотря на то, что государства-члены ЕАЭС стремятся к развитию всех видов транспорта, на данный момент приоритетными из них являются автомобильный и железнодорожный транспорт, что и обуславливает наибольшую глубину договоренностей в части перечисленных видов. Преимуществом автомобильного транспорта является его маневренность, железнодорожного – масштабность, возможность достаточно оперативно доставлять на длительные расстояния значительные объемы грузов, обеспечивая их высокую сохранность. При этом, важно обеспечить взаимодействие этих двух видов транспорта с учетом отсутствия у многих грузоотправителей подъездных железнодорожных путей.

В Союзе автомобильным транспортом перевозится около 80 % грузов. По данным официальной статистики государств-членов ЕАЭС, в январе – 2018 года автомобильный транспорт обеспечил около 81,7 % общего объема перевозок грузов транспортом (без трубопроводного транспорта) и 94,1% пассажирских перевозок в ЕАЭС. В целом отмечается тенденция к увеличению объема перевозок грузов автомобильным транспортом во всех государствах – членах Союза в среднем на 4% [4]. Объем перевозок грузов железнодорожным транспортом государств – членов ЕАЭС в январе – сентябре 2018 года составил 1 381,4 млн. тонн и по сравнению с аналогичным периодом 2017 года увеличился на 4,2% [5].

Что касается водного транспорта, то государства-члены ЕАЭС нацелены на гармонизацию законодательства и обеспечение безразрешительного доступа судов государств-членов Союза к внутренним путям (по заявительному принципу). В области воздушного транспорта сделан акцент на обеспечение безопасности авиационных перевозок и недискриминационного доступа авиационных компаний к авиационной инфраструктуре.

Положительная динамика развития транспорта в ЕАЭС достигнута за счет реализации ряда мер по формированию общего транспортного рынка. Так, введены в действие единые (унифицированные) железнодорожные международные тарифы, установлены пределы изменений тарифов на железнодорожные грузоперевозки внутри ЕАЭС, что позволило снизить стоимость перевозок в рамках Союза. Важными шагами стало создание АО «Объединенная транспортно-логистическая компания Евразийский железнодорожный альянс» (крупного железнодорожного оператора государств-членов ЕАЭС, который обеспечивает осуществление перевозок из Юго-Восточной Азии в Европейский союз (далее – ЕС) и

стремится их наращиванию), а также определение правил доступа перевозчиков государств-членов на сопредельные участки железнодорожной инфраструктуры других государств-членов Союза. Транспортный контроль перенесен на внешнюю границу ЕАЭС, что позволило повысить оперативность перемещения транспортных средств и грузов по таможенной территории ЕАЭС. Отменена разрешительная система при осуществлении автомобильных перевозок между государствами-членами Союза, что важно для обеспечения доступа на рынок и усиления конкуренции между автоперевозчиками государств-членов Союза, и, соответственно, снижения стоимости перевозки, повышения качества оказываемых услуг. Принята программа поэтапной либерализации каботажных автоперевозок в ЕАЭС на 2016-2025 гг., реализация которой позволит максимально использовать парк грузовых автомобилей международной перевозки, зарегистрированных в государствах-членах ЕАЭС, повысить эффективность грузоперевозок за счет снижения количества холостых пробегов и т.д. Подготовлен проект Соглашения о судоходстве.

Следует отметить и ряд проблемных вопросов, возникающих при формировании общего рынка транспортных услуг Союза. В первую очередь, это различия в нормативной правовой базе государств-членов ЕАЭС и в технических требованиях, что обуславливает различные подходы к регулированию транспортной отрасли, например, отмечаются различия осевых нагрузок для автомобильного транспорта, в подходах к выдаче спецразрешений на перевозку тяжеловесных грузов, в интерпретации некоторых понятий (к примеру, «безопасность»).

Несмотря на важность вышеупомянутой программы либерализации каботажных перевозок для бизнеса, она не заработала в полную силу. На данный момент готовы к ее реализации Республика Беларусь, Республика Армения и Республика Кыргызстан. Российская Федерация проводит работу по подготовке национального законодательства к запуску данной программы. Республика Казахстан намерена начать реализацию программы с 2025 года. Полагаем, что опасения казахстанской стороны связаны с повышением конкуренции в связи с либерализацией автомобильных перевозок. Вместе с тем, с учетом того, что такая конкуренция имеет стимулирующий характер, считаем целесообразной реализацию положений данной программы.

Высокий уровень износа транспортных средств, подвижного состава, объектов инфраструктуры не позволяет обеспечить достаточное качество транспортных услуг и достаточный уровень их экспорта. Отмечаются также диспропорции в развитии транспортной инфраструктуры.

Государства-члены ЕАЭС на данном этапе пока недостаточно используют свое выгодное географическое положение с точки зрения обеспечения транзитных перевозок по евразийским международным транспортным коридорам.

Приоритетными направлениями развития единого транспортного пространства и общего рынка транспортных услуг ЕАЭС, нацеленными в т.ч. на решение перечисленных проблемных вопросов, должны стать следующие:

- установление единых технических требований в ЕАЭС для автомобильного транспорта;

- проведение мероприятий по максимальному привлечению грузопотоков для перемещения по евразийским транспортным коридорам, обеспечение обратной загрузки контейнеров, следующих из ЕС в Китай;

- налаживание взаимодействия между разными видами транспорта в различных узлах, хабах;
- унификация перевозочных документов;
- согласование подходов государств-членов ЕАЭС к формированию и развитию транспортной инфраструктуры, в т.ч. для альтернативных видов транспорта;
- проведение оперативных мероприятий по развитию интеллектуальных транспортных систем.
- совместная разработка новых видов транспорта.

Создание общего рынка транспортных услуг ЕАЭС является необходимым условием развития евразийской интеграции. Его эффективное функционирование не только обеспечивает свободу перемещения товаров, услуг, рабочей силы, но и определяет уровень жизни населения и экономического развития государств-членов Союза.

На данном этапе формирования общего рынка транспортных услуг и единого транспортного пространства приоритетом для государств-членов ЕАЭС является комплексная реализация мероприятий, предусмотренных «дорожными картами» с максимальным использованием преимуществ отдельных видов транспорта, особенностей и возможностей каждого государства-члена в рамках данного процесса.

В рамках процесса формирования общего рынка транспортных услуг ЕАЭС целесообразно использовать многолетний опыт ЕС по формированию единой транспортной политики на всех видах транспорта, который является лидером по уровню развития сотрудничества в области транспорта и логистики среди интеграционных объединений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кушнеренко, Е. Регулирование отношений в области осуществления международных перевозок до и после присоединения к ВТО / Е. Кушнеренко // Международный центр торговли и устойчивого развития [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ictsd.org/bridges-news/мосты/news/регулирование-отношений-в-области-осуществления-международных-перевозок-до-и-> - Дата доступа 19.02.2019.
2. Внешняя торговля Республики Беларусь, 2017 // Белорусский государственный статистический комитет [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/vneshnyaya-torgovlya_2/ofitsialnye-publikatsii_12/index_8009/. - Дата доступа 15.02.2019.
3. Договор о Евразийском экономическом союзе: [подписан в г. Астане 29.05.2014 г.]: с изм. от 23.12.2014 г. // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2016.
4. Обзор состояния перевозок автомобильным транспортом за январь-сентябрь 2018 года // Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/energetikaiinfr/transport/Pages/avtotransport.aspx>. - Дата доступа 15.02.2019.
5. Об основных показателях в сфере транспорта Евразийского экономического союза за январь - сентябрь 2018 года // Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/energetikaiinfr/transport/Pages/zd.aspx>. - Дата доступа 15.02.2019.

СЕКЦИЯ 6

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЛИНГВИСТИКЕ, ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ, МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

ТЕМПЕРАТУРНАЯ, ВИБРАЦИОННАЯ И ГРАВИТАЦИОННАЯ СФЕРЫ- ИСТОЧНИКИ СИНЕСТЕТИЧЕСКИХ ПЕРЕНОСОВ В ВЕРБАЛЬНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МУЗЫКИ И ЖИВОПИСИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

О.В. Вологина

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, olya.vologina@gmail.com*

Рассматривается лексическое проявление феномена синестезии – синестетическая образность, извлеченная из текстов (на русском и английском языках) о музыке и живописи. Показано, что, наряду с другими сенсорными модальностями (сферами ощущений), температурная, вибрационная и гравитационная модальности могут выступать в качестве источников синестетических образов, используемых для вербальной интерпретации произведений музыки и живописи. Анализируются семантические особенности звуко-температурной и зрительно-температурной, звуко-вибрационной и зрительно-вибрационной, звуко-гравитационной и зрительно-гравитационной вербальных синестезий, приводятся их примеры из рассмотренных статей о музыке и живописи. Делается вывод об универсальности данных видов синестезии для обоих языков и для вербальных интерпретаций обоих видов искусства.

Ключевые слова: синестезия; синестетическая образность; сенсорная модальность; температурная модальность; вибрационная модальность; гравитационная модальность; музыка; живопись.

TEMPERATURE, VIBRATIONAL AND GRAVITATIONAL SENSORY MODALITIES AS SOURCE DOMAINS OF SYNESTHETIC IMAGERY IN RUSSIAN AND ENGLISH ARTICLES ON MUSIC AND PAINTING

O.V. Vologina

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article discusses the lexical manifestation of the phenomenon of synesthesia in the form of synesthetic imagery in the examined English and Russian texts on music and painting. It is shown that, alongside with other sensory modalities, temperature, vibrational and gravitational modalities act as the source domains of synesthetic imagery employed for the verbal interpretation of the works of art and music. The semantic peculiarities of the auditory-temperature and visual-temperature, auditory-vibrational and visual-vibrational, auditory-gravitational and visual-gravitational synesthetic imagery are analysed and illustrated by the examples taken from the examined English and Russian articles on music and painting. It is concluded that the mentioned types of synesthesia are universal for articles in both languages and on both music and painting.

Key words: synesthesia; synesthetic imagery; sensory modality; temperature modality; vibrational modality; gravitational modality; music; painting.

Мастер слова, добиваясь более точной и достоверной передачи своих мыслей, стремится как можно полнее использовать семантико-стилистический по-

тенциал языковой системы. В этом плане язык текстов о музыке и живописи представляет собой результат поиска и экспериментирования, заключающегося в необычном использовании лексических единиц и создании новых правил комбинирования слов. Так возникает **лексическая синестезия** (например: *сладкий голос* (вкус + слух), *звонкий цвет* (слух + зрение)), которая в ее классическом понимании представляет собой использование слов, связанных с каким-либо органом чувств, для обозначения понятий, относящихся к сфере другого чувства [7, с. 279; 2, с. 191]. Синестезия ярко проявляется в вербальных интерпретациях искусства, и на ее основе происходит сближение различных искусств: музыка как бы насыщается светом и цветом, становится «движущимися пейзажами», а живопись обретает способность звучать.

Синестетический образ представляет собой двухчастную структуру и состоит, если следовать терминологии Ст. Ульманна, из “источника” (“source”) и “адресата” / “пункта назначения” (“destination”) [8, с. 278], принадлежащих к различным сенсорным модальностям (сферам ощущений). Сенсорные разновидности синестетических образов, извлеченных из статей о музыке и живописи на русском и английском языках, определялись в работе с опорой на классификацию ощущений С.Л. Рубинштейна, которая предполагает деление всех ощущений по характеру отражения и месту расположения рецепторов на **экстероцептивные** (вкусовые, тактильные, зрительные, слуховые, обонятельные), **интероцептивные** (температурные ощущения, а также ощущения голода, жажды, боли, удушья, тошноты и др.) и **проприоцептивные** (гравитационные и вибрационные) [4, с. 184-225].

Виды синестетических образов, сферой-источником которых являются экстероцептивные ощущения (слухо-зрительная, слухо-тактильная, слухо-вкусовая, слухо-обонятельная синестезии в текстах о музыке и зрительно-слуховая, зрительно-тактильная, зрительно-вкусовая синестезии в текстах о живописи), были рассмотрены в работе «Сенсорные разновидности синестетических образов, основанных на экстероцептивных ощущениях (на материале текстов на английском и русском языках о музыке и живописи)» [1], а в данной статье будут проанализированы синестетические образы, сферами-источниками которых стали **температурная, вибрационная и гравитационная сенсорные модальности**.

Не все исследующие языковую синестезию авторы выделяют синестетические образы с температурным, вибрационным и гравитационным сенсорными компонентами. Однако, исходя из сущности лексической синестезии, принимая во внимание классификацию ощущений С.Л. Рубинштейна и учитывая мнение М.Я. Сабанадзе [5], Л.Л. Степаняна [6] и Е.А. Елиной [3] по данному вопросу, есть основания считать образы, основанные на метафорическом переносе из температурной, вибрационной и гравитационной сфер-источников, синестетическими.

Слухо-температурная и зрительно-температурная синестезии. Слухо-температурная синестезия характеризует разные степени «нагретости» звучания музыки (от горячего и теплого к прохладному, холодному и ледяному): *icy-cool keyboard passages* ‘прохладно-ледяные пассажи клавишных’; *frigid sounds* ‘очень холодные звуки’; *the warm acoustic of the symphony* ‘теплая акустика симфонии’; *some cold sounds* ‘какие-то холодные звуки’; *холодная, однообразная музыка*; *аккорды «с холодком»*; *прохладная музыка*; *горячий ритм*; *теплые синтезаторные пассажи*; *горяченькие треки*.

В зрительно-температурных синестетических образах находит отражение традиционное отнесение цветов спектра к группам “холодных” и “теплых” цветов. Вербальное развитие и различные модификации первичного грубого деления на два температурных вектора привели к появлению некоторых других номинаций температурной модальности (*прохладный, горячий*), хотя основными и наиболее частотными единицами остаются *теплый* и *холодный*: *a cold light* ‘холодный свет’; *a warm red background* ‘теплый красный фон’; *a couple of hot flecks of paint* ‘пара горячих пятен краски’; *hot yellow* ‘горячий желтый’; *cool lavender* ‘прохладный бледно-лиловый’; *холодность картины*; *горячий тон колорита*; *холодные зеленые оттенки*; *тёплые рефлексy*; *холодные тона*. Количество зрительно-температурных образов в статьях о живописи на английском языке довольно велико, и этот вид синестезии уступает в англоязычных текстах только зрительно-тактильной синестезии.

Слухо-вибрационная и зрительно-вибрационная синестезии. По определению С.Л. Рубинштейна, вибрационные ощущения – это «чувствительность к колебаниям воздуха, вызываемым движущимся телом», «промежуточная, переходная форма между тактильной и слуховой чувствительностью» [4, с. 185]. Вибрационные ощущения являются источником слухо-вибрационной синестезии в текстах о музыке и зрительно-вибрационной синестезии в текстах о живописи.

С помощью слухо-вибрационных образов звучание в рассмотренных английских и русских о музыке характеризуется как вибрирующее, трепещущее, колеблющееся, дрожащее, пульсирующее: *quivering melody* ‘трепещущая мелодия’; *a swaying pop-funk jam* ‘качающийся / колеблющийся поп-фанковый джем’; *a vibrant performance* ‘вибрирующее / энергичное исполнение’; *vibrant tone* ‘вибрирующий тон’; *vibration of his music* ‘вибрация его музыки’; *пульсирующие ритмы*; *дрожащий звук*.

Интересно, что аналогичную «вибрационную лексику» используют и авторы статей о живописи для характеристики цветов, форм, линий или картин в целом: *the painter’s vibrant touch* ‘вибрирующая манера художника’; *her paintings rock and sway* ‘ее картины качаются и колеблются’; *quivering lines* ‘дрожащие линии’; *pulsing curves* ‘пульсирующие кривые линии’; *a wavering white line* ‘колеблющаяся белая линия’; *vibrant images* ‘вибрирующие изображения’; *the wobbly contours of the figures* ‘дрожащие очертания фигур’; *вибрация цвета*; *трепет*, *обретает новые черты форма*; *вибрируют краски фона*; *трепетное дыхание портрета*.

Слухо-гравитационная и зрительно-гравитационная синестезии. Слухо-гравитационная синестезия имеет место, когда музыка будто наделяется весовыми характеристиками, в результате чего звучание воспринимается как «тяжелое» или «легкое»: *these movements are rendered with greater than usual weight* ‘эти части (музыкального произведения) исполнены с большим, чем обычно, весом’; *weightiness of his voice* ‘весомость его голоса’; *a ponderous pace* ‘тяжеловесный темп’; *the song sounds too lightweight* ‘песня звучит слишком легковесно’; *the performance is remarkable for its tonal weight* ‘исполнение замечательно своим тональным весом’; *тяжелый грандж*; *легкая музыка*; *тяжелый звук*; *тяжеловесность оркестра*.

Гравитационные характеристики используются в вербальных интерпретациях произведений живописи гораздо реже, чем в интерпретациях музыки. Зри-

тельно-гравитационная синестезия представлена в исследуемом материале единичными случаями: *architectonic weight of the painting* ‘архитектурный вес картины’; *heavy darkness of the painting* ‘тяжелая темнота картины’; *heavy background* ‘тяжелый фон’; *легкость картины*; *равновесие форм*; *легкие мазки*; *легкость кисти*; *мазки Караваджо весомы*.

Таким образом, использование температурных, вибрационных и гравитационных ощущений в качестве сфер-источников синестетических образов характерно и для англоязычных, и для русскоязычных авторов, пишущих как о музыке, так и о живописи, что подтверждает мнение Ст. Ульманна о синестезии как о семантической универсалии [7].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вологина, О.В. Сенсорные разновидности синестетических образов, основанных на экстероцептивных ощущениях (на материале текстов на английском и русском языках о музыке и живописи) / О.В. Вологина // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам: материалы X Междунар. науч. конф., посвящ. 95-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 27 окт. 2016 г. / редкол.: В. Г. Шадурский (пред.) [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2016. – С. 50-52.
2. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. – М.: Международные отношения, 1977. – 265 с.
3. Елина Е.А. Вербальные интерпретации произведений изобразительного искусства. Номинативно-коммуникативный аспект / Под ред. В.И. Карасика. – Саратов: Саратовский гос. социально-экономический ун-т, 2002. – 256 с.
4. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб: Питер, 2009. – 713 с.
5. Сабанадзе М.Я. Синестезия в подязыке музыковедения (На материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / М.Я. Сабанадзе; Ленингр. госуд. ун-т им. А.А. Жданова. – Ленинград, 1987. – 160 л.
6. Степанян Л.Л. Синестезия и эмоциональность речи / Л.Л. Степанян // Вестник Московского университета. – 2004. – № 4. – С. 115-120.
7. Ульманн С. Семантические универсалии / С. Ульманн // Новое в лингвистике. Вып. V (Языковые универсалии). – М.: Прогресс, 1970. – С. 250-299.
8. Ullmann, S. The Principles of Semantics. – New York: Philosophical Library, 1957. – 346 pp.

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Д.А. Залесский¹⁾, И.И. Макаревич²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, Zaless333@gmail.com

²⁾Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, makarevich-ii@mail.ru

Специфика перевода юридических терминов заключается в необходимости не только сделать лингвистически грамотный перевод терминов, но и передать фактическое их содержание. План содержания терминов должен раскрывать их с точки зрения правоприменительной практики, существующей относительно приведенного термина в конкретной правовой системе. Наиболее яркие различия перевода могут быть проиллюстрированы на примере перевода терминов в различных правовых системах. Для адекватного и эквивалентного перевода терминов представляется целесообразным подробное рассмотрение их семантики в разрабатываемой

мом специализированном толковом двуязычном словаре-справочнике по международному праву, где в информационно-аналитическом комментарии отражена правоприменительная практика в отношении каждого термина.

Ключевые слова: Юридический термин; правовая система; понятийный аппарат; перевод; семантика термина.

PECULIARITIES AND PROBLEMS OF SPECIALIZED TRANSLATION OF LEGAL TERMS

D. A. Zalesski^a, I. I. Makarevich^b

^a*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

^b*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

Corresponding author: I. I. Makarevich (makarevich-ii@mail.ru)

The specifics of the legal terms translation forms the necessity not only to provide a linguistically adequate translation but to convey the real meaning of the term. The real meaning of the terms should include the process of law, related to the term in a particular legal system. The most striking instance of differences in translation could be illustrated through the translation of terms from different legal systems. In the different legal systems the terms could have the same linguistic form, but different meaning and interpretation. To meet the requirements of the exact translation of the terms belonging to two different legal systems it seems to be useful to create a specialized dictionary for international lawyers, which would illustrate the terminology of the process of law.

Key words: Legal terms; legal system; conceptual framework; translation; semantics of the term.

Процессы глобализации и интеграции, происходящие в современном мире, порождая тесное международное сотрудничество во всех социально значимых сферах, обеспечивают обмен теоретическими знаниями и практическими навыками. При этом, ввиду многообразия языков, возникают сложности не только перевода как такового, но и последующего восприятия и использования переведенной информации.

Юриспруденция в данном случае не является исключением. Представляя комплексную социально значимую сферу, охватывающую все аспекты социального взаимодействия субъектов права, юриспруденция обладает собственным категориально понятийным аппаратом, которому присущи свои особенности, характерные для каждой правовой культуры. Особенности понятийного аппарата, в свою очередь, порождают особенности перевода юридических терминов. При этом перевод с формальной точки зрения, а именно передача филологического значения каждого отдельно взятого термина, не будет являться надлежащим переводом, поскольку не будет отражать сущность правового явления или правового процесса в привязке к отдельно взятой правовой культуре.

Все вышеизложенное не просто порождает язык специальности, но определяет особенности языка специальности как самостоятельного для каждой отдельно взятой правовой культуры, не допускающего переноса терминов и понятий путем перевода из одной правовой культуры в другую. Язык специальности требует детального рассмотрения каждого отдельно взятого термина, практики его применения и использования.

Таким образом, сегодня уместно говорить о том, что лингвистика столкнулась с необходимостью пристального изучения широкой и узкой терминологии, толкования терминов, поиска адекватной и эквивалентной передачи терминов,

лексикографического составления словарей. В прикладном аспекте лексикографическое исследование, в частности, терминосистемы международного права, осуществляется в рамках направления прикладной лингвистики, объединяющей в себе антропологическое направление лингвистических исследований, функциональную лингвистику, лингвистику дискурса, которые позволяют рассматривать терминосистемы языков профессионального общения в рамках профессиональных дискурсов [0, с. 63]. Таким образом, основной задачей перевода правовых терминов является не присвоение иностранному термину эквивалента в языке перевода, а поиск способа отразить особенности иностранного термина на языке, на который осуществляется перевод.

При этом важно различать терминологию международного права как таковую и терминологию права иностранного государства. Терминология международного права выстраивается посредством профессионального дискурса, происходящего в рамках нормотворческого процесса. В данном случае уместно говорить о выработке собственного единого понятийного аппарата.

Что касается терминологии права иностранного государства, она является устоявшейся, подкрепленной как комментариями авторитетных юристов, так и правоприменительной практикой, системой терминов и понятий. В таком случае сложность заключается в распознавании того, какие правовые последствия порождает тот или иной правовой термин, и, соответственно, каким образом такой термин может быть переведен с сохранением первоначально заложенного в него смысла.

Уместно сделать вывод о том, что для адекватного и эквивалентного перевода текста юридического содержания, переводчику, помимо знаний языка, необходимы фоновые знания в области права, знания специальной лексики и терминологии. Перевод юридической терминологии представляет особую трудность так как многие юридические термины многозначны, некоторые термины языка оригинала лакунарны, не находят эквивалентов в языке перевода [3, с. 38]. Более того, принимая во внимание исключительность терминологического аппарата юриспруденции, уместно отметить, что фоновых знаний юриспруденции в определенных случаях может оказаться недостаточно для корректного перевода. Понимание основ права, безусловно, упрощает задачу, однако уникальность отдельно взятых правовых явлений в таком случае останется нераскрытой.

В качестве примера предлагается рассмотреть особенности перевода международно-правового термина и термина, входящего в правовой понятийный аппарат иностранного государства.

Так, в рамках Целей Устойчивого Развития, определенных Организацией Объединенных Наций, фигурирует следующий термин: *clean water and sanitation* [4]. При этом именно для целей устойчивого развития уместно его переводить как доступ к чистой воде и канализации [2, с. 17], несмотря на то, что с формальной точки зрения слово “доступ” в самом словосочетании отсутствует. Указанный перевод может быть сделан исключительно после анализа целей устойчивого развития, их содержания и области применения. При этом такой перевод будет являться единым и понятным для всех государств, принимающих участие в программе устойчивого развития.

В качестве юридического термина иностранного государства представляется целесообразным рассмотреть понятие, имеющее различную правоприменительную практику в романо-германской и англосаксонской правовых системах.

Понятие “неустойки”, единое с точки зрения романо-германской правовой системы, в англосаксонской раскрывается через такие термины как “*penalty*”, а именно – неустойка, которой присущ карательный (санкционный) характер и “*liquidated damages*”, которые представляют собой возмещение ущерба без необходимости доказывания такового. При этом перевод понятия “*liquidated damages*” дословно как “убытки” является недопустимым, поскольку убытки в романо-германской правовой системе, наоборот, подлежат доказыванию стороной, обратившейся за их взысканием. Подробно указанная терминология англосаксонского права рассмотрена в решении Верховного Суда Великобритании по делу *ParkingEye Limited (Respondent) v Beavis (Appellant)* [5]. Указанное решение, отсылая к сложившейся правоприменительной практике, раскрывает сущность приведенных правовых понятий англосаксонской системы права и, соответственно, может быть использовано для определения корректного перевода таких понятий.

Наличие практики, равно как и иного толкования юридических терминов, существенно упрощает задачу переводчика, сводя ее к необходимости вывести реальное понимание термина на основе существующей доктрины. Иная ситуация складывается в случае, когда термин, понятие или категория являются новыми.

В данном случае уместно рассмотреть такое понятие как “медиация”. В настоящее время Рабочая Группа № 2 Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли занимается подготовкой документов “о приведении в исполнение международных коммерческих мировых соглашений, достигнутых в рамках посредничества”. При этом на английском языке повестка звучит иным образом: “*preparation of instruments on enforcement of international commercial settlement agreements resulting from mediation*” [6]. Таким образом, на первый взгляд понятие медиации отождествляется с понятием посредничества. В то же время для того, чтобы вникнуть в суть самих указанных понятий необходимо проанализировать законодательство иностранных государств на предмет наличия различных терминов, свидетельствующих о наличии двух различных процедур; изучить международно-правовые термины и понятия, закрепленное за ними содержание; обратить внимание на комментарии наиболее авторитетных юристов, разъясняющих суть приведенных процедур.

В то же время ввиду новизны указанного вопроса в настоящее время не представляется возможным провести полный анализ, позволяющий сделать адекватный перевод приведенных юридических терминов.

Приведенные сложности перевода являются далеко не единственными, однако наиболее ярко отражающими существующую проблематику. Представляется, что указанная проблема может быть решена путем создания специализированного толкового словаря-справочника для юристов-международников, содержащего не только информацию о переводе юридических терминов, но и об их правоприменительной практике в контексте правовых систем различных государств. Учитывая динамичность развития сферы юриспруденции электронный формат такого словаря позволит, во-первых, вносить в него новую актуальную информацию, а, во-вторых, дополнять существующую.

При этом практическая значимость такого словаря видится в первую очередь в трактовке текстов международных правовых документов при их переводе с официального языка. В ином случае ввиду некорректного перевода может сложиться правоприменительная практика, отличная от изначально задуманной составителями документа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Макаревич, И. И. Дискурсивный подход в овладении иностранным языком специальности / И. И. Макаревич // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам : материалы XI Междунар. науч. конф., посвящ. 96-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 25 окт. 2017 г. / БГУ, ФМО; редкол. : В. Г. Шадурский (пред.) [и др.]. — Минск : Изд. центр БГУ, 2017. — С. 63-64.
2. Макаревич, И. И. Практика перевода терминов международного права в части реализации целей устойчивого развития ООН / И. И. Макаревич // “Практика преподавания иностранных языков на факультете международных отношений БГУ”: электронный сборник трудов преподавателей языковых кафедр ФМО. — Вып. 5. — Минск: Изд. центр БГУ, 2015. — С. 16–18.
3. Макаревич, И. И. Использование методов переводческого моделирования при переводе текстов по информационному праву / А. А. Русак, И. И. Макаревич // Курсовой проект на «отлично» / под ред. И.Н. Ивашкевич. — Минск: РИВШ, 2015. — С. 37–41.
4. A New Sustainable Development Agenda [Electronic resource] // United Nations Development Programme. — Mode of access: <http://www.undp.org/content/undp/en/home/mdgoverview.html>. — Date of access: 20.01.2019.
5. Summary of Supreme Court judgment on ParkingEye Limited v Beavis (2015) [Electronic resource] // Gough Square. — Mode of access: <https://goughsq.co.uk/wp-content/uploads/2015/11/Beavis-v-ParkingEye-summary.pdf>. — Date of access: 20.01.2019.
6. United Nations Commission on International Trade Law. Working Group 2 [Electronic resource] // UNCITRAL. — Mode of access: http://www.uncitral.org/uncitral/en/commission/working_groups/2Arbitration.html. — Date of access: 20.01.2019.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ТЕКСТОВ ПО ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ ОТРАСЛЕЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА: ПРАВА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА

А.И. Игнатович

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, nastya.ihnатович@list.ru*

Данная работа посвящена выявлению способов перевода современных понятий, встречающихся в специализированных текстах по проблеме реализации прав человека в условиях глобального изменения климата, с английского на русский язык. Проблема исследования заключается в отсутствии русскоязычных эквивалентов новым англоязычным понятиям по вышеобозначенной тематике. Объектом исследования является терминосистема отраслей международного публичного права – права прав человека и международного экологического права. Цель научно-исследовательской работы состоит в поиске оптимальных способов перевода неологизмов, образующихся при взаимодействии дисциплин (экология и международное право), отраслей международного публичного права (право прав человека и международное экологическое право), с использованием специальной юридической терминологии. Предложенные способы перевода лексических единиц специализированных текстов по проблеме реализации

прав человека в условиях глобального изменения климата способствуют достижению цели адекватности и эквивалентности перевода.

Ключевые слова: право прав человека; международное экологическое право; терминосистема международного публичного права.

THE PECULIARITIES OF TRANSLATION OF SPECIALIZED TEXTS AT THE INTERFACE OF THE BRANCHES OF PUBLIC INTERNATIONAL LAW: INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS LAW AND INTERNATIONAL ECOLOGICAL LAW

A.I. Ihnatovich

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The paper in question is devoted to the identification of techniques for the translation of modern concepts encountered in specialized texts on the issue of the realization of human rights in the context of global climate change from English into Russian. The research problem is the lack of Russian language equivalents to new English language terms in the abovementioned area. The research object is the term system of Public International Law branches – International Human Rights Law and International Ecological Law. The purpose of the research work is the search of optimal techniques for the translation of neologisms formed at the intersection of disciplines (Ecology and International Law), Public International Law branches (International Human Rights Law and International Ecological Law) with the use of specialized legal terminology. The proposed techniques for the translation of lexical units of specialized texts on the issue of the realization of human rights in the context of global climate change contribute to achieving the goal of adequate and equivalent translation.

Key words: International Human Rights Law; International Ecological Law; term system of Public International Law.

В настоящее время проблематика глобального изменения климата отражается в различных отраслях международного права, включая право прав человека и международное экологическое право. Результатом их взаимодействия являются вопросы реализации прав человека в условиях глобального изменения климата. Данные вопросы обуславливают возникновение новых понятий, передача которых обеспечивается языковыми средствами. Преимущественно таковыми являются неологизмы, формирующие со временем терминосистему международного права в части вышеобозначенных вопросов.

Тенденция стремительного развития новых терминосистем наблюдается в различных сферах научного знания. В свою очередь, это влечет необходимость включения специализированной лексики в специальные переводные словари, а также поиска адекватного и эквивалентного перевода современных терминов [1, с. 63]. В связи с тем, что необходимо не только переводить, но и понимать значения специальных понятий [2, с. 56], возрастает роль переводчика, владеющего, в частности метаязыком международного права и являющегося юристом-международником в одном лице.

Таким образом, актуальность исследуемой проблематики обосновывается важностью пополнения терминосистемы подязыка международного права специализированной профессионально ориентированной лексикой. При этом круг решаемых проблем охватывает поиск оптимальных способов перевода неологизмов, образующихся на стыке дисциплин (экология и международное право),

отраслей международного права (право прав человека и международное экологическое право), с использованием специальной юридической терминологии.

В данном контексте предлагаем перевод ряда семантических терминов по рассматриваемой тематике с применением таких приемов, как описательный перевод, переводческие компенсации на лексическом уровне, а также смысловое развитие и целостное преобразование на синтаксическом уровне [3; 4, с. 565, 567; 5, с. 35]. В качестве иллюстрации приведем примеры перевода специальной лексики с использованием переводческих приемов:

(1) '*climate injustices*' – «проявления климатической несправедливости» (в примере (1) использован прием «лексическое добавление»);

(2) '*voluntary national mitigation objectives*' – «добровольно установленные национальные целевые показатели сокращения выбросов парниковых газов» (в примере (2) использованы приемы «лексическое добавление» и «описательный перевод»);

(3) '*climate commitments*' – «обязательства по предотвращению глобального изменения климата и адаптации» (в примере (3) использован прием «описательный перевод»);

(4) '*climate change-related actions*' – «деятельность по предотвращению глобального изменения климата и адаптации» (в примере (4) использован прием «описательный перевод»);

(5) '*climate finance*' – «предоставление финансовых ресурсов развивающимся странам для борьбы с глобальным изменением климата» (в примере (5) использован прием «описательный перевод»);

(6) '*climate change challenge*' – «задача повышенной сложности, связанная с противодействием глобальному изменению климата» (в примере (6) использован прием «смысловое развитие»);

(7) '*large-scale «singularities»*' – «широкомасштабные экологические катастрофы» (в примере (7) использован прием «смысловое развитие»);

(8) '*empowerment of women*' – «расширение прав и возможностей женщин» (в примере (8) использован прием «описательный перевод»).

Необходимость правильного подбора аутентичного контекста возникает также в отношении словосочетаний и предложений как более крупных лексических единиц [3; 4, с. 564, 567]. Применительно к исследуемой области словосочетаниями являются:

(9) '*The incorporation of human rights language into the international climate change regime*'. – «Внедрение правозащитного подхода в международно-правовые документы, составляющие основу международно-правового режима по борьбе с глобальным изменением климата». (В примере (9) использован прием «смысловое развитие»);

(10) '*Achieving a climate justice pathway to 1.5 °C*'. – «На пути к достижению цели климатической справедливости посредством ограничения роста глобальной средней температуры до 1.5 °C». (в примере (10) использован прием «описательный перевод»);

(11) '*The commitment to keep global temperature increase well below 2 °C and to pursue 1.5 °C*'. – «Обязательство по удержанию прироста глобальной средней температуры намного ниже 2 °C сверх доиндустриальных уровней и приложе-

нию усилий в целях ограничения роста температуры до 1.5 °C». (В примере (11) использован прием «описательный перевод»);

(12) *'To identify a fair and just transition'*. – «Выявить пути перехода на справедливой и беспристрастной основе к устойчивому экономическому росту с низким уровнем выбросов парниковых газов и без нарушений прав человека». (В примере (12) использован прием «целостное преобразование»);

(13) *'Establishing the need for human rights in the context of climate framework'*. – «Признание необходимости использования правозащитного подхода как основы мер по борьбе с глобальным изменением климата». (В примере (13) использован прием «описательный перевод»).

Для иллюстрации разрешения проблемы семантизации [3; 4, с. 564, 566] приведем следующие примеры вариантов перевода предложений:

(14) *'Climate justice is informed by science and responds to science'*. – «При решении вопросов климатической справедливости необходимо принимать во внимание имеющиеся научные знания в области глобального изменения климата и их последующее развитие». (В примере (14) использован прием «целостное преобразование»);

(15) *'This is a less explored and less well understood area of climate justice: how human rights can inform climate action'*. – «Это является наименее исследованным и понятным аспектом климатической справедливости: каким образом возможно внедрение правозащитного подхода в деятельность по борьбе с изменением климата». (В примере (15) использован прием «смысловое развитие»);

(16) *'Climate change is well established as an issue of ethics and justice; in terms of climate impacts (including asymmetrical impacts and skewed vulnerabilities)'*. – «О климатической справедливости широко упоминается в контексте вопросов этики и справедливости, с точки зрения последствий глобального изменения климата (включая различную степень уязвимости к таковым последствиям)». (В примере (16) использован прием «смысловое развитие»);

(17) *'When determining whether or not climate action on the scale needed to phase out carbon emissions by 2050 is consistent with climate justice, it is important to compare the risks posed to human rights from climate impacts to the risks posed to human rights by climate action'*. – «При определении того, учитываются ли вопросы климатической справедливости при принятии мер и стратегий по борьбе с глобальным изменением климата для постепенного достижения цели нулевых выбросов углекислого газа к 2020 г., необходимо сравнить риски, связанные с затруднением реализации прав человека последствиями глобального изменения климата и действиями по борьбе с таким изменением». (В примере (17) использован прием «описательный перевод»);

(18) *'Limiting warming to 1.5 °C above pre-industrial levels would mean that climate-related extremes that are rare now would be part of the new climate normal, but the climate would remain within the upper end of present-day climate variability and would avoid entering a new climatic regime'*. – «Ограничение роста глобальной средней температуры до 1.5 °C сверх доиндустриальных уровней означало бы учащение аномальных природных явлений. Между тем, глобальная средняя температура оставалась бы в верхних пределах амплитуды ее колебаний, наблюдающихся на сегодняшний день, что позволило бы не предпринимать дальней-

ших действий по борьбе с глобальным изменением климата». (В примере (18) использован прием «целостное преобразование»).

Таким образом, объединение профессиональных знаний и владение переводческими приемами позволяет существенно обогатить понятийно-терминологический аппарат предметной области исследования. Полагаем, что предложенные способы перевода лексических единиц специализированных текстов по проблеме реализации прав человека в условиях глобального изменения климата способствуют достижению адекватности и эквивалентности, что является главной целью перевода.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Макаревич, И. И. Дискурсивный подход в овладении иностранным языком специальности / И. И. Макаревич // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам : материалы XI Междунар. науч. конф., посвящ. 96-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 25 окт. 2017 г. / БГУ, ФМО. – Минск : Изд. центр БГУ, 2017. – С. 63–64.

2. Макаревич, И. И. Специфика обучения английскому языку для специальных целей студентов, изучающих государственное управление / И. Н. Ивашкевич, И. И. Макаревич // Актуальные вопросы филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков: сборник научных трудов. Выпуск 2. – Минск : БГУ, 2014. – С. 46–58.

3. Calzadilla, P. Human Rights and the New Sustainable Mechanism of the Paris Agreement: A New Opportunity to Promote Climate Justice / P. Calzadilla // Potchefstroom Electronic Law Journal. – 2018. – № 21. – Mode of access: <https://journals.assaf.org.za/index.php/per/article/view/3189/6450>.

4. Robinson, M. Achieving a climate justice pathway to 1.5 °C / M. Robinson, T. Shine // Nature Climate Change. – 2018. – № 8. – P. 564–569.

5. Макаревич, И. И. English for Civil Servants: Reference Book / И. И. Макаревич, Т. И. Макаревич. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2014. – 239 с.

СЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ КОММУНИКАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Е.А. Казанкова

Белорусский государственный университет

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, k.kazankowa@gmail.com

В данной работе основное внимание сосредоточено на специфике семиотического аспекта изучения коммуникации в художественном произведении. Проблема исследования заключается в том, что в имеющихся исследованиях существует общее представление к исследованию художественной коммуникации в семиотическом аспекте. Объект данной работы состоит в исследовании коммуникации художественного текста в семиотическом ключе. Цель исследования заключается в сравнении имеющихся литературоведческих подходов к изучению семиотики художественного текста, а также в установлении особенностей художественной литературы как средства коммуникации. Ценность результатов состоит в выявлении в семиотической структуре произведения двух видов общения (общение автора с читателями и общение персонажей между собой), а также в установлении зависимости второго вида общения от первого. Результаты данного исследования найдут применение в университетском преподавании теоретических дисциплин (в темах по семиотике), в практике преподавания иностранных языков, в теории и практике перевода.

Ключевые слова: вторичная моделирующая система; художественный текст; коммуникация автора с читателями; коммуникация героев; семиотика художественной литературы.

THE SEMIOTIC ASPECT OF THE STUDY OF COMMUNICATION IN LITERARY TEXT

E.A. Kazankova

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

This paper focuses on the specifics of the semiotic aspect of the study of communication in a literary text. The problem of the study lies in the fact that in the existing studies there is a general idea for the study of literary communication in a semiotic aspect. The object of this work is to study the communication of literary text in a semiotic key. The purpose of the study is to compare the available literary approaches to the study of the semiotics in a literary text, as well as to establish the features of fiction as a means of communication. The value of the results consists in identifying in the semiotic structure works of two types of communication (communication of the author with readers and communication of characters among themselves), as well as in establishing the dependence of the second type of communication on the first. The results of this study will find application in university teaching of theoretical disciplines (in topics on semiotics), in the practice of teaching foreign languages, in theory and practice of translation.

Keywords: secondary modeling system; literary text; author's communication with readers; hero's communication; semiotics of fiction.

В концепции тартуско-московской семиотической школы литература, наряду с другими видами искусства, является вторичной моделирующей системой [5–6]; [11]. В этой концепции язык представляет собой первичную семиотику (порождающую и моделирующую), а остальные трактуются как вторичные, так как они зависят от языка, создаются на основе языка и интерпретируются с его помощью. Одним из важнейших понятий семиотики художественной литературы является понятие моделирования [11, с. 25]. Таким образом, вторичные знаковые системы отображают (моделируют) определенные фрагменты реальности и в результате своего функционирования порождают произведения (знаковые последовательности). При этом в художественном произведении знаки одной системы (например, слова языка) могут быть означающей стороной для сложных знаков другой системы (языка художественного произведения), надстроенной над ними: «Значения и смыслы речевых (лингвистических) знаков в художественных текстах сами оказываются "именами" других – сверхречевых, металингвистических – знаков» [15, с. 7].

Язык художественной литературы надстраивается над естественным языком для передачи знаков, содержащих бóльший объем информации, с чем связана смысловая насыщенность произведения и сложность восприятия и осознания всей информации, заключенной в художественном сообщении: «Усложненная художественная структура, создаваемая из материала языка, позволяет передавать такой объем информации, который совершенно недоступен для передачи средствами элементарной собственно языковой структуры» [11, с.17]. С.Р. Вартазарян характеризует язык художественной литературы как "креолизованный язык", так как он образовался благодаря взаимодействию семиотики естественного языка и семиотики художественной литературы [2, с.150–151]. Использование естественного языка в качестве материальной базы влечет за собой следующие семиотические следствия, которыми обусловлена специфика художественной литературы как семиотической системы: 1) "материально-физическая

общедоступность"; 2) "интеллектуально-образная и синтагматическая общедоступность"; 3) "интеллектуально-информационная содержательность" литературы [12, с.373 – 374].

Опираясь на формально-языковые возможности этнического языка, который является "первоэлементом литературы" [4, с.68], материально-языковой "плотью", или "тканью" произведения, автор оказывается в ситуации содержательного выбора: того или иного этнического языка в случае двуязычия; того или иного варианта данного этнического языка из ряда альтернативных возможностей. Авторский выбор влияет на художественно-изобразительные и экспрессивные особенности литературного произведения. Языковое своеобразие речи повествователя и его героев является не только этническими, но и социально-психологическими идентификаторами, а также средством их первичной характеристики. В свою очередь, размещение маркированных языковых средств в языковой ткани произведения, их "удельный вес" оказывает влияние на более содержательные уровни организации художественного текста.

Ю.М. Лотман отмечает, что подход к художественной коммуникации с позиций семиотического противопоставления "грамматики говорящего" и "грамматики слушающего" вызывает затруднения из-за наличия в ней "множественности художественных кодов" у адресанта и адресата [11, с.35]. В. Нёсс пишет о необходимости исследовать художественную литературу как знаковую систему и подчеркивает, что такое семиотическое исследование может опираться на лингвистику текста и прагматику [21, с.30]. По мнению И.П. Ильина, наиболее оптимальный подход к изучению художественной литературы состоит в комбинации семиотического и нарративного подходов: «При таком подходе выявляется одна весьма существенная деталь, до сих пор часто ускользавшая от внимания исследователей: художественное произведение, даже в своих формальных параметрах, не исчерпывается сюжетом в строгом понимании этого слова» [8, с.128]. Ф.К. Штанцель полагает, что изучение таких явлений повествовательного дискурса, как несобственно-прямая речь, когезия, способствует кооперативному "диалогу" лингвистического и литературоведческого подходов к изучению повествовательного текста [22, с.13]. Согласно Н.Н. Михайлову, интегрированный подход к изучению художественных произведений, который включает в себя литературоведческий, семиотический и лингвистический подходы, является наиболее перспективным [13, с.31].

В художественной прозе обычно представлены два вида общения: а) общение автора с читателями и б) общение персонажей между собой. В первом случае речь выступает как средство изображения, во втором случае речь является предметом изображения [см. 9; 10]; [20, с.63—70].

Мысль о том, что художественный текст является своеобразным "диалогом" читателя с автором произведения восходит к идеям М.М. Бахтина [1], который применял к автору и читателю художественного произведения термины "говорящий" и "слушающий". В теории нарратологии эти понятия стали обязательными повествовательными инстанциями: "повествователь-нарратор" и "слушатель-нарратор" [7, с.190]. Общение автора с читателями представляет собой неравноправный диалог: «Авторский монолог словесно реализован, ответная же "реплика" читателя главным образом принадлежит сфере эмоционально-духовной» [14, с.18]. Для отображения в художественном произведении автор

черпает материал из "жизни", а информация, не включенная в отображение, т.е. способ изображения жизненных ситуаций, является аргументом в подтверждение того, что хочет сказать автор. Как правило, такая коммуникация опосредована: автор и читатель разобщены временем и пространством, и обратной связи между конкретным автором и конкретным читателем не существует. По справедливому замечанию А.Н. Васильевой, «художественное произведение выступает в целом "посредником" общения (коммуникативным "передатчиком") в сфере эстетической» [3, с.18]. Коммуникативные возможности повествования обусловлены его близостью к диалогу: «Чем явственнее в монологе установка на собеседника, тем свободнее проникают в книжную монологическую речь элементы разговорной речи» [14, с.22]. Во внутритекстовых условиях абстрактной коммуникативной ситуации реализуется коммуникация абстрактного (имплицитного) автора и абстрактного (имплицитного) читателя [см. 19, с.147–151]. Абстрактный (имплицитный) автор представляет собой «повествовательную инстанцию, не воплощенную в художественном тексте в виде персонажа-рассказчика и воссоздаваемую читателем в процессе чтения как подразумеваемый, имплицитный "образ автора"» [8, с.129]. Абстрактный (имплицитный) читатель является атрибутом абстрактного (имплицитного) автора, образом идеального реципиента, который способен понять общий смысл произведения. Обе эти повествовательные инстанции являются ответственными «за установление той абстрактной коммуникативной ситуации, в результате действия которой литературный текст декодируется, расшифровывается, т.е. прочитывается читателем и превращается в художественное произведение» [8, с.130].

В сознании автора коммуникация героев виртуально существует до повествования; и автор как бы записывает "увиденные", "почувствованные" сцены общения героев: «Повествовательный текст слагается из двух текстов: текста автора и текста персонажей. Если первый формируется в процессе повествования, то последний мыслится как существующий уже до повествовательного акта и только воспроизводимый в течение его» [18, с.195]. Коммуникация персонажей между собой представляет больше возможностей для исследования, чем общение автора с читателем. Часто персонаж, помимо функции актора (т.е. действующего), выполняет функцию нарратора, рассказывающего о событиях, например, произошедших накануне или двадцать лет назад. Коммуникация персонажей между собой предполагает разнообразные формы отображения "чужой" речи: в зависимости от количества действующих лиц (диалог, монолог, полилог); от типа художественной прозы и от формы повествования.

Особенностью художественной литературы как средства коммуникации является зависимость второго вида общения (персонажей между собой) от первого вида общения (автора с читателями) [9]; [10]; [11, с.125]. Речь персонажей представляет собой обобщенную модель из языка той области жизни, которую отображает автор. То, что автор отображает (речи персонажей) и как изображает в своем произведении, служит художественным задачам его общения с читателем: «Художественный диалог в действительности не диалог персонажей, а представленный в виде диалога монолог самого автора» [16, с.198]. Взаимоотношения речи персонажа и авторской речи может происходить по-разному. Но автор, изображая общение своих героев, всегда модифицированно отражает коммуникативную действительность: «Отражение коммуникативной реальности

всегда условно, каким бы выхваченным из самой жизни ни казались отбор реплик и построение диалога» [17, с.43].

Таким образом, уровень языковых "первоэлементов" полностью подчинен последующим, более содержательным "надвербальным" уровням организации художественного произведения: фабульно-сюжетному, жанровому. Отражение коммуникации героев подчинено тем целям, которые ставит перед собой автор в общении с читателем, однако предлагает больше возможностей для изучения коммуникации в художественном тексте, чем коммуникация автора и читателей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М.М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1975. – 134 с.
2. Вартазарян, С.Р. К описанию коммуникативных процессов / С.Р. Вартазарян // Семиотика и проблемы коммуникации : сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. С.Р. Вартазарян. – Ер., 1981. – С. 26–63.
3. Васильева, А.Н. Художественная речь / А.Н. Васильева. – М. : Рус. яз., 1983. – 256 с.
4. Горький, М. Беседа с молодыми [1934] / М. Горький. – М., 1963. – 104 с.
5. Иванов, Вяч. Вс. Славянские языковые моделирующие системы [1962] / Вяч. Вс. Иванов, В.Н. Топоров. – М. : Наука, 1965. — 246 с.
6. Иванов, Вяч. Вс. Очерки по истории семиотики в СССР / Вяч. Вс. Иванов. – М. : Наука, 1976. – 303 с.
7. Ильин, И.П. Проблема речевой коммуникации в современном романе / И.П. Ильин // Проблемы эффективности речевой коммуникации / Н.А. Безменова, Л.Г. Лузина. – М., 1989. – С. 187–200.
8. Ильин, И.П. Теоретические аспекты коммуникативного изучения литературы / И.П. Ильин // Семиотика. Коммуникация. Стиль: сб. обз. / ред.: И.П. Ильин [и др.]. – М., 1983. – С. 126–162.
9. Казанкова, Е.А. Литература как средство коммуникации / Е.А. Казанкова // Журналістыка – 2007: надзеныя праблемы. Перспектывы : матэрыялы 9-й Міжнароднай навука.-практ. канф, Минск, 6–7 снежня 2007 г. / БДУ ; рэдкал.: С.В. Дубовік (адк. рэд.) [і інш]. – Мінск, 2007. – С. 137–139.
10. Казанкова, Е.А. Художественная литература как семиотическая система и как средство коммуникации / Е.А. Казанкова // Восточнославянские языки в европейском языковом контексте : сб. науч. статей по материалам Международной научной конференции, Могилев, 24–25 окт. 2007 г. / МГУ им. А.А. Кулешова ; редкол.: Е.Е. Иванов. – Могилев, 2007. – С. 200–203.
11. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. – М. : Искусство, 1970. – 384 с.
12. Мечковская, Н.Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура : Курс лекций / Н.Б. Мечковская. – М. : Академия, 2004. – 432 с.
13. Михайлов, Н.Н. Теория художественного текста / Н.Н. Михайлов. – М. : Академия, 2006. – 224 с.
14. Мущенко, Е.Г. О коммуникативных возможностях прозаического художественного текста / Е.Г. Мущенко // Коммуникативная и поэтическая функция художественного текста : сб. ст. / под ред. Н.К. Соколова [и др.]. – Воронеж, 1982. – С. 17–24.
15. Тюпа, В.И. Художественный дискурс (Введение в теорию литературы) / В.И. Тюпа. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2002. – 80 с.
16. Полищук Г.Г. Разговорная речь и художественный диалог / Г.Г. Полищук, О.Б. Сиротинина // Лингвистика и поэтика : сб. статей / АН СССР. Ин-т рус.яз.; отв.ред. В.П. Григорьев. – М., 1979. – С. 188–199.
17. Уэллек, Р. Теория литературы [1949] / Р. Уэллек, О. Уоррен ; под ред. А.А. Аникста. – М. : Прогресс, 1978. – 325 с.
18. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М. : ЯСК, 2003. – 312 с.

19. Chatman, S. *Story and Discourse. Narrative Structure in Fiction and Film* / S. Chatman. – Ithaca, London : Cornell University Press, 1978. – 277 p.
20. Janik, D. *Literatursemiotik als Methode. Die Kommunikationsstruktur des Erzähltextes und der Zeichenwelt literarischer Strukturen* [1973] / Janik D. – Tübingen : Narr, 1985. – 157 S.
21. Nöth, W. *Handbuch der Semiotik* [1985] / W. Nöth. – Stuttgart, Weimar : Metzler, 2000. – 667 S.
22. Stanzel, F.K. *Theorie des Erzählens* [1979] / F. K. Stanzel. – Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 2001. – 339 S.

СЕМАНТИКА ТЕРМИНА КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ

А.И. Мартынова

Белорусский государственный университет

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ana.martynova.am@gmail.com

Для развития межкультурной коммуникации в сфере информационных технологий необходимо четкое понимание дефиниции того или иного используемого термина. Целью настоящей статьи является сравнительный анализ понимания термина «киберпреступность» в законодательствах различных стран. Гипотезой является предположение о важности наличия единообразного перевода и понимания терминов, используемых в сфере информационно-коммуникационных технологий.

Ключевые слова: киберпреступность; защита; компьютерное устройство; семантика; термин; информационные технологии; калькирование; перевод; лексика.

SEMANTICS OF THE TERM CYBERCRIME

A.M. Martynova

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

According to the author, a clear understanding of the definition of a term is necessary for the development of intercultural communication in the field of information technology. The purpose of the article is a comparative analysis of the term "cybercrime" understanding in the laws of various countries. The thesis hypothesis is the assumption of the importance of having a uniform translation and understanding of the terms used in the field of information and communication technologies.

Key words: cybercrime; protection; computer device; semantics; term; information technology; calquing; translation; vocabulary.

Киберпреступность являет собой любую преступную деятельность, в техническом исполнении которой участвует компьютер, сетевое устройство или сеть. Несмотря на то, что большинство киберпреступлений совершается преступниками с целью извлечения прибыли, некоторые из киберпреступлений совершаются исключительно против самих устройств непосредственно с целью их повреждения или отключения.

Повсеместное распространение интернет-соединений позволило увеличить объем и темпы роста киберпреступности, поскольку преступнику больше не нужно физически присутствовать при совершении преступления. Скорость интернета, анонимность и отсутствие физических границ, препятствующих совершению преступления, облегчают исполнение компьютерных преступлений, таких как мошенничество, вымогательство, отмывание денег, а также преступлений, совершаемых на почве ненависти, (личное преследование и запугивание) и т.д.

Основным негативным эффектом киберпреступности является прямое воздействие на финансовую сферу государства, в связи с тем, что киберпреступность может включать в себя множество различных видов криминальной деятельности, ориентированной на получение прибыли, движение денежных средств в неизвестных государству направлениях, возникновению рисков, связанных с необходимостью компенсирования похищенных денежных средств и иных ценностей [7].

Переходя к анализу понимания термина киберпреступность, необходимо отметить, что термин имеет широкую вариативность толкований в зависимости от правовой системы, в которой он содержится. Так, например, Министерство юстиции США разделяет явление киберпреступности на три категории:

К первой категории относятся преступления, в которых компьютерное устройство является целью (например, для получения доступа к сети);

Ко второй относятся преступления, при которых компьютер используется в качестве орудия совершения преступления (например, для запуска атаки типа «отказ в обслуживании») (DoS);

К третьей категории относятся преступления, при которых компьютер используется в качестве средства совершения преступления (например, использование компьютера для хранения незаконно полученных данных).

В свою очередь, Конвенция Совета Европы о киберпреступности также содержит дефиницию термина киберпреступность. Так, киберпреступность определена как широкий спектр злонамеренных действий, включающий незаконный перехват и (или) завладение данными, создание системных помех, которые нарушают целостность и доступность сети и (или) информации, находящейся в такой сети, а также нарушения авторских прав (пиратство) [6].

Остановимся детальнее на семантическом значении термина киберпреступность в русском языке. В широком смысле семантика – раздел лингвистики, изучающий смысловое значение единиц языка. В узком смысле – не просто наука, изучающая значение слов, однако и то, как мы трактуем каждое конкретное значение слова в динамике живого языка. А именно: когда оно говорится, как оно говорится, и самое главное – зачем оно говорится [3].

Рассмотрим вариативность трактовок киберпреступлений в отечественных и зарубежных научных кругах. Так, преступления, совершаемые в киберпространстве номинируются по-разному: компьютерные преступления, преступления в сфере безопасности обращения компьютерной информации, преступления в сфере высоких технологий, информационные преступления, киберпреступления и др.

Следует отметить, что понятие «киберпреступность» (с англ. – *cybercrime*) по смыслу шире, чем «компьютерная преступность» (*computer crime*), и более полно отражает природу такого масштабного явления, как преступность в киберпространстве. Ведь термин «киберпреступность» относится к преступлениям, совершенным как с использованием компьютеров, так и с использованием информационных технологий и глобальных сетей, в то время как понятие «компьютерная преступность» в основе своей относится к преступлениям, совершаемым против электронных устройств и хранящихся в них данных [4].

Если обратиться к интернет-системе двуязычных словарей «Мультитран» за переводом термина «*cybercrime*» мы получим несколько вариацией перевода данного слова, связанных с различными сферами права, такими, к примеру, как

уголовно-процессуальное право, право безопасности, и даже программирование, однако фактическое значение данного термина отличается по своей сути после осуществления перевода. К примеру, общий перевод в указанной системе предлагает пользователю значение «киберпреступление», уголовно-процессуальный (специальный перевод) – «преступление в сфере компьютерной информации», а комплексный специальный юридический перевод интерпретирует данный термин как «киберпреступность».

Согласно рекомендациям экспертов ООН термин «киберпреступность» охватывает любое преступление, которое может совершаться с помощью компьютерной системы или сети, в рамках компьютерной системы или сети или против компьютерной системы или сети [2].

Компьютерный словарь технических терминов (<https://techterms.com/>) понятие «*cybercrime*» (киберпреступность) раскрывает следующим образом – это преступная деятельность, совершаемая с использованием компьютеров и Интернета. Таким образом, к киберпреступлениям может быть отнесено любое преступление, совершенное в электронной среде.

Можно заметить, что отсутствует единообразный подход к переводу указанного термина на русский язык и наличествуют существенные различия в его толковании в зависимости от сферы его применения.

Термин «*cybercrime*» английского происхождения. Обратим внимание на способ заимствования профессиональной лексики, при котором указанное слово оказалось в современном русском языке.

Представляется, что в данном случае заимствование лексики произошло посредством частичного калькирования – фрагментарного заимствования ассоциативного значения и структурной модели слова «*cybercrime*». То есть, законодательствами не производилась разработка аутентичного собственного перевода указанного термина [1].

Что касается законодательства Республики Беларусь, термин «*cybercrime*» на сегодняшний день не нашел своего аутентичного перевода и регламентации в нормативно-правовых актах. Вместе с тем Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК РБ), наряду с диспозициями статей, элементы которых содержат запрет на осуществление мошеннических действий с персональными данными физических лиц, ограничивающих возможность обработки и хранения таких данных, содержит и отдельные статьи, связанные именно с операциями, предметом которых выступают данные, размещенные в сетях, компьютерах и иных устройствах. Так, к примеру, в соответствии со статьей 216 УК РБ закреплена ответственность за причинение ущерба в значительном размере посредством извлечения имущественных выгод в результате обмана, злоупотребления доверием или путем модификации компьютерной информации при отсутствии признаков хищения [5].

В связи с вышеизложенным, принимая во внимание различное толкование рассматриваемого термина от юрисдикции к юрисдикции, а также отсутствием детальной регламентации указанного термина в законодательстве Республики Беларусь видится необходимым выработка единообразного подхода к пониманию (переводу), а также последующему использованию полученного значения данного термина.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Макаревич, И. И. Использование методов переводческого моделирования при переводе текстов по информационному праву / И. И. Макаревич. – РИВШ, 2015. – С. 4.
2. Макаревич, И. И. Практика перевода терминов международного права в части реализации целей устойчивого развития ООН / И. И. Макаревич. – Изд. БГУ, 2015. – С. 2.
3. Макаревич, Т. И. Особенности перевода профессиональной лексики информационно-коммуникационных технологий в аспекте межкультурных коммуникаций / Т. И. Макаревич. – Изд. БГУ, 2015. – С. 3.
4. Макаревич, Т. И. Терминологическое обеспечение метаязыка информационно-коммуникационных технологий / Т. И. Макаревич. – Изд. БГУ, 2016. – С. 2.
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июл. 1999 г. № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июн. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июн. 1999 г. – Минск : Амалфея, 2017. – 304 с.
6. Cybercrime [Electronic resource]. – Mode of access: <https://searchsecurity.techtarget.com/definition/cybercrime>. – Date of access: 14.12.2018.
7. Cybercrime classification and characteristics [Electronic resource] : in book Cyber crime and cyber terrorism, chapter 12. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/280488873_Cyber_crime_Classification_and_Characteristics?enrichId=rgreq-de2035527a4f70b93bfa11ef1e1a17d2-XXX&enrichSource=Y292ZXJQYWdlOzI4MDQ4ODg3MztBUzo1NDMyMjU2MzMyODAwMDBAMTUwNjUyNjQ5MTE1MQ%3D%3D&el=1_x_3&_esc=publicationCoverPdf/. – Date of access: 14.12.2018.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ПРАКТИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

И.А. Ситник

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, IAsitnik@bsu.by*

В статье проводится сопоставление некоторых теоретических направлений в языкознании и различных аспектов преподавания русского языка как иностранного. Предлагается утверждение, что в практике преподавания РКИ можно найти множество иллюстраций того, что данная дисциплина тесно связана с теоретической лингвистикой.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; теоретическое языкознание; лингвистика; теория речевых актов; функциональная грамматика.

THEORETICAL LINGUISTICS AND PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

I.A. Sitnik

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article compares some theoretical directions in linguistics and various aspects of teaching Russian as a foreign language. It is suggested that in the practice of teaching Russian as a foreign language one can find many illustrations of the fact that this discipline is closely connected with theoretical linguistics.

Key words: Russian as a foreign language; theoretical linguistics; linguistics; theory of speech acts; functional grammar.

Вопрос связи теории и практики безусловно важен в любой области знаний. Научное исследование не может претендовать на успешность, если теоре-

тическим изысканиям и выкладкам нельзя найти практическое применение. Для социогуманитарных наук данная проблема всегда была одной из ключевых.

Где на практике можно применить теоретические изыскания ученых-филологов? Долгое время теория и практика языка существовали параллельно, пересекаясь достаточно редко. Даже при поиске ответа на вопрос, что такое языкознание, большинство поисковых систем выдает два определения: первое – это т.н. теоретическое языкознание, которое разрабатывает различные лингвистические концепции, теории, рассматривает язык с точки зрения его структуры и систем; второе – т.н. прикладная лингвистика – различные направления достаточно широкого спектра, основной задачей которых является применение знаний о языке в различных областях практической деятельности человека.

Интересно отметить тот факт, что во второй половине XX века произошел своеобразный переворот, так как именно практические, насущные проблемы вызвали появление новых лингвистических теорий и школ. Так, компьютерная революция потребовала нахождения ответов на многие вопросы, связанные с использованием языка в компьютерных технологиях, что породило множество научных направлений. И это только один пример из многих.

Целью данной статьи является описание наиболее важных особенностей преподавания русского языка как иностранного (РКИ) и их сопоставление с исследованиями в области теоретического языкознания.

Как оказалось, при ближайшем рассмотрении методы и приемы, которые используются при преподавании РКИ, очень хорошо соотносятся со многими научными направлениями теоретической лингвистики. Давайте рассмотрим подобные соответствия в более конкретном сравнении.

Изначально в силу своих прикладных задач преподавание РКИ опиралось исключительно на практику. Преподаватель должен был в достаточно сжатые сроки обучить студентов базовым языковым навыкам: говорению, письму, чтению и аудированию. В качестве образца на первом этапе развития была взята теория обучения иностранным языкам.

Постепенно в процессе развития выделилась собственно методика преподавания РКИ, которая значительным образом отличается от методики преподавания русского языка как родного. При изучении родного языка носителям нет необходимости объяснять, как в русском языке выражается понятие принадлежности, наличия или отсутствия – этими сведениями носитель языка уже обладает, так как получает их на ранних этапах развития при усвоении языка естественным путем. Однако при обучении иностранцев эти вопросы необходимо объяснять, и тут компетентный преподаватель обязан понимать теоретический фундамент, на котором строится то или иное положение или правило. Не понимая глубинных языковых законов, невозможно грамотно обучить языку. Безусловно, на занятиях преподаватель не может использовать теоретические лингвистические термины, но он должен осознавать, почему происходит в языке то или иное явление.

Наиболее близкие связи практика преподавания РКИ обнаруживает с теоретическими положениями грамматической семантики и функциональной грамматики – теориями Л.Теньера, Н.Хомского, Ч. Филлмора .

При обучении иностранцев русскому языку используют речевые образцы, в основе которых находится глагол с прилегающими к нему дополнениями. Это наиболее продуктивный способ научить грамотно выражать свои мысли по-русски. Учащиеся изучают глагольные модели, которые позволяют им даже на начальном уровне строить грамматически верные предложения. Проанализировав это обстоятельство, можно прийти к выводу, что данный аспект преподавания РКИ полностью соответствует вербоцентрической теории Л.Теньера [3], предложенной им в работе «Основы структурного синтаксиса». Также с особенностями обучения глаголам и глагольному управлению можно соотнести теорию семантических актантов, или глубинных падежей. Впервые подобные термины использовал в своих исследованиях Ч.Филлмор [4], позднее данная теория была расширена и переосмыслена многими лингвистами – Н. Хомским [5], С.Д. Кацнельсоном, В.В. Богдановым и другими. Согласно этой теории в языке имеется определенное, исчисляемое количество логических функций, или семантических актантов, идентичных (или почти идентичных) во всех языках. В исследованиях различных авторов это количество колеблется от 8 до 20 и выше. Подобный подход к глагольным дополнениям используется и в преподавании РКИ – иностранцам легче воспринимать глагол не изолированно, а в комплексе с такими понятиями, как субъект, объект, инструмент, место, время и др. Научившись использовать модели и речевые образцы, студент получает набор инструментов, позволяющих ему связно и грамотно высказывать свои мысли.

Достаточно ярко видны параллели между практикой преподавания РКИ и теорией речевых актов [2]. В типовой программе по русскому языку как иностранному представлены типы интенций, которыми должны овладеть иностранцы при изучении русского языка. Данные типы (приветствие, представление, просьба, совет, извинение, поздравление, соболезнование и др.) также коррелируют с различными типами речевых актов. Также как и в теории речевых актов, на занятиях по русскому языку иностранцы изучают комплекс слов и выражений, а также необходимый порядок их использования для того, чтобы грамотно вести коммуникацию. При выходе в речь учащиеся получают навыки общения, учатся строить диалог по правилам, закрепленным в данном конкретном языке и в данной конкретной культуре.

Способ введения на занятиях лексики определенного семантического поля с обязательным указанием сочетаемостных возможностей лексем дает возможность связать практику преподавания РКИ с фреймовой семантикой. То, как представляется словарная статья в теоретической модели «Смысл – текст» [1], очень близко тому, как происходит усвоение лексики на занятиях по русскому языку.

Так, словарная статья в толково-комбинаторном словаре состоит из 10 зон: 1) морфологические сведения; 2) стилистическая помета; 3) толкование; 4) модель управления; 5) ограничения к модели управления; 6) иллюстрации (языковые примеры) к модели управления и ограничениям; 7) лексические функции; 8) иллюстрации к лексическим функциям; 9) энциклопедическая информация, необходимая для правильного использования заглавной лексемы; 10) идиомы.

По сути, преподаватель идет тем же путем, изучая вместе со студентами новую тему. Сначала вводится новая лексика с необходимыми грамматическими пометами, причем обязательно указывается стилистическая направленность изучаемых лексем. Далее предлагается модель управления – с какими падежами функционирует данная лексема. Весь этот процесс сопровождается иллюстрациями – сначала преподавателя, а затем и самих учащихся. Если существуют ограничения в сочетаемости слов – об этом также говорится впоследствии. Затем после прямого значения разбираются метафорические, если таковые имеются. И в качестве завершения учащимся предлагаются идиомы с использованием изучаемого в данный момент лексического материала.

Чем может быть полезно данное сопоставление? Изучив теоретические исследования, соответствующие практике применения, можно найти ответы на разные вопросы иностранцев, а также глубже понять суть языка и его природу. В таком случае мы не отрываем теорию от практики – они взаимодополняют и обогащают друг друга.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Мельчук, И.А.* Толково-комбинаторный словарь русского языка: опыты семантико-синтаксического описания русской лексики / И.А. Мельчук, А.К. Жолковский. – 2-е изд., испр. – М.: Глобал Ком: Языки славянской культуры, 2016. – 544 с.
2. *Остин, Дж.* Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М., 1986.
3. *Теньер, Л.* Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. — М. : Прогресс, 1988. — 653 с.
4. *Филлмор, Ч.* Дело о падеже / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X (10). Лингвистическая семантика. М. : Прогресс, 1981. с. 399-495.
5. *Хомский, Н.* Аспекты теории синтаксиса / Н. Хомский // Публикации отдела структурной и прикладной лингвистики. Вып.1 М.: 1972. — 259 с.

К ПРОБЛЕМЕ ПОИСКА ОПТИМАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННЫМИ КОНФЛИКТАМИ

С.В. Соловьёва¹⁾, В.В. Бурак²⁾

*¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, svetlana_sol@tut.by*

*²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, teracij@gmail.com*

В статье рассматриваются результаты анкетирования студентов Белорусского государственного университета специальностей «Международные отношения» и «Международное право» на предмет выявления предпочитаемых стратегий управления конфликтами. Сформулирован вывод о необходимости системного подхода к изучению феномена конфликта в рамках курсов учебных дисциплин высшей школы, а также приводятся рекомендации по улучшению данного вида навыков у обучающихся.

Ключевые слова: организационный конфликт; социально-личностные компетенции; навыки межличностного общения; стратегии управления конфликтами: уклонение, приспособление, компромисс, соперничество, сотрудничество; активные формы обучения.

TO THE PROBLEM OF PURSUING OPTIMAL ORGANIZATIONAL CONFLICT RESOLUTION STRATEGIES

S.V. Solovjeva^a, V.V. Burak^b

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

^bBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

Corresponding author:

This article focuses on the results of a survey conducted among the students of the Belarusian State University of the specialties "International Relations" and "International Law" with a purpose of identifying preferred conflict resolution strategies. There was formulated a conclusion about the need for a systematic approach to the study of the phenomenon of conflict in the framework of courses of higher education disciplines, and recommendations on how to improve this type of skills among the students were supplied.

Keywords: organizational conflict; social and personal competences; interpersonal skills; conflict management strategies: avoidance, accommodation, compromise, competition, cooperation; active forms of learning.

Не секрет, что в настоящее время всё большее число работодателей и консультантов по вопросам карьеры обращают внимание не только на профессиональный опыт потенциальных соискателей, но и на наличие у них развитых способностей межличностного общения. Это коррелирует с общеевропейскими ключевыми компетенциями к образованию «через всю жизнь», где значительное место отводится социальным и гражданским компетенциям (таким, как способность понимать и представлять различные точки зрения, вести переговоры, работать в мультикультурной среде, чувствовать сопереживание и пр. [см. 2]). Очевидно, что развитие данных умений имеет первостепенное значение для будущих специалистов в области международного права и международных отношений, так как их будущая профессия предполагает интенсивное взаимодействие с людьми как в национальных, так и транснациональных компаниях. Один из проблемных аспектов в этом плане связан с применением эффективных стратегий управления организационными конфликтами.

Организационный конфликт предполагает различные виды разногласий между сотрудниками или подразделениями организации [3]. Это распространенное явление, которое может принимать множество форм. В реальной жизни трудно себе представить организацию, в которой никогда бы не случилось конфликтов. М. Х. Мескон, признанный специалист в области теории и практики менеджмента, выделил следующие 4 основные типа конфликтов: 1) внутриличностные (конфликты, связанные с проблемой внутреннего выбора в отношении профессиональных задач); 2) межличностные (конфликты, возникающие среди людей разного происхождения или функциональных областей); 3) внутригрупповые (конфликты между отдельными личностями внутри группы); 4) межгрупповые (конфликты между различными профессиональными группами, отделами и т. д.) [4, с. 368 – 373].

Существуют разные причины, которые могут привести к организационным конфликтам. Наиболее распространенными из них являются ограниченность ресурсов, взаимозависимость задач, расходящиеся представления о целях, противоположные предпосылки и ценности участников, контрастирующий жиз-

ненный и социальный опыт, а также неэффективная организационная коммуникация [там же].

Если ранее конфликт рассматривался исключительно в негативном ключе, то в настоящее время считается, что отсутствие конфликтов в организациях невозможно и даже нежелательно, поскольку это может привести к стагнации, групповому конформизму и посредственным достижениям. Это, конечно, не относится к дисфункциональным конфликтам, которые имеют деструктивный характер и направлены на достижение личных, а не профессиональных интересов. Как бы то ни было, все типы конфликтов целесообразно разрешать на ранней стадии, чтобы повысить производительность труда сотрудников и производительность организации в целом.

Существует 5 основных способов управления конфликтами: *уклонение, приспособление, сотрудничество, компромисс и соперничество*. Различия между ними вызваны варьирующимися стилями поведения задействованных сторон. Цель нашего исследования состояла в том, чтобы определить преобладающие стратегии разрешения конфликтов среди нашей целевой группы – студентов специальностей «Международное право» и «Международные отношения» – и дать соответствующие рекомендации по улучшению их навыков управления конфликтами. Мы опросили 66 человек при помощи анкеты, разработанной американским коучем в области конфликтологии, членом национальной ассоциации по разрешению конфликтов, Реджинальдом Адкинсом, доктором философии [5]. Участникам предлагалось ответить на 15 вопросов, оценив каждое высказывание по шкале от одного до четырёх баллов («1» – редко, «2» – иногда, «3» – часто, «4» – всегда).

Согласно результатам нашего опроса, преобладающей стратегией управления конфликтами среди целевой группы было *соперничество* (23,5 %). В целом эта стратегия считается наименее эффективной в силу её авторитарного характера. Это означает, что стороны в конфликте считают свои интересы первостепенными и склонны открыто отстаивать свои позиции, а не концентрироваться на проблеме. Эта стратегия представляет собой антагонистическую игру, или игру с нулевой суммой. Следовательно, такой подход может привести к ухудшению отношений между задействованными сторонами [4, с. 373 – 378].

Второй по популярности стратегией в соответствии с результатами опроса был признан *компромисс* (21,2 %). Этот стиль занимает промежуточное положение между *соперничеством* и *сотрудничеством*. Он характеризуется отказом от части ранее выдвигавшихся требований и готовностью признать требования другой стороны частично обоснованными [1, с. 429]. Предприниматели часто его используют при обсуждении условий контрактов. Цель данного стиля – как можно быстрее найти золотую середину. Однако *компромисс* приемлем только среди участников, более или менее равных по рангу [там же]. Более того, применение такого подхода позволяет достичь целей всех вовлеченных сторон лишь частично. Следует отметить и тот факт, что сокращение времени на поиск альтернатив может отразиться на качестве решения проблемы [4, с. 376 – 377].

Далее по результатам опроса следовало *сотрудничество* (20,7 %). К сожалению, это был лишь третий по популярности выбор, поскольку именно этот стиль считается оптимальным для разрешения конфликтов. Он предполагает направленность оппонентов на конструктивное решение проблемы, рассмотрение

другой стороны не как противника, а как союзника в поиске решения [1, с. 430]. Данный стиль тесно перекликается с Гарвардским методом ведения переговоров, который основан на 4 основных идеях: отделить людей от проблемы; сосредоточиться на интересе, а не на позиции; искать варианты взаимной выгоды; настаивать на использовании объективных критериев [6]. Сегодня такая стратегия наиболее уважаема и используется экспертами, учеными и профессионалами в мире переговоров. Однако выбор сотрудничества обозначает готовность к значительным временным ограничениям [4; 6].

Наименее популярными стратегиями по результатам опроса были *уклонение* и *приспособление* – 14,6 % и 20 % соответственно. С одной стороны, радует тот факт, что эти в целом неэффективные стили не заняли лидирующих позиций среди респондентов. Тем не менее, наряду с *соперничеством* такие неэффективные стратегии составляют около 60 %, что свидетельствует о посредственных навыках управления конфликтами среди нашей целевой группы. Де факто, выбор *уклонения* или *приспособления* не предполагает поиска удовлетворительного решения проблемы, а лишь откладывает рассмотрение важных вопросов. Разница между двумя обозначенными стратегиями заключается в том, что в случае *приспособления* одна из сторон готова пожертвовать своими целями, чтобы избежать споров и конфронтации, в то время как *уклонение* обозначает полное невмешательство. М. Х. Мескон считает, что стратегия *приспособления* эксплуатирует слабых и может впоследствии привести к всплеску эмоций [4, с. 376].

Это подводит к выводу о необходимости системного подхода при обучении конфликтам в рамках курсов учебных дисциплин высшей школы, сочетании теоретической подготовки с практическим решением учебных задач на основе внедрения эвристических методов и форм организации образовательного процесса (тематические исследования, анализ и моделирование проблемных ситуаций, ролевые и деловые игры и др.). Заслуживает внимания опыт Российской Федерации, где на многих специальностях, связанных с управлением, обучающиеся проходят отдельную дисциплину, известную как «Деловое общение». Она включает интегрированный модуль, связанный с конфликтами. Также мы считаем, что овладение «Методикой принципиальных переговоров», разработанной в рамках проекта Гарвардской школы, является важным шагом на пути к улучшению навыков управления конфликтами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Анцупов, А.Я., Шипилов, А.И. Конфликтология: 6-е изд. – СПб: Питер, 2015. – 528 с.
2. Key competences for lifelong learning [Electronic resource] : European Reference Framework. – Mode of access: <https://www.erasmusplus.org.uk/file/272/download>. – Date of access: 10.12.2018.
3. Cambridge Business English Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://dictionary.cambridge.org/us/dictionary/english/organizational-conflict>. – Date of access: 20.09.2018.
4. Мескон, М. Х., Альберт, М., Хедоури, Ф. Менеджмент / М. Х. Мескон, М. Альберт [и др.]. – Нью-Йорк: Harper & Row, Publishers, 1988. – 434 с.
5. Conflict Management Styles Quiz [Electronic resource]. – Mode of access: <https://facultyombuds.ncsu.edu/files/2015/11/Conflict-management-styles-quiz.pdf>. – Date of Access: 20.09.2018.
6. Fisher, R., Ury, W. L., Patton, B. Getting to yes: Negotiating agreement without giving in / R. Fisher, W.L. Williams [et al]. – Penguin, 2011. – 566 p.

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ДИСКУРСА РЕКЛАМЫ КАК СЛОЖНОГО СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОГО ФЕНОМЕНА

Т.В.Солодовникова

Белорусский государственный университет

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, tatianasolodovnikova2015@gmail.com

В статье эскизно представлено становление дискурса рекламы как сложного социально-коммуникативного феномена. Цель статьи – в рамках сопоставительного анализа выявить особенности возникновения рекламного дискурса в Республике Беларусь, причем не только в территориальном аспекте, но и в языковом. В контексте проведенного исследования раскрываются основные периоды становления рекламного дискурса в Беларуси. В рамках триады Франция – Россия – Беларусь было установлено, что первоначально реклама и рекламный дискурс в Беларуси носили преимущественно политический, агитационно-пропагандистский характер, тогда как во Франции и в России – коммерческий. До настоящего времени дискуссионным остается факт возникновения социальной рекламы как особого подтипа институционального рекламного дискурса в XXI веке.

Ключевые слова: рекламный дискурс; история возникновения; инструмент воздействия; манипулирование; социальная реклама.

FROM THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF DISCOURSE OF ADVERTISING AS A COMPLEX SOCIAL AND COMMUNICATIVE PHENOMENON

T. Saladounikava

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article outlines the formation of advertising discourse as a complex social and communicative phenomenon. The purpose of the article is to identify, in a comparative analysis, the peculiarities of the appearance of advertising discourse in the Republic of Belarus, not only in the territorial aspect, but also in the language. In the context of the study, the main periods of the development of advertising discourse in Belarus are disclosed. In the framework of the triad France-Russia-Belarus, it was found that initially advertising and advertising discourse in Belarus were predominantly political, agitation and propaganda, while in France and Russia it was commercial. To date, the emergence of social advertising as a special subtype of institutional advertising discourse in the 21st century remains controversial.

Keywords: Advertising discourse; history of formation; instrument of influence; manipulation; social advertising.

Следует отметить, что реклама как особый тип прагматического текста известна еще с давних времен. Так, например, финикийские торговцы по пути своего следования оставляли на скалах различные сообщения о продаваемых ими товарах; в Помпее при входах в торговые лавки были нанесены надписи и рисунки коммерческого характера; в Древнем Риме возводились специальные стены, именуемые альбумсы, на которых углем или краской торговцы писали свои объявления. Отсюда и знаменитый маклюэновский афоризм «реклама – пещерное искусство двадцатого века». В Древней Греции городские глашатаи были общественным институтом. Их специально нанимали для исполнения весьма специфической миссии. Глашатаи появлялись в самых людных местах города и сообщали жителям о наиболее важных событиях в общественной жизни города, о значительных новостях. В Фивах была найдена фреска, датированная 1000 г. до

н.э., которая считается одним из первых проявлений рекламы: на ней содержится информация о вознаграждении за поимку сбежавшего раба.

С появлением бумаги и распространением техники печатания на ней (9 в.н.э. в Восточной Азии, кон. XIV – нач. XV вв.н.э. в христианской Европе), появились и первые печатные объявления рекламного характера. Важная роль была отведена церкви: на индульгенциях священнослужители обещали неистово верующим дорогу в рай. Многообразные формы рекламы демонстрировали ярмарки и цеха.

Во Франции в 1539 г. Франсуа I дает распоряжение о том, чтобы все указы были написаны от руки на бумаги по-французски и развешаны на городских стенах после того, как указ будет озвучен глашатаем. В 1630 г. французский медик Т. Ренодо, параллельно с созданием и изданием *La Gazette*, создает первую адресную справочную контору для размещения объявлений. Однако это предприятие не увенчалось успехом, поскольку для большинства профессий были запрещены любые формы рекламы [3, с. 29]. Вместе с тем дата 16 июня 1836 г. отмечена началом истории рекламы во французских средствах массовой информации. Данный факт связывают с именем французского журналиста Э. де Жирардена, опубликовавшего в своей газете *La Presse* первые коммерческие объявления, что позволило ему оптимизировать рентабельность издания и завоевать новых читателей. Эта революционная для того времени идея была молниеносно подхвачена конкурентами и, начиная с 1896 г., уже более 37 % доходов другого авторитетного французского издания *Le Figaro* приходилось на долю рекламы. Начало XX в. во Франции характеризуется новым этапом в развитии рекламы: появляются рекламные афиши нового типа, которые становятся одной из форм высокого искусства благодаря творчеству Ж. Шере, А. Де Тулуз-Лотрека, Л. Капиелло. Параллельно разрабатываются логотипы известных марок и брендов.

В США отцом-основателем рекламы считают Б. Франклина, открывшего в 1774 г. первую рекламную газету в Новом свете.

Массовое же распространение рекламы и становление сети рекламных агентств относят к сер. 19 в.

Истоки русской печатной рекламы восходят к деятельности бродячих ремесленников, коробейников, разносчиков. Русские купцы, подобно древним финикийцам, активно пользовались надписями на лавках и вывесках с целью рекламирования своих товаров. Считается, что уже в первых «Ведомостях», издаваемых с 1702 г. по указу Петра I, была напечатана первая публикация рекламного характера. С 1867 г. в Саратове начинает издаваться «Коммерческий вестник», затем в Петербурге появляются рекламные журналы «Торговля», «Торговля и жизнь», «Деловой будильник», в Москве – «Комиссионер», в Одессе – «Рекламист» и т.д.

Представляется, что появление рекламы как таковой в Республики Беларусь можно связать с деятельностью М. Шагала, К. Малевича, Л. Лисицкого начала 20-х гг. XX в. Так, например, М. Шагал руководил украшением улиц Витебска к 1-ой годовщине Октябрьской революции, а сам он к этому событию создал несколько рекламно-агитационных панно. Позже, после отъезда М. Шагала из Витебска, графика улиц города перешла к «супрематической команде» К. Малевича. Затем появились плакаты Л. Лисицкого и других уновисовцев, а витебские трамваи покрылись рекламно-агитационным оформлением. Достаточно широко было поставлено в Беларуси в 1920-е годы и дело выпуска плакатов.

В основном это была политическая реклама, но выпускались также плакаты и другого содержания. Например, известный белорусский художник Я. Дроздович создал в 1921 г. плакат «Сонца навукі скрозь хмары цёмныя прагляне ясна над нашай зямлёй...», посвященный теме народного образования.

В 1930-е гг. реклама как в СССР, так и в Беларуси находилась в глубоком кризисе. Очевидно, что и послевоенные годы не стали благоприятными для развития рекламы, однако в коллекции Белорусского союза дизайнеров, например, имеется рекламный плакат с таким текстом: «Пейце піва півавараных заводаў Белбродтрэста». Так, несмотря на очевидные трудности периода, торговая реклама все же существовала наряду с рекламой таких зрелищных мероприятий, как спектакли, концерты, киносеансы. Середина 50-х гг., характеризуется «оттепелью» не только в сфере политики, но и в сфере рекламы. В ней увидели средство воспитательного воздействия на людей, инструмент стимулирования производственной и культурной деятельности. 1960-е годы стали новым этапом в развитии белорусской рекламы. Это было время подъема дизайна в Советском Союзе. Тогда был создан Всесоюзный научно-исследовательский институт технической эстетики и его филиал в Минске, который стал разрабатывать новые приемы дизайна рекламы. Вскоре в Беларуси начинает свою деятельность крупная рекламная фирма «Белторгреклама». В этот период большое внимание уделяется повышению художественных качеств рекламы.

Периоды «застоя» и «перестройки» также нашли свое отражение в рекламе, прочно укоренившейся в обществе и значительно расширившей границы своей деятельности и влияния.

Подчеркнем, что с появлением радио и телевидения отмечается новый виток и в сфере рекламы во всем мире. Затем благодаря Интернету и цифровым технологиям изменилась и сама реклама, появились новые формы взаимодействия с адресатом, новые стратегии воздействия и манипулирования массовым сознанием. Однако об этом речь пойдет чуть позже.

Отметим лишь, что в Беларуси существует Министерство антимонопольного регулирования и торговли (МАРТ) Республики Беларусь, основными функциями которого являются контроль в сфере рекламы и законодательное регулирование в данной отрасли, предотвращение и пресечение нарушений прав потребителей рекламы, защита от недобросовестной конкуренции в области рекламы, привлечение субъектов рекламной деятельности к административной ответственности за допущенные нарушения. Для определения наиболее перспективных направлений развития рынка и решения проблем Министерство активно взаимодействует с ассоциациями, объединяющими предпринимателей в данной отрасли. За 2016 год к единственной авторитетной Ассоциации рекламных организаций добавилось еще две: Ассоциация коммуникативных и маркетинговых агентств (АКМА) и Ассоциация интерактивной рекламы (ИАВ), которая занимается вопросами организации рынка интернет-рекламы. В настоящее время этими организациями разработана Концепция развития рекламного бизнеса Республики Беларусь на 2017–2020 годы [2].

По словам И.А. Гаврильчик, начальника сектора по рекламе Управления защиты прав потребителей и контроля за рекламой Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь, *«за последние годы в республике созданы условия для стабильного функционирования рекламного*

рынка: сформированы правовые и организационные основы, налажены не только контроль за рекламой, но и активно осуществляется взаимодействие с субъектами рекламного рынка и их объединениями по вопросам рекламы. По официальным данным, в первом полугодии 2017 г. расходы на рекламу отечественных производителей и торговых организаций составили 182,2 млн. рублей или 127 % к прошлогоднему показателю (на телевизионную рекламу – 17,8 млн. рублей (130 %), наружную – 21,2 млн. рублей (93 %), интернет – 13,8 млн. рублей (108 %), радио – 7,1 млн. рублей (127 %). Выросли рекламные бюджеты и отечественных производителей одежды – 140 %, оптовой и розничной торговли – 133 %, отечественных производителей пищевых продуктов составили в сопоставимых ценах 103 %, (при этом расходы производителей продуктов питания на наружную рекламу сократились на 30 %, а на телевизионную и радиорекламу выросли – на 15 % и 43 % соответственно)» [1].

Наряду с другими рекламными организациями, активное участие в разработке Концепции приняла АКМА, предложив основы Концепции с рядом мер по либерализации рекламного законодательства Республики Беларусь.

На основании изложенного выше подчеркнем, что если у истоков зарождения рекламы как таковой во Франции и в России стояли коммерческие интересы (рекламные объявления, целью которых было выгодно продать какой-либо товар), то для Беларуси характерно появление политической рекламы, связанной с агитационно-пропагандистской деятельностью. Любопытен также и тот факт, что социальная реклама как особый подтип институционального рекламного дискурса выделяется во всех странах гораздо позже и считается феноменом нашего времени, однако, действительно ли социальная реклама появилась лишь в XXI в.? На этот, равно как и на множество других вопросов, нам еще предстоит ответить.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, договор № Г18МС-003 от 30.05.2018.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. МАРТ о состоянии рекламного рынка Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://association.by/mart-admarket-state>. – Дата доступа: 14.01.2019.
2. Развитие рекламного рынка в Республике Беларусь: тенденции и направления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dompressy.by/2016/09/15/razvitie-reklamnogo-rynka-v-respublike-belarus-tendencii-i-napravleniya/>. – Дата доступа: 14.01.2019.
3. Chupin, I. Histoire politique et économique des médias en France / I. Chupin, N. Hubé, N. Kaciaf. – Coll. : Repères, Ed. La Découverte, 2012. – 128 p.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОВ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ ОБЛАСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Т.С. Стрельчик

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, t.strelchik@mail.ru*

Научный руководитель – Т.И. Макаревич, старший преподаватель

В настоящей публикации рассматриваются актуальные вопросы перевода терминов специализированной области правового регулирования иностранных инвестиций, которая представляет собой разнородную систему. Освещаются вопросы понимания прагматического аспекта перевода как многоаспектного понятия. Публикация содержит описание приемов перевода, применяемых для адекватной передачи терминов, сопровождаемых практическими примерами.

Ключевые слова: перевод терминов; специализированная область; правовое регулирование иностранных инвестиций; прагматический аспект перевода.

SPECIFICS OF TERMS TRANSLATION IN THE PROFESSIONAL FIELD OF INTERNATIONAL INVESTMENT REGULATION: ITS PRAGMATIC FACET

T. Strelchik

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus
T. Makarevich – supervisor, Belarusian State University*

The paper considers topical issues of translating terms in the professional field of international investment regulation which is viewed as heterogeneous. Pragmatic facet in translating terminology is regarded as multifaceted. The given publication also includes translation techniques applied to render the proper meaning of the terms. The paper is lavishly exemplified with the terms translation.

Key words: terms translation; professional field; international investment regulation; pragmatic facet in translating terminology.

В профессиональной деятельности юриста-международника перевод терминов специализированной области стал сегодня частью постоянных должностных обязанностей. В этой связи представляется необходимым развитие и совершенствование необходимых компетенций в области перевода профессиональной терминологии и понимание прагматического аспекта перевода, то есть адекватной передачи его терминологических, стилистических особенностей. В данной публикации мы рассматриваем вопросы перевода терминологии специализированной области правового регулирования иностранных инвестиций.

При переводе профессионально ориентированных текстов значимой составляющей представляется их прагматический аспект. Так, прагматический аспект перевода терминов специализированной области правового регулирования иностранных инвестиций заключается в способности переводчика «воспроизвести прагматический потенциал оригинала» [4, с. 143], а именно адекватную коммуникативную интенцию содержания профессионально направленного оригинального текста, и в «стремлении обеспечить желаемое воздействие на рецептора перевода» [4, с. 143] – итогового создания переведенного текста для дости-

жения конкретных целей. Прагматический аспект перевода представляет собой многоаспектное понятие: он определяет особенности перевода текста, его предметное содержание и итоговую форму, поскольку в разных специализированных областях создаются разные тексты с разными стилистическими характеристиками. В нашем случае прагматика перевода нацелена на научный текст, при переводе которого важной прагматической функцией будет передача информации оригинала текста на язык перевода с соблюдением смысловой полноты его содержания и его оформление с учетом нормативных (прескриптивных) требований, которые предъявляются к качеству перевода научного текста специализированной области.

Прагматика перевода специализированного научного текста состоит еще и в неоднородности, особенно это относится к научным текстам на иностранных языках. Также с прагматической точки зрения научный текст в равной степени интересен как для получателя информации языка оригинала, так и для реципиента языка перевода. В данном случае мы учитываем, что коммуникативный эффект, который производит текст перевода на своего получателя научной информации, должен быть равнозначен такому же эффекту, производимом текстом оригинала на своего получателя. Хотя, при этом, можно наблюдать разные прагматические отношения получателей информации к текстам. В данном случае это может иметь положительный эффект, поскольку может инициировать научную дискуссию по предметному содержанию текста.

При рассмотрении вопросов перевода терминологии профессиональной области правового регулирования иностранных инвестиций, мы пользуемся определением, предложенным Л. И. Сапоговой, которая рассматривает термин как «слово или словосочетание, служащие для называния объектов и обозначения понятий разнообразных областей знания, а совокупность всех терминов в определенной области знания образует систему терминов» [3, с. 51]. Этим автором выделяются следующие свойства термина:

- 1) однозначность в пределах определенной области знания (т.е. соотнесенность с одним понятием);
- 2) независимость от контекста;
- 3) стилистическая нейтральность;
- 4) системная детерминированность.

Характеризуя профессиональную область правового регулирования иностранных инвестиций, мы можем отметить ее разнородность, поскольку она включает, помимо юридических терминов предметной области международного права, также экономические и термины из некоторых других отраслей знаний [2]. Приведем некоторые примеры: *tax collecting authority* – «орган по сбору налогов»; *technical certificates* – «технические сертификаты»; *the basic legal framework for cross-border investment* – «законодательная база регулирования трансграничного инвестирования»; *the Department of Business and Innovation* – «Министерство предпринимательства и инноваций»; *the entry into force of the law* – «вступление закона в силу».

При работе с текстами данной специализированной области знания мы столкнулись с некоторыми сложностями перевода многозначности терминов. Например, такое слово как *statement* развивает довольно обширную семантическую структуру и означает в зависимости от контекста «утверждение», «отчет»

или «заявление». Еще одним примером может послужить слово *department*, которое можно перевести не только как «департамент», но и «отдел юридического лица», «округ», «область», «министерство», а также «кафедра» [5].

Одной из современных тенденций в формировании терминологии разных областей является широкое использование транскрипции или использовании транскрипции в сочетании с транслитерацией [3, с. 52]. Среди примеров можно назвать такие слова, как само слово *инвестиции*, которое является иноязычным, *капитал*, *экспроприация*, *компенсация*, *арбитраж*, *медиация* и т.д.

Современной особенностью переводческой деятельности сегодня является активное использование современных информационных технологий при переводе научных текстов. Так, в настоящий момент выделяются четыре типа переводов по классификационному признаку человек-переводчик и компьютер. Данная классификация предложена Дж. Хатчинсом и Г. Сомерсом:

- 1) традиционный перевод, выполняемый только человеком;
- 2) традиционный перевод с использованием компьютера;
- 3) машинный перевод с участием человека;
- 4) полностью автоматический машинный перевод высокого качества [6, с. 148; 1, с. 14].

Для наиболее адекватной передачи смысла переводимого текста мы используем различные способы перевода. Такими способами являются подстановка, замена и перестановка, которые мы используем применимо к анализируемой области знаний – правовому регулированию иностранных инвестиций.

При технике подстановки мы ищем соответствия в разных языках, которое может быть эквивалентным или вариантным. При эквивалентном соответствии перевод слова или словосочетания не зависит от контекста, а при вариантном для правильного перевода слова или словосочетания мы учитывали контекст, в котором находится слово или словосочетание [3, с. 162-167]. Для примера первого можно привести слово *litigation* (судебное рассмотрение дела). Примерами второго случая можно назвать слова *advice* (в общей лексике – совет, в специализированной – консультация со специалистом), *awards* (в общей лексике – «награда», в юридической – «судебное решение», «присуждение»), *destination* (в общей лексике – «место назначения», в правовой лексике, связанной с инвестициями – «государство, в которое вкладываются инвестиции»). Во втором случае видно, что слова могут использоваться как в общей лексике, так и в узкоспециализированной сфере. Поэтому при осуществлении выбора соответствия необходимо учитывать контекст переводимого предложения или текста.

Помимо эквивалентных и вариантных соответствий существует еще один вид соответствий – контекстуальные соответствия. Это ситуация, при которой соответствия создаются переводчиком на основе всей совокупности контекстуальных данных в условиях, когда некое слово в составе предложения реализует свое потенциальное значение, не зафиксированное в словаре [3, с. 164-167]. Например, словосочетание *investment facilitation* тексте, посвященному инвестициям, скорее всего будет означать «упрощение процедур инвестирования».

Замену как переводческий прием можно охарактеризовать как детерминированную нормами языка перевода и конкретным контекстом лексико-грамматическую трансформацию элементов текста оригинала в элементы, не являющиеся их словарными соответствиями в переводе [3, с. 167]. К приемам пе-

реводческой замены относятся конкретизация или генерализация, семантическое развитие, смысловое развитие, антонимический перевод, целостное переосмысление и компенсация. Пример конкретизации – термин *office*, перевод которого будет зависеть от окружающего его контекста. Пример генерализации – термин *to file papers*, который можно перевести более общим термином «подавать документы», если остальной текст позволяет использовать менее точный термин. Прием семантического развития применяется при невозможности использования словарного соответствия переводимого слова или словосочетания, и поэтому он заменяется логически выведенным контекстуальным соответствием. Приведем для примера предложение: *The government actively promotes foreign direct investment, a strategy that has fueled economic growth*. Словосочетание *to fuel economic growth* можно заменить словосочетанием, аналогичным по смыслу, но выраженному другими словами. Поэтому получится предложение: «Правительство занимается активным продвижением иностранных инвестиций, и эта стратегия привела к экономическому скачку». При антонимическом переводе отрицательное словосочетание заменяется на утвердительное или наоборот, например: *There is no specific domestic body for handling investment disputes* – Специализированный национальный орган по разрешению инвестиционных споров отсутствует. Прием целостного переосмысления заключается в смысловом развитии с заменой внутренней формы образования, но с сохранением содержания высказывания, что часто используется для передачи устойчивых ситуативных выражений. Например, термин *treaty shopping*, который невозможно перевести буквально, и поэтому в переводимом тексте его можно заменять словосочетанием «выбор договоров с более благоприятными условиями». Семантическая компенсация призвана восполнить пробелы, детерминированные существованием безэквивалентной лексики. Например, если в предложении упоминается словосочетание *umbrella clause*, переводчику целесообразно создать примечание в виде юридической справки о значении этого словосочетания с точки зрения инвестиционного права [3, с. 180-195].

Наконец, при переводе мы также применяли способ перестановки, который предполагает смену членов предложения, обусловленную логикой мысли и нормами языка перевода [3, с. 195]. Например, предложение; *Three key rights and guarantees are covered by the majority of the surveyed investment laws* при переводе с перестановками будет звучать так: «Большинство изученных законов об инвестициях затрагивает 3 основных права и обязанности».

Отдельное внимание при переводе терминологии специализированной области правового регулирования иностранных инвестиций мы уделяем передаче на русский язык названий правовых соглашений, постановлений, директив и т.д., общепринятой документации. Здесь в ряде случаев мы следуем общепринятой переводческой практике использования эквивалентов перевода наиболее частотных и употребляемых терминов, например: *General Agreement on Tariffs and Trade (GATT)* – «Генеральное соглашение по тарифам и торговле»; *the EU Directive on Takeovers* – «Директива ЕС о сделках слияния» и т.д. В случае отсутствия эквивалента перевода, мы вводим новую терминологическую единицу, используя в процессе перевода профессиональные знания данной предметной области.

Таким образом, можно сделать вывод, что для перевода специализированной лексики необходимо активно обращаться к различным приемам перевода. Приведенные примеры показывают, что подбор приема, используемого для перевода той или иной речевой единицы, всегда определяется целью наиболее точно передать смысл оригинального текста.

Терминология специализированной области правового регулирования иностранных инвестиций разнородна, что требует от переводчика владения фоновыми знаниями не только в своей предметной области, но также и в смежных отраслях знаний [2], профессиональной работы со специализированными словами разных областей знаний.

Значимость прагматического аспекта перевода специализированного научного текста состоит в глубоком и детальном анализе текста оригинала на предпереводческом этапе перевода. Прагматика перевода заключается в уяснении цели создания данного научного текста, в чем состоит коммуникативная интенция автора данного текста, понимании той потребности, которую этот текст удовлетворяет, и какую доминантную функцию он выполняет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1 Кво Ч. К. Технологии перевода : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Ч. К. Кво ; [пер. с англ. и науч. ред. рус. текста А. Л. Семенова]. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 256 с.

2 Макаревич, Т. И. Лингвистическое обеспечение онтологии предметных областей «Международного права», «Международных отношений», «Государственного управления», «Управления информационными ресурсами» / Т. И. Макаревич // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам : материалы XI Междунар. науч. конф., посвящ. 96-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 25 окт. 2017 г. / БГУ, ФМО; редкол. : В. Г. Шадурский (пред.) [и др.]. — Минск : Изд. центр БГУ, 2017. — С. 224-225.

3 Сапогова Л.И. Переводческое преобразование текста: учеб. пособие / Л.И. Сапогова – М.: Флинта : Наука, 2009. – 320 с.

4 Сдобников, В.В. Теория перевода : учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков / В.В. Сдобников, О.В. Петрова. – Москва, АСТ: Восток-Запад; Владимир: ВКТ, 2008. – 448 с.

5 English Oxford Living Dictionaries [Electronic resource]. – Mode of access: <https://en.oxforddictionaries.com/>. – Date of access: 14.01.2019.

6 Hutchins W. J., Somers H. L. An introduction to Machine Translation. – London: Academic Press Limited, 1992.

ЛЕКСІКА-СЕМАНТЫЧНЫЯ ГРУПЫ БЕЛАРУСКАЙ ЭКАНАМІЧНАЙ ТЭРМІНАЛОГІІ

В. У. Праконіна

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, veraprok88@mail.ru

Эканамічная навука пастаянна развіваецца, а беларуская эканамічная тэрміналогія адпаведна папаўняецца новымі тэрмінамі. У дадзеным артыкуле аналізуецца сістэмнасць беларускай эканамічнай тэрміналогіі на падставе вылучэння лексіка-семантычных груп дадзенай галіны тэрміналогіі, выяўляюцца прынцыпы адбору беларускіх эканамічных тэрмінаў у лексіка-семантычныя групы. Засяроджаецца ўвага на гісторыі станаўлення эканамічнай навукі і дынаміцы яе развіцця ў XX-XXI стст. У заключэнні прыводзяцца вынікі аналізу лексіка-

семантычных груп беларускай эканамічнай тэрміналогіі, згодна з якімі дадзеная галіна тэрміналогіі з'яўляецца тэрмінасістэмай, паколькі сістэмнасць беларускай эканамічнай тэрміналогіі абумоўлена сістэмнасцю эканомікі. Істотнасць вынікаў даследавання, апісанага ў гэтым артыкуле, заключаецца ў магчымасці далейшай сістэматызацыі і стандартызацыі беларускай эканамічнай тэрмінасістэмы.

Ключавыя словы: эканамічная навука; беларуская эканамічная тэрміналогія; сістэмнасць; лексіка-семантычная група.

LEXICAL-SEMANTIC GROUP OF BELARUSIAN ECONOMIC TERMINOLOGY

V. U. Prakonina

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Economic science is constantly evolving, and Belarusian economic terminology respectively filled with new terms. This article analyzes the consistency of the Belarusian economic terms on the basis of the selection of lexical-semantic groups of the Belarusian economic terminology, identifies principles for selection of the Belarusian economic terms in the lexical-semantic groups. It focuses attention on the history of the development of economic science and the dynamics of its development in the XX-XXI centuries. In conclusion are given the results of the analysis of lexical-semantic groups of the Belarusian economic terminology, according to which this branch of terminology seems to be the system of the terms, because the consistency of the Belarusian economic terminology is caused by the consistency of the economy. The importance of the research results described in this article, gives the ability to the further systematization and standardization of Belarusian economic system of the terms.

Keywords: economic science; the Belarusian economic terminology; consistency; lexical-semantic group.

Эканоміка ўяўляе сістэму ўзаемазвязаных эканамічных навук, што вывучаюць аб'ектыўныя эканамічныя заканамернасці. Агульнай эканамічнай навукай з'яўляецца эканамічная тэорыя, якая складаецца з трох раздзелаў: мікраэка-номікі, макраэканомікі і сусветнай эканомікі. Мікраэканоміка вывучае эканоміку на ўзроўні асобных суб'ектаў гаспадарання (прадпрыемства, фірма) [15]. Макраэканоміка даследуе эканамічныя працэсы на ўзроўні нацыянальнай эканомікі [14]. Сусветная эканоміка вывучае формы эканамічнага супрацоўніцтва паміж краінамі. Сёння актыўна развіваецца такая галіна эканамічнай навукі, як мезаэканоміка, якая з'яўляецца прамежкавым узроўнем паміж мікра- і макраўзроўнямі эканомікі, паколькі аб'ектам яе даследавання з'яўляюцца прадпрыемствы і фірмы ў пэўных эканамічных рэгіёнах. Акрамя агульнай эканамічнай навукі, вылучаюць прыватныя эканамічныя навукі. Да іх ліку адносяцца:

- галіновыя (эканоміка гандлю, эканоміка сельскай гаспадаркі, эканоміка прадпрыемства, эканоміка будаўніцтва, эканоміка турызму);
- функцыянальныя (фінансы, грашовае абарачэнне, крэдыт, эканоміка прыродакарыстання, маркетынг, менеджмент);
- інфармацыйна-аналітычныя (статыстыка, аналіз гаспадарчай дзейнасці, бухгалтарскі ўлік);
- гісторыка-эканамічныя (палітэканомія, эканамічная тэорыя, гісторыя эканамічных вучэнняў).

На аснове мікраэканомікі ўзніклі такія навукі і вучэбныя дысцыпліны, як “эканоміка прадпрыемства”, “фінансы прадпрыемства”, “бухгалтарскі ўлік”,

“аўдыт”, “маркетынг”, “менеджмент” і інш. На аснове макраэканомікі – “грошы і банкі”, “эканоміка знешняга гандлю”, “міжнародныя фінансы” і інш.

З узнікненнем і развіццём разнастайных галін эканамічнай навукі беларуская эканамічная тэрміналогія папаўнялася новымі тэрмінамі. Адпаведна ў беларускай эканамічнай лексіцы можна вылучыць групы слоў, што суадносяцца па сваіх назвах з галінамі эканамічнай навукі. Лексіка-семантычныя групы (ЛСГ) – “такога роду аб’яднанні слоў, якія заснаваны на лексіка-семантычных сувязях, а не на класіфікацыі саміх прадметаў і з’яў” [23, с.231].

Паколькі агульнай эканамічнай навукай з’яўляецца эканамічная тэорыя, такія яе галіны, як мікра-, макраэканоміка і сусветная эканоміка былі заўсёды, г.зн. з пачатку існавання эканамічнай тэорыі. Адпаведна ў эканамічнай тэрміналогіі заўсёды існавалі дадзеныя лексіка-семантычныя групы, склад тэрмінаў у якіх пастаянна павялічваўся. Аднак у працэсе развіцця эканамічных адносін, рэалізацыі той або іншай эканамічнай палітыкі, сусветных войнаў, эканамічных крызісаў, сусветнай інтэграцыі і глабалізацыі з’яўляюцца новыя віды эканамічнай дзейнасці і новыя лексіка-семантычныя групы эканамічных тэрмінаў. Сістэмнасць беларускай эканамічнай тэрміналогіі абумоўлена, такім чынам, сістэмнасцю самой эканомікі як навукі. Такім чынам, “...асабліва сцю разглядаемай лексікі служыць тое, што яе сістэмнасць амаль цалкам грунтуецца на сістэмнасці адпаведных рэалій” [18, с. 238].

На працягу фарміравання і развіцця беларускай эканамічнай тэрміналогіі ў XX–XXI стст. былі выяўлены наступныя лексіка-семантычныя групы: эканамічная тэорыя, мікраэканоміка, макраэканоміка, сусветная эканоміка, эканамічная гісторыя.

Зыходзячы з азначэння лексіка-семантычнай групы, у аснову адбору эканамічных тэрмінаў у кожную з такіх груп былі пакладзены наступныя прынцыпы:

- намінаць тэрміна (тэрміналагічныя адзінкі прадстаўлены назоўнікамі і назоўнікавымі словазлучэннямі);
- суаднесена сць з эканамічным паняццем з пэўнай канкрэтнай эканамічнай сферы (тэрміны адбіраліся з крыніц беларускай эканамічнай тэрміналогіі, прысвечаных розным галінам эканамічнай дзейнасці, аднак пэўныя эканамічныя тэрміны могуць выкарыстоўвацца ў некалькіх лексіка-семантычных групах, паколькі абазначаюць эканамічныя паняцці з розных галін эканомікі);
- наяўнасць лексіка-семантычных сувязей паміж адзінкамі пэўнай лексіка-семантычнай групы (у межах кожнай групы можна прасачыць гіперанімію, антанімію, сінанімію, аманімію і мнагазначнасць).

Вылучэнне ЛСГ беларускіх эканамічных тэрмінаў з’яўляецца істотным для даследавання беларускай эканамічнай тэрмінасістэмы: “...толькі пасля рапрацоўкі класіфікацыі, калі асноўныя паняцці нашай прадметнай вобласці набылі неабходную сістэмнасць, з’явілася магчымасць прыступіць да ўпарадкавання і стандартызацыі тэрміналогіі” [1, с.22]. У межах ЛСГ тэрміны “аб’ядноўваюцца таму, што прадметы і з’явы, да якіх яны звычайна адносяцца, так або інакш звязаны паміж сабой у рэчаіснасці... З другога боку, розныя словы (значэнні) групуюцца на аснове наяўнасці агульнага моманту ў самім іх змесце” [21, с. 177].

У лексіка-семантычную групу **эканамічная тэорыя** ўваходзяць наступныя тэрміны: *рэфакцыя* [20, с.284], *праца наёмная* [20, с.277], *холдынг* [20, с.284], *ажур* [20, с.282], *альпары* [20, с.282], *анархія вытворчасці* [20, с.273], *ануітэт* [20, с.282], *аўтсайдэры*¹ [20, с.273], *банкі інатэчныя* [20, с.275], *банк ашчадны* [20, с.280], *байкот* [20, с.273].

Тэрміны **мікраэканомікі** ўяўляюць асобную лексіка-семантычную групу: *ліквіднасць* [5, с.36], *абарачэнне* [5, с.36], *падаткі* [5, с.36], *выручка* [5, с.36], *чэк* [5, с.36], *выкуп* [5, с.36], *прадпрыемства* [5, с.36], *канкурэнтаздольнасць прадукцыі* [5, с.36].

Аналізам працэсаў у нацыянальнай эканоміцы займаецца **макраэканоміка**. Шматлікія тэрміны беларускай эканамічнай тэрміналогіі адносяцца да дадзенай лексіка-семантычнай групы: *супрацоўніцтва эканамічнае* [6, с.49], *гандаль* [6, с.49], *связі знешнеэканамічныя* [6, с.51], *вартасць спажывецкая* [6, с.54], *вытворчасць* [6, с.55], *персаніфікацыя* [6, с.54], *эканоміка змешаная* [7, с.46], *гаспадаранне* [7, с.46], *рэструктурызацыя* [7, с.46], *прадукцыйнасць працы* [7, с.47], *стаўка працэнтная* [7, с.50].

Сваю назву эканамічная навука атрымала ў XVII стагоддзі, калі быў уведзены тэрмін “палітычная эканомія”. Мікраэканоміка пачынае развівацца з канца XIX стагоддзя, макраэканоміка – у 1930-х гг. XX стагоддзя. На працягу станаўлення і развіцця дадзеных галін эканамічнай тэорыі адбывалася пастаяннае папаўненне эканамічнай навукі новымі эканамічнымі рэаліямі, што адбілася і на лексіка-семантычных групах беларускай эканамічнай тэрміналогіі. Так, напрыклад, палітычная эканомія ўзнікла ў Францыі як навука аб дзяржаўным уладкаванні. Аднак у савецкі час палітэканамічная тэрмінасістэма была сфарміравана пад уплывам тэорыі марксізму-ленінізму. Да найбольш распаўсюджаных **палітэканамічных тэрмінаў** адносяцца: *соцыялізм* [2, с.87], *рабочы* [2, с.85], *прамысловасць соцыялістычная* [2, с.85], *спаробніцтва соцыялістычнае* [2, с.85], *рэвалюцыя* [3, с.17], *арэнда за адработкі* [3, с.17], *прадукцыйныя сілы* [3, с.17].

Так, калі у першай палове XX стагоддзя артыкулы, даведнікі, падручнікі па эканоміцы пішуць філосафы, мовазнаўцы, гісторыкі, то ў сярэдзіне XX стагоддзя за гэту справу бяруцца эканамісты, паколькі паўстае пытанне адбудовы нацыянальнай эканомікі пасля яе заняпаду ў гады Вялікай Айчыннай вайны. К. С. Усовіч звяртае ўвагу на тое, што “ўдасканаленне і развіццё беларускай эканамічнай тэрміналогіі ляжыць на стыку мовы і эканомікі. Таму самай неабходнай умовай развязання гэтай праблемы з’яўляецца ўсведамленне іх асноўнай і спецыфічнай сутнасці, падключэнне да гэтай справы навукоўцаў, інтарэсы якіх ляжаць на стыку гэтых навук, або супольная праца ў гэтай сферы як мовазнаўца, так і эканаміста” [21, с.109].

У 1980-х гг. у сувязі з палітыкай “перабудовы ў краіне”, ажыццяўлення прыватызацыі і палітыкі раздзяржаўлення папаўняецца лексіка такіх лексіка-семантычных груп, як, напрыклад, **камерцыйная дзейнасць**: *акумуляцыя* [24, с.13], *база* [24, с.16], *базіс* [24, с.16], *бэса* [24, с.18], *білон* [24, с.17], *бірка* [24, с.18], *дабрабыт* [24, с.23], *грыф* [24, с.23], *лішак капіталу* [24, с.37], *лішак абаротных сродкаў* [24, с.37].

¹ Тут і далей захоўваецца арфаграфія крыніц беларускай эканамічнай тэрміналогіі.

У 90-х гг. у сувязі з набыццём Рэспублікай Беларусь статуса незалежнасці пачынаецца актыўная трансфармацыя беларускай эканамічнай тэрміналогіі. Эканамічная лексіка прадстаўлена ў шырокім спектры лексіка-семантычных груп, напрыклад: **міжнародныя валютна-фінансавыя адносіны**: *адкрыты рахунак* [17, с.108], *ажыё* [17, с.14], *акрэдытыў* [17, с.15], *актывы банка* [17, с.17], *акцыз* [17, с.18], *акцыя* [17, с.18], *акцыянернае таварыства* [17, с.18], *акцэпт* [17, с.17], *акцэптавы вэксаль* [17, с.18].

У ХХІ стагоддзі эканоміка Беларусі знаходзіцца ва ўмовах пераходу да рынку. Змены ў працоўнай, транспартнай сферах эканоміцы, а таксама ў сферы паслуг, сусветныя тэндэнцыі да інтэграцыі, выкарыстання навукаёмістых тэхналогій, развіццё сеткі інтэрнэт і ІТ-тэхналогій абумовілі ўзнікненне ў эканамічнай тэрміналогіі наступных лексіка-семантычных груп: **лагістыка** (*тэхнапарк* [9, с.45], *цэнтр інжынірынгавы* [9, с.45], *інкубатар тэхналагічны* [9, с.45], *фонд венчурны* [9, с.47], *крызіс* [9, с.47], *стабілізацыя* [9, с.47], *эканоміка* [9, с.47], *цэнтр інавацыйны* [10, с.37], *бізнес-інкубатар* [10, с.38], *сетка транспартная* [10, с.43]), **маркетынг** (*фінансаванне венчурнае* [4, с.47], *праект прадпрымальніцкі* [11, с.47], *стымул фінансавы* [11, с.47], *інвестар* [11, с.47], *капітал венчурны* [11, с.47], *рэсурс эканамічны* [11, с.48], *сіла вытворчая* [11, с.48], *прывабнасць інвестыцыйная* [11, с.49], *аналіз фінансавы* [11, с.49]).

Даследчыкі вылучаюць наступныя прыметы тэрмінасістэмы, якія ўласцівы і беларускай эканамічнай тэрмінасістэме адпаведна [13, с.3–4]:

А) тэрмінасістэма – вялікая або малая (па колькасці) сукупнасць тэрмінаў, што сумесна абслугоўваюць камунікатыўна-тэматычнае або камунікатыўна-сітуацыйнае заданне. Так, беларуская эканамічная тэрміналогія ўключае тэрміны ўсіх галін эканомікі – маркетынгу, менеджменту, знешнеэканамічнай дзейнасці, гандлю і інш.

Б) элементы тэрмінасістэмы прама (непасрэдна) або ўскосна (праз пасрэдніцтва іншых элементаў) камунікатыўна суаднесены і структурна звязаны адзін з адным і з сістэмай у цэлым.

В) межы паміж тэрмінасістэмамі могуць быць больш дакладнымі і менш акрэсленымі (“размытымі”), тэрмінасістэмы могуць накладвацца адна на адну і ўтвараць у такіх сітуацыях перасячэнні тэрмінасістэм.

Г) тэрмінасістэмы, што абслугоўваюць асобныя і розныя галіны вытворчасці, тэхнікі, навукі, кіравання, могуць вылучаць міжгаліновы тэрміналагічны фонд, што таксама ўяўляе тэрмінасістэму; міжгаліновы тэрміналагічны фонд можа мець розную сілу абагульнення галіновых тэрмінасістэм і розную ступень абстрагаванасці ад іх [13, с.3]. Аднолькавыя паводле гукавой абалонкі тэрміны могуць узнікаць у розных тэрміналогіях, паколькі адна тэрміналогія часта запазычвае тэрміны з другой, а таксама ў розных тэрміналогіях розныя паняцці могуць называцца адным і тым жа тэрмінам.

БІБЛІАГРАФІЧНЫ СПІС

1. Авербух, К. Я. Лингвостатистическое исследование терминологии химического машиностроения / К. Я. Авербух. – Горький, 1980. – 27 с.
2. Весці Акадэміі навук БССР. Серыя грамадскіх навук. – Мінск: Навука і тэхніка, 1956, №1. – 136 с.

3. Весті Акадэміі навук БССР. Серыя грамадскіх навук. – Мінск: Навука і тэхніка, 1956, №4. – 189 с.
4. Весті Акадэміі навук БССР. Серыя грамадскіх навук. – Мінск: Навука і тэхніка, 1963, №2. – 140 с.
5. Весті Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – Мінск, 1996, №1. – 136 с.
6. Весті Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – Мінск, 1999, №2. – 144 с.
7. Весті Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – Мінск, 1999, №3. – 144 с.
8. Весті Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – Мінск, 1999, №4. – 156 с.
9. Весті Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – Мінск, 2003, №4. – 128 с.
10. Весті Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – Мінск, 2006, №3. – 128 с.
11. Весті Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – Мінск, 2008, №3. – 128 с.
12. Внешнеэкономическая деятельность: Словарь-справочник / С. Ю. Кричевский, Д. И. Панков, Л. В. Бедрицкая, В. Ф. Толстоухова; Под ред. С. Ю. Кричевского. – Минск: Выш. шк. 1992. – 208 с.
13. Головин, Б. Н. Типы терминосистем и основания их различия / Б. Н. Головин // Термин и слово. Межвузовский сборник. Горький, изд. ГГУ им. Н. И. Лобачевского, 1981. – С.3–4.
14. Макроэкономика / Н. И. Базылев, М. Н. Базылева, С. П. Гурко и др. – Минск: БГЭУ, 1998. – 214 с.
15. Максимова, В. Ф. Микроэкономика / В. Ф. Максимова. – Москва: ООО «Соминтэк», 1996. – 327 с.
16. Маркетинг: Словарь-справочник / Л. В. Бедрицкая, М. А. Кудревич, В. К. Матюшевская, М. В. Мишкевич, В. С. Протасеня, В. Ф. Толстоухова. – Минск: Выш. шк., 1993. – 333 с.
17. Международные валютно-финансовые отношения: Краткий словарь-справочник / Н. Е. Заяц, Н. С. Пшенко; Под ред. Н. С. Пшенко. – Минск: ООО Интербрук-Дрозды, Агентство РекАРТ, 1993. – 158 с.
18. Плотнікаў, Б. А. Агульнае мовазнаўства: вучэб. дапам. для філал. фак. ВДУ / Б. А. Плотнікаў. – Мінск: Універсітэцкае, 1994. – 350 с.
19. Руска-беларускі тлумачальны слоўнік гандлёва-эканамічных тэрмінаў, якія ўжываюцца пры вывучэнні курса “Эканоміка гандлю” / Беларус. дзярж. ін-т народнай гаспадаркі; Скл. Р. П. Валевіч, Г. А. Давыдава, П. С. Мезян, В. Р. Яфімава і інш. – Мінск, 1991. – 72 с.
20. Слоўнік катэгорый эканамічнай тэорыі / С. Я. Янчанка (кіраўнік), Т. І. Адамовіч, А. І. Ванькевіч і інш. – Мінск, 1999. – 286 с.
21. Смирницкий, А. И. Лексикология английского языка / А. И. Смирницкий. – Москва: Изд-во иностр. лит., 1956. – 260 с.
22. Усовіч, К. С. Некаторыя прынцыповыя пытанні сучаснага фармавання беларускай тэрміналогіі наогул і эканамічнай у прыватнасці / К. С. Усовіч // Першая нацыянальная канферэнцыя “Праблемы беларускай навуковай тэрміналогіі” (Мінск, 4-6 мая 1994) / Рэдкал.: З. Санько (адк. рэд.) і інш. – Мінск: ТБМ, 1995. – С.109–113.
23. Филин, Ф. П. Очерки по теории языкознания / Ф. П. Филин. – Москва, 1982. – С.231.
24. Jasińska-Socha, Teresa. Mały praktyczny słownik biznesmena białorusko-polski polsko-białoruski : [około 2000 haseł] / Teresa Jasińska-Socha, Nadzieja Panasiuk. – 1-ewyd. – Warszawa : Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1995. – 116 с.

SEMANTIC APPROACH IN TRANSLATING INTERNATIONAL CREDIT-LENDING TERMINOLOGY

N.M. Shmygaliova

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, shmygaliovan@mail.ru*

The problem area which is analyzed in the paper is the terms describing relations in the field of international crediting and lending. The paper gives the facts that proper rendering of the meaning of economic and legal terms is focused on the semantic analysis of its definition. The problem is that in different terminological systems the semantic meaning of the terms even in one and the same field do not coincide and the difficulty in terminology translation is to make it possible for the two systems not to contradict each other.

Key words: terms translation; professional field; international credit; international lending; semantic analysis of the term definition.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПЕРЕВОДЕ ТЕРМИНОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНОГО КРЕДИТОВАНИЯ И ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ЗАЙМА

Н.М. Шмыгалева

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,

Данная публикация посвящена проблематике перевода терминологии в области международного кредитования. Адекватный перевод терминологии профессиональной сферы невозможен без должного семантического анализа определения терминов и их понятийных значений. Мы также определили проблему несовпадения семантического значения терминов в одной и той же предметной области в терминологических системах английского и русского языков. В данном случае необходимо произвести семантический анализ значения терминов в английском и русском языках, чтобы устранить возможные расхождения в их значениях.

Ключевые слова: перевод терминологии; предметная область; международное кредитование; международный займ; семантический анализ значения терминов.

Terminology of any specific study always causes difficulties in relation to its adequate translation. The economic and legal terms in the field of international credit and international lending are no exception to this rule. Even more issues arise in relation to initially economic terms used as a legal notion. The problem area, which is going to be analyzed in this article, is the terms describing relations arising from the field of international credit and international lending.

In the given paper the difficulties in translating the following terms will be considered: *international loan, international lending, international official lending and sovereign lending*. The abovementioned terms are going to be analyzed in framework of their use in the texts on economic and legal problems of international lending.

For appropriate rendering of the meaning of international credit-lending terminology we apply semantic analysis of its definition from English-English dictionaries and references from the professional field of international credit-lending.

Firstly, the issue that needs to be researched is what sense is hidden behind the term ‘*international*’ as related to its polysemantic meaning in collocations with other terms. In the scientific texts of the given field it means the ‘*transnational character of a particular loan*’ and in such a case it can only be referred to the relationship where one of the parties is not a subject of the international law (e.g. a bank, or a transnation-

al corporation). In some other word partnerships it only refer to international lending among international law subjects.

Thus, the term “*sovereign lending*” seems to be the most significant of the above mentioned ones to be depicted. So, the main semantic question here is who are the parties of sovereign loan agreement in this case? Are they both subjects of international law or only one of them?

The semantic logics here starts with the term “*sovereign*”, which corresponds only to one subject of international law – the state. This lets us assume that at least one of the parties shall be a state. A state, as a consequence of its sovereignty, may potentially act as both a lender and borrower. Who and which side can be the other party in sovereign lending relations?

To answer the question, one would better refer to such work of UNCTAD as Principles on Promoting Responsible Sovereign Lending and Borrowing (hereinafter referred to as “Principles”) [2]. This initiative of UNCTAD may be considered as a comprehensive work elaborated in form of consensus and out of best practices of international lending. It is emphasized that these Principles are norms that help parties avoid possible drastic consequences of international lending. Their practical use and applicability also argues in favor of their significance and credibility [2].

Chapter II of the Principles refers to Responsibilities of sovereign borrowers. Its Article 8 says: “Governments are agents of the State and, as such, when they contract debt obligations, they have a responsibility to protect the interests of their citizens. Where applicable, borrowers should also consider the responsibility of lenders’ agents toward their organizations.” So, the borrower in case of sovereign lending may only be presented as the state.

The Principles do not answer in a straight way who can be the other party but the whole sense of the text not in a single sentence does exclude other actors (like banks, transnational corporations). Moreover, upon the text there comes distinction between sovereign and other objects that are named as a “*lender*”.

Across the texts the parties are named as borrowers and lenders. Borrowers, at the same time are named as sovereign borrowers or just borrowers. In the latter case by means of Implications, which are comments to the sections, the “*borrower*” is also considered as a “*sovereign*”, i.e. a “*state*”.

So, the “*international loan*” is the relationship between the parties, where a borrower is a sovereign – a state – and a lender is any other actor (not only international law subject).

The next issue is the difference between “*sovereign lending*” and “*sovereign loan*”. Comparison between the Russian and English versions of the text shows the inconsistency in the use of the terms.

The term ‘*sovereign lending*’ presents at the title of the work and its literal translation into Russian means «*суверенное кредитование*». The Russian version of the UNCTAD document translates sovereign lending “*through practice of sovereign lending*”.

The Russian equivalent for lending is “*кредитование*” or «*предоставление кредита*» i.e. the process that includes some stages like negotiation, granting of loan and etc.

Another linguistic problem is the proper translation of the term “*sovereign loan*”. The important issues to be remembered during its translation are the following. Sovereign loan is the type of the agreement and the substance of legal relationships

between the parties. So it should not be translated as a process of granting monetary funds, which is lending. The other point is the proper qualification of the transaction.

The thing is that in Russian version of the work we also face some inconsistency with the use of the terms [3]. A loan, which is a gratuitous of monetary funds or other things, might be a transaction implicating percent for the use of such things or money or may not. Whereas the term “*loan*” in the Russian language means «займ». Still, the translation in Russian is also put like «кредит». The latter is equivalent to the credit, which is always a transaction implicating percent for use of transferred things.

The next term, which constitutes a part of “*international lending*”, is “*international official lending*” or “*official lending*” where “*official lending*” means lending “*relations solely between states*”.

For proper rendering of the meaning of economic and legal terms we need to focus on the semantic analysis of its definition which may come both from explanatory dictionaries and legal or economic sources [5].

So, here we will analyse the key terms in the professional field of international crediting and lending from the viewpoint of semantic approach. According to its definition, the *international sovereign loan* is viewed as the transaction between the parties one of which (a borrower) is certainly a state and the other one any other actor of international economic relations in framework of which monetary funds or other things are transferred either with or without percent for their use [2].

Secondly, the term *international lending* is a process of gratuiton of monetary funds or other things in accordance with international loan agreement and arranging of the agreement [2].

And thirdly, *credit* is the type of agreement in which case the monetary funds or other things are granted by one party to the other with obligatory condition of paying off a percent for its use [2].

In this respect, regarding the semantic analysis we have to review all the relevant meanings of the terms in order to render the exact meaning of the credit-lending terminology.

Semantic approach helps to understand the differences in word meaning of the terms in question. We have stated the problem that in different terminological systems the semantic meaning of the terms even in one and the same field do not coincide [4, c. 83] and the difficulty in terminology translation is to make it possible for the two systems not to contradict each other. In this way, the electronic system is regarded as a tool which can help in identifying the correlation between the English and the Russian terms in their semantic scope. Thus, semantics is also essential in making lexical transformations while applying translation techniques when it is impossible to find the right equivalent of the term [5].

As the result of the semantic analysis we have found out that for the correct translation of the meaning of international credit and international lending we have to compare the Russian version of the UNCTAD document with the way the same terms are translated in the English version of the UNCTAD document.

REFERENCE

1 Carlos Esposito, Sovereign Financing and International law: The UNCTAD Principles on Responsible Sovereign Lending and Borrowing [Electronic resource] / Carlos Esposito. – Mode of access: [https:// books.google.by /books?id= gfL1AAAAQBAJ& printsec =frontcover &dq =legal+issues +of+international + loans&hl=ru&sa=X&ved.](https://books.google.by/books?id=gfL1AAAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=legal+issues+of+international+loans&hl=ru&sa=X&ved.) – Date of access: 10.11.2018.

2 Principles on Promoting Responsible Sovereign Lending and Borrowing [Electronic resource]. – 2018. – Mode of access: [https:// unctad.org/en/ Publications Library /gdsddf2012 misc1_en.pdf](https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/gdsddf2012misc1_en.pdf). – Date of access: 11.12.2018.

3 Принципы поощрения ответственной практики суверенного кредитования и заимствования [Electronic resource]. – 2018. – Mode of access: [https://unctad.org /en/PublicationsLibrary /gdsddf2012misc 1_ru.pdf](https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/gdsddf2012misc1_ru.pdf). – Date of access: 11.12.2018.

4 Макаревич, Т. И. Интеллектуальный анализ текстовой информации предметной области информационно-коммуникационных технологий в системе электронного правительства / Т. И. Макаревич // Управление информационными ресурсами : материалы XV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 7 дек. 2018 г. / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь ; под общ. ред. Г. В. Пальчика; редкол.: Д. Н. Бондаренко [и др.]. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2018. – С. 83 – 85.

5 Макаревич, Т. И. Специфика перевода многозначности в юридической терминологии / Т. И. Макаревич, А. О. Сацук // Курсовой проект на «отлично»: методич. рекоменд. для студ-в фак-та междунар. отн-ний по учеб. дисц. «Теория и практика перевода»; под общ. ред. И. Н. Ивашкевич. – Минск: РИВШ, 2015. – С. 92 – 96.

СЕКЦИЯ 7

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ

ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ОБРАЗА ПРИРОДЫ В ТУРЕЦКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Р.В. Гладких¹⁾, А.Н. Овчинникова²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, snake-96@mail.ru

²⁾Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, o.alnick17@gmail.com

В статье проблема лексической реализации precedentного содержания турецких пословиц (atasözü) решается в лингвокультурологическом аспекте перевода. Культурно значимая информация передается в оригинале и переводе текста разными лексическими компонентами и формирует у носителей турецкого и других языков разные культурные картины мира. Культурный код турецких пословиц эксплицирован во взаимосвязи precedentных образов Природы (Космос, Человек, Любовь, Бог). Понятие «precedентный образ» эмпирически опирается на понятие «этностереотип». Информационные (универсальные и национально-культурные) компоненты precedentной семантики раскрываются через турецко-русские соответствия, идентифицирующие отношение носителя турецкой культуры к миру природы и осознание себя частью природы. На конкретных примерах демонстрируется сходство и различие турецкой и русской картин мира по национально-культурному информационному компоненту.

Ключевые слова: турецкий язык; турецкие пословицы; precedentный текст; precedentный образ Природы; этностереотип.

LEXICAL EXPLICATION OF PRECEDENTED IMAGE OF NATURE IN TURKISH PROVERBS

R. V. Gladkih^a, A. N. Ovchinnikova^b

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

^bBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

Corresponding author: A. N. Ovchinnikova (o.alnick17@gmail.com)

The article deals with the problem of the lexical explication of the precedent meaning of Turkish proverbs (atasözü) in the linguistic and cultural aspects of translation. Culturally significant information is transmitted in the original and in the translation of the text by different lexical components. As a result it forms different cultural pictures of the world for Turkish speakers and native speakers of other languages. The cultural code of Turkish proverbs is explicated in the interrelationship of the precedent images of Nature (Space, Human being, Love, God). The concept of «precedent image» is empirically based on the concept of «ethno-stereotype». The information (universal and national-cultural) components of the precedent semantics are revealed through Turkish-Russian translation matches. These matches identify the attitude of the carrier of Turkish culture to the world of nature and its awareness of being a part of nature. Specific examples demonstrate the similarities and differences between the Turkish and Russian pictures of the world in accordance with the national-cultural information component.

Keywords: Turkish language; Turkish proverbs; precedent text; precedent images of Nature; ethnic stereotype.

Серьёзной проблемой культурологии является отсутствие общепринятого определения самого объекта изучения данной науки. Т.Ф. Кузнецова отмечает:

«К настоящему времени насчитывается более *пятистот определений культуры*. И сложилось мнение, что определение культуры – самое слабое место, самая уязвимая позиция культурологии» [1, с. 7]. Мы считаем, что при таком количестве все определения понятия «культура» должны опираться на базовый информационный компонент, связывающий значения термина на междисциплинарном, межотраслевом уровне научного знания.

Язык как способ постижения социокультурной действительности строится согласно правилам и законам этой реальности. В естественном языке материализуются, воплощаются конкретные явления культуры. Данное положение подтверждается на примерах прецедентных текстов и образов. Так, турецкие пословицы и поговорки, обозначаемые одним термином **atasözü**, способствуют всестороннему познанию культуры этноса, а также являются надёжным источником сведений о системе норм и идеалов в турецком культурном пространстве. Актуальность исследования прецедентных текстов соотносится с углублением лингвострановедческой парадигмы знаний, позволяющих адаптировать содержание национально-культурных текстов к их адекватному пониманию носителями других языков.

Исследование турецких прецедентных текстов позволяет выявить универсальный ряд межкультурных сходств и национально-культурных различий. Культурно значимая информация передаётся в оригинале и переводе текста разными лексическими компонентами и формирует у носителей турецкого и других языков разные культурные картины мира.

Под *прецедентным текстом* мы понимаем воспроизводимый культурологически значимый текст – текст, созданный на данном языке в данной культуре. Рассмотрение прецедентных образов эмпирически опирается на понятие *этностереотип*. В контексте данного исследования *этностереотипом* обозначается национально-культурный повторяющийся элемент представления, основанный на первичных понятиях о мире, но преобразованный в прецедентных текстах с учётом особенностей национального мировосприятия (А.Н. Овчинникова, Р.В. Гладких) [4; 1]. Данное определение восходит к процедурально значимому определению стереотипа, предложенному в комбинаторной семантике (А.Н. Гордей) [2].

Приведём примеры реализации турецкого этностереотипа: **«Karıñ soğuşu, kadının soğuşundan iyidir.** – *Холод снега лучше, чем холодность женщины»*; **«Kadın var kardan soğuk kadın var kordan sıcak.** – *Есть женщины – холоднее снега, есть женщины – горячее углей»* [8]. Повторяющимися элементами являются «женщина» и противопоставление «холодная – горячая», на основании чего можно сделать вывод, что «женщина – холодная / горячая» является этностереотипом турецкой лингвокультуры. В пословицах речь идёт об исконно мужском восприятии женщины. В другом примере реализации культурной семантики «турецкая пословица **«Ayı gördüm, yıldıza itibarım (minnetim) yok»** (буквальный перевод: *Видел месяц и на звезду не обращаю внимания*) означает *«Когда привык к чему-то хорошему и не согласен с плохим, то не хочешь возвращаться к плохому»*. Следовательно, *Месяц ярче Звезды*. Интересно, что для ближневосточной мусульманской культуры и для Турции, как наследницы Великой Османской империи, *Месяц* является главным символом *Света*. В русской языковой картине мира символом *Света* является *Звезда* («Светит незнакомая

звезда...»). *Звезда* всегда освещает *Путь* (Путеводная Звезда). *Звезда* – это *Счастье* (Звезда пленительного счастья). *Звезда* – это *Любовь*, а значит, *Жизнь* (*Гори, гори, моя звезда*)» [1, с.226-227].

В качестве установленного объекта исследования выступают реализованные компоненты семантики природы – *КОСМОС*, *ЧЕЛОВЕК*, *ЛЮБОВЬ*, *БОГ* (*АЛЛАХ*). Лингвокультурологическое содержание турецких пословиц последовательно раскрывается через русские соответствия, идентифицирующие *отношение* носителя турецкой культуры к *миру природы* и *осознание* себя частью природы.

КОСМОС. Представление языковой картины мира на примере естественных природных образов – образов космизма и их лексических реализаций **Yıldızı** «Звезда», **Güneş** «Солнце», **Gök** «Небо», **Ay** «Луна / Месяц» – дает непосредственную возможность рассмотреть вековой опыт народов. Абсолютно все народы в течение всего своего существования могли наблюдать за небесными телами, видеть различные явления: падение звезд, перемещение созвездий по ночному небу, солнечные и лунные затмения. В ряде случаев языковая и культурная (русская и турецкая) картины мира совпадают: **Yıldızı parlamak** – *Сверкать как звезда – Родиться под счастливой звездой*. Употребляется в значении: *Обрести славу (из-за своего успеха)*. **Gözden düşmek, şans dönmek** – *Звезда закатилась – Звезда гаснет*. Употребляется в значениях: *Упасть в глазах, потерять славу*. **Yıldızı parlamak** – *Сверкать подобно звезде – Обрести славу, удачу, успех*; **Yıldızına bakmak** – *Смотреть на звезды – Мечтать; гадать; верить в свою судьбу, будущее*;

В ряде же случаев картины мира расходятся по национально-культурному информационному компоненту. Например: **Yıldızları barışıklamak** – *Следовать за звездой*. Буквально: *Звёзды находятся в мире*. Употребляется в значении: *Примиряться с действительностью и быть в гармонии с окружающим миром*. **Yıldızları barışmak** – *Счастливым концом, прийти к счастливому концу* (буквально: *Мирить, примирять звёзды*). Интересно, что в русской картине мира представление о «примирении звезд» отсутствует. Возможен вариант «душа в душу», но в этом случае упоминается гармония между несколькими людьми, а не гармония мира в целом [1, с. 225-227].

К Солнцу во всех культурах люди относились с уважением и трепетом. Солнце считали неугасаемым, непобедимым. Лексическая реализация образа *Солнца* передаёт семантику явного, очевидного и необходимого. В пословице «**Güneş balçıkla sıvanmaz**» [6] – *Солнце глиной не замазать*» имеется в виду: *Очевидную вещь никак нельзя скрыть*. Пословица «**Güneşte yanmayan gölgenin kıymetini bilmez**» [6] – *Кто никогда не был опалён солнцем не узнает ценность тени* имеет русское соответствие *Пока не потеряешь – не пожалеешь*.

В ряде примеров мы видим, что турецкая картина мира связана с образом *Звезды* больше, чем русская. Вероятно, турки уделяли звездам несравненно большее внимание, чем славяне. Отметим, что тюркские народы были более осведомлены о небе, звёздах и явлениях космизма в целом, чем другие народы. Об этом свидетельствуют факты прецедентной семантики турецких фразеологизмов и пословиц [5].

Лексическая семантика прецедентного образа природы реализуется в составе информационного комплекса универсального и национально-культурного компонентов.

ЧЕЛОВЕК. Продуктивными реализациями образа природы являются сравнение и установление соответствий с образом Человека. Наиболее часто в турецких поговорках встречается сравнение человека с деревом и его частями. Например: «**Ağaç sevgisi olmayan evlat sevgisi olmaz.** – У того, кто не любит деревья, и к детям любви не будет»; «**Acele bir ağaçtır, meyvesi pişmanlıktır.** – Торопливость – дерево, плод которого – сожаление»; «**Ağaç kökünden kurur (şürür,yıkılır).** – Дерево с корня засыхает (гниет, валится)»; «**Ağacı kurt, insanı dert yer.** – Дерево подтачивает червяк, а человека – проблемы»; «**Otu çek köküne bak.** – Сорви траву, посмотри на ее корень» [6].

В турецких пословицах отражено, что и человек, и дерево, являясь частью природы, имеют сходство на фоне других реалий природы: *червь* – проблемы, беспокойство, сомнение, осознание собственного ничтожества; *листва* деревьев в турецких пословицах – одежда, облачение, внешний вид; *плоды* – поступки, деяния человека (отрицательные или положительные); *корень* – окружение человека (родные, друзья, знакомые). Как человек есть часть природы, так и природа является частью человека.

В турецких прецедентных текстах лексически эксплицирована взаимосвязь образов ЧЕЛОВЕК – ЛЮБОВЬ – БОГ, каждый из которых является априорной частью остальных образов. Приведём примеры, прецедентные для турецкой лингвокультуры.

ЛЮБОВЬ. «**Deniz dalgasız olmaz, gönül sevdasız olmaz.** – Моря не бывает без волн, сердца – без любви»; «**Aşk bir deryadır, dalmayan bilmez.** – Любовь – это река, кто не нырнет, тот не познает» [7]. **Вода** во всех её природных проявлениях (море, река, волны) сравнивается с любовью. Как вода является неотъемлемой частью природы, так и любовь – неотъемлемая часть человека. И вновь неотъемлемый элемент мира природы предстаёт как элемент мира человека.

БОГ. Природа – инструмент, проводник мыслей, желаний и намерений Бога. Если Бог хочет сделать человека богатым, то даёт ему деньги и вещи из совершенно неожиданных мест. Но он даст ровно столько, сколько нужно. Если человек сделал всё, что в его силах, но больше не может помочь себе сам, то Бог придёт на помощь. Человеку, не способному понять и принять божественный дар, Бог не подарит ничего. Например: «**Allah verirse el getirir, sel getirir, yel getirir**» [9]. – Если Аллах даёт, то и руку подаст, и наводнение с штормом вызовет; «**Köpeğin duası kabul olsaydı, gökten kemik yağardı**» [9]. – Если бы молитвы собаки были приняты Аллахом, то с неба сыпались бы кости; «**Allah uçamayan kuşa alçacık dal verir**» [9]. – Аллах даёт нелетающей птице самую низкую ветку.

Человек как часть образа Природы связан с образом Бога. Важно отметить, что во всех турецких пословицах, связанных с Богом, именно Аллах контактирует с человеком. Привилегии контактировать с Богом у человека, к сожалению, нет, однако трепетное отношение, любовь и уважение к Аллаху передается через большое количество прецедентных высказываний, используемых в повседневной жизни. Человек, созданный по образу и подобию Бога, не обделён любовью и заботой Создателя, что мы можем наблюдать на примере прецедентных выска-

званий: «**Körün istediği bir göz, Allah verdi iki göz**» [9]. – *Слепой хотел один глаз, Аллах дал два.* «**Allah gayret edenin yardımcısıdır**» [9]. – *Бог помогает тому, кто старается.* Мы видим, что в турецкой лингвокультуре человек высказывает своё уважение к Богу употреблением данного образа в прецедентных текстах и, тем самым, становится ближе природе.

Лингвокультурологический анализ образа Природы в турецких прецедентных текстах, проведённый в статье, показал, что мир Человека и мир Природы связаны с универсальными и национально-культурными компонентами семантики (Космос, Бог, Любовь) и их лексическими реализациями (Звезда, Солнце, Небо, Месяц, женщина, снег, горы, дерево, корень, цветок, вода, море, река и др.). Древние тюрки не раз обращали внимание на похожесть многих элементов природы и человека и передавали свои наблюдения в многочисленных прецедентных текстах.

Пословицы и поговорки, как часть культуры народа и носители национально-культурной (этностереотипной) информации, всегда будут представлять актуальность для научных отраслей языка и культуры. Благодаря знаниям о *культурной картине мира* и самобытной культуре каждого народа становится возможным отличить культуру одного народа от культуры другого.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гладких, Р.В. Об одном из лексических соответствий в аспекте турецкой и русской лингвокультурологии: «Свет Звезды» / Р.В. Гладких // Карповские научные чтения: сб. науч. ст. Вып. 10. В 2-х ч. / редкол.: А.И. Головня [и др.]. – Минск : ИВЦ Минфина, 2016. – Ч. 1. – С. 225-227.
2. Гордей, А.Н. Основания комбинаторной семантики / А. Н. Гордей // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. науч. тр. по лексикографии – Гродно : ГрГУ, 2005. – С. 34-37.
3. Кузнецова, Т. Ф. Культурная картина мира: теоретические проблемы: научная монография / Т. Ф. Кузнецова. – М. : ГИТР, 2012. – 249 с.
4. Овчинникова, А.Н. Декодирование модели мира в прикладном аспекте межкультурной коммуникации / А.Н.Овчинникова // Язык и социум: материалы X Междунар. науч. конф., Минск, 15-17 октября 2015 г. / редкол.: И.С. Ровдо (пред.). – Минск : Колоград, 2016. – С. 257-260.
5. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова, И. Г. Добродомов и др. – М. : Наука, 2001. – 821 с.
6. Турецкие пословицы // Турецкий язык [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://turkca.opk.ru/viewtopic.php?id=192>. – Дата доступа: 10.09.2015.
7. Турецкие пословицы и поговорки // Turkeyua [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://turkeyua.wordpress.com/2011/02/19>. – Дата доступа: 15.04.2018.
8. Турецко-русский словарь // Wiki Dil Ansiklopedisi [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ansiklopedi.dilbydil.com/wiki/Kad%C4%B1n>. – Дата доступа: 15.04.2018.
9. En Çok Kullanılan Türkçe Atasözleri // Türkçe de [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.turkcede.org/atasozleri-ve-aciklamalari/575-cok-kullanilan-turkce-atasozleri.html>. – Дата доступа: 15.04.2018.

МИФ О БОРЬБЕ ТИШТРИИ И АПАОШИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ «ОСНОВНОГО МИФА»

А.С. Аскари¹⁾, В.Л. Кадина²⁾

¹⁾ *Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, aryan_askary@yahoo.com*

²⁾ *Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, valeria.kadina1904@gmail.com*

Цель статьи – проанализировать авестийский миф о борьбе язата дождя Тиштрии с дэвом засухи Апаошей в контексте теории «основного мифа», а также выявить сходства древнеиранского мифа с сюжетом о борьбе Громовержца с хтоническим божеством. В статье рассматриваются основные этапы развития структуралистского подхода к мифологическим исследованиям и ключевые положения теории «основного мифа», предложенной советскими учеными В.Н. Топоровым и В.В. Ивановым, предлагаются параллели из иранских мифов и легенд, анализируются сюжетные линии, этимология имен героев, атрибуты праздника Тиреган. Результаты, полученные в настоящей статье, могут быть использованы в процессе преподавания курсов по страноведению Ирана и по исследованиям в области антропологии и сравнительной мифологии индоевропейских народов.

Ключевые слова: теория «основного мифа»; иранская мифология; зороастризм; мотив освобождения вод; борьба Громовержца с хтоническим божеством.

MYTH OF THE STRUGGLE OF TISHTRIA AND APAOSHA IN THE CONTEXT OF THE THEORY OF THE "MAIN MYTH"

A.S. Askary^a, V.L. Kadina^b

^a *Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

^b *Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

The main aim of the article is to analyze the Avestan myth of the struggle of Tishtria, yazata of rain, and Apaosha, daeva of drought, in the context of the theory of the "main myth", as well as to identify similarities between the ancient Iranian myth and the motif of the struggle of Thunderer with Chthonic Deity. The article deals with the main stages of development of the structuralist approach to mythological research and the key ideas of the theory of the "main myth" proposed by Soviet scientists V.N. Toporov and V.V. Ivanov. The article suggests parallels from Iranian myths and legends, analyzes the story lines, etymology of heroes' names, attributes of the Tiregan holiday. The results obtained in this article can be used in the process of teaching courses on Iranian studies and researches in the field of anthropology and comparative mythology of Indo-European peoples.

Keywords: theory of "main myth"; Iranian mythology; Zoroastrianism; motif of water liberation; motif of the struggle of Thunderer with Chthonic Deity.

Цель статьи – проанализировать миф о борьбе язата Тиштрии и дэва Апаоши, а также легенду о лучнике Араше (антропоморфный образ язата Тиштрии) в контексте мотива борьбы громовержца с хтоническим существом с опорой на теорию «основного мифа», предложенную В.Н. Топоровым и В.В. Ивановым. Актуальность исследования заключается в том, что иранские мифы не рассматривались вышеупомянутыми авторами, несмотря на то, что в Авесте и более поздних произведениях сохранились важные сведения, позволяющие дополнить теорию «основного мифа» и установить параллели с другими индоевропейскими мифологическими системами.

Мифы с древних времен спланивали людей и обладали исключительно социальной функцией, что помогало сохранять коллективную идентичность. Они

являлись моделью общественного порядка и были своего рода сводами правил по управлению жизнью общества. Антропологи и представители структурализма Бронислав Малиновский и Ролан Барт считали, что миф мог возникать вследствие реакции на какое-либо природное явление и в последующем облачался словами, что облегчало его понимание и создавало возможность для последующей его передачи через поколения. Мифами в современном обществе занимался также Клод Леви-Стросс, известный структуралист, который в своих работах опирался на идеи Карла Густава Юнга и Зигмунда Фрейд. Теоретическая модель французского ученого стала использоваться в теории «основного мифа» [11, с. 206]. Главным предметом в учении К. Леви-Стросса был язык. Он утверждал, что миф в структурной антропологии является языком. Ученый предполагал, что к мифологии можно приблизиться теми же способами, которыми пользуются при обращении к языку, то есть через структуралистские методы, поэтому он предлагает структуралистскую теорию в мифологии. К. Леви-Стросс говорит, что «миф – это язык, функционирующий на особо высоком уровне, где значение сменяется практически на ‘отрыве’ от лингвистической основы, на которой он продолжает вращаться». При этом сам миф не является языком как таковым, это что-то отдельное, часть человеческой речи [11, с. 206].

В 60-70 гг. XX века появилась новая теория – теория «основного мифа», созданная советскими учеными В.Н. Топоровым и В.В. Ивановым. Ее особенностью был новаторский подход, отличавший ее от других теорий. Суть теории «основного мифа» заключалась в воссоздании общего мифа для родственных народов, что в последующем давало возможность рассматривать другие тексты, которые, возможно, являлись производными основного сюжета. Миф о борьбе Громовержца со Змеем стал главным мифом в теории, он содержал в себе характеристики духовной и материальной жизни древних славян [2, с. 3]. Для конструирования «основного мифа» было взято два сюжета, которые были сопоставлены друг с другом. Первый – ведический сюжет о борьбе Индры с демоном Вритрой и освобождении Индрой скованных вод; и второй – сюжет из балтийской мифологии о борьбе Перуна и Велеса. По мнению авторов теории, сюжет «основного мифа» стал базисным сюжетом, на который опираются при создании всех мифологических концепций индоевропейских народов. В.Н. Топоров и В.В. Иванов реконструируют миф, основываясь на белорусской и литовской традициях, используя при этом различные жанры текстов, в которых упоминались герои мифа. В своих исследованиях они делают упор на тексты со схожим сюжетом и приходят к выводам о том, где обитают Громовержец и Змей, как похищается и освобождается скот, как перевоплощается Змей и как Громовержец его побеждает [2, с. 4].

Схожий сюжет существует и в Авесте. Речь идет о мифе о борьбе Тиштрии и Апаоши и об истоках легенды о лучнике Араше. *Araush* (آرش [ārash]) имеет иранское происхождение и упоминается в Авесте, в пехлевийской и средневековой иранской литературе, а также в ряде современных произведений. По одной из версий имя *Araush* в персидском языке, вероятнее всего, означает ‘праведность’, ‘великолепие, способность’ [15; 7], ‘истина’ [7]. По иной версии, значение имени соответствует персидскому слову *درخشنده* [derakhshande] и восходит к корню **rauxšn* ‘блистать’. По всей видимости, слово происходило от авестийского корня **raoxšna* (‘блистающий’, ‘великолепный’), который в последующем

был заимствован манихейским и зороастрийским пехлеви: **rwšn* → **lwšn* /*rōš(a)n*/ [8, с. 346]. Существует иная версия: авестийская форма имени (*Eraxša*) произошла от индоиранского корня **rkša*, от которого, видимо, произошло санскритское *rkṣá* ('голый', 'лысый') [1]. Таким образом, этимологию имени *Ārash* можно представить следующим образом: *Эрехшиа* (авест.) → *Ираш*, *Эраш*, *Эреш* (среднеперс.) → *Араш* (новоперс.) [12].

Авест. *Тиштрия*, пехл. *Тиштар*, перс. *Tir* (تیر [tir]) – это язат Сириуса, звезды, появление которой знаменовала начало сезона дождей [4, с. 986]. В «Тиштар-яште» (13:44) говорится о том, что Ахурамазда выбрал Тиштрию покровителем всех звезд, которые ей поклонялись. Бернхард Форсманн в своей работе «Исследование звуков и морфологии авестийского языка» предложил свое толкование, в котором ставит звезду Сириус в непосредственное отношение с тремя звездами Пояса Ориона (Дельта, Эпсилон, Дзета Ориона). В работе он обращает внимание на название звезды и на упоминание ее в нескольких отрывках ведической литературы, где астеризм Пояса Ориона был изображен в виде стрелы под названием *iṣus trikāṇḍā*, пущенной Тишьей (или Рудрой) в сторону Праджапати, чтобы наказать его за сношение со своей дочерью. Таким образом, авестийское *tištriia* восходит к индоевропейскому **tri-str-ijo-s*, что означает 'относящийся к трем звездам'. Кроме того считается, что Тиштрия соответствует ведическому Тишья (*Tiṣya*), одним из имен которого является Пушья (санскр. *Pūṣya* 'питательный, питающий, кормилец') – название восьмой лунной стоянки (накшатры), т.е. созвездие Рака. В Зодиаке Рак относительно близко расположен к Сириусу, поэтому в дальнейшем одним из имен Тишья становится *Pūṣya* [14]. Антагонистом Тиштрии является дэв засухи Апаоша. Его имя традиционно переводят как 'выжигающий', 'высушивающий' (**apa-uša*). Однако если рассматривать имя дэва через призму санскритского имени *Пушья*, то допустим анализ *А-раоша* как «не-Паоша» ('не-питательный, не-питающий, не-кормилец'), что не противоречит функциям дэва [6].

В контексте сюжета о борьбе Громовержца со Змеем можно привести и некоторые параллели из Авесты.

1. Рассмотрим атрибуты Громовержца в теории «основного мифа» и в Авесте. В «основном мифе» в качестве Громовержца представляется славянский бог грозы Перун, которого также называли «Громом». Он являлся мифологическим существом, вооруженным «перуном» в качестве атрибута (с бел. *пярун* – 'гром'), «перуновыми стрелами» или каменными стрелами Громовержца. Также герои мифа использовали оружие из бронзы, коней и колесницы [2, с. 6]. В Авесте в Тиштар-яште есть метафора «*xshviwi-ishush*», которая по предположению Т. Нельдеке имеет значение "Бог, ускоряющий полет стрелы". В Тиштар-яште Тиштрия сравнивается со стрелой Эрехши, «самой быстрой стрелой среди ариев» [10, т. 5, с. 6747]. Араш также в Авесте как выдающийся стрелок. Тиштрия способен принимать другие облики, одним из которых является юноша [3, с. 530], поэтому Эрехшу допустимо рассматривать в качестве антропоморфного образа Тиштрии, поскольку смертному Арашу помогают Ахура Мазда, Бес-смертные Святые и язаты, что нетипично для Авесты. Араш может символизировать победу добра над злом, так как благодаря его подвигу Иран одержал победу над Тураном и установил новые границы державы.

2. В основном мифе Громовержец обитает с солнцем и месяцем на вершине древа жизни, горе или небе [2, с. 6]. В Авесте также упоминается гора. В Тиштар-яше, карде 4, стих 6 Араш сравнивается с блистательной звездой Тиштрией (Сириус) и пускает свою стрелу с горы Арьяхшута к горе Хванавант: «Тиштрию-звезду блистательную, хварную мы почитаем, быстростремительно-го, стремительно летящего, который стремительно прилетает, к морю Воурукаша, как стрела, вольная в духе, которую пустил стремительно летящий Эрекса, самый ловкий стрелок из ариев, с горы Аирьо-хшута до горы Хванвант» [5].

3. Далее по сюжету Змей похищает скот и прячет его в пещере, а Громовержец побеждает Змея, прячущегося под камнем или под деревом. Он раскалывает камень или дерево своим оружием (молнией или молотом), освобождает скот. Победив Змея, Громовержец одаривает землю дождями, а Змей уходит в земные воды [2, с. 6]. В Авесте (Тиштар-яшт) и Бундахишне (глава VII) говорится, что после трех дней тяжелой борьбы Апаоша изгоняет Тиштрию из озера Воурукаша. На помощь язату дождя приходят сподвижники, в том числе и Ахура Мазда, который наделяет Тиштрию силой десяти коней, быков, верблюдов, рек и гор, после чего битва возобновляется. В тяжелой схватке на его стороне выступают язаты Атра (покровитель огня) и Вата (покровитель ветра). Язат огня помещает в булаву Тиштрии огонь Вазишта – молнию. Тиштрия ударяет ею дэва Спенджагра, который помогает Апаоше. Спенджагр корчится от боли и кричит, от чего появляются раскаты грома. Затем Вата посылает ветер на море, чтобы оно поднялось к небу и сформировало тучи. С помощью язата ветра облака застилают всё небо. Тиштрия ниспосылает дождь на землю. Так каждый год облака питаются от моря Воурукаша, а Тиштрия дарует миру влагу.

4. В основном сюжете Змей обладает способностью перевоплощения и в разных обликах он скрывается от Громовержца [2, с. 6]. В Тиштар-яште (6:20-21) говорится о том, что в ходе борьбы Тиштрия превращается в белого коня, а Апаоша – в безобразного черного коня: «И подходит, о Спитама Заратуштра, Тиштрия блистательный, хварный к морю Воурукаша в образе коня - белого, прекрасного, желтоухого, златоузлого. А навстречу ему ковыляет дэв Апаоша [засуха] в образе черного коня с паршивыми ушами, с паршивой головой, с паршивым хвостом, лысого, со страшной уздой» [5].

Считалось, что в день победы Тиштрии над Апаошей совершил свой подвиг и лучник Араш (в день Тир месяц Тир). По легенде лучник Араш был иранским богатырем, героем и воином, который должен был пустить стрелу, чтобы установить границу между Ираншахром и Тураном. Около полудня она приземлилась неподалеку от реки Джейхун (Амударья) на корни дерева грецкого ореха, больше которого по размерам в мире не существовало. Там и была установлена граница между Ираном и Тураном, и каждый год в память об этом дне отмечается праздник Тиреган [10, т. 1, стр. 106].

В книге «Оставшиеся знамения прошлых веков» Абу Рейхана Бируни [13, с. 205-206] в сюжете появляется ангел земли Спендармад, который является персидским аналогом авестийской Спента Армаити, Святого Благочестия (одна из Бессмертных святых и покровительница земли и плодородия). Спендармад приказывает Арашу взять в руки лук и стрелу и установить границы Эраншахра. Далее «Великий Бог Ормазд, приказал ангелу ветра охранять стрелу». Здесь мы можем провести параллель с зороастрийским обрядом *тиробад* (перс. تیروباد [tir-

o-bād], букв. ‘стрела и ветер’). В каждом месяце зороастрийского календаря есть день Тир (день язата Тиштрии) и день Бад (день язата ветра). В день Тир месяца Тир зороастрийцы отмечают праздник Тиреган. В этот день особым атрибутом является браслет или лента под названием “тиробад”, которая часто состоит из семи шелковых нитей разных цветов (обычно используются цвета радуги). За день до начала праздника люди убирают в доме и во дворе. Наутро праздничного дня они моются и надевают новую одежду. Семь разноцветных нитей скручивают в виде тонкой струны. Утром дня Тир зороастрийцы надевают этот браслет себе на запястье. Пронесив ленту 10 дней, в день Бад они развязывают ее и, став на возвышенное место (это может быть крыша дома), пускают ее по ветру [9]. В связи с этим, можно отметить интересный языковой факт. На персидском языке выражение *лук и стрелы* будет звучать как *تیرکمان* [tirkamān], букв. ‘стрела-лук’), а радуга – как *رنگین کمان* ([rangin kamān], букв. ‘цветной лук’) или *تیراژه* ([tirāzheh], возможно являются однокоренными слову *تیر* [tir] ‘стрела’). Учитывая, что после дождя часто появляется радуга, наличие слов со значением ‘лук’ или ‘стрела’ в свете авестийского мифа и традиции *тиробад* не является случайным.

Таким образом, «основной миф» сохраняется в Авесте и иных иранских памятниках, в которых были найдены упоминания о лучнике Араше как антропоморфном воплощении язата Тиштрии. Иранские писатели и поэты используют легенду об Араше, рассказывая в своих произведениях об истоках праздника Тиреган и добавляя исторический контекст, что приводит к десакрализации мифа. Благодаря сведениям из Авесты и Бундахишна, мы смогли установить, миф о борьбе Тиштрии и Апаоши принадлежит к циклу индоевропейских мифов о борьбе Громовержца со Змеем, рассмотренных В.Н. Топоровым и В.В. Ивановым в рамках теории «основного мифа».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бахман-яшт // Livejournal [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <http://bahmanjon.livejournal.com/80008.html>. – Дата доступа: 15.01.2019.
2. Иванов, В.В. Исследования в области славянских древностей / В.В. Иванов, В.Н. Топоров. – М. : Наука, 1974. – 341 с.
3. Мифологический словарь / гл.ред. Е.М. Мелетинский. – М. : Советская Энциклопедия, 1990. – 672 с.
4. Мифы народов мира: Энциклопедия в 2-х т. / гл.ред. С. А. Токарев. – М. : Издательство "Советская Энциклопедия", 1991. – Т.1: А – К. – 1991. – 671 с.; Т.2: К – Я. – 1992. – 719 с.
5. Тештар-яшт // Благоверие [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: <http://blagoverie.org/avesta/yashti/yasht8>. – Дата доступа: 12.01.2019.
6. Apōš // Encyclopædia Iranica [Electronic resource]. – 2018. – Mode of access: <http://www.iranicaonline.org/articles/apos-the-demon-of-drought>. – Date of access: 10.01.2019.
7. Ārash // Abadis.Ir [Electronic resource]. – 2017. – Mode of access: <https://dictionary.abadis.ir/fatofa/>. – Date of access: 24. 12. 2018.
8. Cheung, J. Etymological Dictionary of the Iranian Verb / J. Cheung. – Leiden-Boston : BRILL, 2007. – 625 p.
9. Dastband-e tir-o-bād // Wikipedia: Free Encyclopedia [Electronic resource]. – 2017. – Mode of access: https://fa.wikipedia.org/wiki/تیرگان#دستبند_تیر_و_باد. – Date of access: 15.04.2018.
10. Dehkhoda, A.A. Loghatnāme: in 16 vols. / Chief Editors: Mohammad Mo'in & Ja'far Shahidi. – The 2-d edit. – Tehran : Tehran University Publications, 1998-1999. – Vol. 1: Ā. – 1998. – 1599 p.; Vol. 5: T. – 1998. – 1590 p.
11. Lévi-Strauss, C. Structural Anthropology / C. Lévi-Strauss; trans. Claire Jacobson. – New York : Basic Books, 1963. – 410 p.

12. Persian Names // Behind the Name [Electronic resource]. – 2013. – Mode of access: <https://www.behindthename.com/names/usage/persian>. – Date of access: 14.01.2019.

13. The chronology of ancient nations by Muhammad ibn Ahmad Biruni // Archive.Org [Electronic resource]. – 2018. – Mode of access: <https://archive.org/details/chronologyofanci00biru>. – Date of access: 23.12.2018.

14. Tištrya // Encyclopædia Iranica [Electronic resource]. – 2018. – Mode of access: <http://www.iranicaonline.org/articles/tistrya-2>. – Date of access: 23.12.2018.

15. Zoroastrian names // Avesta.Org [Electronic resource]. – 2018. – Mode of access: <http://www.avesta.org/znames.htm#avestan>. – Date of access: 23.12.2018.

ТЕРМИН 混 HÙN В РАННИХ ДАОССКИХ ТЕКСТАХ

В. В. Климович

Белорусский государственный университет

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, victoria.klimovich@gmail.com

В статье рассматривается один из наиболее многозначных терминов ранней даосской философии – 混 hùn ‘хаос’. Цель статьи – выявить значение данного термина в космогонической, антропогонической и социально-политической интерпретациях. В качестве объекта исследования нами были выбраны три текста, относящиеся к раннему даосизму: «Даодэцзин», «Чжуан-цзы» и «Ле-цзы». Актуальность данной темы связана с тем, что на эпоху Чжоу в Китае приходится период формирования важнейших философских концепций, которые на протяжении веков во многом обуславливали развитие традиционной китайской науки, социальной и политической мысли, искусства и сохраняют свое влияние до сих пор на уровне архетипических образов и понятий. Активное взаимодействие между белорусским и китайским народами в политической, экономической и культурной сферах обуславливают необходимость развития в Республике Беларусь всесторонних научных исследований китайской цивилизации, в том числе и основополагающих философских понятий.

Ключевые слова: философия эпохи Чжоу; хаос; хуньдунь; космогенез; социально-политические идеи раннего даосизма.

CONCEPT 混 HÙN IN EARLY TAOIST TEXTS

Klimovich V.V.

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article deals with one of the most multivalent term of early Taoist philosophy – 混 hùn ‘chaos’. The purpose of the article is to define the term in cosmogonic, anthropogonic and socio-political context. The object of research: tree texts of early Taoism: “Dao de jing”, “Zhuang-tzu”, “Lie-tzu”. Taoism has influenced and continues to influence culture and ideology of Chinese society; many characteristic features of Chinese world view are closely connected with the concept of chaos, which was formed in early stage of Taoism The research is relevant to Belarusian society as active interaction between the Belarusian and Chinese peoples in the political, economic and cultural spheres necessitates the development of comprehensive scientific research of the Chinese civilization in the Republic of Belarus, including the research of fundamental philosophical concepts.

Keywords: philosophy of Zhou dynasty; chaos; hundun; cosmogenesis; socio-political ideas of early Taoism.

Период Чжаньго (V – III вв. до н.э.) является одним из важнейших в истории развития китайской цивилизации. В это время происходит разрыв с мифологическим мышлением, становление философской мысли и формирование идей, которыми до настоящего времени живет китайское общество. В Китае процесс

выхода за рамки мифологического мышления происходил в первую очередь в русле развития социально-политической мысли и формирования конфуцианских доктрин. Соответственно, образы и идеи мифологии были вытеснены на периферию духовной жизни общества. На этом богатом мифологическом материале в V – III вв. до н.э. начинает формироваться даосизм, который смог органично смешать воедино широкий пласт народных верований и строгую философскую традицию. Идеи даосизма отражают особенности восприятия мира не узкого круга чиновников, а широких слоев общества, что на протяжении веков делало даосизм источником вдохновения для поэтов, писателей и художников. В тесной взаимосвязи с даосскими концепциями оказываются многие особенности современного китайского мировоззрения, что в настоящее время делает даосизм популярным направлением исследований.

Перед тем, как приступить к анализу термина 混 hùn ‘хаос’ необходимо отметить, что существует несколько вариантов иероглифической записи данного понятия: 混 hùn («Даодэцзин», «Вэнь-цзы», «Хуайнаньцзы» а также в Гоцзяньских рукописях), 渾 hún («Вэнь-цзы», «Хуайнаньцзы»), 渾沌 húndùn («Чжуан-цзы»), 渾淪 húnlún («Ле-цзы»). Такое многообразие вариантов записи обычно для древнекитайского языка, в котором даже в рамках одного текста, возможна запись одного и того же слова при помощи разных иероглифов с одинаковыми или похожими чтениями.

В первую очередь термин 混 hùn ‘хаос’ связан с космогонией. Начиная с «Даодэцзина» (IV – III вв. до н.э.) используется для обозначения изначального состояния вселенной, когда все вещи были слиты в таинственном, непознаваемом и безграничном единстве. Примером такого использования данного термина может служить 25 глава «Даодэцзина»: «Есть вещь, рожденная хаосом (混 hùn), появившаяся прежде Неба и Земли» [1, с. 62]¹. В данном фрагменте под «вещью» понимается активный творящий принцип, который порождается изначальным хаосом в процессе его саморазвития, но в отличие от последнего уже принадлежит миру феноменального. В таком космогоническом контексте термин ‘хаос’ становится синонимом основополагающего понятия даосизма – ‘безымянного дао’. Однако отметим, что термин ‘дао’ имеет более широкое значение и может обозначать не только изначальное состояние вселенной, но и основной принцип существования мира, универсальный естественный закон, подразумевающий постоянное циклическое развитие вещей от одного признака к противоположному. Термин 混 hùn в таком значении не употребляется.

В трактате «Чжуан-цзы» (IV – III вв. до н.э.) 混 hùn также преимущественно является термином космогоническим: «Владыкой Южного моря был Поспешный, Владыкой Северного моря был стремительный, а Владыкой Центра – Хуньдунь (渾沌 húndùn). Поспешный и Стремительный часто приходили к Хуньдуню и Владыка Цента радушно принимал их. Поспешный и Стремительный решили отблагодарить Хуньдуня за гостеприимство: «У каждого человека есть семь отверстий, чтобы видеть, слышать, есть, дышать, и только у Хуньдуня их нет, давай исправим это». Каждый день они проделывали в Хуньдуне по од-

¹有物混成，先天地生。

ному отверстию, на седьмой день Хуньдунь умер» [5, с. 132]¹. Первое, что обращает на себя внимание в данном отрывке, это запись понятия хаос в виде бинорма - 渾沌 húndùn, что отсылает к некоторым персонажам китайской мифологии. Наиболее очевидна параллель с божеством Хуньдунь (渾敦 hùndūn), упомянутым в «Каталоге гор и морей». Данное божество похоже на бесформенный красный мешок с шестью ногами и четырьмя крыльями, не имеет глаз и лица [2, с. 73]. Еще один персонаж китайской мифологии, воплощающий в себе архаические представления об изначальном хаосе – злобный зверь Хуньдунь (渾沌 húndùn) – похож на собаку и бурого медведя, лишен глаз и ушей [4]. Оба мифологический персонажа воплощают собой бесформенность, всеохватность и всепроникаемость изначального хаоса, а их безликость подчеркивает отсутствие на данном этапе противопоставления между тем и не-тем. Именно эти мифологические представления и легли в основу космогонии Чжуан-цзы. В творческом воображении философа лишенный лица, как дифференциальных черт, изначальный хаос становится идеальным состоянием мира, воплощением единства, воспринимающего и воспринимаемого.

В философии Чжуан-цзы хаос является не только начальной, но и конечной точкой развития мира вещей, возвращение к состоянию единства с таинственной первопричиной мира - есть исполнение неизбежного предначертания, естественного закона развития вселенной: «Десять тысяч вещей, одна за другой, все возвращаются к своему корню и становятся неразличимы. Пребывая в изначальном хаосе (渾渾沌沌 húnhún dùndùn) они неотделимы друг от друга, их познание есть их разделение» [5, с. 228]². Такое возвращение мира к исходной целостности не только является исполнением его естественного предначертания, но и наиболее гармоничным состоянием мира.

В космогонии «Ле-цзы» (III в. до н.э. – III в. н.э.) продолжается традиция Лао-цзы рассматривать изначальный хаос без отсылки к мифологическим образам, акцентируя внимание в первую очередь на смешении вещей в первоизначальном хаосе: «Ци, форма и свойства еще были смешаны воедино, поэтому, такое состояние называлось хаосом. Это обозначает, что все вещи едины и еще не разобщены» [3, с. 4]³. В данном фрагменте 渾淪 даже не используется в значении 'хаос', а обозначает процесс 'смешение воедино', вид полноценного термина для обозначения изначального состояния вселенной он приобретает за счет грамматических средств. Это отражает основную тенденцию использования данного термина в космогоническом аспекте. С развитием философского даосизма и его распространением исчезает необходимость использования мифологических понятий для популяризации даосских идей, соответственно, в более поздних памятниках термин 'хаос' почти полностью вытесняется термином 'дао' и используется либо в цитатах из «Даодэцзина» или «Чжуан-цзы», либо в значении 'смешиваться'.

¹ 南海之帝為儵，北海之帝為忽，中央之帝為渾沌。儵與忽時相與遇於渾沌之地，渾沌待之甚善。儵與忽謀報渾沌之德，曰：「人皆有七竅，以視聽食息，此獨無有，嘗試鑿之。」日鑿一竅，七日而渾沌死。

² 萬物云云，各復其根，各復其根而不知。渾渾沌沌，終身不離；若彼知之，乃是離之。

³ 氣形質具而未相離，故曰渾淪。渾淪者，言萬物相渾淪而未相離也。

Однако, понятие 混 hùn используется не только в космогонических фрагментах. Оно также обозначает важнейшую характеристику изначального хаоса – целостность, неделимость и неопределенность. В таком значении оно используется в фрагментах, посвященных образу совершенномудрого. Здесь необходимо отметить, что в даосской философии представления о смысле человеческой жизни и образ совершенномудрого находятся в тесной связи с космогоническими представлениями, в частности с представлениями о дао как таинственном и непознаваемом первоначале вселенной. Совершенномудрым может считаться тот, кто достигает на уровне самоорганизации тождественности с дао, т.е. тот, кто сумел развить в себе такие качества, как простота, податливость, знание меры, следование естественности. Одним из таких важнейших признаков является целостность (混 hùn). «Смотрю на него и не вижу, и потому назову его великим, слушаю его, но не слышу, и потому назову его беззвучным, стремлюсь к нему и не могу достигнуть, и поэтому назову его крошечным. Этих трех нельзя разделить, они слиты воедино (故混而為一 gù hùnrwéiyī)» [1, с. 37]¹. Будучи перенесенным на образ совершенномудрого этот признак получает значение ‘смутный’, ‘неясный’ и подразумевает, что высшая мудрость лежит за границами разделения мира на противоположности и подразумевает видение разрозненных вещей как целого. Этот образ наиболее полно раскрывается в 15 главе Даодэ-зина: «В древние времена благородный муж постигал сокровенное, глубину которого не постичь. Мы не можем постичь его, можем только описать. Он осторожен, как будто переходит реку по тонкому льду. Он нерешителен, как будто опасается своих соседей. Он полон достоинства, как гость. Он податлив, как будто тающий лед. Он бесхитростен как сама простота. Он необъятен как долина. Неясен (混 hùn), словно мутная вода. Он может, пребывая в покое, грязное сделать чистым. Он может, пребывая в долгом движении, дать жизнь безмятежному. Он следует Дао и не стремится к наполненности. Он не стремится к наполненности, а потому может избежать превращению в противоположное» [1, с. 38-39]². Данный фрагмент прекрасно иллюстрирует перенос качеств изначального дао, в том числе его целостной природы на человека.

Эта же идея необходимости возвращения к исходному единству является основой и социально-политических представления ранних даосов. Изначальный хаос, как состояние полной, неиспорченной управлением через государственный аппарат, естественности, служит образцом государственного устройства. Говоря о деятельности мудрого правителя, Лао-цзы отмечает: «Пребывая в Поднебесной, мудрец ради нее приводит свое сердце к хаосу (渾其心 hún qí xīn)» [1, с. 116]³. Иными словами, в своей деятельности на благо государства совершенномудрый берет за образец организацию исходного единства, как воплощение естественности, следуя которой можно привести народ к благополучию.

¹視之不見，名曰夷；聽之不聞，名曰希；搏之不得，名曰微。此三者不可致詰，故混而為一。

²

古之善為士者，微妙玄通，深不可識。夫唯不可識，故強為之容。豫兮若冬涉川；猶兮若畏四鄰；儼兮其若容；渙兮若冰之將釋；敦兮其若樸；曠兮其若谷；混兮其若濁；孰能濁以靜之徐清？孰能安以久動之徐生？保此道者，不欲盈。夫唯不盈，故能蔽不新成。

³聖人在天下，歛歛為天下渾其心。

Обобщая вышесказанное, необходимо отметить, что термин 混 hùn используется в ранних даосских текстах в следующих значениях: 1) в космогонических отрывках обозначает таинственное и всеохватное начало вселенной – хаос, с которого начинается процесс образования феноменального мира, и возвращением в который окончится существование оформленных вещей (то есть в этом аспекте является синонимом безымянного дао); 2) один из наиболее фундаментальных признаков изначального дао – целостность – который подразумевает отсутствие противопоставления и делает дао идеальным состоянием, данный признак может быть перенесен на отдельную личность или на общество в целом; 3) обозначение процесса – смешение воедино, которое подразумевает гармонизацию, возвращение к идеальному исходному состоянию человека или общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. 图说老子道德经 / 方韬编著. - 北京: 北京联合出版公司, 2012. - 191 页. = Даодэцзин Лао-цзы с иллюстрациями / под. ред. Фан Тао. – Пекин: Пекинская объединенная издательская компания, 2012. – 191 с.
2. 山海经: 图文珍藏本 / 李润英, 陈焕良注译. - 长沙: 岳麓书社, 2006 – 401 页. = Каталог гор и морей: иллюстрированное издание / под ред. Ли Жуни, Чень Хуаньян. – Чанша: Юэлу, 2006. – 401 с.
3. 列子 / 李建国、梁晓鹏译注. - 北京: 中华书局, 2005. - 253 页. = Ле-цзы / под. ред. Ли Цзяньго, Лян Сяопэн. – Пекин: Чжунхуа, 2005. – 253 с.
4. 神異經 // 中國哲學書電子化計劃 [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://ctext.org/shenyijing/zh>. – Дата доступа: 12.01.2019.
5. 庄子 / 方勇译注. - 北京: 中华书局, 2010. - 591 页. = Чжуан-цзы / под. ред. Фан Юн. – Пекин: Чжунхуа, 2010. – 591 с.

ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ТУРЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ КАК ИНОСТРАННЫХ

А. И. Черникович¹⁾, Е.Л. Дубовик²⁾

*¹⁾Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, raprika96@mail.ru*

*²⁾Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, eldubovik@rambler.ru*

В статье излагаются методологические основания для системного анализа лексико-семантической группы глаголов движения в турецком и русском языках. Рассматриваются способы реализации семантики движения с включённым информационным компонентом перемещения. Новые принципы анализа связаны с результатами сравнения методик преподавания турецкого и русского языков как иностранных. На примерах турецко-русского контекстного перевода демонстрируется проблемный подход к исследованию явлений семантического уровня. Исследование семантики глаголов движения в сравнительном аспекте позволяет актуализировать проблему глубинного механизма формирования национально-культурных компонентов в турецкой и русской языковой картине мира. В ходе проведённого сравнительного анализа выявлен ряд доминирующих семантических коррелятов, уточняющих лексико-семантических характеристики данных глаголов в обоих языках.

Ключевые слова: турецкий язык как иностранный; русский язык как иностранный; семантический перевод; семантические корреляты; глаголы движения

VERBS OF MOTION IN PRACTICE OF TEACHING TURKISH AND RUSSIAN LANGUAGES AS FOREIGN

A.I. Chernikovich^a, E.L. Dubovik^b

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

^bBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Corresponding author: A.I. Chernikovich (paprika96@mail.ru)

The article presents the methodological basis for the system analysis of lexical-semantic group of motion verbs in the Turkish and Russian languages. The ways to implement motion semantics including information component of movement are considered in this work. The new principles of the analysis are connected with the results that were gained by comparing methods of teaching Turkish and Russian as foreign languages. The problem-based approach to the study of semantic phenomena is demonstrated by the examples of Turkish-Russian context translation. The study of the semantics of motion verbs in the comparative aspect allows to actualize the problem of the underlying mechanism for the formation of national cultural components in the Turkish and Russian language picture of the world. The comparative analysis revealed a number of dominant semantic correlates that specify the lexical and semantic characteristics of these verbs in both languages.

Keywords: Turkish as a foreign language; Russian as a foreign language; semantic translation; semantic correlates; verbs of motion.

Для развития новых методологических подходов в теории и практике преподавания турецкого и русского языков как иностранных может оказаться полезной информационная поддержка со стороны лингвистического обеспечения межкультурной коммуникации. «Лингвистический фактор продвижения межкультурной коммуникации заключается в активном привлечении результатов сопоставления изучаемых лингвокультур (русской, белорусской, литовской, польской, английской, арабской, китайской, корейской, персидской, турецкой, туркменской, японской и др.)» [5, с. 246]. Считаем необходимым использовать результаты типологических исследований в практике преподавания иностранных языков. В актуальных работах по типологии, связанных с объектом нашего исследования, рассматриваются «глаголы движения в русском и китайском языках» (Гуан Лили, 2012) [2]; «глаголы направления движения на материале бурятского и китайского языков» (А. А. Шахаева, 2014) [8]; «персидские корреляты русских переходных глаголов перемещения» (Ш. Набати, 2015) [4]. На наш взгляд, результаты сопоставления турецких и русских глаголов движения с информационным компонентом «перемещение объекта» могут оказаться полезными в практике преподавания турецкого и русского языков как иностранных [7]. В этих языках субъект и перемещаемый им объект мыслятся по-разному, на что указывают как дефиниции глаголов, так и их контекстная семантика и семантика переводов.

Для сравнительного анализа были отобраны глаголы каузации перемещения с неустановленным начальным импульсом со стороны субъекта. В статье приводятся примеры из материалов Института турецкого языка (Türk dil kurumu) [3]. К глаголам, обозначающим перемещение объекта, в турецком и русском языках можно отнести глаголы «**Atmak** – бросить, **Fırlatmak** – кидать, **Savurmak** – швырять, метать; **Dökmek, Akıtmak** – лить, **Dökmek** – сыпать» [7]. В ходе дефиниционного анализа установлены следующие русские соответствия: «БРОСИТЬ – выпустив из руки (с размахом), заставить или дать полететь и упасть. *Бросить гранату. Бросить окуроч. Бросить мяч. Раздеваясь, бросить пальто на стул. Бросить снежком в кого-нибудь*», несов. *бросать* см. *бросить*» [6, с. 60];

«КИДАТЬ – то же, что *бросать*; сов. *кинуть*» [6, с. 268]; «ШВЫРЯТЬ – с силой бросать (на близкое расстояние). *Швырять камни*» [6, с. 873]; «МЕТАТЬ – бросать, кидать. *Метать копье. Метать гранату*» [6, с. 340]; «ЛИТЬ – заставлять течь что-н. жидкое. *Лить воду из лейки*» [6, с. 318]; «СЫПАТЬ – заставлять падать или ронять что-нибудь сыпучее или какие-нибудь мелкие частицы. *Сыпать муку в мешок*» [6, с. 770]. Проблема словарного описания данных глаголов заключается исключительно в декларативном способе представления семантики. «Знание (модель мира) формируется на основе чувственного восприятия предметов с учетом (процедуральное представление) или без учета (декларативное представление) их пространственно-временных отношений [1, с. 36]. Значение слова декларативно определяется в русских толковых словарях через тавтологические обороты и синонимические ряды. Например: ПРИТЯГИВАНИЕ (*притягивать*) «тягой приблизить, таща придвинуть». *Притянуть лодку к берегу*. Синонимический ряд: *привлекать, влечь, увлекать, тянуть, манить, звать, прельщать, соблазнять, вовлекать, завлекать, затягивать, втягивать, заманивать, вмешивать, впутывать* [1, с. 52]. ДВИГАТЬ – 1. Перемещать, толкая или таща. *Двигать мебель*. 2. Шевелить, производить движения. *Двигать плечами. Двигать стульями* [6, с. 150]. Тавтологический оборот: *двигать – производить движения; перемещать – производить перемещения; передвигать – производить передвижения*. Синонимический ряд: *двигать – перемещать, толкать, тащить*.

Для разработки и внедрения в практику словарного описания принципов процедурального представления семантики «движение» целесообразно использовать метасемантическую модель SIAMO, где «S – субъект действия, I – инструмент действия, A – действие, M – медиатор (среда) действия, O – объект действия» [1, с. 47-49]. Тогда русское предложение «*Камень пробивает стену*» будет правильно понято инофонами как «*Некий субъект (Некто S) с помощью камня (I) пробивает (делает) (A) дыру (O) в стене (M)*» (идея высказана А.Н. Гордеем в курсе лекций «Теоретическая грамматика восточных языков» (Минск, 2017)). Неустановленный импульс, приводящий к началу движения (действия) и порождающий перемещение объекта (*камень*), является целью действия и эксплицируется всеми информационными компонентами глагольной семантики.

В турецком языке семантические признаки перемещаемого объекта реализуются в семантике глаголов «бросать, кидать что-либо с одного места в другое, перемещать»: **Atmak** (*İzmir'de AK Parti aracına saksi atmışlardı!* – В Измире в машину Ак партии бросили цветочный горшок), **Fırlatmak** (*Kalemi kâğıdı fırlatıp yatağıma koştum.* – **Отшвырнув** ручку и бумагу, я побежал к кровати), **Savurmak** (*Rüzgar karları bir duvardan öbürüne savuruyor ve gözlerime dolduruyordu.* – Ветер гнал порошу вдоль улицы, и снег залеплял мне глаза) [3].

Если в словарном описании семантики русского глагола *швырять* указание на способ осуществления действия (значительное усилие, «с силой») содержится в явном виде, то в турецком языке такое состояние реализуется только в контексте. Например: *Bu çocuk Ömer'e taş fırlattı.* – Этот мальчик **кинул** камень в Омера; *Oyuncağını elimden aldığı gibi savurdu.* – Он **выхватил** игрушку из моей руки и **швырнул** ее [3]. Следовательно, для носителей турецкого языка на занятиях по русскому языку как иностранному необходимо актуализировать именно контекстную семантику.

«В турецком языке отсутствуют ограничения при выражении перемещения жидких и сыпучих веществ. Удаление объекта от субъекта перемещения обозна-

чается простым глаголом **Dökmek** *лить, сыпать*. Он обозначает самостоятельное перемещение жидкостей и соответствует в этом смысле русскому глаголу *течь*, а также и самостоятельному перемещению сыпучих веществ» [7]. Например: «*İhtivar karısı pırl pırl kalaylı masrapa ile ona su dökecek*» [3]. – *Его старая жена будет лить на него воду из блестящей оловянной кружки. Sigara tablasını dökmek. – Высыпать пепельницу (очистить пепельницу). – Tavuklara yem döktü. – Насыпать цыплятам корм. Yapraklarını dökmüş iki söğüt ağacı... – Две ивы с опавшими листьями (dökmek как «ссыпанные» листья) [3].*

Дефиниции глагола **Dökmek** не включают информации о том, что он употребляется и для перемещения сыпучих и мелких веществ, однако в турецких контекстах данный компонент семантики может быть реализован. Сравним: «*Vi suyu sen mi döktün? – Это ты пролил воду? Tabakta kalanları çöpe dök. – Все, что осталось на тарелке, выбрось в мусор. Burada beton dökmeliyiz. – Сюда мы должны залить бетон*» [3]. «Таким образом, в турецком языке нет отдельных глаголов, в семантике которых отражалась бы структура перемещаемого объекта – жидкий или сыпучий, как в семантике русских глаголов *лить, сыпать*. Установлено, что глагол *Dökmek* отражает в своей семантике нежесткость структуры объекта перемещения без дальнейшего уточнения» [7].

Информация о направлении движения объекта и о скорости перемещения находит отражение в турецком языке в семантике глаголов **Götürmek** и **Getirmek** (*нести, везти*). Турецкие корреляты имеют значения: *Çok hızlı götürmek* – «быстро перемещать объект по направлению от говорящего»; *Çok hızlı getirmek* – «быстро перемещать объект по направлению к говорящему»; - *(i)ver* – аффикс, указывающий на моментальность, краткость действия [3].

Для получения адекватного перевода в практике преподавания турецкого языка как иностранного носителям русского языка мы предлагаем использовать русский глагол *нести*, обозначающий перемещение без использования вспомогательных средств, если турецкий глагол в оригинальном тексте не сообщает о дополнительных характеристиках перемещения, то есть не имеет, подобно русским глаголам движения, включённого информационного компонента. Семантика глагола *нести*, таким образом, реализует денотативную область как русского глагола *мчать*, так и турецких глаголов **Götürmek** и **Getirmek**. Сравним: *Elif, dedi, dayının çuvallarını eşeğe sırtla da değirmene götürüver. – И он сказал: «Элиф, погрузи мешки на спину осла и поскорее отвези их на мельницу».* *Hiç merak etmeyin sizi bir anda hastaneye götüreceğim. – Не волнуйтесь, я в мгновение ока домчу вас в больницу. Oğlum bana bir bardak su getiriversene. – Сыночек, принеси мне скорее стакан воды [4].*

Контекстный анализ семантики турецко-русских коррелятов показал, что в обоих языках словарное представление глаголов учитывает далеко не все случаи реализации значения. На фоне устойчивых и традиционных дефиниций необходимо приводить оригинальные и расширенные примеры употребления глаголов движения, с реализованными позициями всех членов предложения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гордей, А.Н. Принципы исчисления семантики предметных областей / А.Н. Гордей. – Минск : Белгосуниверситет, 1998. – 156 с.
2. Гуан, Ли. Глаголы движения в русском и китайском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Гуан Ли. – Бишкек, 2012. – 22 с.

3. Институт турецкого языка (Türk dil kurumu) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tdk.gov.tr/index.php?option=com_content&view=frontpage&Itemid=1. – Дата доступа: 21.10.2018.
4. Набати, Ш. Персидские корреляты русских переходных глаголов перемещения / Ш. Набати // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия 4. Гуманитарные науки. Языкознание. – №10. – 2015. – С. 117-122.
5. Овчинникова, А.Н. Продвижение белорусской модели коммуникации на фоне изучения иностранных языков / А.Н. Овчинникова // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам : материалы XI Междунар. науч. конф., посвящ. 96-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 25 окт. 2017 г. = Міжкультурная камунікацыя і прафесійна арыентаванае навучанне замежным мовам : матэрыялы XI Міжнар. навук. канф., прысвеч. 96-годдзю заснавання Беларус. дзярж. ун-та, Мінск, 25 кастр. 2017 г. / БГУ, ФМО; редкол. : В. Г. Шадурский (пред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2017. – С. 245-246.
6. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И.Ожегов, Н.Ю.Шведова. – 4- е изд. – М. : ИТИ Технологии, 2003. – 944 с.
7. Русско-турецкие корреляты движения / А. И. Черникович // Docsity [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.docsity.com/ru/russko-tureckie-korrelatyat-glagolov-dvizheniya/4339189/>. – Дата доступа: 30.10.2018.
8. Шахаева, А.А. Типология направления движения в разноструктурных языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.19 / А.А. Шахаева; Бурятский гос. ун-т. – Улан-Удэ, 2014 // Docplayer [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docplayer.ru/33935377-Shahaeva-aleksandra-albertovna-tipologiya-glagolov-napravleniya-dvizheniya-v-raznostrukturnyh-yazykah-na-materiale-buryatskogo-i-kitayskogo-yazykov.html>. – Дата доступа: 15.11.2018.

Научное издание

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ:
ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

**Материалы IX научно-практической конференции
молодых ученых факультета международных отношений БГУ
Минск, 1 февраля 2019 г.**

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *Е. А. Дейкало*

Подписано в печать 02.12.2019. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.

Ризография. Усл. печ. л. 16,74. Уч.-изд. л. 21,52.

Тираж экз. Заказ

Белорусский государственный университет.

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.

Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.